

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 22. № 4

2023

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
LINGUISTICS

Volume 22. No. 4

2023

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023

Том 22. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2023

Volume 22. No. 4

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2023. Vol. 22. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova,*

M.V. Gayval, A.A. Lagutina, I.V. Smetanina

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing July 13, 2023.

Date of publication: Oct. 26, 2023. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 19.4. Published pages 20.9.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–32).

Order 105. «C» 25.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023. Т. 22. № 4

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, А.А. Лагутина, И.В. Сметанина*
Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ябыкиной*

Подписано в печать 13.07 2023 г.
Дата выхода в свет: 26.10 2023 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 19,4.
Уч.-изд. л. 20,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32).
Заказ 105. «С» 25.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru
Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Большаков А.Д.* Апостроф как средство
устранения числовой омонимии
по принципу антистиха 5
- Руднев Д.В., Садова Т.С.* Метафора государства
и способы ее выражения в русской деловой речи 21
- Дмитриева Е.Г.* Семантика и функции
эмотивной лексики
в региональном житийном тексте 37
- Тупикова Н.А., Стародубцева Н.А.* Лексикон
диалектоносителей в этнолингвистическом аспекте:
проблемы, задачи, методы исследования 48
- Шамне Н.Л., Милованова М.В.* Особенности
объективации категорий социальной эксклюзии –
социальной инклюзии в русском языке
(на примере понятий «глубинка» и «глушь») 62

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Леонтович О.А.* Дихотомизация как основа
исследования позитивной коммуникации
в межкультурном контексте [На англ. яз.] 76
- Нагорная А.В., Нванкво Д.Ч.* Метафора как средство
репрезентации субъективного онкоопыта
в англоязычной подростковой литературе
о болезнях [На англ. яз.] 86
- Дербишева З.К., Кретов А.А.*
Системно-функциональная стратификация лексики
среднего турецко-русского словаря [На англ. яз.] 101
- Каюмова А.Р.* Особенности
лексикографического описания прагматем
в двуязычных словарях-разговорниках 116
- Богоявленская Ю.В.* Глагольные коллокации
с компонентами «(nouveau) coronavirus»
и «COVID-19» во французском языке 132

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Иссерс О.С., Герасимова А.С.* Категория
диалогичности в медиажанрах:
обзор зарубежных исследований 148
- Скрынникова И.В., Астафурова Т.Н.*
Образные нарративы
экологической безопасности [На англ. яз.] 158
- Богуславская В.В., Хуонг Тхи Тху Чанг, Ратникова А.Г.*
Лингвокультурологические характеристики
экономического дискурса о семье
российских, вьетнамских и датских СМИ 167

ДИСКУССИИ

- Гончарова Е.А.* Стиль
как реляционная поливалентная категория 180
- Биткеева А.Н., Кириленко С.В.* Измерение
конфликтного потенциала языковой ситуации:
поиск инструментария 192

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Bolshakov A.D.* Apostrof (Apostrophe) as a Means
of Disambiguation in Number According
to Antistih (Anti-Verse) Principle 5
- Rudnev D.V., Sadova T.S.* The Metaphor of the State
and Ways of Expressing It in Russian Official Speech 21
- Dmitrieva E.G.* Semantics and Functions
of Emotive Vocabulary
in the Regional Hagiographic Text 37
- Tupikova N.A., Starodubtseva N.A.*
Lexicon of Dialect Speakers in the Ethnolinguistic Aspect:
Problems, Methods, Research Objectives 48
- Shamne N.L., Milovanova M.V.* Objectification Features
of Social Exclusion and Social Inclusion Categories
in the Russian Language
(Exemplified by “Glubinka” and “Glush” Concepts) 62

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Leontovich O.A.* Dichotomization as a Basis
of Positive Communication Analysis
in an Intercultural Context 76
- Nagornaya A.V., Nwankwo J.Ch.* Metaphor
as a Means of Representing
First-Hand Cancer Experience
in English Teen Sick-Lit 86
- Derbisheva Z.K., Kretov A.A.*
System-Functional Stratification
of the Average Turkish-Russian Dictionary 101
- Kayumova A.R.*
Lexicographic Description of Pragmatemes
in Bilingual Phrasebooks 116
- Bogoyavlenskaya Yu.V.* Verbal Collocations
with Components “(Nouveau) Coronavirus”
and “COVID-19” in French 132

MATERIALS AND REPORTS

- Issers O.S., Gerasimova A.S.* Dialogue Category
in Media Genres:
Review of the Foreign Studies 148
- Skrynnikova I.V., Astafurova T.N.*
Figurative Narratives
of Environmental Security 158
- Boguslavskaya V.V., Khuong Thi Thu Trang, Ratnikova A.G.*
Linguoculturological Characteristics
of Economic Discourse About the Family
in Russian, Vietnamese and Danish Media 167

DISCUSSIONS

- Goncharova E.A.* Style
as a Relational Polyvalent Category 180
- Bitkeeva A.N., Kirilenko S.V.* Methods for Estimating
the Language Conflict Potential 192

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.1>

UDC 811.163.1'35
LBC 81.416.1-65

Submitted: 18.10.2022
Accepted: 03.04.2023

APOSTROF (APOSTROPHE) AS A MEANS OF DISAMBIGUATION IN NUMBER ACCORDING TO ANTISTIH (ANTI-VERSE) PRINCIPLE¹

Aleksandr D. Bolshakov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University, Nizny Novgorod, Russia

Abstract. The author of the article considers the development of the differentiating function of the apostrof (apostrophe), which is realized in the contemporary Church Slavonic language in the pronominal paradigm. The comparison of facts in grammars and old-printed editions shows that the application of apostrophe-dissimilator was not presupposed by the Grammar of 1648, and appeared in the course of the work of the Moscow Print Yard correctors (from the Service Book of 1655). It first appeared in the forms *yazhe, izhe* with the support of productive forms (*ya, i*), then it spread to the forms *im, imzhe* (by external analogy with other forms of *DatPl*) and further to the rest of the pronominal homoforms (by internal analogy). The development of this spelling innovation was consistently reflected in the Moscow editions of the second half of the 17th century up to its stage-by-stage codification in grammars of 1721, 1723, 1725 and 1733. The pronominal nature of the apostrophe-dissimilator predetermined the limitations in its functioning; however, the acquisition of a differentiating function became a necessary stage in the formation of the system of antistih (anti-verse) in its modern form. The expansion of apostrophe functioning, which has a precedent in the Grammar by F. Maximov (1723), may contribute to the logical completion of this formation. Also, the obtained data on the development of the apostrof (apostrophe) differentiating function can be used to identify Moscow editions along with other innovations, introduced in the period of the Nikon's correctors work.

Key words: antistih (anti-verse), Church Slavonic language, Church Slavonic graphics, Church Slavonic orthography, homonymy, book correction, apostrof (apostrophe), diacritics.

Citation. Bolshakov A.D. Apostrof (Apostrophe) as a Means of Disambiguation in Number According to Antistih (Anti-Verse) Principle. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 5-20. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.1>

УДК 811.163.1'35
ББК 81.416.1-65

Дата поступления статьи: 18.10.2022
Дата принятия статьи: 03.04.2023

АПОСТРОФ КАК СРЕДСТВО УСТРАНЕНИЯ ЧИСЛОВОЙ ОМОНИМИИ ПО ПРИНЦИПУ АНТИСТИХА¹

Александр Дмитриевич Большаков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Автор статьи рассматривает развитие у апострофа дифференцирующей функции, реализующейся в современном церковнославянском языке в местоименной парадигме. Сравнение данных, представленных в грамматиках и старопечатных изданиях, показало, что апостроф-расподобитель не был предусмотрен Грамматикой 1648 г., а появился непосредственно в ходе работы справщиков Московского

печатного двора, начиная со Служебника 1655 года. Впервые он возникает в формах *яже*, *иже* при поддержке производящих форм (*я*, *и*), затем распространяется на формы *им*, *имже* (по внешней аналогии с прочими формами *DatPl*) и далее на остальные местоименные омоформы (по внутренней аналогии). Освоение этой орфографической инновации последовательно отражается московскими изданиями 2-й половины XVII в. вплоть до его поэтапной кодификации в грамматиках 1721, 1723, 1725 и 1733 годов. Местоименная природа апострофа-расподобителя предопределила ограниченность его функционирования, однако приобретение им дифференцирующей функции стало необходимым этапом формирования современной системы антистиха. Завершению этого процесса может способствовать расширение сферы функционирования апострофа, имеющее прецедент в Грамматике Ф. Максимова (1723). Представленные в статье данные о развитии у апострофа дифференцирующей функции могут быть использованы для идентификации московских изданий наряду с другими инновациями периода Никоновской справы.

Ключевые слова: антистих, церковнославянский язык, церковнославянская графика, церковнославянская орфография, омонимия, книжная справа, апостроф, диакритика.

Цитирование. Большаков А. Д. Апостроф как средство устранения числовой омонимии по принципу антистиха // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, №4. – С. 5–20. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.1>

Введение

Истоки славянского антистиха как орфографического принципа восходят к К. Костенецкому (XV в.), который заимствовал его идею из греческой языковой системы, перенаправив из руслу этимологического в семантическое. Действительно, орфография греческих омонимов воспроизводит существовавшие в прежние эпохи фонетические различия: ср. *χεῖρα* (руку) – *χήρα* (вдова) – *χῆρα* (ежа). Архаика подобного же рода присуща и, например, французской орфографии: ср. *ver* (червь) – *verre* (стекло) – *vers* (к) – *vert* (зеленый); под ее влиянием, но в значительно меньшей степени – английской: ср. *two* (два) – *to* (к) – *too* (тоже). Славянские грамматисты, вслед за К. Костенецким, избрали конвенционалистский путь [Бобрик, 1990, с. 61–62]: для них «буквы и знаки должны обеспечить надежную фиксацию смысла» [Лукин, 2001, с. 267], даже если то или иное содержание присваивается тому или иному выразителю совершенно искусственно; и хотя в разные периоды и/или у разных справщиков (или разных типографий) имелись разные наборы средств расподобления и случаев их применения, то есть существовали разные «системы антистиха», однако основной принцип «не *мѣшати не^мѣннамъ*» [Ягич, 1885, с. 710] оставался общим.

В настоящее время сфера действия антистиха делится на две неравные части: лексическую и грамматическую. В лексике им обеспечивается дифференциация конкретной группы омонимов – *nomina sacra* vs *nomina*

profana [Загребин, 2006, с. 29; Романский, 1907], тогда как в прочих случаях лексическая омонимия остается неснятой: *ѣгѣль* vs *ѣггѣль*², *вѣз* vs *вѣгз*, *ийсз* vs *инѣгз* (Навин, Сирах и др.), но при этом *градъ* ('πόλις' = 'χαλάζι'), *колѣно* ('φυλή' = 'γονάτι'), *гѣла* ('χεῖλος' = 'σπόγγος') и т. п. В основном средством антистиха в лексике является титло (см. примеры), хотя эпизодически задействуется орфография (*миръ* 'εἰρήνη' vs *миръ* 'κόσμος'³, *ѣзыкъ* ('ἔθνος' vs *ѣзыкъ* 'γλῶσσα') и тип склонения (*слово* 'часть речи' и *тѣло* 'плоть' IV vs 'Ипостась' и 'Дар' I). Грамматические полномочия антистиха несравненно шире; не является преувеличением даже такая формулировка: в области грамматики принцип антистиха оказывается актуальным всякий раз, как только возникает (в том числе иногда и потенциально) какая бы то ни было омонимия форм. Приведение исчерпывающего списка всех возможных случаев довольно затруднительно, а в рамках данного исследования и нецелесообразно, поэтому ограничимся лишь несколькими примерами:

GenSn женѣ vs *NomPl* женѣ;
DatSn ѣетрѣ vs *NomDl* ѣетрѣ;
NomSn востѣкъ vs *GenPl* востѣкъ;
InstrSn столѣмъ vs *DatPl* столѣмъ;
AdjPos ѣрѣховъ vs *GenPl* ѣрѣховъ;
Adj ѣкѣро vs *Adv* ѣкѣро;
NomSn ѣже vs *NomPl* ѣже;
NomSn вѣша vs *NomPl* вѣшѣ;
InstrSn тѣщѣмъ vs *DatPl* тѣщѣмъ;
Imper ѣкорѣйте vs *Indic* ѣкорѣтѣ;
Aor3Pl ѣлыша vs *PartPraesAct* ѣлышѣ;
Praes1Pl направѣемъ vs *PartPraesPass* направѣемъ.

По сравнению со средствами дифференциации лексических омонимов, инвентарь средств дифференциации грамматических омонимов значительно разнообразнее: буквы ѣ, ѡ, ы, ѡ, ѡ, диакритические знаки апостроф (â) и камора (â), место ударения. Это приводит некоторых исследователей к мысли о всеисилии антистиха. Так, Л.И. Маршева пишет: «Если обратиться к омоформам, то можно обнаружить, что в церковнославянской орфографии ни одна из них (выделено нами. – А. Б.) не остается без графического маркирования» [Маршева, 2012, с. 329]. Однако тексты показывают, что это все же далеко не так. С одной стороны, встречаются контексты, когда вопреки правилам и требованиям форма остается без расподобления: іѡдѣе же наѡстїша честївыа жеңы, ѡ благообразныа, ѡ старѣйшыны града (Апостол, л. 32), ср.: іѡдѣе же наѡстїша честївыа жеңы, ѡ благообразныа ѡ старѣйшыны града (Библия, с. 1451а), что может быть объяснено различными программными установками справщиков (разными «системами антистиха») ⁴ или ошибкой набора. С другой стороны, в некоторых словоформах использование средств антистиха затруднительно ввиду специфики их «внешней оболочки». Например, словоформы ѡйнаа и {ѡ/ѡ}блакѡ ⁵: ѡйнаа ваграїїца ѣмманїїлева (III, ч. 1, л. 93) – ѡйнаа вѡїнства дивлаѡѡѡ (III, ч. 2, л. 453); покѡѡ ѡблакѡ гѡрѡѡ (Библия, с. 95а) – даѡе до ѡблакѡ їстина твоѡ (Библия, с. 717а). В заударной позиции нет места для использования дублета (ы и ѡ являются плюральными показателями только после шипящих основ). Ударный гласный в обоих случаях может обозначаться дублетами, но и они здесь расподобителями не являются, поскольку ѡ и ѡ находятся вне орбиты антистиха, ѡ употребляется в предлогах / приставках ѡ(ѡ) и ѡ вне зависимости от наличия омонимии. Наконец, невозможно здесь использовать и диакритику: предполагаемая камора была бы употреблена одновременно с псили, то есть составила бы великий апостроф ⁶, который в современном церковнославянском языке (далее – СЦСЯ) пишется лишь в словах ѡѡ и ѡѡѡ (то есть, в сущности, «лексикализован», как и пишущаяся только здесь же омега торжественная); апостроф же, согласно актуальным на сегодняшний день рекомендациям, также используется очень ограниченно (ѡ, ѡ, ѡѡ, ѡѡѡ,

ѡѡѡ, ѡѡѡѡ, ѡѡѡѡѡ, ѡѡѡѡѡѡ, ѡѡѡѡѡѡѡ) (Алипий, с. 20, 59, 61; Козьмин, с. 18–19; Соколов, с. 20). Хотя очевидно, что в половине случаев апостроф используется по правилам употребления составляющих (псили в ан- + вариа в ауслауте: ѡѡ, ѡѡѡ, ѡѡѡѡ, ѡѡѡѡѡ, ѡѡѡѡѡѡ), его сочетаемость значительно шире, чем у великого апострофа, а оставшаяся часть сочетаемостей связана именно с действием принципа антистиха (ѡѡѡѡ, ѡѡѡѡѡѡ, ѡѡѡѡѡѡѡ, ѡѡѡѡѡѡѡѡ). Значит, написания ѡѡ *âġġâ, къ *âġġġġġġġġ, къ *âġġġġġġġġġ, ѡѡ *{â/â}âġġâ, къ *âġġġġġġġġ, къ *âġġġġġġġġġ теоретически возможны, хотя в СЦСЯ для снятия числовой омонимии апостроф используется только в местоимениях. Соответственно, возникает закономерный вопрос о причинах этой ограниченности функционирования апострофа в системе антистиха.

Материал и методы

Фактический материал был отобран из источников двоякого рода. Во-первых, это литература на языке, поскольку СЦСЯ понимается, прежде всего, как литургический язык [Кайперт, 2017, с. 11]: богослужебные тексты (издания текстов Священного Писания, Служебника, Триодей, Часослова, Ирмология, Октоиха, Требника, чинопоследований отдельных служб и т. д.), а также примыкающие к ним паралитургические, гомилетические и другие тексты (например, Скрижалъ, различные поучения, грамоты и др.). Во-вторых, это литература о языке: грамматики, руководства, справочные пособия и пр., составленные как на русском (К. Козьмин, Д.Д. Соколов, иером. Алипий (Гаманович)), так и на церковнославянском (М. Смотрицкий, С. Полоцкий, Ф. Поликарпов-Орлов, Ф. Максимов, И. Иконник) языке. В работе с церковнославянскими грамматиками мы разграничиваем их язык и метаязык, то есть те предписания, которые предлагаются авторами в парадигмах, иллюстративных примерах и т. п., и собственное (авторское) употребление языковых единиц. Всего к исследованию было привлечено 50 памятников.

Материал получен путем сплошной выборки: данные извлекались как непосредственно из текстов, так и из сопутствующих материалов (маргиналии, выпускные

данные (колофоны), кустоды, уставные заметки и пр.). Совокупный объем выборки составил около 6000 контекстов. Работа выполнена с применением историко-сравнительного метода. Помимо него использовались методы наблюдения, описания, сравнения, элементарного количественного анализа, контекстуально-текстологического анализа (особенно для темных мест и/или разночтений).

Результаты и обсуждение

Принято считать [Кравецкий, Плетнева, 2001, с. 15; Языки мира..., 2005, с. 40–43; Людоговский, Плякин, 2010, с. 383; и др.], что СЦСЯ сложился в эпоху никоно-иоакимовской книжной sprawy (далее – КС): например, Н.И. Толстой утверждал, что явившийся результатом этой sprawy кодифицированный текст Елизаветинской Библии существует без изменений *ad hinc* [Толстой, 2002, с. 83–84]. Теоретическим фундаментом этой sprawy стала грамматика М. Смотрицкого, специально для этого переизданная (правда анонимно) на Московском печатном дворе (далее – МПД) в 1648 г. [Запольская, 2000, с. 163–164; Православная энциклопедия, 2014, с. 129а]. Ею предусматриваются несингулярные формы, представленные в таблице 1.

Апостроф в указанных формах, действительно, использован, но обуславливается это правилами употребления составляющих (псили и вариис, ср.: *Смотр-48*, л. 59 об.), а не требованиями антистиха, для которого, следует отметить, существуют особые средства:

в дуальных формах *а* и *ѣ* противопоставляют род и лишь косвенно (по отношению к *Acc* *ѣже*) число, тогда как *Sn* и *Pl* *ѣже* остаются нерасподоблены (равно как и *ѣмъ*, *ѣмъ*, *ѣмъ*). Иными словами, *Смотр-48* не знает апострофа-расподобителя. Примечательно также и то, что для церковнославянского языка строгой нормы в *Смотр-48* не предусмотрена оппозиция одушевленность / неодушевленность (далее – *Acc*⁺ и *Acc*⁻ соответственно) *AccDlPl* *и, *ѣже*: *оупаси ѣ*, *и возми ѣ до вѣка*, *въ мѣсто оупаси ѣхъ*, *и возми ѣхъ* (л. 62 об.).

В свою очередь, тексты, подготовленные никоновскими справщиками, показывают картину, отличную от декларируемой в грамматике ⁷. Прежде всего: написания *Dl* *ѣже* и *ѣже* единичны (например, *Скрижаль-56*, л. 711, 396), а на их месте выступает не противопоставленная ни *Sn*, ни *Pl* общая для всех трех родов форма (*Скрижаль-56*, л. 389; *ТП-56*, л. 498; *Сл-57*, л. 337, 684, *Сл-58(6)*, л. 31, 49, 55, *СлСС-67*, л. 5 об. (*bis*); *Шест-60*, л. 271 об.). Однако гораздо важнее, что в изданиях МПД появляется апостроф, отличающий именно несингулярные формы (см. табл. 2, из которой также видно, что *Acc*⁺*Pl* все же используется, и притом довольно широко).

Итак, предписания, предлагаемые переизданной *ad hoc* «Грамматикой» М. Смотрицкого, сохраняются, причем с известными оговорками, только до издания Апостола 1655 года. Вышедший в этом же году Служебник уже содержит новый расподобитель, а последующие никоновские и послениконовские издания отражают его экспансию (см. табл. 3).

Таблица 1. Несингулярные формы местоимений *и, ѣже по *Смотр-48*

Table 1. Nonsingular forms of pronouns *и, ѣже by *Смотр-48*

Num	Cas	*и			ѣже		
		M	N	F	M	N	F
Pl	Nom	–			ѣже	ѣже	
	Gen	ѣхъ			ѣже		
	Dat	ѣмъ			ѣмъ		
	Acc		ѣ	ѣ	ѣже		
		ѣ	ѣ	ѣже	ѣже		
лл.		178–179			270 об.–271 об.		

Таблица 2. Употребление *исо* / апострофа в несингулярных местоименных омоформах

Table 2. The use of *iso/apostrof* (apostrophe) in nonsingular pronominal homofoms

Памятник	Знак	Форма					
		<i>яже</i>	<i>иже</i>	<i>им</i>	<i>имже</i>	<i>их</i>	<i>ихже</i>
<i>Сл-51</i>	Исо	57	96	41	4	83	16
	Апостроф	0	0	0	0	0	0
<i>Пс-53</i>	Исо	21	4	68	6	33	7
	Апостроф	0	0	0	0	0	0
<i>Прис-54</i>	Исо	2	×	11	×	6	×
	Апостроф	0		0		0	
<i>Нужд-55</i>	Исо	4	×	5	×	4	×
	Апостроф	0		0		0	
<i>Умир-55</i>	Исо	4	×	5	×	4	×
	Апостроф	0		0		0	
<i>Отмиц-55</i>	Исо	2	×	3	×	×	×
	Апостроф	0		0		×	
<i>Ап-55</i>	Исо	107	77	78	15	47	29
	Апостроф	0	0	0	0	0	0
<i>Сл-55</i>	Исо	26	53	20	3	38	16
	Апостроф	6	1	0	0	0	0
<i>Навеч-55</i>	Исо	4	0	5	×	7	×
	Апостроф	2	3	0		0	
<i>Скрижаль-56</i>	Исо	130	231	36	11	23	10
	Апостроф	63	26	1	3	0	2
<i>Крест-56</i>	Исо	3	3	1	×	1	2
	Апостроф	1	12	0		0	1
<i>Ект-56</i>	Исо	4	13	4	×	10	1
	Апостроф	1	3	1		4	0
<i>ТП-56</i>	Исо	171	48	82	14	51	30
	Апостроф	29	14	1	1	0	2
<i>Сл-56</i>	Исо	12	26	19	3	43	15 ^{*1}
	Апостроф	26	4	2	0	0	2
<i>Мор-56</i>	Исо	6	13	6	×	2	2
	Апостроф	0	0	0		0	0
<i>Букв-57</i>	Исо	×	×	3	×	×	1
	Апостроф			2			0
<i>Ирм-57</i>	Исо	3	0	1	1	3	1
	Апостроф	20	11	10	3	0	1
<i>Сл-57</i>	Исо	25	47	17	3	56	16
	Апостроф	33	14 ^{*2}	9	1	2	2

Примечания. Количественные данные приводятся в абсолютном выражении, знаком × обозначено отсутствие в памятнике искомых форм. ^{*1}Л. 159 – в кустоде. ^{*2}Л. 170 – в кустоде.

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Памятник	Знак	Форма					
		<i>яже</i>	<i>иже</i>	<i>им</i>	<i>имже</i>	<i>их</i>	<i>ихже</i>
<i>ПсСл-58</i>	Исо	6 ^{*3}	1	2	3	1	1
	Апостроф	21	3	66 ^{*4}	3	32	1
<i>Сл-58(5)</i>	Исо	28	43 ^{*5}	16	2	52	16
	Апостроф	30	10 ^{*6}	10	1	2	2
<i>Сл-58(6)</i>	Исо	31	37	19	2	54	14
	Апостроф	62	20	8	4	5	6
<i>Треб-58</i>	Исо	50	69	11	0	23	8
	Апостроф	66	35	46	5	10	7
<i>ПсСл-60</i>	Исо	7	2	5	2	1	0
	Апостроф	19	2	63	4	32	2
<i>Шест-60</i>	Исо	16	64	24	8	15	28
	Апостроф	56	30	24	2	2	0
<i>Алекс-61</i>	Исо	14	15	0	2	2	2
	Апостроф	7	6	2	0	0	0
<i>Пс-63МБ</i>	Исо	5	1	4	1	4	1
	Апостроф	21	3	64	5	27	1
<i>Ап-63МБ</i>	Исо	62	66	19	11	36	30
	Апостроф	39	13	69	4	12	3
<i>Ап-63</i>	Исо	52	38	16	11	46	29
	Апостроф	55	39	72	4	1	0
<i>СлСС-67</i>	Исо	3	33	6	2	8	6
	Апостроф	47	29	18	2	45	5
<i>СлСС-68</i>	Исо	2	27	1	0	3	3
	Апостроф	49	40	21	3	48	7
<i>Поуч-68</i>	Исо	0	1	0	0	0	×
	Апостроф	3	13	3	1	2	
<i>ПсСл-69</i>	Исо	2	3	0	3	4	1
	Апостроф	24	1	67 ^{*7}	3	28 ^{*8}	1
<i>Букв-69</i>	Исо	×	×	×	×	×	1
	Апостроф						0
<i>Букв-79</i>	Исо	0	0	1	×	0	0
	Апостроф	4	3	9		2	1
<i>Ирм-83</i>	Исо	5	2	1	0	1	1
	Апостроф	25	12	12	3	2	0
<i>Час-88</i>	Исо	3	8	1	0	2	1
	Апостроф	47	61	20	6	6	3

Примечания. ^{*3} Для Пс. 55:13 – в кустоде. ^{*4} Механическая утрата текста: на л. 95 налипла полоска бумаги от середины 8↑ строки до кустоды, однако оставшийся незакрытым фрагмент диакритического знака указывает на апостроф. ^{*5} Л. 170 – в тексте (в кустоде – апостроф). ^{*6} Л. 171 – в кустоде (в тексте – исо). ^{*7} Л. 80 содержит механическую утрату; текст Пс. 113:7 вписан от руки без диакритических знаков. ^{*8} Для Пс. 80:15 – также и в кустоде.

Таблица 3. Употребление апострофа в несингулярных местоименных омоформах

Table 3. The use of the apostrof (apostrophe) in nonsingular pronominal homofoms

Знак	Форма						μ_n
	<i>яже</i>	<i>иже</i>	<i>им</i>	<i>имже</i>	<i>их</i>	<i>ихже</i>	
<i>Сл-55</i>	18,75	1,85	0	0	0	0	3,43
<i>Навеч-55</i>	33,33	100	0	×	0	×	33,33
<i>Скрижаль-56</i>	32,64	10,11	2,7	21,42	0	16,66	13,92
<i>Крест-56</i>	25	80	0	×	0	33,33	27,66
<i>Ект-56</i>	20	18,75	20	×	28,57	0	17,46
<i>ТП-56</i>	14,5	22,58	1,2	6,66	0	6,25	8,53
<i>Сл-56</i>	68,42	13,33	9,52	0	0	11,76	17,17
<i>Букв-57</i>	×	×	40	×	×	0	20
<i>Ирм-57</i>	86,95	100	90,9	75	0	50	67,14
<i>Сл-57</i>	56,89	22,95	34,61	25	3,44	11,11	25,66
<i>ПсСл-58</i>	77,77	75	97,05	50	96,96	50	74,46
<i>Сл-58(5)</i>	51,72	18,86	38,46	33,33	3,7	11,11	26,19
<i>Сл-58(6)</i>	66,66	35,08	29,62	66,66	8,47	30	39,41
<i>Треб-58</i>	56,89	33,65	80,7	100	30,3	46,66	58,03
<i>ПсСл-60</i>	73,07	50	92,64	66,66	96,96	100	79,88
<i>Шест-60</i>	77,77	31,91	50	20	11,76	0	31,90
<i>Алекс-61</i>	33,33	28,57	100	0	0	0	26,98
<i>Пс-63МБ</i>	80,76	75	94,11	83,33	97,09	50	80,04
<i>Ап-63МБ</i>	38,61	16,45	78,4	26,66	25	9,09	32,36
<i>Ап-63</i>	51,4	50,64	81,81	26,66	2,12	0	35,43
<i>СлСС-67</i>	94	46,77	75	50	84,9	45,45	66,02
<i>СлСС-68</i>	96,07	59,7	95,45	100	94,11	70	85,88
<i>Поуч-68</i>	100	92,85	100	100	100	×	98,57
<i>ПсСл-69</i>	92,3	25	100	50	87,5	50	67,46
<i>Букв-79</i>	100	100	90	×	100	100	98
<i>Ирм-83</i>	83,3	85,71	92,3	100	66,6	0	71,31
<i>Час-88</i>	94	88	95	100	75	75	87,83
μ_ϕ	62,47	49,34	58,87	50,07	38,95	30,66	47,92 / 48,39

Примечание. Количественные данные приводятся в процентах от общего числа контекстов; знаком × обозначено отсутствие в памятнике искомым форм; μ_ϕ – среднее по омоформе; μ_n – среднее по памятнику.

Появление апострофа-расподобителя именно в Служебнике 1655 г. весьма симптоматично, поскольку непосредственно с него и началась «легитимность»⁸ богослужебной реформы Патриарха Никона [Макарий (Булгаков), 1910, с. 186–187], пространное обоснование которой помещено во вступительном слове (Сл-55, л. 1–39). Кроме того, в составлении этого Служебника, а также Скрижали 1656 г. Никон принимал непосредственное участие, чего нельзя сказать о последующих изданиях МПД, хотя бы он и находился в его подчинении с 1653 г. [Николаевский, 1890, с. 122–125]. Иными словами, под видом этих изданий Никон санкционировал программу справщиков МПД, в том числе и эту орфографическую инновацию, заведомо противоречившую предписаниям Грамматики 1648 г., специально для регуляции sprawy и переизданной. Это подтверждается двумя другими изданиями: между Служебником и Скрижалю выходят в свет чин освящения воды в Навечерие Богоявления (Навеч-55, 29 декабря 1655 г.) и грамота о Крестном (Кийском, Кий-Островском) монастыре (Крест-56, 24 июня 1656 г.), в каждом из которых функционирует апостроф-расподобитель, и если богоявленский чин мог быть подготовлен и без патриарха, то автором крестной грамоты является сам Никон, к тому же в ней обнаруживается ряд перикоп, дублируемых подготовленной при его участии Скрижалю [Севастьянова, 2005, с. 365–366].

Из таблицы 3 видно, что, появившись в Служебнике 1655 г., апостроф-расподобитель встречается в подавляющем большинстве изданий МПД, а сфера его функционирования со временем расширяется. Особенно примечательным среди первых исправленных изданий является Ирмологий 1657 г., в котором посредством апострофа устраняются более двух третей указанных омоформ. Это важно в связи с тем обстоятельством, что *Ирм-57* представляет собой *editio princeps* славянского нотированного Ирмология [Казанцева, 1997, с. 65], из чего следует, что он непосредственно не зависит ни от орфографических программ предшествующих справ, ни от рукописной орфографической традиции [Андреев, 2017, с. 107]. По-видимому, именно этим и объясняется столь активное ($\mu_n = 67\%$) его использование в *Ирм-57* в сравнении с предшеству-

ющими изданиями МПД и современным ему Служебником.

Вместе с тем полученные данные говорят о том, что на протяжении всей 2-й половины XVII в. идет процесс освоения этой инновации. Во-первых, каким бы активным ни было употребление апострофа-расподобителя, эти значения (μ_n) не достигают 100 %.

Во-вторых, помимо неснятой омонимии (см. табл. 2, *исо*), в памятниках встречаются также случаи гиперкоррекции, большинство из которых, что немаловажно, приходится на местоименные формы:

Скрижаль-56: ѝмнѣ л. III-686; ѝкѡѣ л. III-712; ѝкѡ л. III-717, л. III-838;

Треб-58: ѝмнѣ л. II-229, II-266, II-511, II-622, II-714; ѝѣѣ (*Sn*) ѝкѡѣ л. II-435; ѝѣѣ (*Sn*) л. II-600, II-848 (*bis*); II-870, л. III-42, л. III-90, л. III-95; ѡстровы л. II-849; ѣѣ л. II-851, II-865 (*bis*), II-876, II-877, II-884; ѝѣѣ л. II-888;

Сл-58(6): ѝкѡ л. II-76; ѝмнѣ л. III-51;

Ирм-57: ѝмн л. 233 (хотя в кустоде ѝмн л. 232); ѝмнѣ л. 333, 372;

Шест-60: ѝмнѣ л. 13, 58, 118, 251 об.; ѝѣѣ (*Sn*) л. 209 об.; ѝкѡѡѡ⁹ (*Sn*) л. 255 об.; ѝмѣ (*Sn*) л. 273;

Алекс-61: ѝмнѣ л. 52; ѝѣѣ (*Sn*) л. 75; ѝѣѣ (*Sn*) л. 85;

Пс-63МБ: ѝмн л. 244;

Ап-63МБ: ѝмнѣ л. 469 об.;

СлСС-67: ѝѣѣ (*Sn*) л. V-3; ѝмн л. V-3;

СлСС-68: ѝмнѣ л. I-2, л. III-167 об.; ѝѣѣ (*Sn*) л. III-226 об.;

Ирм-83: ѝмѣѣ (*Sn*) л. 18 об.; ѝмн л. 97 об.; ѝмнѣ л. 138, 184;

Час-88: ѝѣѣ (*Sn*) л. II-96 об.

В-третьих, внедрение данной инновации осуществляется неодинаково для разных омоформ. Впервые апостроф-расподобитель появляется в формах *яѣѣ* и *иѣѣ* в *Сл-55* и *Навеч-55*, с 1656 г. – и в остальных формах. Степень последовательности их расподобления (μ_{ϕ} по убыванию¹⁰: *яѣѣ*, *им*, *имѣѣ*, *иѣѣ*, *их*, *ихѣѣ*) можно объяснить следующим образом: ѝѣѣ имеет поддержку в виде производящего ѝѣ/ѣ¹¹, а ѝѣѣ – в виде ѝ, хотя, в отличие от первой пары (*Pl-Pl*), связь их не такая непосредственная (*Pl-Sn*), поэтому апостроф-расподобитель впервые используется именно в этих формах; на форму *им* (и производную *имѣѣ*) он распространяется по аналогии с прочими формами *DatPl* (ср.: *богѡмѣѣ*, *гыновѡмѣѣ*,

неа́сытѣмъ, рѣмланомъ – вне зависимости от реального возникновения омонимии: бо́гомъ, сы́номъ, неа́сытѣю, рѣмланномъ), поэтому в *им* апостроф используется активнее, чем в *ижѣ*. Наконец, формы *их*, *ихже* содержат падежную, а не числовую омонимию, поэтому апостроф используется в них наименее активно и наименее последовательно, однако это требует специального рассмотрения¹².

В-четвертых, не последнюю роль может играть и сила традиции того или иного текста, что обнаруживает не только полемика А.М. Никольского и П.А. Гильтебрандта [Кравецкий, 2010, с. 472, 475–476], но и умонастроения современных справщиков: с одной стороны, «на выбор варианта может оказать влияние традиция книги» [Левшенко, 2015а, с. 92]; с другой – «при подготовке богослужбных текстов к публикации выбор того или иного варианта остается за редактором» [Левшенко 2015б, с. 89]. Вероятно, вследствие этого в XXI в. остается нерасподобленной форма *дѣлги* в молитве «Отче наш» – как несколько десятилетий оставалась нерасподобленной форма *ѣже* в Херувимской песни (*Чиновник-21*, л. 61).

В-пятых, о долгой интеграции апострофа в систему антистиха свидетельствует не только поздняя (XVIII в.), но и поэтапная его кодификация. В *Полик-21* (табл. 4) вслед за переиздаваемым оригиналом (*Смотр-48*, см. табл. 1), с одной стороны, сохраняются *а* и *ѣ* как специфические показатели числа, а не имеющие этих показателей омоформы (кроме *ихже*) маркируются апострофом. С другой стороны, в *Полик-21* эти написания никак не объясняются, а в разделе «О просодии» (л. 10–17) ни *исо*, ни апостроф не упоминаются. Иными словами, Ф. Поликарпов в 1721 г. впервые только регистрирует апостроф-расподобитель, но делает это декларативно.

В отличие от него, Ф. Максимов прямо указывает на дифференцирующий характер этих написаний (л. 175), кодифицируя также и новую форму *Асс⁺SnM их*, которая как вторичная и маркируется апострофом (табл. 5).

Таким образом, Ф. Максимов в 1723 г. впервые собственно кодифицирует апостроф как средство расподобления в системе антистиха, не ограничиваясь при этом лишь прономинальной парадигмой: *а́построфъ... рѣздѣлѣтъ ѡѣвъ чѣсть ѡ чѣсти, число ѡ числѣ. ѣкв... ѣзвы,*

Таблица 4. Несингулярные формы местоимений *и, ѣже по *Полик-21* (л. 106–107 об.)

Table 4. Nonsingular forms of pronouns *и, ѣже by *Polik-21* (l. 106–107 r.)

Num	Cas	*и			ѣже		
		M	N	F	M	N	F
Sn	Nom	–			ѣже	ѣже	
	Gen	ѣхъ			ѣхже		
	Dat	ѣмъ			ѣмже		
	Acc ⁻	ѣа		ѣ	ѣже		
ѣ		ѣ	ѣже		ѣже		

Таблица 5. Несингулярные формы местоимений *и, ѣже по *Макс-23* (л. 33)

Table 5. Nonsingular forms of pronouns *и, ѣже by *Maks-23* (l. 33)

Num	Cas	*и			ѣже		
		M	N	F	M	N	F
Pl	Nom	–			ѣже	ѣже	
	Gen	ѣхъ			ѣхже		
	Dat	ѣмъ			ѣмже		
	Acc	ѣхъ, ѣа		ѣ	ѣже		
ѣ		ѣ	ѣже		ѣже	ѣже	

ѣзвы (л. 175). В соответствии с этой установкой как в языке, так и в метаязыке его грамматики даны написания ѣнаа (л. 15), ѡва (л. 20), ѡнаа (л. 57, 179), ѡбцаа (л. 209); уже упоминавшиеся написания ѡ *ѣггѣ, къ *ѣстиннымъ, къ *ѣмнымъ, ѡ *{ѡ/ѡ}блкъ, къ *ѣнымъ, къ *ѣвнымъ также вполне ей удовлетворяют (ср.: ѡнаа в *Избр-25*, л. 25). Кроме того, материал *Макс-23* подтверждает высказанное выше предположение о том, что внедрение апострофа в несингулярную парадигму базируется на деривационной поддержке: подобно парам ѣ – ѣже, ѣ – ѣже Ф. Максимовым употребляются также не имеющие омоформ ѣ – ѣже, ѣ – ѣже (табл. 5) и не являющиеся несингулярными ѣ – ѣже (л. 32; очевидно, гиперического характера).

Последующие грамматики Ф. Поликарпова (1725) и И. Иконника (1733) окончательно утверждают (спустя почти три четверти века) апостроф в качестве расподобителя: *на возносительными числа множественнаго, въ различіе единственнаго подобныхъ ради падежей ѣпострофа полагається* (*Техн-25*, л. 183–184); *и сим положением разделяет убо часть от части, и число от числа* (*Икон-33*, л. 188–188 об.; цит. по: [Кузьмина, 2012, с. 440]).

Заключение

Следует признать, что СЦСЯ не является ни готовым, ни непосредственным продуктом никоновской КС как минимум потому, что и сама никоновская КС – один из этапов, эпизодов, продолживший иосифовскую и сам при этом продолженный иоакимовской КС.

Нормализаторская программа никоновской КС также обнаруживает внутреннюю динамику, поскольку те или иные решения справщиков оказываются невыводимы из предписаний *Смотр-48*, задумывавшейся как регулятор sprawy. По утверждению С.М. Кусмауль, «языковая норма разрабатывается справщиками Московского печатного двора (в патриаршество Иосифа. – А. Б.) сначала в богослужебных изданиях, а затем кодифицируется в грамматике» [Кусмауль, 2014, с. 95]. Полученные нами данные согласуются с этим выводом. На эту динамику указывает как довольно скорое относительно времени издания *Смотр-48* возникновение апострофа-распо-

добителя, так и очень поздняя относительно времени возникновения его кодификация в грамматиках.

Возникший как инновация справщиков МПД, апостроф замещает собой прежние числовые показатели, неудовлетворительные, очевидно, тем, что провоцировали несоответствие между устной и письменной речью (ѣ, ѣже; за подобное критиковали еще Л. Зизания [*Православная энциклопедия*, 2001, с. 551в]) или же являлись чуждыми церковнославянскому языку как языку в основе своей южнославянскому (ѣ, ѣже).

Экспансия апострофа-расподобителя протекает в 3 логических этапа:

- возникновение в формах *яже, иже*, имеющих деривационную поддержку;
- распространение на формы *им, имже*, имеющие поддержку в аналогии с внешними парадигмами (субстантивной, адъективной);
- распространение по внутренней аналогии на все омоформы прономинальной парадигмы.

Однако именно в силу своего прономинального генезиса апостроф-расподобитель не закрепился в прочих парадигмах. Этим объясняется ограниченность возможностей антистиха в СЦСЯ: чтобы ни одна из омоформ действительно не осталась без расподобления, необходимо расширять сферу употребления либо апострофа, либо великого апострофа.

Наряду с другими современными ему приметами, появившимися именно в ходе никоно-иоакимовской КС (например, пагинация, расположение колонцифры, кустоды; подробнее см.: [Гусева, 1990, с. 10–13]), апостроф-расподобитель может служить вспомогательным датирующим признаком: в этом новом качестве он впервые появляется в изданиях МПД 1655 года.

Использование апострофа в дифференцирующей функции явилось важной вехой в развитии самой системы антистиха, а именно в ее переходе к современному состоянию: наличие противопоставлений ѣзвы vs ѣзвы, ѣнаа vs ѣнаа, ѡва vs ѡва, ѡнаа vs ѡнаа, ѡбцаа vs ѡбцаа и т. п. позволяет интерпретировать употребление апострофа как семантизированную мену оксии на варию (в составе комплексного диакритика), что свидетельствует об осмыслении дублетности (одинакового фонетического

содержания разных графических выражений) ударений, которые прежде искусственно увязывались с позициями и искусственными же (относительно славянской фонологической системы) квантитативно-квалитативными характеристиками вокализма ударного и смежных слогов. Дальнейшее распространение этого понимания на камору и знаменовало собой окончательное формирование в церковнославянском языке системы антистиха в современном ¹³ виде, причем не только в плане инвентаря средств расподобления, но и в части приоритета буквенного расподобления над диакритическим как исторически более раннего над более поздним.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках НИР Н-469-99_2021-2023 «Культурное наследие как часть комфортной окружающей среды» на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»).

The research was carried out within the framework of R&D Н-469-99_2021-2023 “Cultural heritage as part of a comfortable environment” on the base of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University commissioned by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030”).

² О фонетическом содержании, стоящем за этими написаниями, см.: [Большаков, 2019].

³ Традиционно сюда же включают слова *мѣро* и *вѣно*, хотя их орфография имеет этимологическое объяснение (ср.: *мѣров*, *οἶνος*), то есть они уже отличны от своих омофонов (косв.-пад. форм слов *м(и/і)ръ*, *винѣ*) и вне антистиха; в противном случае этот список надлежало бы пополнить, например, парой *сѣла – сіла* (ср.: *Σιλα*).

⁴ Подробно об этом применительно к ситуации рубежа XIX–XX вв. см.: [Кравецкий, 2010].

⁵ Орфография инициали регулируется традицией (*Алпий*, с. 253).

⁶ Термин предложен Ф. Людоговским [2003].

⁷ Подробнее о подобных противоречиях см.: [Кузьминова, 2011].

⁸ В 1653 г. вводятся первые изменения (поясные поклоны, троеперстие и т. д.), которые утверждаются Собором 1654 г., после чего Собором 1655 г. утверждаются тексты Служебника и Символа веры. Поскольку работа над Апостолом была

начата намного раньше, первым непосредственным продуктом книжной sprawy можно считать именно Служебник, вышедший 31 августа 1655 года.

⁹ Sic! Апостроф употреблен не в анлаутной позиции, очевидно, вследствие расщепления *и > иа*.

¹⁰ Если учитывать только памятники с полным набором омоформ: *яже* – 64 %, *им* – 63 %, *имже* – 47 %, *иже* – 42 %, *их* – 37 %, *ихже* – 30 %.

¹¹ Выбор дублета – в соответствии с общими предписаниями.

¹² Формы *Gen* и *Acc*⁺ серьезно конкурируют в использовании апострофа: с одной стороны, *Gen* традиционно содержит расподобитель (ср.: *родѣвъ*, *краѣвъ*, *тогѣ*, *вѣлагѣ*, *шѣшагѣ*, *менѣ*, *тебѣ*, *сѣбѣ*); но, с другой стороны, *Acc*⁺ – явление позднейшее, то есть вторичное, и потому, следовательно, требующее расподобления. Вероятно, именно поздняя кодификация *их*, *ихже* и обусловила победу *Acc*⁺.

¹³ Подробнее см.: [Большаков, 2022, с. 257–264].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А. А., 2017. Венецианские печатные Ирмологии XVI–XVII вв. и книжная справа в Москве // Христианское чтение. № 5. С. 98–109.
- Бобрик М. А., 1990. Представления о правильности текста и языка в истории книжной sprawy в России (от XI до XVIII в.) // Вопросы языкознания. № 4. С. 61–85.
- Большаков А. Д., 2022. Дифференциация омоформ единственного и неединственного числа склоняемых частей речи в церковнославянском языке: к формулировке общего правила // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 251–267. DOI: 10.17223/18137083/78/
- Большаков А. Д., 2019. Так существуют ли в действительности аггелы? (Дискуссия о произношении слова как методическая проблема) // Язык православного богослужения: история, традиции, современная практика. Н. Новгород : Бегемот. С. 145–155.
- Гусева А. А., 1990. Работа с редкими и ценными изданиями : Идентификация экземпляров московских изданий кирилловского шрифта 2-й половины XVI–XVIII вв. М. : ГБЛ. 95 с.
- Загребин В. М., 2006. Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности / сост. Ж. Л. Левшина. М. ; СПб. : Альянс-Архео. 304 с.
- Запольская Н. Н., 2000. Книжная справа в Московской Руси XVII в. // Вестник РГНФ. № 3. С. 162–167.
- Казанцева М. Г., 1997. Печатный Ирмологий и рукописная традиция // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 1. С. 65–87.

- Кайперт Г., 2017. Церковнославянский язык: круг понятий / пер. с нем. М. А. Бобрик // *Slověne*. № 1. С. 8–75.
- Кравецкий А. Г., 2010. Лингвистические и текстологические стандарты синодальных типографий // *Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка*. 2006–2009. М. : Древлехранилище, С. 470–502.
- Кравецкий А. Г., Плетнева А. А., 2001. История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.). М. : Яз. рус. культуры. 400 с.
- Кузьминова Е. А., 2011. Степень императивности грамматики Мелетия Смотрицкого // *Филологические науки*. № 4. С. 97–108.
- Кузьминова Е. А., 2012. Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М. : МАКС Пресс. 467 с.
- Кусмауль С. М., 2014. Книжная права 40-х годов XVII века // *Slověne*. № 1. С. 72–101.
- Левшенко Т. А., 2015а. Графико-орфографическая система богослужебных книг. Справочные материалы и методические рекомендации // *Журнал Московской Патриархии*. № 2. С. 90–93.
- Левшенко Т. А., 2015б. Графико-орфографическая система богослужебных книг. Справочные материалы и методические рекомендации // *Журнал Московской Патриархии*. № 5. С. 86–89.
- Лукин П. Е., 2001. Письмена и Православие : Историко-филологическое исследование «Сказания о письменах» Константина Философа Костенецкого. М. : Яз. слав. культуры. 376 с.
- Людоговский Ф. Б., 2003. Современный церковнославянский язык: обоснование существования и определение понятия // *Славянский вестник*. Вып. 1. С. 191–199.
- Людоговский Ф., Плякин М., 2010. Литургические языки в *Slavia Orthodoxa*: современная ситуация // *Славянский альманах 2009*. С. 380–399.
- Макарий (Булгаков), 1910. История русской церкви. Т. 12. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг. 792 с.
- Маршева Л. И., 2012. Дифференцирующий принцип церковнославянской орфографии // *Сретенский сборник*. М. : Изд-во Сретен. монастыря. Вып. 3. С. 327–335.
- Николаевский П. Ф., 1890. Московский печатный двор при патриархе Никоне // *Христианское чтение*. № 1/2. С. 114–141.
- Православная энциклопедия, 2001. М. : Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.». Т. 2. 750 с.
- Православная энциклопедия, 2014. М. : Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.». Т. 36. 751 с.
- Романский Н. А., 1907. Наши богослужебные книги со стороны орфографии // *Христианское чтение*. № 7. С. 96–105.
- Севастьянова С. К., 2005. Грамота патриарха Никона о Крестном монастыре // *Ставрографический сборник*. Вып. 3. С. 336–403.
- Толстой Н. И., 2002. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // *Вопросы языкознания*. № 1. С. 81–90.
- Ягич И. В., 1885. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // *Исследования по русскому языку*. Т. 1. СПб. : Тип. Императ. акад. наук. С. 289–1067.
- Языки мира : Славянские языки. М. : Academia, 2005. 656 с.

ИСТОЧНИКИ

- Алекс-61* – Канон Алексию, митрополиту Московскому. М. : Печ. двор, [1661/1663].
- Алипий* – Алипий (Гаманович), иером. Грамматика церковно-славянского языка. М. : Худож. лит., 1991.
- Ап-55* – Апостол. М. : Печ. двор, 1655.
- Ап-63* – Апостол. М. : Печ. двор, 1663.
- Ап-63МБ* – Библия. М. : Печ. двор, 1663. Л. 449–462 об.
- Апостол* – Апостол. Репр. изд. М. : Изд-во Моск. Патриархии, 2001.
- Библия* – Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М. : Рос. библ. о-во, 1993.
- Букв-57* – Букварь. М. : Печ. двор, 1657.
- Букв-69* – Букварь. М. : Печ. двор, 1669.
- Букв-79* – Букварь. М. : Верх. тип., 1679.
- Ект-56* – Сборник с ектениями. М. : Печ. двор, 1656.
- Избр-25* – Чин избрания и рукоположения архиерея. СПб. : Синод. тип., 1725.
- Икон-33* – Иконник И. Грамматика беседословная. [Стародуб]. 1733. // *Собрание рукописей музея-заповедника «Московский Кремль»*. № 213. 8°, 221 л.
- Ирм-57* – Ирмологий. М. : Печ. двор, 1657.
- Ирм-83* – Ирмологий. М. : Печ. двор, 1683.
- Козьмин* – Козьмин К. Грамматика церковно-славянского языка нового периода. М. : Синод. тип., 1903.
- Крест-56* – Никон. Грамота о крестном монастыре. М. : Печ. двор, [1656].
- Макс-23* – [Максимов Ф.] Грамматика славенская вкратце собранная в Грекославенской школе яже в великом Нове граде при доме Архиерейском. СПб. : Синод. тип., 1723.
- Мор-56* – Поучение о моровой язве. М. : Печ. двор, 1656.
- Навеч-55* – Чин освящения воды в Навечерие Богоявления. М. : Печ. двор, [1655].

- Нужд-55* – Молебное пение, певаемое в нужди церковной, о умирении и соединении веры и освобождении от бед, лежащих православным от сопротивных сопостатов и канон молебен о соединении веры православных и умирении церкви святых восточных. М. : Печ. двор, [1655].
- Отмиц-55* – Последование молебного пения, вегда царю ити на отмщение противу супостатов. М. : Печ. двор, [1655].
- Полик-21* – Грамматика в царствующем великом граде Москве. М. : Синод. тип., 1721.
- Поуч-68* – Симеон Полоцкий. Два поучения. М. : Печ. двор, [1668].
- Прис-54* – Три чина присяг. М. : Печ. двор, 1654.
- Пс-53* – Псалтирь. М. : Печ. двор, 1653.
- Пс-63МБ* – Библия. М. : Печ. двор, 1663. Л. 229–251 об.
- ПсСл-58* – Псалтирь Следованная. М. : Печ. двор, 1658.
- ПсСл-60* – Псалтирь Следованная. М. : Печ. двор, 1660.
- ПсСл-69* – Псалтирь Следованная. М. : Печ. двор, 1669.
- Скрижаль-56* – Скрижаль. М. : Печ. двор, 1656.
- Сл-05* – Служебник. М. : Синод. тип., 1705.
- Сл-51* – Служебник. М. : Печ. двор, 1651.
- Сл-55* – Служебник. М. : Печ. двор, 1655.
- Сл-56* – Служебник. М. : Печ. двор, 1656.
- Сл-57* – Служебник. М. : Печ. двор, 1657.
- Сл-58(5)* – Служебник. Изд. 5-е. М. : Печ. двор, 1658.
- Сл-58(6)* – Служебник. Изд. 6-е. М. : Печ. двор, 1658.
- СлСС-67* – Служебник с соборным свитком. М. : Печ. двор, 1667.
- СлСС-68* – Служебник с соборным свитком. М. : Печ. двор, 1668.
- Смотр-48* – Грамматика. М. : Печ. двор, 1648.
- Соколов* – Соколов Д.Д. Справочная книжка по церковнославянскому правописанию. СПб. : [Синод. тип.], 1907.
- Техн-25* – [Поликарпов-Орлов Ф.] Технология, то есть художное собеседование о грамматическом искусстве. М. : Синод. тип., 1725.
- ТП* – Триодь постная. В 2 ч. М. : Изд. Совет Рус. Православ. Церкви, 2002. 2 ч.
- ТП-56* – Триодь Постная. М. : Печ. двор, 1656.
- Треб-58* – Требник. М. : Печ. двор, 1658.
- Умир-55* – Молебное пение о умирении и соединении православных веры и освобождении от бед, лежащих православным от сопротивных сопостатов и канон молебен о соединении веры православных и умирении церкви святых восточных. М. : Печ. двор, [1655].
- Час-88* – Часослов. М. : Печ. двор, 1688.
- Чиновник-21* – Чиновник архиерейского служения. М. : Синод. тип., 1721.
- Шест-60* – Шестоднев. М. : Печ. двор, 1660.

REFERENCES

- Andreev A.A., 2017. Venetsianskie pechatnye Irmologii XVI–XVII vv. i knizhnaya sprava v Moskve [Venetian Printed Irmologs of the 16th–17th Centuries and Books Correction in Moscow]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], no. 5, pp. 98-109.
- Bobrik M.A., 1990. Predstavleniya o pravilnosti teksta i yazyka v istorii knizhnoy spravy v Rossii (ot XI do XVIII v.) [Notion of Fidelity of Text and Language in History of Book Correction in Russia (From 11th to 18th Cent.)]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 61-85.
- Bolshevikov A.D., 2022. *Differentsiatsiya omoform edinstvennogo i needinstvennogo chisla sklonyaemykh chastey rechi v tserkovnoslavjanskom yazyke: k formulirovke obshchego pravila* [Differentiation of Homofoms of Singular and Non-Singular Declinable Parts of Speech in Church Slavic Language: Towards the Formulation of a General Rule]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 1, pp. 251-267. DOI: 10.17223/18137083/78/
- Bolshevikov A.D., 2019. Tak sushchestvuyut li v deystvitelnosti aggely? (Diskussiya o proiznoshenii slova kak metodicheskaya problema) [Are There Aggels in Fact? (Discussion About Pronunciation of Word as Methodical Problem)]. *Yazyk pravoslavnogo bogosluzheniya: istoriya, traditsii, sovremennaya praktika* [Language of Orthodox Divine Service: History, Tradition, Contemporary Condition]. Nizhny Novgorod, Begemot Publ., pp. 145-155.
- Guseva A.A., 1990. *Rabota s redkimi i tsennymi izdaniyami: Identifikatsiya ekzemplarov moskovskikh izdaniy kirillovskogo shrifta 2-y poloviny XVI–XVIII vv.* [Work with Rare and Valuable Editions: Identification of Exemplars of Moscow Editions in Cyrillic Script H2 16th–18th Cent.]. Moscow, GBL. 95 p.
- Zagrebin V.M., 2006. *Issledovaniya pamyatnikov yuzhnoslavjanskoj i drevnerusskoj pismennosti* [Researches of Monuments of South Slavonic and Old Russian Literary]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arkeho Publ. 304 p.
- Zapolskaya N.N., 2000. Knizhnaya sprava v Moskovskoy Rusi XVII v. [Book Correction in Moscow Russia 17th Cent.]. *Vestnik RGNF* [Bulletin of the Russian Foundation for Humanities], no. 3, pp. 162-167.
- Kazantseva M.G., 1997. Pечатnyy Irmologiy i rukopisnaya traditsiya [Printed Irmologion and Handwritten Tradition]. *Uralskiy sbornik*.

- Istoriya. Kultura. Religiya* [Uralic Collection. Istory. Culture. Religion], iss. 1, pp. 65-87.
- Kaypert G., 2017. Tserkovnoslavyanskiy yazyk: krug ponyatiy [The Church Slavonic Language: A Concepts Circle]. *Slověne*, no. 1, pp. 8-75.
- Kravetskiy A.G., 2010. Lingvisticheskie i tekstologicheskie standarty sinodalnykh tipografii [Linguistic and Typographical Standards Synodal Typographies]. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo literaturnogo yazyka. 2006–2009* [Linguistic Source Study and History of Russian Literary Language. 2006–2009]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., pp. 470-502.
- Kravetskiy A.G., Pletneva A.A., 2001. *Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka v Rossii (konets XIX – XX v.)* [History of the Church Slavonic Language in Russia (Late 19th – 20th Centuries)]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 400 p.
- Kuzminova E.A., 2011. Stepen imperativnosti grammatiki Meletiya Smotritskogo [Degree of Imperativeness of Meletius Smotrytsky Grammar]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 4, pp. 97-108.
- Kuzminova E.A., 2012. *Razvitie grammaticheskoy mysli Rossii XVI–XVIII vv.* [Evolution of Grammatical Ideas in Russia 16th – 18th Cent.]. Moscow, MAKS Press Publ. 467 p.
- Kusmaul S.M., 2014. Knizhnaya prava 40-kh godov XVII veka [Book Correction in the 40s of the 17th Century]. *Slověne*, no. 1, pp. 72-101.
- Levshenko T.A., 2015a. Grafiko-ortofograficheskaya sistema bogoslužebnykh knig. Spravochnye materialy i metodicheskie rekomendatsii [Graphic and Orthographic System of Liturgical Books. Reference Materials and Methodical Recommendations]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Journal of Moscow Patriarchy], no. 2, pp. 90-93.
- Levshenko T.A., 2015b. Grafiko-ortofograficheskaya sistema bogoslužebnykh knig. Spravochnye materialy i metodicheskie rekomendatsii [Graphic and Orthographic System of Liturgical Books. Reference Materials and Methodical Recommendations]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Journal of Moscow Patriarchy], no. 5, pp. 86-89.
- Lukin P.E., 2001. *Pismena i Pravoslavie: Istoriko-filologicheskoe issledovanie «Skazaniya o pismenakh» Konstantina Filosoфа Kostenetskogo* [Letters and Orthodoxy: Historical and Philological Research of “Legend on the Letters”]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 376 p.
- Lyudogovskiy F.B., 2003. Sovremennyy tserkovnoslavyanskiy yazyk: obosnovanie sushchestvovaniya i opredelenie ponyatiya [Contemporary Church Slavonic Language: Reasoning of Existing and Determination of Concept]. *Slavyanskiy vestnik* [Slavic Bulletin], iss. 1, pp. 191-199.
- Lyudogovskiy F., Plyakin M., 2010. Liturgicheskie yazyki v Slavia Orthodoxa: sovremennaya situatsiya [Liturgical Languages in Slavia Orthodoxa: Contemporary Situation]. *Slavyanskiy almanakh 2009* [Slavic Almanac 2009], pp. 380-399.
- Makariy (Bulgakov), 1910. *Istoriya russkoy tserkvi. T. 12* [History of Russian Church. Vol. 12]. Saint Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vilborg. 792 p.
- Marshva L.I., 2012. Differentitsiruyushchiy printsip tserkovnoslavyanskoy ortofografii [Differentiating Principle of Church Slavonic Orthography]. *Sretenskiy sbornik* [Sretensky Collection]. Moscow, Izd-vo Sreten. monastyrya, iss. 3, pp. 327-335.
- Nikolaevskiy P.F., 1890. Moskovskiy pechatnyy dvor pri patriarkhe Nikone [Moscow Print Yard Under Patriarch Nikon]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], no. 1/2, pp. 114-141.
- Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], 2001. Moscow, Tserkov.-nauch. tsentr «Pravoslav. entsikl.». Vol. 2. 750 p.
- Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], 2014. Moscow, Tserkov.-nauch. tsentr «Pravoslav. entsikl.». Vol. 36. 751 p.
- Romanskiy N.A., 1907. Nashi bogoslužebnye knigi so storony ortofografii [Our Liturgical Books in Terms of Orthography]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], no. 7, pp. 96-105.
- Sevastyanova S.K., 2005. Gramota patriarkha Nikona o Krestnom monastyre [Chart of Patriarch Nikon About Cross Monastery]. *Stavrograficheskii sbornik* [Stavrographical Collection], iss. 3, pp. 336-403.
- Tolstoy N.I., 2002. Tserkovnoslavyanskiy i russkiy: ikh sootnoshenie i simbioz [Church Slavonic and Russian: Their Correlation and Symbiosis]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 1, pp. 81-90.
- Yagich I.V., 1885. Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoy i russkoy stariny o tserkovnoslavyanskom yazyke [Treatise of South Slavic and Russian Antiquity on Church Slavonic Language]. *Issledovaniya po russkomu yazyku. T. 1* [Researches on Russian Language. Vol. 1]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. akad. nauk, pp. 289-1067.
- Yazyki mira: Slavyanskiye yazyki [Languages of World. Slavic Languages]. Moscow, Academia Publ., 2005. 656 p.

SOURCES

- Kanon Aleksiyu, mitropolitu Moskovskomu* [Canon to Alexy, Metropolitan of Moscow]. Moscow, Pech. dvor, 1661/1663.
- Alipiy (Gamanovich), hieromonk. *Grammatika tserkovno-slavyanskogo yazyka* [Grammar of the Church Slavonic Language]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1991.
- Apostol* [The Apostle]. Moscow, Pech. dvor, 1655.
- Apostol* [The Apostle]. Moscow, Pech. dvor, 1663.
- Bibliya* [The Bible]. Moscow, Pech. dvor, 1663, l. 449–462 r.
- Apostol. Repr. izd.* [The Apostle. Reprint Edition]. Moscow, Izd-vo Mosk. Patriarkhii, 2001.
- Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta na tserkovnoslavyanskom yazyke s parallelnymi mestami* [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in Church Slavonic with Parallel Places]. Moscow, Ros. bibl. o-vo, 1993.
- Bukvar* [The Primer]. Moscow, Pech. dvor, 1657.
- Bukvar* [The Primer]. Moscow, Pech. dvor, 1669.
- Bukvar* [The Primer]. Moscow, Verkh. tip., 1679.
- Sbornik s ekteniyami* [Collection of Litanies]. Moscow, Pech. dvor, 1656.
- Chin izbraniya i rukopolozheniya arkhiereya* [The Rank of Election and Ordination of a Bishop]. Saint Petersburg, Sinod. tip., 1725.
- Ikonnik I. *Grammatika besedoslovnaya. Starodub. 1733* [Grammar of the Pedigree. Starodub. 1733]. *Sobranie rukopisey muzeya-zapovednika «Moskovskiy Kreml»* [Collection of Manuscripts of the Moscow Kremlin Museum-Reserve], no. 213. 8°, 221 l.
- Irmologiy* [Irmology]. Moscow, Pech. dvor, 1657.
- Irmologiy* [Irmology]. Moscow, Pech. dvor, 1683.
- Kozmin K. *Grammatika tserkovno-slavyanskogo yazyka novogo perioda* [Grammar of the Church Slavonic Language of the New Period]. Moscow, Sinod. tip., 1903.
- Nikon. *Gramota o krestnom monastyre* [Certificate of the Monastery of the Cross]. Moscow, Pech. dvor, 1656.
- Maksimov F. *Grammatika slavenskaya vkrattse sobrannaya v Grekoslavenskoy shkole yazhe v velikom Nove grade pri dome Arkhiereyskom* [Slovenian Grammar Briefly Collected in the Greek Slavic School in Veliky Novy Grad at the House of Bishops]. Saint Petersburg, Sinod. tip., 1723.
- Pouchenie o morovoy yazve* [The Teaching About the Pestilence]. Moscow, Pech. dvor, 1656.
- Chin osvyashcheniya vody v Navecherie Bogoyavleniya* [The Rite of Consecrating Water on the Eve of Epiphany]. Moscow, Pech. dvor, 1655.
- Molebnoe penie, pevaemoe v nuzhdi tserkovnoy, o umireanii i soedinenii very i osvobozhdenii ot bed, nalezhashchikh pravoslavnym ot soprotivnykh sopostatov i kanon moleben o soedinenii very pravoslavnyya i umireanii tserkve svyatyaya vostochnyya* [A Prayer Song, Sung in the Need of the Church, for the Reconciliation and Unification of the Very and Liberation from Bed, Due to the Orthodox from the Opposing Adversaries and a Canon of Prayer for the Unification of the Very Orthodox and the Reconciliation of the Holy Eastern Church]. Moscow, Pech. dvor, 1655.
- Posledovanie molebnago peniya, vnegda tsaryu iti na otmshchenie protivu supostatov* [The Following of Prayer Singing, Always the King to Go for Revenge Against the Opposing Adversaries]. Moscow, Pech. dvor, 1655.
- Grammatika v tsarstvuyushchem velikom grade Moskve* [Grammar in the Reigning Great City of Moscow]. Moscow, Sinod. tip., 1721.
- Simeon Polotskiy. *Dva poucheniya* [Two Teachings]. Moscow, Pech. dvor, 1668.
- Tri china prislyag* [Three Rites of Oaths]. Moscow, Pech. dvor, 1654.
- Psaltir* [The Psalter]. Moscow, Pech. dvor, 1653.
- Bibliya* [The Bible]. Moscow, Pech. dvor, 1663, l. 229-251 r.
- Psaltir Sledovannaya* [The Psalter Followed]. Moscow, Pech. dvor, 1658.
- Psaltir Sledovannaya* [The Psalter Followed]. Moscow, Pech. dvor, 1660.
- Psaltir Sledovannaya* [The Psalter Followed]. Moscow, Pech. dvor, 1669.
- Skrizhal* [The Scroll]. Moscow, Pech. dvor, 1656.
- Sluzhebnyk* [Missal]. Moscow, Sinod. tip., 1705.
- Sluzhebnyk* [Missal]. Moscow, Pech. dvor, 1651.
- Sluzhebnyk* [Missal]. Moscow, Pech. dvor, 1655.
- Sluzhebnyk* [Missal]. Moscow, Pech. dvor, 1656.
- Sluzhebnyk* [Missal]. Moscow, Pech. dvor, 1657.
- Sluzhebnyk* [Missal], 5th ed. Moscow, Pech. dvor, 1658.
- Sluzhebnyk* [Missal], 6th ed. Moscow, Pech. dvor, 1658.
- Sluzhebnyk s sobornym svitkom* [Missal with Cathedral Scroll]. Moscow, Pech. dvor, 1667.
- Sluzhebnyk s sobornym svitkom* [Missal with Cathedral Scroll]. Moscow, Pech. dvor, 1668.
- Grammatika* [Grammar]. Moscow, Pech. dvor, 1648.
- Sokolov D.D. *Spravochnaya knizhka po tserkovnoslavyanskomu pravopisaniyu* [Reference Book on Church Slavonic Spelling]. Saint Petersburg, Sinod. tip., 1907.
- Polikarpov-Orlov F. *Tekhnologiya, to est khudozhnoe sobesedovanie o grammaticheskom khudozhestve* [Technology That Is an Artistic Interview About Grammatical Art]. Moscow, Sinod. tip., 1725.

Triod postnaya. V 2 ch. [Lean Triode. In 2 Pts.]. Moscow, Izd. Sovet Rus. Pravoslav. Tserkvi, 2002.

Triod Postnaya [Lean Triode]. Moscow, Pech. dvor, 1656.

Trebnik [Breviary]. Moscow, Pech. dvor, 1658.

Molebnoe penie o umireanii i soedinenii pravoslavnyya very i osvobozhdenii ot bed, nalezhashchikh pravoslavnym ot soprotivnykh sopostatov i kanon moleben o soedinenii very pravoslavnyya i umireanii tserkve svyatyya vostochnyya [Prayer

Singing for the Reconciliation and Unification of the Orthodox Faith and Liberation from Bed, the Surrounding Orthodox from the Opposing Adversaries and a Canon of Prayer for the Unification of the Very Orthodox and Reconciliation of the Eastern Holy Church]. Moscow, Pech. dvor, 1655.

Chasoslov [Horologium]. Moscow, Pech. dvor, 1688.

Chinovnik arkhieyreyskago sluzheniya [Rank of Episcopal Ministry]. Moscow, Sinod. tip., 1721.

Shestodnev [Hexameron]. Moscow, Pech. dvor, 1660.

Information About the Author

Aleksandr D. Bolshakov, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Slavic Philology and Culture, Researcher, Research Laboratory “Ecology of Culture”, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russia, barsikapfff-2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9451-6830>

Информация об авторе

Александр Дмитриевич Большаков, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры славянской филологии и культуры, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Экология культуры», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Россия, barsikapfff-2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9451-6830>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>

UDC 811.161.1'276.5
LBC 81.411.2-55

Submitted: 23.08.2022
Accepted: 06.03.2023

THE METAPHOR OF THE STATE AND WAYS OF EXPRESSING IT IN RUSSIAN OFFICIAL SPEECH¹

Dmitry V. Rudnev

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Tatiana S. Sadova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with various metaphorical models of the state structure of Russia from the Ancient Russian era to the 20th century and linguistic means of their representation in official speech. It is assumed that the primary metaphor of the medieval state as a family state, reflected in a special “familiar” type of official communication, is focused on oral colloquial speech. The sovereign was presented as the parent of his citizens, the dependence of one prince on another was defined in terms of kinship, the reference of people towards those in authority was expressed using speech formulas with the modality of demand, disparagement, exhortation, submission, and the like. The state-as-mechanism metaphor comes to replace the family metaphor in the era of Peter the Great’s reign. Decrease in emotionality and elimination of familiarity from official speech, as well as the introduction of document formatting standards have been revealed. The logical continuation of this metaphor is the “court” model of the state structure in Russia since the era of Catherine the Great, when intrastate communication featured compliance with the rules of etiquette and decency of court interaction, which tended to overcome the rigour and accuracy in expressing the purpose of communication. Further periods in the history of Russian business speech appear as combinations of ways of expressing these three basic metaphorical models.

Key words: official speech, state communication, metaphor, state-as-family metaphor, state-as-mechanism metaphor, state-as-court metaphor.

Citation. Rudnev D. V., Sadova T. S. The Metaphor of the State and Ways of Expressing It in Russian Official Speech. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 21-36. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>

УДК 811.161.1'276.5
ББК 81.411.2-55

Дата поступления статьи: 23.08.2022
Дата принятия статьи: 06.03.2023

МЕТАФОРА ГОСУДАРСТВА И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ¹

Дмитрий Владимирович Руднев

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Татьяна Семеновна Садова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются языковые способы воплощения в деловой речи различных метафорических моделей государственного устройства России от древнерусской эпохи до XX века. Предполагается, что первичная метафора средневекового государства – семьи проявляется в особом «фамильярном» типе делового общения, ориентированного на устную разговорную речь. Государь представлялся родителем своих подданных, зависимость одного князя от другого определялась в терминах родства, отношение

людей к властным лицам выражалось с помощью речевых формул с модальностью требования, уничижения, увещевания, подчинения. В эпоху правления Петра I на смену семейной метафоре приходит метафора государства – механизма. Обнаруживается снижение эмоциональности и устранение фамильярности при деловом общении, внедрение стандартов оформления документа. Развитием этой метафоры является «придворная» модель государственного устройства России с эпохи Екатерины II, когда важнейшим средством внутригосударственного общения стали не столько строгость и точность способов выражения цели коммуникации, сколько этикетность и соответствие приличиям светского общения. Дальнейшие периоды в истории русской деловой речи рассматриваются как комбинации способов выражения этих трех базовых метафорических моделей.

Ключевые слова: деловая речь, деловая коммуникация, метафора, метафора государства – семьи, метафора государства – механизма, придворная метафора государства.

Цитирование. Руднев Д. В., Садова Т. С. Метафора государства и способы ее выражения в русской деловой речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 21–36. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>

Введение

В научной литературе вопрос о метафоре (и тем более о ее типах) в деловой речи обычно не ставится в силу очевидной невозможности ее использования в этой речевой системе. Современная деловая речь лишена фигуративности вследствие таких ее стилистических черт, как точность, неличный характер изложения, стандартизованность, официальность. Тропы, в частности метафора, очевидным образом противоречат этим требованиям. «Лишь в одной из сфер письменной речи средства словесной образности почти совсем неупотребительны. Это – деловая речь, поскольку здесь официальности, точности, безэмоциональности общения и терминованности выражения оказываются как бы противоположными образные средства» [Котурова, 2016, с. 460].

Элементы образности, впрочем, присущи деловой речи переломных эпох, когда власти, стремясь донести до адресата свою волю, апеллируют не только к разуму, но и к чувствам: «...деловому стилю не всегда далеки, а, наоборот, в определенной исторической ситуации близки агитационно-пропагандистские образно-экспрессивные задачи» [Логина, 1968, с. 200–201]. К числу таких эпох относится, например, период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г., первые годы советской власти, период Великой Отечественной войны; в документах этого времени встречается значительный пласт риторических средств (см.: [Логина, 1968, с. 196–201, 219–222; Грановская, 2005, с. 294–

297; Протопопова, 2013; 2015; и др.]). Риторический элемент был присущ и некоторым жанрам деловой речи в дореволюционной России, например царским манифестам по случаю войн или иных чрезвычайных событий, различными воззваниями и др.

Все же основной массив деловых документов и деловая коммуникация в целом лишены риторического начала и, как следствие, фигуративности. Однако такой вывод справедлив при рассмотрении поверхностных структур языка, призванных создавать образность текста; если обратиться к понятийным, глубинным метафорам государственного устройства России разных эпох и речевым способам их выражения, то ситуация оказывается совершенно иной.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили разновременные тексты делового стиля преимущественно XVIII в., в которых раскрывается государственная метафора, присущая той или иной эпохе (см. список источников). Однако основное внимание уделяется XVIII в. как времени коренного преобразования государственного устройства России, нашедшего отражение в языке делового общения.

Цель исследования – описание языковых средств делового языка, представляющих государственную метафору XVIII в. на фоне предшествующей и последующей метафорических моделей государственной коммуникации. Это достигается с помощью комплекса методов, в самом широком смысле раскры-

вающих функциональную, прагматическую направленность делового текста вообще и государственного документа (закона, указа, устава и др.) в частности. Поэтому был применен метод лингвопрагматического анализа текста с учетом его общестилистических и жанровых черт. Существенные результаты были получены традиционными общелингвистическими методами – лексико-семантического анализа отдельных слов и семантико-синтаксического анализа конструкций долженствования, по справедливому утверждению Л.Р. Дускаевой и О.В. Протопоповой, – важнейшей стилистической доминанты деловой речи, реализующей основные регулировочные функции государства [Дускаева, Протопопова, 2016, с. 274].

Стилевая окраска долженствования (иначе – волеизъявление, императивность, директивность, прескриптивность) обусловлена и тем, что деловая речь «характеризуется ярко выраженной стратегией воздействия адресанта на адресата с целью побуждения второго к совершению определенного (чаще всего посткоммуникативного) действия» [Комлева, 2003, с. 4–5]. Поскольку побуждение осуществляется «на основании власти или социального положения» [Богданов, 1990, с. 53], такие речевые акты относятся к классу инъюнктивов.

Итак, деловое общение характеризуется отчетливо выраженной установкой на адресата, а значит, предполагает реализацию установленных (традиционных или насаждаемых властью) моделей отношений между адресантом и адресатом. Очевидно, что коммуниканты, вступая в диалогические отношения, реализуют определенную поведенческую установку, диалогические роли, в свою очередь, объединяются в ролевую модель.

Результаты и обсуждение

Источником моделей отношений между участниками деловой коммуникации является господствующее в обществе представление о том, как устроены государство и отношения в нем между людьми.

Государство, безусловно сложное и многоаспектное явление, познается не только рационально, но и через глубинные (концептуальные) метафоры [Чудинов, 2012, с. 124].

Важность метафоры в политике была отмечена еще Дж. Лакоффом и М. Джонсоном: «Политические и экономические идеологии формируются на основе метафор» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 252]. Метафоры государства и власти активно употребляются и в современной политической коммуникации, которая «направлена на завоевание, удержание и использование власти, сохранение, укрепление или изменение существующих властно-управленческих отношений в обществе» [Грачев, 2004, с. 18–19], и транслируются через средства массовой информации.

Таким образом, метафора государства выступает как способ познания его устройства (когнитивная функция) и как модель поведения между участниками политической коммуникации (моделирующая функция). Типы метафор власти хорошо изучены: в рамках политической лингвистики выделяют антропоморфные, фамильные, домашние, милитарные, механистические и др.

По нашим наблюдениям, в истории русской деловой речи нашли отражение как минимум три метафорические модели государства (далее – ММГ), («метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятиями сферами, которую можно представить определенной формулой: “X – это Y”» [Чудинов, 2012, с. 131]): 1) «государство – семья / феодальный дом» (семейная метафора); 2) «государство – механизм» (механистическая метафора); 3) «государство – европейский королевский двор» (придворная метафора).

Каждая модель характеризовалась набором нескольких разнопорядковых (в том числе – лингвистических) признаков: способы номинации участников деловой коммуникации; способы номинации объектов действительности и отношений между ними; особенности отношений между участниками; способы выражения императивности; господствующая тональность текста.

ММГ: Государство – феодальный дом (семья)

Эта, видимо, изначальная метафорическая модель представляет участников делового общения в виде членов большой семьи, из

чего следует целый ряд важных черт средневековой деловой речи: ее исходная устно-речевая основа, проявляющаяся в орфографии, лексических номинациях, особенностях синтаксиса, прямая директивность деловых текстов, слабая отграниченность деловых отношений от бытовых, большая доля не фиксируемых на письме отношений, генетическая связь деловых жанров с разговорно-речевыми, общая фамильярная тональность деловых текстов.

Семейная метафора имела естественное происхождение: государство формировалось в результате разрастания и объединения традиционных семей и на него естественным образом переносилась система отношений в семье. «Семейный быт, от которого, надо думать, пошло развитие человеческих обществ, представляется господством главы семейства над членами его семьи. При отсутствии других высших союзов в руках его сосредоточивается всякая власть, светская и духовная, над членами его семьи» [Сергеевич, 1883, с. 55]. Глава государства выступал в роли отца, подчиненные – в роли детей. В свою очередь, сам государь и его семья мыслили управление государством как продолжение управления домом. Все это вместе и в условиях отсутствия иных моделей государства формировало семейную метафору как единственно возможную, отвечающую реальным мировоззренческим установкам человека средневековой Руси. Она использовалась для осмысления как внутри-, так и внешнегосударственных отношений.

А.М. Селищев, характеризуя особенности языка «Русской Правды», писал: «Близость к живой народной речи обусловлена была не тем, что то был начальный момент его письменного применения, а содержанием речи, сферой применения ее» [Селищев, 1957, с. 59]. Иными словами, власти не видели необходимости в создании какого-то отдельного языка для целей управления, и весь допетровский период существовавший регулятивный язык государства сохранял устойчивую связь с живой устной речью, отражая присущие ей черты. Это было характерно как для законодательных, распорядительных, так и просительных документов. Например:

(1) У кого корчму вымут впервые, или кто на продажу вино курит, и на тех впервые заповеди правити по пяти рублев, а на питухах по полуполтине на человеке. А у кого корчму вдругоряд вымут, и на тех людех заповеди править вдвое, по десяти рублев, а на питухах по полтине на человеке, да тех же людей, у кого корчму вымут вдругоряд, бити кнутом по торгом, а питухов бити батоги (ПРП, вып. 6, с. 443. Соборное уложение);

(2) Лѣта 7182 Июля въ 24 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, указу и по приказу воеводы князя Якова Петровича Волконского, память Якутцкого острогу сыну боярскому Матвѣю Ярыгину. Итти ему, съ служилыми людьми, Великого Государя на службу, въ Олекминской острожекъ, для Великого Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, ясачного сбору. И пришедь, тебѣ Матвѣю принять у сотника казачья у Третьяка Смирнягина Олекминской острожекъ, и служилыхъ людей, и аманатовъ, по росписи, которыхъ у него Третьяка налицо заѣдешъ, и аманатскіе рыбные кормы, и ясачныя книги, и Великого Государя въ казнѣ всякіе товары, и суды и судовые снасти; а сколко чего налицо примешъ, и въ томъ съ нимъ росписаться, а росписався, выслать его Третьяка и служилыхъ людей всѣхъ въ Якутцкой острогъ... (АИ, т. 4, с. 521. Наказная память якутскому сыну боярскому Матвею Ярыгину, 24.07.1674).

Процитированные документы стилистически объединяет устно-разговорный синтаксис (господство сочинительных (присоединительных) связей, обилие союзов *а, и, да*, пояснительные конструкции) и отсутствие книжной лексики. Различия заключаются в том, что первый текст содержит некоторые устаревшие морфологические формы: инфинитив на *-ти*, окончания существительного мужского рода *-ех* в форме мн. ч. предл. п., *-ом* в форме мн. ч. дат. п., *-и (ы)* в форме мн. ч. твор. п. Старые формы придают изложению стилистическую приподнятость, однако соседствуют с разговорными формами в одном контексте; ср.: *правити* – *править*, *питухех* – *питухах*. Вместе с тем можно отметить полное отсутствие форм аориста и имперфекта как абсолютно книжных.

Наиболее типичным способом выражения предписания в документах допетровского времени является инфинитив. Эта форма, во-первых, тесно связана с устно-разговорной

сферой языка и, во-вторых, четко выражает субъектно-объектные отношения в ситуации волеизъявления: не называя субъекта в силу его очевидности, она управляет дательным адресата. Другими типичными способами выражения предписания были форма императива и глагол *велеть* в сочетании с инфинитивом, которые также управляли дательным падежом со значением адресата волеизъявления. Запрет выражался главным образом инфинитивом в сочетании с частицей *не*, включая сочетание *не велеть*; разрешение – словами *воля, вольно, волен*:

(3) А будет в том лесу бортное его дерево повалится со пчелами, или безо пчел, и похочет он ис того дерева пчелы или улей безо пчел высечи, и ему те пчелы с ульем из лесу **вывести вольно**, а верховья и коренья **оставити** в лесу тому, чей тот лес, а бревен никаких, ни дров ис того чюжаго лесу **не возити** ни которыми делы, и в тот чюжой лес **не вступатся**, и своим лесом **не называти** (ПРП, вып. 6, с. 133. Соборное уложение).

Семейная ролевая модель наиболее полно реализовалась в просительных документах типа челобитной. Отметим, что название *челобитная* закрепляется в русской деловой речи лишь со второй половины XVI века. Ранее просительные документы были известны под именем *жалобницы*, отсылающим название делового жанра к бытовому жанру жалобы. Просительные документы допетровского времени моделировали ситуацию жалобы младшего, обделенного члена семьи к своему отцу. Например:

(4) Црю гсдрю і великому князю Феодору Алєзѣвичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіі самодержцу бьет челом холоп твои стряпчи конюгъ Евсютка Верещагинъ в ннешнѣмъ гсдрь во РПИ м, году в ноябре мце збѣжала от меня холопа твоего женишка моя Феколка і в ннешнемъ же гсдрь во РПИ м году декабря въ 31 де вынели женишку мою в Новомещанскои слободы у вдовы у Марє Самоилове дочери млсрдѣи гсдрь црь і великіи кнзь Феодоръ Алєзѣвичъ всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росіі самодержецъ пожалуи меня холопа своего вели гсдрь тое вдову Марю взят в Посолскои приказъ и допроситъ хто ея к неи вдове привел или она сама пришла и хаживал ли к неи оць и мать или неть црь гсдрь смилуися пожалуи (МДБП, с. 231. Челобитная Е. Верещагина, 18 декабря 1679 г.).

Ситуация ходатайства представляется не как удовлетворение законных требований челобитчика, а как побуждение государя проявить милость, пожалеть его. Побудительная интенция документа заключена, например, в глаголах *смиловаться* ‘милостиво отнестись, призреть, снизить’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 193) и *пожаловать* ‘пожалеть о ком-, чем-л.; выразить сожаление; оказать какую-л. милость, благодеяние, пожаловать; соизволить, пожелать сделать что-л.’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 16, с. 93), которые имеют форму императива. Лексическое наполнение текста челобитной служит тому, чтобы расположить адресата к оказанию милости просителю. Это достигается особым именованием автора и получателя челобитной: адресат просьбы именуется *милосердным, милостивым*, адресант – диминутивными формами антропонимов (*Митька, Сенька, Ивашко, Фролко*), которые подчеркивают незначительность просителя наряду с пренебрежительными наименованиями его родственников и имущества (*женишко, детишки, сынишко, животишки, домишко* и пр.). Незначительность автора челобитной должна убедить адресата в том, что и просьба его незначительна [Садова, Руднев, 2020, с. 10–12].

Отдельного упоминания заслуживает использование челобитчиками для самоименования апеллятивов *холоп, сирота, богомолец* применительно к просителям-мужчинам и *вдова, раба, богомолица* – к женщинам. По мнению С.С. Волкова, они употреблялись в челобитных не в собственных своих значениях, а в значении ‘безусловно покорный (-ая), верноподданный (-ая)’ [Волков, 2006, с. 41]. Однако более точным представляется мнение историка С.Б. Веселовского. «Термины *холопы, богомольцы, сироты*, по мысли С.Б. Веселовского, применялись в подписях не случайно, а в связи с характером государственной идеологии того времени. Эти термины были метафорическими изображениями государства в виде феодального дома, в котором помимо прямых родственников были члены дома, не связанные узами кровного родства: *холопы* – работники, *богомольцы* – строители духовной жизни дома и *сироты* – безродные, нищие люди, желавшие стать членами дома. При этом выражение *сироты*

твои служило своеобразным укором господину: на недостаточное внимание к своим людям, к их тяжелому материальному положению или моральному состоянию» [Качалкин, 2014, с. 75].

Завершая обзор семейной метафорической модели государства, отметим, что она имела универсальный характер и использовалась для моделирования отношений не только внутри государства, но и между государствами. Русские летописи, повествуя об отношениях между потомками Рюрика, в общем владении которых находилось правление Древней Русью, отмечают, что, подчиняясь тому из своих родственников, кто становился великим князем, они признавали его «в отца место». Так, в 1054 г. Ярослав Владимирович, умирая, поручил своих младших сыновей старшему сыну Изяславу со словами «да то вы будете в мене место» [Сергеевич, 1883, с. 305]. В 1150 г. Вячеслав и Изяслав целовали между собой крест в том, чтобы «Изяславу имети отцем Вячеслава, а Вячеславу имети сыном Изяслава» [Сергеевич, 1883, с. 306]. В 1160 г. Святослав Ольгович с союзниками принудил к миру своего племянника Святослава Владимировича, который обязался «имети ему его в отца место и во всей воли его ему ходити» [Сергеевич, 1883, с. 306]. Эта формула, однако, не означала безусловного подчинения одного князя другому: «условие имети кого-либо в отца место заключает в себе только обязанность воздавать названному отцу самую высокую дань почтения, уважения и любви» [Сергеевич, 1883, с. 311].

Добавим к сказанному, что обращение государей друг к другу с использованием слова *брат* (*Monsieur mon frère* ‘государь, брат мой’) было типичным и для европейской жизни Нового времени. Потому, например, отказ Николая I обращаться к Наполеону III таким образом был расценен как оскорбление и вызвал дипломатический скандал.

ММГ: Государство – механизм

Проникновение этой метафорической модели государства в русскую деловую сферу было связано с петровскими преобразованиями. К моменту петровских реформ старая модель власти, основанная на уподоблении

государства большой семье, была недостаточной как вследствие размера государства и численности населения, так и в силу сложности задач, стоявших перед властями. Нужно было такое устройство управления, при котором делегирование полномочий от царя различным учреждениям происходило бы на постоянной и упорядоченной основе. Как нельзя лучше такому устройству государства отвечала метафора механических часов, широко использовавшаяся в европейской политической мысли XVII в. (подробнее об этом см.: [Stollberg-Rilinger, 1986]). В XVIII–XIX вв., однако, оказалось, что делегирование учреждениям полномочий на постоянной основе размывало представление о монархе как источнике власти и подрывало его власть, следствием чего стали европейские революции, направленные на ограничение или свержение власти монархов.

Петр I был знаком с представлениями о государстве как механизме. Об этом свидетельствует, например, записка Лейбница (которого Петр I ценил чрезвычайно высоко), поданная царю в июне 1716 г., где встречается такой фрагмент: «Государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точной соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы» [Герье, 1871, с. 197].

Под влиянием новой метафоры государства начинаются изменения в деловой коммуникации. В рамках государства-механизма субъекты деловой коммуникации уподобляются его частям (шестеренкам, винтикам), каждый из которых выполняет заданную ему функцию, а их отношения приобретают обезличенный характер. Эта метафорическая модель вызвала к жизни ранее неизвестные русской деловой речи жанры устава, регламента, инструкции. «Законодательство Петра отличается регламентарным характером. Вместо прежних коротеньких норм, которые отрывочно определяют отдельные частные казусы и пробелы которых восполняются указаниями обычая – оно замыкается в форму подробных, обшир-

ных уставов, предусматривающих и старающихся определить каждую мельчайшую деталь» [Богословский, 1902, с. 4].

Изменения коснулись и деловой речи. Так, официальность, которая возникает в документах с Петровской эпохи и со временем усиливается, следует рассматривать как проявление постепенного отчуждения деловой речи от разговорной стихии. Такие стилевые черты, как безличность, неэмоциональность, клишированность речи и стандартность речевых конструкций, оказывались изоморфными устройству механизма.

В Петровскую эпоху для обнародования документов стал применяться печатный станок. Сначала новую форму обрели законодательные и распорядительные документы верховной власти, но постепенно практически все документы становятся печатными. Использование печатного станка в оформлении документа, а также стремление к стандартизации текста вело к существенной трансформации способов его представления: реквизиты документа постепенно получают графическое и пространственное выделение. Более дискретно начинает оформляться основное содержание документов: борясь с излишней текучестью и недостаточной ясностью изложения, обусловленной устноречевой основой деловой речи, власти вводят в документы изложение по пунктам.

Меняется лексико-синтаксическое оформление деловой речи. Если в рамках семейной модели власть, принадлежавшая государю-отцу, довольствовалась при выполнении управленческих функций устноречевыми единицами, то в рамках новой модели начинается поиск новых речевых средств – отличных от устно-разговорных. Смена речевых средств происходила не одновременно: новые средства постепенно возникали и укоренялись в «старом», приказном языке, вытесняя старые единицы. Быстрее менялся лексический состав и значительно медленнее, почти полтора столетия, – синтаксис. Окончательный разрыв с традицией приказного языка происходит в период правления Александра I, когда в ходе министерской реформы начинается перевод письменной деловой коммуникации на литературный язык, формировавшийся в течение XVIII века.

На протяжении XVIII в. деловой язык имел переходный характер. Синтаксический строй сохранял устойчивую связь с предшествующей эпохой, испытывая редкое и слабое влияние европейской литературной фразы. Лексическое наполнение представляло сплав русских разговорных слов, европейских заимствований и славянизмов. Славянизмы, однако, употреблялись очень ограниченно и были представлены некоторыми союзами, местоимениями, наречиями типа *токмо, такожде, точию, паки, вкупе, сей, оный, понеже, ибо, дабы* (см. подробно: [Майоров, 2009]). Востребованными были также некоторые словообразовательные славянизмы: словосложные слова (*нижреченный, вышеименованный* и пр.), производные с аффиксами *воз-, -ост', -(ен)иј-, -ств-*. Активность суффиксов с абстрактным значением была обусловлена не столько стилистическими (хотя и ими тоже), сколько семантическими причинами – начавшейся заменой личных форм глагола отглагольными существительными под влиянием механистической модели государства, в рамках которой отношения представлялись обезличенно.

(5) Хотя по Генеральному регламенту и по состоявшимся пополнительным указом имянно определено, каким образом во учрежденных вышних и нижних судах во отправлении дел поступать, токмо, как нам известно, что по тем регламенту и указом не везде исполняется, как и ныне в нашем Сенате и в Комерц коллегии произошли некоторые между собою споры и несогласия, и многие канцелярские служители оной Комерц коллегии арестованы, от чего не токмо скорого и лутчаго по надлежащему порядку в делах и интересах наших отправления ожидать, но и, следовательно, остановка и упущение из того произойти может, и хотя мы о том повелели исследовать в нарочно утвержденной для того комиссии, однако ж, разсуждая, что в том следствии произойдет продолжение, а между тем в делах остановка. Того ради указали мы тое комиссию отставить и заарестованных в коллегии секретаря и прочих канцелярских служителей, також и тех, которые по тому ж делу в Сенате задержаны, свободить и быть им всем в той коллегии у дел по званию каждаго по прежнему и происшедшие споры и несогласии всеконечно оставить и никому не возобновлять (ПСЗРИ, т. 9, с. 240–241, 1733 г.)

Приведенный фрагмент хорошо иллюстрирует черты деловой речи XVIII в., а именно

нанизывание предикативных конструкций на основе присоединительных связей, недостаточно четкие смысловые отношения между ними, разговорную лексическую основу, включающую заимствования (*регламент, секретарь, коллегия, Сенат, комиссия, интерес, арестовать*), использование европейских калек (германизмы *следовательно* ‘*folglich*’, *каким образом* ‘*auf was Art*’, ‘*welcher Art*’, ‘*welcher Gestalt*’, ‘*welcher Weise*’), славянизмов (*токмо, всеконечно, несогласие, упушение, отправление, следствие*).

В отличие от семейной метафоры государства, которая сложилась естественным образом, механистическую модель власть навязывала подданным, преодолевая их сопротивление. Это видно на примере вмешательства Петра I в законодательство о челобитных. Прежде всего, царь запретил челобитчикам под страхом строжайшего наказания давать челобитные ему в руки: см. указы 1714, 1715, 1718 гг. (УПВ, с. 11, 24, 30–31, 72–73, 102–104). Этот запрет многократно повторялся, поскольку подданные продолжали рассматривать свои челобитные как личные жалобы царю.

В одном из своих указов Петр I разъяснял, почему он ввел запрет на вручение ему челобитных: в государстве создана система судов разного уровня, и челобитные должны были рассматриваться в них – к царю челобитная могла попасть только в том случае, если права челобитчика были нарушены при рассмотрении прошения в судах всех уровней, включая Сенат. Таким образом, семейная метафора власти разрушалась запретом личного обращения подданных к монарху, которые продолжали воспринимать его как отца.

Изменения вносились и в язык челобитных. Указом от 30 декабря 1701 г. челобитные и прочие просительные документы необходимо было впредь подписывать не полуименем, а полным именем и фамилией:

(6) На Москве и в городах царевичам, и боярам, и окольниковым, и думным, и ближним, и всех чинов служилым, и купецкаго, и всяких чинов людям боярским, и крестьянам к великому государю в челобитных и в отписках, и в приказных и домовных во всяких письмах генваря с 1 числа 702 года писаться целыми именами с прозваниями своими, а полуименами никому не писаться (ПСЗРИ, т. 4, с. 181).

С одной стороны, в этом можно усмотреть стремление властей установить единообразие в принципах официального именования лиц и сблизить принципы именования с европейскими. Диминутивные формы антропонимов употреблялись лишь в небольшой части деловых текстов – челобитных, писцовых книгах и др. С другой стороны, отмена полуимен означала запрет подданным на личное обращение к царю, так как подобные формы имели эгоцентрический характер и являлись важным экспрессивным средством просительных документов.

В марте 1702 г. появился указ, регламентировавший формы прошений на царское имя, которые должны были начинаться формулой *Державнейший царь, государь всемилостивейший*, а заканчиваться *Вашего Величества нижайший раб*. Указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 года окончательно определил структуру челобитной и дал ее образец:

(7) «Форма челобитным

Титло

Потом бьет челом имрак на имрака, а в чем мое прошение, тому следуют пункты, и писать пункт за пунктом.

1.

Прошу Вашего Величества о сем моем челобитье решение учинить.

Все суды и розыски имеют по сей форме отпращивать...» (УПВ, с. 144, третья пагинация).

Несмотря на то что челобитная составлялась на имя монарха, документ поступал в одно из государственных учреждений, то есть коммуникация имела опосредованный характер. Результатом этого стала утрата разнообразных средств убеждения адресата, адресант больше не использовал эмоционально-оценочную лексику, не пытался разжалобить адресата – он просил о своем «челобитье решение учинить». Государство властно вмешивается в принципы составления документа: стремясь сделать информацию документа более доступной и дисциплинировать речевое поведение просителя, оно предписывает изложение по пунктам и по законодательно установленной форме. Это нашло отражение в грамматическом оформлении речевого действия: в челобитных глаголы повелительного наклонения глагола были вытеснены перфор-

мативом *прошу*, который эксплицитно указывал на речевые намерения челобитчика, но не имел воздействующей силы императива.

Обращение к челобитным XVIII в. показывает, что предписанные правила строго выполнялись, например:

(8) Всепресвѣтлѣишии державнѣишии велики гедрь императоръ и самодержецъ всероссійскіи гедрь всемслтивѣишии:

[Бъ]ет челом цркви Сергия чудотворца что на Дмитровке попь Петръ Спиридоновъ а о чемъ мое прошение тому слѣдуютъ пункт[ы]

1

В прошлом 739 м году дядя мои двоюродной Геролдъmeisterской канторы подканцеляристъ Иванъ Муromoвъ отдалъ мнѣ для одиначества моего крепостную свою дѣвку по ѡдинокетому году которую купил у князь Михаила князь Михаила сна Хаванского Дарью Пантѣлѣеву дочь

2

И сего Ѳевраля 5 г дня оная моя двка покрав бѣжала не вѣмъ куда а покрав снесла каламенковую юпку китаичетую душегреику цѣна рубль две рубашки дватцетъ копѣекъ полушубакъ китаичетой на заечьемъ мѣху цѣна одинъ рубль епанчуо камчатую на бѣ[lichem] мѣху хрептовомъ цена восемь рублей да днгъ пять рублей

И дабы высочайшимъ ваше[го] императорского величест[ва] указомъ повѣлено было сие мое яв[чное] челобитье в Полицыmeisterской канцеляр[ии] принять и записать явочныхъ челоби[тен] в кнгу впред для вѣдома і сыску онои д[евки] во всѣхъ полицейскихъ командахъ объяви[ть] у приказу;

Всемлстивѣишии гедрь прошу вашего императорского величества о семъ моемъ прошении[и] решение учинить 1741 г Ѳевраля дня к поданию надлѣжить в Полицmeisterской канцеляриі

Прошение писал я попь Петръ Спиридоновъ і руку прилож[ил] (ПМДП, с. 168–169. Явочная челобитная П. Спиридонова, 05.02.1741).

ММГ: Государство – европейский королевский двор

Эту метафорическую модель следует воспринимать как производную от механистической метафоры, поскольку она отражала результаты социальной инженерии в отношении европейского дворянства Нового времени.

Постепенно в государственной коммуникации все большее значение приобретает этикетность, следование правилам социального

поведения, нежели полезность и «механистическая» целесообразность, естественность того или иного действия и поступка. Иными словами, участникам государственного управления все строже предписывалось соблюдение жестко заданного поведения.

Начало активного формирования такой формы коммуникации, которую метафорически можно соотнести с «придворной (салонной)» формой общения и поведения, приходится на правление Екатерины II.

Социальное дисциплинирование дворянина происходило в результате его воспитания и образования, в ходе которых целенаправленно преобразовывалась и подавлялась естественная природа человека и дворянин принимал систему ценностей, набор правил, манеры поведения в обществе, способы изъяснения чувств благородного человека.

Некоторыми чертами придворная модель государства была схожа с механистической: дворяне, подобно «деталю в механизме», при социальном взаимодействии вели себя по общим для них жестким правилам. Однако в сравнении с механизмом поведение дворян имело интериоризированный, внутренне усвоенный характер. Следование правилам поддерживалось понятием чести; в русском языке XVIII в. *честь* – это и «слава», и «достопочтенное имя, приобретаемое преимущественными качествами, отменными деяниями и другими отличиями» (САР, т. 6, с. 725). Было существенное отличие и от семейной метафоры: в рамках последней отношения имели непосредственный, прямой, «фамильный» характер, подчеркивалось социальное неравноправие участников общения, тогда как придворная модель предполагала непрямой, опосредованный этикетом характер коммуникации и вуалирование отношений неравноправия идеей общей культуры, воспитания и общественных интересов.

Этикет общения предусматривал, прежде всего, сложно организованное речевое взаимодействие дворян друг с другом. Образцы письменной речи усваивались через многочисленные письменники. Культивировались изящность речи, непрямая манера общения, запрет на грубость и прямоту, открытое соперничество собеседнику, подчеркнутое изъяснение чувств, использование фигур речи и др.

Такая манера общения кажется сегодня искусственной (таковой она и была – это сознательное удаление от прямого выражения мыслей и чувств), однако дворяне в силу единого культурного кода, усваиваемого через одинаковое образование, прекрасно понимали такую речь.

Придворная метафорическая модель прочно вошла в политическую и светскую жизнь Европы уже в XVII–XVIII вв. (о ее использовании во Франции XVIII в. подробно см.: [Пименова, 2018, с. 341–356]). Проникновение этой модели в русскую государственную коммуникацию, и, как следствие, – в деловую речь, сдерживалось несколькими факторами: отсутствием нового литературного языка (он начинает складываться ближе к середине XVIII в.) и образцов изящной словесности, дворянского образования (оно формируется с появлением кадетских корпусов, а позже пансионов и университетов) и способами фиксации деловой речи на протяжении XVIII века.

До министерской реформы принятие решений происходило чиновниками-дворянами, а письменное оформление документов осуществлялось канцеляристами и секретарями, относившимися к непривилегированным социальным слоям: «...коллежское делопроизводство осуществлялось еще на началах полного “безгласия” канцелярии, когда она выполняла роль “коллективного писаря”» [Литвак, 1984, с. 50]. В 1804 г. в докладе императору Александру I министр внутренних дел В.П. Кочубей объяснял это неграмотностью чиновников: «Известно, что многие бояре и государственные люди того времени, при весьма здравом и остром разуме, писать однако ж не умели, и некоторые с трудом подписывали свое имя. Сие делало необходимым отделить в приказах и коллегиях часть суждения от части исполнения. Президенты и члены судили, а дьяки в приказах и секретари в коллегиях исполняли» [Санкт-Петербургский журнал, 1804, с. 47–48]. Сейчас подобное объяснение выглядит не вполне убедительным: скорее, речь шла не о неграмотности чиновников, а об их отношении к письменному труду, а также об унаследованном из прошлого устном способе решения дел. Однако это не столь существенно – гораздо важнее то, что секретари и канцеляристы на протяжении XVIII в. воспроизводили те способы составления и оформле-

ния деловых бумаг, которые были им переданы по наследству их предшественниками, работавшими в приказах.

Ситуация меняется в начале XIX в. в результате проведения министерской реформы. Созданием документов начинают заниматься чиновники, а канцелярия становится местом контроля за их движением: «...“канцелярские функции” выполняет все министерство, все подчиненные ему учреждения, весь государственный аппарат сверху донизу, а собственно “канцелярия” выполняет узкие функции “самообслуживания”, состоящие в регистрации и “диспетчерском” регулировании движения “бумаг”» [Литвак, 1984, с. 50]. Это означало изменение социального состава тех, кто сочинял бумаги, – теперь к этому процессу имели отношение главным образом дворяне с их особой письменной культурой, которую они привносят в делопроизводство.

Усилению позиции дворян в делопроизводстве способствовал подготовленный М.М. Сперанским именной указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники» от 6 августа 1809 г., которым вводился образовательный ценз при получении чинов, дававших право на дворянство: для производства в чин коллежского асессора (VIII класс), предоставлявшего право на личное дворянство, наряду с выслугой и одобрением начальства, было необходимо обучение в одном из университетов Российской империи или сдача там специального экзамена.

Важным фактором внедрения новой речевой культуры в делопроизводстве стала позиция министров, например министра внутренних дел В.П. Кочубея и министра финансов Д.А. Гурьева, использовавших новый деловой слог и требовавших того же от своих подчиненных [Магницкий, 1835, с. 20]. Описывая свойства нового делового языка, М.Л. Магницкий отмечает: «Общие свойства языка делового суть: правильность, чистота, краткость, благородная простота, точность и приличие» [Магницкий, 1835, с. 25]. Весьма примечательно, что в списке черт нового делового языка упоминается «приличие», или иначе «приличный каждому акту тон» [Магницкий, 1835, с. 20].

Приличие подразумевало не только выбор правильных риторических средств для создания нужной тональности документа, но и широкое употребление европейской фатической лексики и комплиментарных формул типа *имею честь покорнейше просить, имею счастье всеподданнейше донести, приемлю долг испрашивать, поставляю (непременным) долгом (за долг)* и т. п. Эти формулы, использовавшиеся в частной переписке XVIII в., были введены в сферу деловой коммуникации в связи с изменениями в деловой речи начала XIX века. Приведем фрагмент одного из письмовников середины XIX в.:

(9) Если в рапорте извещают о чем-нибудь, то всегда употребляют выражение: *честь имею донести*; в рапортах к государю императору пишут: *счастье имею всеподданнейше донести*; а к лицам высочайшей фамилии: *счастье имею донести*. К высшим начальникам, в знак особого уважения, пишут: *почтительнейше честь имею донести*. Когда представляется на рассмотрение какое-либо обстоятельство, тогда пишут: *честь имею представить*. Если доносят о чем-нибудь и вместе с тем испрашивают разрешения, то пишут: *имея честь представить сие на благоразсмотрение Вашего Превосходительства, испрашиваю разрешения*. При сем должно наблюдать, чтобы слова: *честь имею донести, честь имею представить* (особливо в коротком рапорте) не повторялись (Образцовый письмовник, 1845, с. 63).

Для деловых документов XIX в. была характерна непрямая императивность. М.Л. Магницкий, говоря о слоге инструкций и наставлений, отмечает их особый тон, которым проявляются «оттенки уважения к сословию или доверенности и благоволения к лицу, инструкцию получающему» [Магницкий, 1835, с. 50]: он проявляется в замене слов *предписываю, приказываю* выражениями *поручаю, ожидаю от вас, вы не оставите, мне приятно будет* и пр. [Магницкий, 1835, с. 50]. В приведенной цитате примечательно упоминание о доверенности, которое было обусловлено общностью (дворянской) культуры.

Неуместность многих деловых элементов стала очевидной в связи с социальными изменениями в русском пореформенном обществе второй половины XIX в. (постепенная утрата дворянами господствующего положе-

ния в культуре и ее демократизация) и отмечалась документоведами на рубеже XIX–XX веков. Так, А.Н. Долгов в пособии по делопроизводству писал: «Каждая деловая бумага должна быть изложена по возможности кратко, ясно и точно, без употребления лишних и не идущих к делу фраз и выражений. Принятые в общественной жизни слова и фразы учтивости: *господин, имею честь, почтительнейше, усерднейше* и т. п. – в служебной переписке не должны быть употребляемы» [Долгов, 1892, с. 8]. Ограничивался также круг императивной лексики, использовавшейся в предписаниях и рапортах. В «Положении о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве» разъяснялось, что «начальник всегда дает своему подчиненному предписание, хотя бы подчиненный состоял в равном и даже в высшем чине, причем воспрещается употреблять слово “прошу”, а писать непременно: “приказываю”, “предписываю” или “предлагаю”» (Положение о письмоводстве, 1915, с. 5). Служебная бумага «должна излагаться ясно, кратко и точно, без не идущих к делу фраз учтивости (*господин, имею честь, почтительнейше* и т. п.), титулов (*Ваше Превосходительство, Сиятельство, Ваше Благородие* и пр.), кроме случаев обращения к высочайшим особам, без заключительных фраз (*о вышеизложенном доношу* и т. п.)» (Положение о письмоводстве, 1915, с. 10).

Революция 1917 г. и последующие изменения в социальной структуре российского общества способствовали полной утрате комплиментарной фразеологии: она ассоциировалась с эпохой, чуждой новой власти, объявившей всеобщее равенство и построение демократического общества. Востребованной оказалась механистическая модель государства, язык документов приобрел современную обезличенность, официальность и сухость.

Однако полностью придворная модель не была утрачена – она сохранилась в дипломатическом подстиле официально-делового стиля. Ее существование поддерживалось в дипломатической речи международными документами и договорами. Очень точно и прозорливо об этом еще в середине XIX в. писал М. Магницкий: «Слог дипломатический есть, так сказать, разговорный язык государств,

принимаемых за лица нравственные. Сие определение достаточно показывает, что принадлежности его должны быть: *ясность, точность, достоинство* и *утонченность* оборотов» [Магницкий, 1835, с. 86–87].

При переходе от придворной модели имперского периода к механистической модели советского и постсоветского времени лексическая и синтаксическая основа делового языка подверглась незначительным преобразованиям. Основные изменения свелись к утрате комплиментарной и фатической лексики и перифрастичности, к еще большему ослаблению личного начала, к изменению тональности речи (риторически-участливая окраска речи сменилась подчеркнуто холодной и отстраненной). Очевидна внутренняя близость механистической и придворной моделей государства: хотя в одном случае государство мыслится как механизм, точнее – (в духе Лейбница) как часы, а в другом – как двор, но в обоих случаях образ его формируется на основе представлений о рациональных законах человеческого взаимодействия в государстве.

Тесную связь с обеими моделями обнаруживают модальные предикаты *должен* и *обязан*. В современном языке *обязан* имеет два значения: деонтическое – ‘имеющий что-л. своей обязанностью, долгом’ и устаревающее комплиментарное – ‘получивший, сделавший что-л., достигший чего-л. и т. п. благодаря кому-, чему-л.; испытывающий благодарность, признательность к кому-л. за что-л.’ (МАС, т. 2, с. 582). Эти значения слово приобрело в XVIII веке, ср.: ‘словесным или письменным обещанием долженствующий, понуждаемый делать что’ и ‘одолженный’ (САР, ч. 1, с. 1117) в результате заимствования этих значений у глаголов *obliger* (фр.) и *verbinden* (нем.). Модальное слово *должен* может выражать долженствование как деонтическое (правовые, служебные и т. п. нормы), так и нравственное (моральные обязательства, ср.: устаревшее значение ‘обязанный кому-л.’; ср.: *я должен ему сохранением моей жизни* ‘je lui dois la conservation de ma vie’ (Нордстет, т. 1, с. 167). Все это говорит о том, что предикаты *должен* и *обязан* выражали идею нравственного долга, типичного для придворной модели деловой коммуникации.

Выводы

Выделяя три метафорические модели государства в качестве способов организации деловой речи, мы понимаем известную дискуссионность предложенного исследовательского инструментария. Вместе с тем описываемые модели позволяют, во-первых, применительно к современному языку объяснить различия речевых структур, лежащих в основе дипломатических и внутригосударственных документов; во-вторых, рассматривать исторические изменения в деловом языке не как абстрактный процесс постепенного олитературивания деловой лексики и синтаксиса, а как смену принципов организации речевых средств деловой речи, отражавших изменения в представлении об устройстве государства; в-третьих, по-новому объяснить системность деловой речи, обусловленность набора стиливых доминант, характерных для разных эпох, а также увидеть прямое вмешательство власти в развитие делового языка.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00338 «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века».

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the project no. 20-012-00338 “The system of imperative means in the Russian official language of the 18th century”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов В. В., 1990. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л. : ЛГУ. 87 с.
- Богословский М. М., 1902. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М. : Императ. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те. XVI, 521, 44 с.
- Волков С. С., 2006. Стиливые средства деловой письменности XVII века : на материале челобитных. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та. 342 с.
- Герье В. И., 1871. Лейбниц и его век. В 2 т. Т. 2. Отношения Лейбница к России и Петру Великому (по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке). СПб. : Печатня В.И. Голвина. 207 с.

- Грановская Л. М., 2005. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. М. : Эллис. 446 с.
- Грачев М. Н., 2004. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М. : Прометей. 327 с.
- Долгов А. Н., 1892. Правила письменных сношений и образцы деловых бумаг. По поручению начальства Морского кадетского корпуса составил подполковник А. Долгов. СПб. : Тип. Мор. м-ва. 55 с.
- Дускаева Л. Р., Протопопова О. В., 2016. Официально-деловой стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 3-е изд., стер. М. : Флинта : Наука. С. 273–277.
- Качалкин А. Н., 2014. Содержательно-стилевые свойства деловых текстов XVII века // Русская речь. № 6. С. 69–76.
- Комлева Е. В., 2003. Лингвостилистические особенности выражения побудительности в текстах официально-деловой прозы (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 18 с.
- Котурова М. П., 2016. Стилистические ресурсы лексики (лексическая стилистика) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 3-е изд., стер. М. : Флинта : Наука. С. 456–469.
- Лакофф Дж., Джонсон М., 2004. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС. 256 с.
- Литвак Б. Г., 1984. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX вв. (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М. : Наука. С. 48–55.
- Лобашевская И. С., 2007. Жанры официально-деловой письменной речи. Петропавловск-Камчатский : КамчатГТУ. 91 с.
- Логинова К. А., 1968. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М. : Наука. С. 186–230.
- Магницкий М. Л., 1835. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М. : Тип. Лазаревых ин-та вост. яз. 120 с.
- Майоров А. П., 2009. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. № 4. С. 29–36.
- Пименова Л. А., 2018. Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка : сб. науч. ст. М. : Ист. фак. МГУ. 410 с.
- Протопопова О. В., 2013. Официально-деловой стиль: проблема стилового единства // Медиалингвистика. Вып. 1. С. 280–289.
- Протопопова О. В., 2015. Стилистические явления в деловой словесности периода Великой Отечественной войны как отпечаток эпохи // Филология и человек. № 2. С. 1–13.
- Русанова С. В., 2015. Промемория в региональном делопроизводстве XVIII в.: функциональная направленность и жанровая специфика // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 2. С. 153–164. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.637>
- Садова Т. С., Руднев Д. В., 2020. Из истории русских просительных жанров: лингвистический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 42, № 5. С. 8–14. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.493>
- Санкт-Петербургский журнал. 1804. № 6. 120 с.
- Селищев А. М., 1957. О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка // Вопросы языкознания. № 4. С. 57–63.
- Сергеевич В. И., 1883. Лекции и исследования по истории русского права. СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншеля. 997 с.
- Сологуб О. П., 2008. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та. 330 с.
- Чудинов А. П., 2012. Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука. 256 с.
- Stollberg-Rilinger B., 1986. Der Staat als Maschine. Zur politischen Metaphorik des absoluten Fürstenstaats. Berlin : Duncker & Humblot. 308 S.

ИСТОЧНИКИ

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842.
- МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М. : Наука, 1968. 338 с.
- Образцовый письмовник, 1845 – Образцовый письмовник, или Хрестоматия писем, содержащая в себе письма на разные случаи жизни общественной. М. : Унив. тип., 1845. 244 с.
- ПМДП – Памятники Московской деловой письменности XVIII в. / ред. С. И. Котков. М. : Наука, 1981. 318 с.
- Положение о письмоводстве..., 1915 – Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве. 4-е изд., доп. Петроград : Издал В. Березовский, 1915. 140 с.
- ПРП – Памятники русского права. Т. 1–8 / под ред. С. В. Юшкова. М. : Госюриздат, 1952–1961.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 де-

кабря 1825 года. Т. 1–45. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830.

УПВ – Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти Государя Императора Петра Великого Самодержца Всероссийского. Состоявшиеся с 1714, по кончину Его Императорского Величества, Генваря по 28 число, 1725 году. СПб. : Императ. Акад. наук, 1739. 1047 с.

СЛОВАРИ

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1986. 737 с.

Нордстет – Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. Ч. 1–2. СПб. : Изданием типографшика и книгопродавца И.К. Шнора, 1780–1782.

САР – Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб. : При Императ. Акад. наук. Ч. 1. 1789. 636 с. ; Ч. 6. 1794. 1068 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука ; СПб. : Нестор-История, 1975– . Вып. 16. 1990. 299 с. ; Вып. 25. 2000. 283 с.

REFERENCES

Bogdanov V.V., 1990. *Rechevoe obshchenie. Pragmaticheskie i semanticheskie aspekty* [Speech Communication. Pragmatic and Semantic Aspects]. Leningrad, LGU. 87 p.

Bogoslovskiy M.M., 1902. *Oblastnaya reforma Petra Velikago. Provintsiya 1719–27 gg.* [Regional Reform of Peter the Great. Province of 1719–27 Years]. Moscow, Imperat. o-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te. XVI, 521, 44 p.

Volkov S.S., 2006. *Stilevye sredstva delovoy pismennosti XVII veka: Na materiale chelobitnykh* [Stylistic Means of Business Writing of the 17th Century: Based on Petitions]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 342 p.

Gerye V.I., 1871. *Leybnits i yego vek. V 2 t. T. 2. Otnosheniya Leybnitsa k Rossii i Petru Velikomu (po neizdannym bumagam Leybnitsa v Gannoverskoy biblioteke)* [Leibniz and His Century. In 2 Vols. Vol. 2. Leibniz Relationship to Russia and Peter the Great (According to Leibniz Unpublished Papers in the Hannover Library)]. Saint Petersburg, Pechatnya V.I. Golovina. 207 p.

Granovskaya L.M., 2005. *Russkiy literaturnyy yazyk v kontse XIX i XX vv.* [Russian Literary Language

at the End of the 19th and 20th Centuries]. Moscow, Elpis Publ. 446 p.

Grachev M.N., 2004. *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie kontseptsii, modeli, vektory razvitiya* [Political Communication: Theoretical Concepts, Models, Vectors of Development]. Moscow, Prometey Publ. 327 p.

Dolgov A.N., 1892. *Pravila pismennykh snosheniy i obraztsy delovykh bumag. Po porucheniyu nachalstva Morskogo kadetskogo korpusa sostavil podpolkovnik A. Dolgov* [Rules of Written Communications and Samples of Official Papers. On Behalf of the Authorities of the Naval Cadet Corps, Compiled by Lieutenant Colonel A. Dolgov]. Saint Petersburg, Tip. Mor. m-va. 55 p.

Duskaeva L.R., Protopopova O.V., 2016. *Ofitsialno-delovoy stil* [Official Business Style]. Kozhina M.N., ed. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 273–277.

Kachalkin A.N., 2014. *Soderzhatelno-stilevye svoystva delovykh tekstov XVII veka* [Content and Style Properties of Business Texts of the 17th Century]. *Russkaya rech* [Russian Speech], no. 6, pp. 69–76.

Komleva E.V., 2003. *Lingvostilisticheskie osobennosti vyrazheniya pobuditelnosti v tekstakh ofitsialno-delovoy prozy (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and Stylistic Features of the Expression of Motivation in the Texts of Official Business Prose (Based on the Material of the Modern German Language). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 18 p.

Kotyurova M.P., 2016. *Stilisticheskie resursy leksiki (leksicheskaya stilistika)* [Stylistic Resources of Vocabulary (Lexical Stylistics)]. Kozhina M.N., ed. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 456–469.

Lakoff J., Johnson M., 2004. *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By. Transl. from English]. Moscow, Editorial URSS Publ. 256 p.

Litvak B.G., 1984. *O zakonomernostyakh evolyutsii deloproizvodstvennoy dokumentatsii v XVIII–XIX vv. (K postanovke voprosa)* [On the Regularities of the Evolution of Office Documentation in the 18th–19th Centuries (To the Question)]. *Problemy istochnikovedeniya istorii SSSR i spetsialnykh istoricheskikh distsiplin* [Problems of Source Study of the

- History of the USSR and Special Historical Disciplines]. Moscow, Nauka Publ., pp. 48-55.
- Lobashevskaya I.S., 2007. *Zhanry ofitsialno-delovoy pismennoy rechi* [Genres of Official Business Writing]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, KamchatGTU. 91 p.
- Loginova K.A., 1968. Delovaya rech i ee stilisticheskie izmeneniya v sovetskuyu epokhu [Official Speech and Its Stylistic Changes in the Soviet Era]. *Razvitie funktsionalnykh stiley sovremennogo russkogo yazyka* [Development of Functional Styles of the Modern Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 186-230.
- Magnitskiy M.L., 1835. *Kratkoye rukovodstvo k delovoy i gosudarstvennoy slovesnosti dlya chinovnikov, vstupayushchikh v sluzhbu* [A Brief Guide to Business and State Literature for Officials Entering the Service]. Moscow, Tip. Lazarevykh in-ta vost. yaz. 120 p.
- Mayorov A.P., 2009. Slavyanizmy v delovom yazyke 1-y poloviny XVIII veka [Slavonicisms in the Business Language of the 1st Half of the 18th Century]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 4, pp. 29-36.
- Pimenova L.A., 2018. *Monarkhiya i pridvornoe obshchestvo vo Frantsii v kontse Starogo poryadka: sb. nauch. st.* [Monarchy and Court Society in France at the End of the Old Order. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Ist. fak. MGU. 410 p.
- Protopopova O.V., 2013. Ofitsialno-delovoy stil: problema stilevogo edinstva [Official Business Style: The Problem of Stylistic Unity]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], iss. 1, pp. 280-289.
- Protopopova O.V., 2015. Stilisticheskiye yavleniya v delovoy slovesnosti perioda Velikoy Otechestvennoy voyny kak otpechatok epokhi [Stylistic Phenomena in the Business Literature of the Period of the Great Patriotic War as an Imprint of the Era]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man], no. 2, pp. 1-13.
- Rusanova S.V., 2015. Promemoriya v regionalnom deloproizvodstve XVIII v.: funktsionalnaya napravlenost i zhanrovaya spetsifika [The Promemoria in the 18th Century Regional Business Documentation: Its Functional Orientation and Genre Specifics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya* [Lomonosov Philology Journal], no. 2, pp. 153-164. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.637>
- Sadova T.S., Rudnev D.V., 2020. Iz istorii russkikh prositelnykh zhanrov: lingvisticheskiy aspekt [From the History of Russian Petitioning Genres: The Linguistic Aspect]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 42, no. 5, pp. 8-14. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.493>
- Sankt-Peterburgskiy zhurnal* [Saint Petersburg Journal], 1804, no. 6. 120 p.
- Selishchev A.M., 1957. O yazyke «Russkoy Pravdy» v svyazi s voprosom o drevneyshem tipe russkogo literaturnogo yazyka [On the Language of “Russkaya Pravda” in Connection with the Question of the Oldest Type of Russian Literary Language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 57-63.
- Sergeevich V.I., 1883. *Lektsii i issledovaniya po istorii russkogo prava* [Lectures and Research on the History of Russian Law]. Saint Petersburg, Tip. i khromolit. A. Transhelya. 997 p.
- Sologub O.P., 2008. *Russkiy delovoy tekst v funktsionalno-geneticheskom aspekte* [Russian Business Text in the Functional-Genetic Aspect]. Novosibirsk, Izd-vo Novosib. gos. tekhn. un-ta. 330 p.
- Chudinov A.P., 2012. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 256 p.
- Stollberg-Rilinger B., 1986. *Der Staat als Maschine. Zur politischen Metaphorik des absoluten Fürstenstaats*. Berlin, Duncker & Humblot. 308 S.

SOURCES

- Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkeograficheskoyu komissieyu: v 5 t.* [Historical Acts Collected and Published by the Archeographic Commission. In 5 Vols.]. Saint Petersburg, Tip. Ekspeditsii zagotovleniya gos. bumag, 1841–1842.
- Moskovskaya delovaya i bytovaya pismennost XVII veka* [Moscow Business and Household Writing of the 17th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 338 p.
- Obraztsovyy pismovnik, ili Khrestomatiya pisem, soderzhashchaya v sebe pisma na raznyye sluchai zhizni obshchestvennoy* [An Exemplary Letter Book, or a Reader of Letters, Containing Letters for Various Occasions in the Life of a Public]. Moscow, Univ. tip., 1845. 244 p.
- Kotkov S.I., ed. *Pamyatniki Moskovskoy delovoy pismennosti XVIII v.* [Written Documents of Moscow Official Literature of the 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 318 p.
- Polozheniye o pismovodstve i deloproizvodstve v voyennom vedomstve* [Regulations on Writing and Office Work in the Military Department]. Petrograd, Izdal V. Berezovskiy, 1915. 140 p.

Yushkov S.V., ed. *Pamyatniki russkogo prava. T. 1–8* [Monuments of Russian Law. Vols. 1–8]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1952–1961.

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye pervoye: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. T. 1–45 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Part: From 1649 to December 12, 1825. Vols. 1–45]. Saint Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. Yego Imperat. Velichestva Kantselyarii, 1830.

Ukazy blazhennyya i vechnodostoynyya pamyati Gosudarya Imperatora Petra Velikago Samoderzhitsa Vserossiyskago. Sostoyavshiyasya s 1714, po konchinu Yego Imperatorskago Velichestva, Genvarya po 28 chislo, 1725 godu [Decrees of the Blessed and Eternally Worthy of the Memory of the Sovereign Emperor Peter the Great Autocrat of All Russia. Held from 1714, After the Death of His Imperial Majesty, January 28, 1725]. Saint Petersburg, Imperat. Akad. nauk, 1739. 1047 p.

DICTIONARIES

Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 2* [Russian Dictionary. In 4 Vols. Vol. 2]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1986. 737 p.

Nordstet I. *Rossiyskiy, s nemetskim i frantsuzskim perevodami, slovar, sochinenny nadvornym sovetnikom Ivanom Nordstetom. Ch. 1–2* [Russian Dictionary, with German and French Translations, Composed by Court Councillor Ivan Nordsteth. Parts 1–2]. Saint Petersburg, Izhdiveniem tipografschika i knigoprodavtsa I.K. Shnora, 1780–1782.

Slovar Akademii Rossiyskoy: v 6 ch. [Dictionary of the Russian Academy. In 6 Pts.]. Saint Petersburg, Pri Imperat. Akad. nauk, pt. 1, 1789. 636 p.; pt. 6, 1794. 1068 p.

Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ.; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 1975–, iss. 16, 1990. 299 p.; iss. 25, 2000. 283 p.

Information About the Authors

Dmitry V. Rudnev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

Tatiana S. Sadova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian Language, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 11, 199034 Saint Petersburg, Russia, tatsad_90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Руднев, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

Татьяна Семеновна Садова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, tatsad_90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.3>

UDC 81.161.1'37

LBC 81.411.2-31

Submitted: 19.12.2022

Accepted: 03.04.2023

SEMANTICS AND FUNCTIONS OF EMOTIVE VOCABULARY IN THE REGIONAL HAGIOGRAPHIC TEXT

Evgeniya G. Dmitrieva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines the peculiarities of emotive vocabulary functioning in the hagiographic texts of the 17th–18th centuries based on the material of short and lengthy editions of the Life of the locally venerable Saint Paisius of Uglich. The research paper aims to describe the semantics of emotives and identify the features of their functions implementation in the regional text. Whilst analyzing the lexical meaning of linguistic units, special attention was paid to additional senses that are actualized in the lexical structure of the text. Thus, contextual analysis made it possible to distinguish between close synonyms with the meanings of “joy” – “fun” and “sadness” – “sorrow” through the establishment of a hierarchy of antonymic oppositions: “joy” – “sadness” as related to the divine, always socially approved feelings experienced by the subject within himself, and “fun” – “sorrow” as often having external manifestations associated with everyday life, not always socially approved emotional experiences. The main linguistic functions of emotives are characterological, which is found in the description of emotional experiences of characters, and text-forming, explicated through the correlation of emotives that denote dominant emotions in the text of the function. The connection of the emotives used in the Life with a certain territory is noted to be indirect, as the realization of plot-forming and ideological functions that allow recreating a special cultural code, understandable and recognizable by the reader.

Key words: history of the Russian language, lexical semantics, vocabulary of emotions, functioning, hagiographic text, regional text.

Citation. Dmitrieva E.G. Semantics and Functions of Emotive Vocabulary in the Regional Hagiographic Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 37-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.3>

УДК 81.161.1'37

ББК 81.411.2-31

Дата поступления статьи: 19.12.2022

Дата принятия статьи: 03.04.2023

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ЖИТИЙНОМ ТЕКСТЕ

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье на материале краткой и пространной редакций Жития местночтимого святого Паисия Угличского рассматриваются особенности функционирования эмотивной лексики в агиографическом тексте XVII–XVIII веков. Статья нацелена на изучение семантики эмотивов и выделение особенностей реализации ими в региональном тексте комплекса функций. В ходе анализа лексических значений языковых единиц особое внимание уделено дополнительным смыслам, которые актуализируются в лексической структуре текста. Контекстуальный анализ позволил разграничить синонимы со значениями «радость» – «веселье», «печаль» – «скорбь» посредством установления иерархии антонимических оппозиций: «радость» – «печаль» как связанные с божественным, всегда социально одобряемые чувства, переживаемые субъектом внутри себя, и «веселье» – «скорбь» как часто имеющие внешние признаки, связанные с повседневностью, не всегда социально одобряемые эмоциональные переживания. Основными лингвистическими функциями эмотивов признаны характерологическая, обнаруживающаяся в описании эмоциональных переживаний персонажей, и текстообразующая, эксплицирующаяся через соотношение эмотивов, обозначающих доминантные эмоции в тексте. Показано, что связь употребленных в Житии эмотивов с определенной территорией проявляется как реализация сюжетоформирующей и мировоззренческой функций, позволяющих воссоздать особый культурный код, узнаваемый читателем и понятный ему.

Ключевые слова: история русского языка, лексическая семантика, лексика эмоций, функционирование, житийный текст, региональный текст.

Цитирование. Дмитриева Е. Г. Семантика и функции эмотивной лексики в региональном житийном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 37–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.3>

Введение

Описание территориальной дифференциации языка остается в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов в течение длительного времени. В последние десятилетия, помимо исследований говоров, ученые обратились к изучению региональных особенностей и других разновидностей общенародного языка, как результат было введено понятие региолекта [Трубинский, 1991; Герд, 1998; 2001], а такой признак литературного языка, как единство на всей территории распространения, в современной науке подвергся уточнению: принято говорить о возможности территориального варьирования литературных норм [Крысин, 2007], актуализировано понятие регионального варианта литературного языка [Гельгардт, 1959] (подробнее о термине см.: [Бохиева, Степанова, 2012, с. 138–139]).

Термин «региолект» не получил однозначной трактовки, статус региолектов в современной социолингвистической системе русского языка не вполне ясен [Ерофеева, 2020, с. 599], однако при описании соответствующих языковых явлений подчеркивается два важных момента: во-первых, «наиболее очевидно проявление регионально маркированных языковых черт на лексическом уровне» [Теркулов, 2018, с. 11]; во-вторых, региолект «представлен в фольклорных, художественных и публицистических текстах» [Супрун, 2020, с. 841].

Кроме того, в исследованиях прочно утвердилось понятие «региональный (локальный) текст». Такой текст связывается с определенной территорией, характеризуется наличием каких-либо региональных черт (регионализмов) и «представляет собой уникальный конструкт, в основу которого заложена совокупность закрепленных традицией, прошедших практику языковых коммуникаций, устойчивых значений, которые спонтанно собираются или рекомбинируются

в зависимости от тех целей, которые ставятся человеком и обществом» [Храпова, Карандашов, 2018, с. 130].

В качестве материала для анализа ученые используют не только фольклорные, художественные и публицистические произведения, но и тексты других стилей разной временной отнесенности (см., например, исследования деловой письменности: [Документы Войска Донского..., 2020]). Региональные черты таких текстов в большинстве случаев обусловлены речевым и социально-культурным опытом их создателей, проживающих или проживавших на определенной территории. Так, рассматривая языковые средства выражения региональной самоидентификации автора в литературном тексте, лингвисты обращают внимание на локализацию пространства средствами языка и речи, использование онимов, регионально окрашенных прецедентных единиц, реализацию в текстах оппозиции «свой – чужой» [Баскакова, 2012, с. 170].

В этой связи употребление термина «региональный (локальный) текст» по отношению к агиографическим памятникам условно, поскольку «когда говорят о региональной агиографической традиции, скорее, имеют в виду не столько место создания жития, сколько место духовного подвига святого» [Семячко, 2005, с. 123–124]. Тем не менее историко-культурологические исследования агиографических текстов, связанных с определенной территорией, позволяют вычленивать характерные особенности подобного рода произведений: ориентацию на создание культа местнотимого святого, отражение истории повседневности [Лившиц, 2012, с. 11]; показывают, как православная семантика формирует идентичность региона [Шер, 2014, с. 99].

Региональная специфика агиографического текста формируется прежде всего на лексическом уровне, в этой связи перспективным представляется выявление семантических и функциональных особенностей слов одной

тематической группы, в частности лексики эмоций, в текстах региональных (локальных) житий. Исследование нацелено на верификацию гипотезы о том, что специфика эмотивных лексем проявляется в наборе функций, реализующихся ими в житии.

Материал и методы

Материалом для работы послужило Житие Паисия Угличского – памятник местной углической агиографии XVII в., представляющий собой жизнеописание преп. Паисия (в миру Павла Гавренева), основавшего, согласно Житию и бытующему в Угличе преданию, во второй половине XV в. Угличский Покровский монастырь [Сосновцева, 2020, с. 65]. Житие Паисия Угличского известно в двух основных редакциях, выделенных В.О. Ключевским, – краткой и пространной. Согласно мнению М.Д. Каган, краткая редакция Жития была создана раньше пространной, на рубеже XVI–XVII веков. Она связывается с подготовкой канонизации святого, что объясняет сжатый характер и отсутствие интереса к биографическим деталям [Каган, 1988, с. 317–318]. Однако самые ранние из известных списков краткой редакции Жития относятся ко второй половине XVII в., и на сегодняшний день никаких убедительных свидетельств того, что Житие возникло раньше, не обнаружено [Сосновцева, 2020, с. 66].

Точное время появления пространной редакции Жития неизвестно, однако рукописи, в которых она читается, датируются второй половиной XVIII–XIX веком. Пространная редакция представляет собой позднейшее распространение краткой редакции за счет включения в ее текст обширных вставок, описывающих как некоторые подробности биографии преподобного, так и эпизоды монастырской истории [Сосновцева, 2020, с. 71].

В статье использованы древнейший из известных списков краткой редакции, датируемый серединой XVII в., а также основной вариант пространной редакции Жития Паисия Угличского, сохранившийся в нескольких списках второй половины XVIII века.

В центре нашего внимания находятся функции эмотивной лексики, определяющие

место данной лексической группы в репрезентации представлений о нравственном идеале: собственно лингвистические – характерологическая, текстообразующая, лингвокультурная и экстралингвистические – сюжетоформирующая, дидактическая, мировоззренческая (подробнее о терминах см.: [Дмитриева, 2020]).

Исследование проведено с опорой на положения комплексного подхода, сформулированные в трудах С.П. Лопушанской и ее учеников: языковой факт рассматривается с учетом совокупности системных и функциональных, парадигматических и синтагматических характеристик слова, взаимосвязи языка и мышления [Лопушанская, 1996; Семантика древнерусского глагола..., 2015; Косова, Шептухина, 2022]. В качестве основных в работе использованы методы компонентного, контекстуального и лингвокультурного анализа.

Результаты и обсуждение

Эмоциональный фон Жития Паисия Угличского очерчен рядом ключевых эмоций (в скобках указано количество случаев употребления лексем с соответствующей семантикой в краткой и пространной редакциях Жития): радость (30/73), печаль (24/36), любовь (19/36), удивление (6/40), страх (3/17). Лексические единицы, обозначающие каждое из названных чувств, имеют смысловые оттенки и в тексте включены в систему семантических соответствий и оппозиций. Это не значит, что в рассматриваемом житии нет упоминаний о других чувствах, агиограф называет такие значимые в жизни человека переживания, как надежда, вера, забота, благоговение, гнев, стыд, ненависть и др. (в совокупности 14 и 61 случай употребления лексем в краткой и пространной редакции соответственно), однако частотность употребления лексем с данной семантикой гораздо ниже, чем частотность лексических единиц, обозначающих радость, печаль, любовь, удивление, страх.

Эмоциональной доминантой текста (подробнее о термине см.: [Ионова, 2023]) является чувство радости. Оно обозначено лексемами с корнями *-весел-*, *-рад-*, *-сме-*.

Происхождение корня *-весел-* (первоначально **ves-*) представляется исследователям

неясным, этимологические параллели находят в готском языке в словах со значениями «радоваться», «жить роскошно (припеваючи)», в латинском *vescor* – «питаюсь», «пирую», «наслаждаюсь» (Черных, т. 1, с. 145), в латышском *vesels (vēsels)* – «здоровый, целый, невредимый» (РЭС, с. 18); рефлексы **vesel-* в славянских языках могут обозначать изобилие, свадебное веселье как залог здоровья и благополучия молодых, возрождение мира весной (РЭС, с. 16). Славянский корень *-рад-* не имеет родственных связей в других индоевропейских языках, за исключением некоторых языков германской группы, в которых встречаются лексемы со схожими значениями – «радостный», «веселый», «становиться веселым, ясным» (Черных, т. 2, с. 93). Корень *-сме-* восходит к индоевропейскому *(s)mei- со значением «смеяться, улыбаться» (Черных, т. 2, с. 179).

Глагол *веселити* в донациональный период развития русского языка имел одно значение «веселить, радовать» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 111), постфиксальное образование *веселитица* могло выступать в двух значениях: «веселиться, радоваться» и «процветать, быть изобильным» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 111). Словарь фиксирует семантические дублиеты данных лексем: *веселокати / веселокатица, весельствокати, веселатица* (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 111–113). *Веселатица* также имел значение «устраивать веселье, пировать» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 113). Полисемант *веселье* мог выступать в текстах в значениях: «веселье, радость», «развлечение, увеселение», «свадьба» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 112).

Глагол *радоватица* имел значения «радоваться, веселиться», «находить удовольствие в чем-л., любить что-л.», в формах инфинитива и императива мог использоваться в качестве приветствия и т. д. (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 123–124). Существительное *радоть* характеризовалось следующей семантикой: «радость, а также событие, лицо, вызывающие это чувство», «свадьба, бракосочетание», «веселье, ликование», «милость» (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 125).

Существительное *смѣх* фиксируется в исторических словарях как полисемант: «смех», «нечто смешное, забавное», «шутки, балагурство», «насмешка; предмет смеха, на-

смешки» (СРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 185–186), а глагол *смѣятица* приводится в значениях «смеяться», «насмехаться», «беззастенчиво обманывать» (СРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 192). Христианство осуждало смех и связывало его с близкой бедой из-за тесной связи с возможным пороком (СРМ, т. 2, с. 270).

Дефиниции в исторических словарях показывают, что глаголы *веселитица – радоватица* и существительные *веселье – радоть* являлись синонимами. В «Словаре русской ментальности» веселье и радость противопоставляются как «жизнерадостное беззаботное состояние, переживаемое совместно с другими людьми» (СРМ, т. 1, с. 91) и «личное душевное расположение к удовольствию» (СРМ, т. 2, с. 152); «радость испытывают в соборной общности, ради которого она возникает во всеобщем веселье» (СРМ, т. 2, с. 152).

В житийных контекстах реализуются смысловые оттенки, различающие данные слова.

Радость имеет божественную природу и связана с именем Бога:

(1) И чѣмъ райскиа двери ѿверзеша быша, и кндоша *радѹющеа в радоть* га своего (ЖПУкр, л. 16 об.).

Радость – проявление божественной любви и благодати. Рефреном выступает в описаниях чудес святого фраза: *радѹеа и хвала бѣа и оугодника его*. Именно с приветственным *радѹеа* обращается к святому Паисию ангел:

(2) *радѹеа, пане бѣ оугодниче хък...* (ЖПУкр, л. 21).

В русской лингвокультуре при встрече принято адресовать другому человеку пожелание здоровья (*здравствуй(те)!*) – как высшей ценности, в житийных текстах сходное значение приобретает радость, символизирующая получение божественного благословения.

Веселье связано с божественным, поскольку может быть атрибутом жизни вечной:

(3) но паче наде~~е~~жею к~~х~~дѹцихъ бѣгъ *веселашеа* (ЖПУкр, л. 26 об.); и мира сего *печалы* отбави, на вѣчное *веселие* прииде (ЖПУкр, л. 29).

Связь с древней семантикой корня, конкретным значением празднования, по-видимому, требовала дополнительных

уточнений, когда речь шла о душевных переживаниях:

(4) И прїидѣ же прѣбныи оцѣ наши павѣи на углѣчь, зѣло радѣса и **веселѣса дѣиѣи** своєю, имѣа же в сердцахъ своемъ такнѣшагоса емѣ знаменїе (ЖПУпр, л. 236 об.);

(5) Днесь, братїе, **веселитисѣ** намъ лѣпои естъ **дѣхвнѣ** и **радѣновати** (ЖПУпр, л. 308 об.).

В Житии Паисия Угличского представлены случаи противопоставления радости и веселья:

(6) **ѣмѣсто** члѣснаго покоа, **зѣлыа** трыды и колѣзни · **ѣмѣсто** снагъ **ѣевоцногъ** стоаннѣ · и **ѣмѣсто** **весеана радѣотнотворныи** плачь · и **ѣмѣсто** члѣскнѣ моѣвъ бынѣ **зъ** бѣгомъ **вѣрѣдоканнѣ** (ЖПУкр, л. 16 об.).

Разграничить радость и веселье можно по признаку социальной оценки: лексемы с корнем *-рад-* всегда выражают положительную оценку, а образования с корнем *-весел-* – амбивалентны.

При этом слова с корнем *-сме-* всегда характеризуют отрицательное оцениваемое поведение:

(7) игры же и **смѣхотворныи** словеса · **также** естъ омычѣй дѣтемъ **ненакнѣдше** (ЖПУкр, л. 18).

Подробно описывается в обеих редакциях Жития случаи с боярином, который, увидев преподобного работающим в саду, посмеялся:

(8) **посмѣвѣса** прѣбномѣ ѿцѣи въ рѣцѣи своемъ, и похѣлн егѣ ... **послѣ** | **хѣлнаго** **свогѣгѣ** словеса на бѣжѣнныи оцѣмъ и **смѣха** **свогѣгѣ** тогда **бжѣнныи** гнѣкомъ **поражѣ** (ЖПУпр, л. 296 об.).

Отметим, что радость – веселье – смех противопоставлены и по характеру процесса: радость – внутренне переживаемое чувство, веселье – и чувство, и его внешнее проявление, смех – внешняя демонстрация эмоции (не обязательно радости).

По-видимому, в житийном тексте представлена некая иерархия эмоций, соотносящаяся с субъектом эмоциональных переживаний: радость как чувство более глубокое прежде всего переживается праведниками, веселье свойственно широкой палитре положительных персонажей, смех сопутствует изображению грешников. Описывая эмоции, агиограф скрыто поучает своих читателей, а рассма-

триваемые лексемы одновременно выполняет характерологическую, лингвокультурную и дидактическую функции.

Противоположная (отрицательная) эмоция печали, страдания выражена лексемами с корнями *-печ-*, *-скорб-*.

Существительное *печаль* этимологически связано с глаголом *печь* (Черных, т. 2, с. 28), а лексема *скорбь* – со словами *ущерб*, *щербатый* (Черных, т. 2, с. 171).

Слово *скорькь*, как и синонимичные однокоренные образования *скорькѣннѣ* и *скорѣленнѣ*, в памятниках письменности сочетало в многочисленных оттенках своих значений абстрактную и конкретную семантику: «душевное страдание, глубокая печаль, скорбь», «телесные страдания, боль; мука, мучение», «болезнь; телесный недуг, нездоровье», «беда, несчастье», «тяготы, лишения, нужда», «досаждение, беспокойство, смущение», «огорчение, досада, сожаление», «обида, притеснение; угнетение», «скорбные вопли, жалобы, мольбы о сострадании», «заботы, тревоги, хлопоты о чем-л.» (СРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 238–239).

Существительное *печаль* имело схожие значения: «забота, постоянное попечение», «физические страдания, болезнь», «несчастье, беда», «угнетенное состояние, чувство скорби, горя; печаль тоска», «неприятная черта, свойство характера» (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 32–33). Показательно, что однокоренные лексемы *печалованнѣ* – «забота, попечение», «ходатайство, хлопоты; посредничество» (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 31), *пѣча* – «забота, попечение, беспокойство» (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 31) и *пѣчалнѣ* – «забота, попечение, беспокойство» (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 31) не имели эмотивного значения.

Глагол *скорькѣти*, в отличие от глаголов *скорькѣтиа* – «горевать, печалиться, скорбеть» (СРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 236) и *скорькѣти* – «причинять боль, страдание» (СРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 236), характеризовался многозначностью: «горевать, печалиться, скорбеть», «печалиться, заботиться о ком-, чем-л.», «болеть, страдать, мучиться чем-л.», «тяготиться чем-л.», «обижаться, досадовать на кого-л.», «жаловаться, молить о сострадании» (СРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 236). В текстах письменных памятников отмечено несколько глагольных

образований от корня *-печ-* с набором сходных значений: *печаличи* – «печалить, огорчать, тревожить»; *печалокати* – «скорбеть, печалиться, сожалеть, горевать», «иметь попечение, заботиться», «ходатайствовать, просить за кого-л.», «мучить, угнетать»; *печалокатица* – «скорбеть, печалиться, сожалеть», «иметь попечение, заботиться, беспокоиться», «ходатайствовать, просить за кого-л.»; *печальнокати* – «печалиться, горевать» (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 31–33).

При наличии общего семантического компонента 'эмоциональное состояние' своеобразным ассоциативным фоном выступают значения «физическое состояние (болезнь)» для лексем с корнем *-скорб-* и «социальные отношения (забота)» для слов с корневой морфемой *-печ-*.

Авторы «Словаря русской ментальности» сближают печаль и скорбь, называя оба состояния душевной заботой, и противопоставляют во временном плане: печаль вызывает сожаления о прошлом (СРМ, т. 2, с. 19), а скорбь может быть вызвана разлукой, разъединением, распадом связей в настоящем (СРМ, т. 2, с. 248).

В Житии обнаруживаются различия в эмотивных значениях этих существительных. Скорбь и печаль мыслятся как дискретные состояния, что подтверждается реализованной возможностью образовывать формы множественного числа у называющих их лексем:

(9) *вѣстѣи ко тако мѣгнми ѿскорьбми подолкавѣи наѣ вничи кѣ црѣткю нѣное...* (ЖПУкр, л. 24);

(10) *такое же нѣкто ѿ дѣнних ѿ чужихъ стѣраѣи ко свое ѿчестко приходѣ, и никоеже печали имаше · но паче надежею кудѣцихъ кѣгъ ввѣлашеѣа* (ЖПУкр, л. 26 об.–27).

Печаль может мыслиться и как длительное эмоциональное состояние, среднее по интенсивности:

(11) *видѣшѣи же родители его юна гѣца кѣ толнице коздержанни кѣ печали кахѣ о немѣ* (ЖПУкр, л. 18 об.).

Скорбь, обладая высокой степенью интенсивности, находит внешнее выражение:

(12) *и приходѣхѣ оубо кѣ немѣ братѣи всѣ, видѣвше его немогоуща · и ко тѣ хотѣца ѿити · скорьбаше и рыдающе... стѣи же рече кѣ нимѣ: · не скорьбѣте о семѣ, братѣи* (ЖПУкр, л. 25 об.–26).

Частотны контексты, в которых существительные *скорьк* и *печаль* употребляются как однородные члены предложения, связанные соединительным союзом:

(13) *и прѣкыти кѣ скорьк и печали велице время немало* (ЖПУкр, л. 37 об.); *вѣ велицеѣ скорьк и печали ѿ немѣ кѣста* (ЖПУкр, л. 292 об.).

Представляется, что подобное употребление призвано передать чувства высокой интенсивности. Использование интенсификаторов (*велицеѣ, время немало* и т. п.) при эмотивной лексике в целом характерно для житийных текстов (см. об этом: [Дмитриева, 2018]).

Внешним проявлением печали и скорби в житии выступает плач. Его описания часто встречаются в анализируемом житийном тексте, например:

(14) *Тогдаже всѣ братѣи ѿ жалости великѣа слезы акн рѣхѣ проліѣша, а наипаче ѿцѣ прѣбныхъ каѣанѣи ѿ великѣа теплоты своеѣо срѣца и любѣве ко стѣомѣ слезы испустивѣа* (ЖПУкр, л. 268 об.).

В отличие от современных представлений, в русской христианской традиции плач – это не просто внешнее проявление эмоций (чаще отрицательных), а знак душевного очищения, следовательно, приближения к Богу. Слезная мольба, обращенная к Богу или святому, – непереносимое условие чудесного исцеления:

(15) *онѣ же моляѣа со слезамн о исцѣленнн своемѣ* (ЖПУкр, л. 33 об.); *и моляѣа со слезамн о исцѣленнн дѣтери своеѣа* (ЖПУкр, л. 33) и т. п.

Да и сам святой при жизни подает пример такой молитвы:

(16) *Прѣбный же ѿцѣ вшеѣ кѣ келію свою, и затворивѣа единѣ, и начатѣи гѣдеви со слѣзамн многими молитѣиѣа* (ЖПУкр, л. 239).

Именно с этих позиций становится понятным выражение *радостнотворныи плачь* (см. пример (6)), которое отражает непривычную для носителя современного русского языка взаимосвязь: не слезы радости (следствие), а слезы очищения, дающего радость (причина).

В анализируемом тексте складываются семантические оппозиции: веселье – скорбь (конкретно оформленные свойства мирской

жизни, имеющие бытовые проявления) и радость – печаль (характеристики духовного бытия, ориентированного на подготовку к жизни вечной).

В обеих редакциях анализируемого Жития доминирующие в количественном и смысловом отношении лексемы со значением радости / печали и их проявлений дополняются существительными, прилагательными и глаголами, называющими эмоции страха и удивления. Они оказываются контекстуально близкими, поскольку чаще всего выражают переживания от столкновения с чудесным, божественным:

(17) И сѣа видѣвши стѣни оцѣи, и падоша на землю ницѣ ѿ славы пречѣныа влѣнцы и црѣкѣхъ, и трепетѣнѣи бывше, яко вѣнѣ себѣ ѿ страха (ЖПУпр, л. 246 об.);

(18) И тогда ѿ оужаснаго чюдѣси и страшнаго наказанїа стѣгѣи оца гавнѣа ко премилостивым оцѣи нашѣи и чюдотворецѣ великѣи павѣи (ЖПУпр, л. 298 об.);

(19) ...паче хртѣомѣннѣиго стѣдо, прѣкнымъ оцѣмъ доврѣе окрѣпѣе ко стѣрѣкѣ бжїи (ЖПУпр, л. 267).

Сложные эмоции автор Жития «расщепляет» на знакомые для читателя составляющие:

(20) слышавъ же прѣкнымъ панѣа глы ѿ аггѣа со стѣрѣхо^м и радостїю, блгодарнымъ мѣтѣи козѣмыа блѣ (ЖПУкр, л. 21 об.).

Таким образом, эмотивные лексемы не только характеризуют персонажей Жития, являются средством выражения ценностных ориентиров агиографа, но и выполняют текстообразующую функцию: они эксплицируют основополагающую антитезу, противопоставляющую наш мир – обитель скорби, страха и печали – и мир горний, в котором человека ждет радость настоящего бытия. Святой же предстает проводником, помогающим найти путь из одного мира в другой.

Агиограф использует лексику эмоций и в сюжетоформирующей функции. Если эмотивы, реализующие характерологическую, текстообразующую и дидактическую функции, транслируют универсальные смыслы, то сюжетоформирующая функция связана с развертыванием повествования не только о жизни святого, но и об истории монастыря и города.

Так, описывая события большого пожара в Угличе, автор объясняет чудесное избавление города от огня следующим образом:

(21) И тогда огонь яко оустыдеа шкѣла прѣстѣи вѣнѣ чюдотворнаго и толннѣхъ прѣкныхъ мѣжей и цѣнногѣлѣжитѣлѣ црѣкннѣхъ и вѣкорѣ оуглиа своѣ лютеѣ пламѣа (ЖПУпр, л. 259–259 об.).

Опора на события из истории Углича конкретизирует образ святого в сознании читателя-земляка, делая его «своим», родным, близким и создает особую эмоциональную атмосферу сопереживания, заставляя острее понимать чувства, которые испытывали герои. Подобная «конкретизация» чувств сопровождается реализацией мировоззренческой функции эмотивной лексики, поскольку отражает особенности восприятия человеком окружающей действительности.

Выводы

Изображение внутреннего мира персонажей является важной частью житийного повествования. В центре внимания агиографа находится ограниченный набор эмоций: радость, печаль, любовь, страх, удивление, которые выражаются устойчиво повторяющимися лексическими единицами. Упоминания других эмоциональных переживаний (надежда, вера, забота, благоговение, гнев, стыд, ненависть и др.) встречаются гораздо реже.

Из числа частотных эмоций обычно одна или две доминирующие, это проявляется не только в значимости их роли в раскрытии замысла автора, но в высокой употребительности лексических единиц, их выражающих. В Житии Паисия Угличского это переживания радости и печали. Состав лексики, номинирующей эти эмоции, также ограничен и узнаваем. Сложные эмоциональные состояния могут «расщепляться» на простые составляющие, например, благоговение – это одновременно радость и страх. Такая простота обманчива, поскольку в агиографическом тексте эмотивные лексемы включаются в систему семантических корреляций и оппозиций, актуализируя новые смыслы. Во многом этому способствует богатство текстовых функций, которые они реализуют: эмотивы характеризуют (харак-

терологическая функция), эксплицируют смыслы, являющиеся основой для построения текста (текстообразующая функция), поучают и обучают читателя (дидактическая функция).

Особенности реализации эмотивами экстралингвистических функций (сюжетоформирующей и мировоззренческой) позволяют говорить о косвенном участии лексики эмоций в отражении региональной закреплённости текста. Такое использование анализируемых языковых единиц сопровождается «конкретизацией» семантики лексем на основе контекстуально устанавливаемой связи с историческими персоналиями, событиями и реалиями, создает «домашнюю» эмоциональную атмосферу, узнаваемый культурный код, а местный («свой») святой мыслится как надежный защитник и помощник в преодолении житейских трудностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскакова В. П., 2012. Лингвистические средства выражения региональной самоидентификации автора в тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (15) С. 169–173.
- Бохиева М. В., Степанова И. Ж., 2012. Региональное варьирование русского языка в Забайкалье: вопросы стратификации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 11, вып. 9: Филология. С. 137–143.
- Гельгардт Р. Р., 1959. О литературном языке в географической проекции // Вопросы языкознания. № 3. С. 95–103.
- Герд А. С., 1998. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании: тез. докл. Междунар. конф. М.: Рус. слов. С. 20–21.
- Герд А. С., 2001. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 488 с.
- Документы Войска Донского XVIII века: лингвистическое описание и тексты, 2020 / О. А. Горбань, М. В. Косова, Е. М. Шептухина, Е. Г. Дмитриева, И. А. Сафонова; под общ. ред. О. А. Горбань. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 464 с.
- Дмитриева Е. Г., 2018. Способы указания на интенсивность эмоционального переживания в житийных текстах синодального периода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 1. С. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.5>
- Дмитриева Е. Г., 2020. Функции эмотивной лексики как средства реализации религиозно-нравственного идеала в житийных текстах XVIII–XX веков // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica. № 19. С. 41–52. DOI: <https://doi.org/10.18778/1731-8025.19.04>
- Ерофеева Е. В., 2020. Региолект как континуум // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Т. 17, вып. 4. С. 596–614. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.407>
- Ионова С. В., 2023. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 1. С. 13–27. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.2>
- Каган М. Д., 1988. Житие Паисия Угличского // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. Вып. 2, ч. 1. С. 317–320.
- Косова М. В., Шептухина Е. М., 2022. Методологические положения лингвистической концепции профессора С.П. Лопушанской: новые сферы применения // Слово и текст в синхронии и диахронии. Волгоград: Изд-во ВолГУ. С. 26–48.
- Крысин Л. П., 2007. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. № 2 (14). С. 5–17.
- Лифшиц А. Л., 2012. «Житие Иродиона Илоезерского» (проблемы соотношения локального агиографического текста и локальной истории) // Вестник Томского государственного университета. № 357. С. 11–14.
- Лопушанская С. П., 1996. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 1. С. 6–13.
- Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект: коллектив. моногр., 2015 / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова и др.; отв. ред. Е. М. Шептухина. М.: ФЛИНТА: Наука. 352 с.
- Семячко С. А., 2005. Проблемы изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 122–142.
- Сосновцева Е. Г., 2020. Житие Паисия Угличского: Исследования и тексты. М.: Изд. дом ЯСК. 288 с.

- Супрун В. И., 2020. Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов (рецензия на книгу: Донецкий региолект : монография / под ред. В.И. Теркулова. – Донецк : Фолиант, 2018. – 265 с.) // Неофилология. Т. 6, № 24. С. 836–845. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845
- Теркулов В. И., 2018. О понятии «региолект» // Вестник ДонНУ. Серия Д, Филология и психология. № 3/4. С. 5–16.
- Трубинский В. И., 1991. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков : Изд-во Псков. гос. пед. ин-та. С. 156–162.
- Храпова В. А., Карандашов И. В., 2018. Региональный текст в современной социокультурной динамике // Logos et Praxis. Т. 17, № 4. С. 125–131. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.14>
- Шер Е. Ю., 2014. В поисках региональной идентичности: особенности и тенденции развития уральской агиографической литературы XVI–XVII веков // Филологический класс. № 2 (36). С. 98–99.
- avtora v tekste [The Ways of Expressing Regional Linguistic Consciousness in the Texts Written by the Authors of Volgograd]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (15), pp. 169–173.
- Bokhieva M.V., Stepanova I.Zh., 2012. Regionalnoe variirovanie russkogo yazyka v Zabaykale: voprosy stratifikatsii [Regional Variation of the Russian Language in Transbaikalia. Issues of Stratification]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History, Philology], vol. 11, iss. 9: Filologiya [Philology], pp. 137–143.
- Gelgardt R.R., 1959. O literaturnom yazyke v geograficheskoy proektsii [About the Literary Language in the Geographical Projection]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 95–103.
- Gerd A.S., 1998. Dialekt – regiolekt – prostorechie [Dialect – Regiolect – Vernacular]. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii: tez. dokl. Mezhdunar. konf.* [Russian Language in Its Functioning. Abstracts of the Reports of the International Conference]. Moscow, Rus. slov. Publ., pp. 20–21.
- Gerd A.S., 2001. *Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction to Ethnolinguistics: Course of Lectures and Anthology]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 488 p.
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Dmitrieva E.G., Safonova I.A., 2020. *Dokumenty Voyska Donskogo XVIII veka: lingvisticheskoe opisanie i teksty* [Documents of the Don Army of the 18th Century: Linguistic Description and Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 464 p.
- Dmitrieva E.G., 2018. Sposoby ukazaniya na intensivnost emotsionalnogo perezhivaniya v zhitiynykh tekstakh sinodalnogo perioda [The Ways of Emphasizing the Intensity of Emotional Experience in the Hagiographic Texts of the Synodal Period]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 1, pp. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.5>
- Dmitrieva E.G., 2020. Funktsii emotivnoy leksiki kak sredstva realizatsii religiozno-nravstvennogo ideala v zhitiynykh tekstakh XVIII–XX vekov [Functions of Emotive Vocabulary as a Means of Pursuing Religious and Moral Ideal in the Hagiographic Texts of the 18th – 20th Centuries]. *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*, no. 19, pp. 41–52. DOI: <https://doi.org/10.18778/1731-8025.19.04>

ИСТОЧНИКИ

- ЖПУкр* – Сосновцева Е. Г. Житие Паисия Угличского : Краткая редакция // Житие Паисия Угличского : Исследования и тексты. М. : Изд. дом ЯСК, 2020. С. 173–196.
- ЖПУпр* – Сосновцева Е. Г. Житие Паисия Угличского : Пространная редакция // Житие Паисия Угличского : Исследования и тексты. М. : Изд. дом ЯСК, 2020. С. 197–257.

СЛОВАРИ

- РЭС* – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 7. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2013. 352 с
- СРМ* – Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. СПб. : Златоуст, 2014. 2 т.
- СРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015. 30 вып.
- Черных* – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М. : Рус. яз., 2002. 2 т.

REFERENCES

- Baskakova V.P., 2012. Lingvisticheskie sredstva vyrazheniya regionalnoy samoidentifikatsii

- Erofeeva E.V., 2020. Regiolekt kak kontinuum [Regiolect as a Continuum]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], vol. 17, iss. 4, pp. 596-614. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.407>
- Ionova S.V., 2023. Emotsionalnaya dominanta teksta: nekotorye lingvisticheskie aspekty issledovaniya [Emotional Dominant of the Text: Some Linguistic Aspects of Research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 1, pp. 13-27. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.2>
- Kagan M.D., 1988. Zhitie Paisiya Uglichskogo [Life of St. Paisius of Uglich]. Likhachev D.S., ed. *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Russia]. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. otd-nie, iss. 2, pt. 1, pp. 317-320.
- Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2022. Metodologicheskie polozheniya lingvisticheskoy kontseptsii professora S.P. Lopushanskoy: novye sfery primeneniya [Methodological Provisions of the Linguistic Concept of Professor S.P. Lopushanskaya: New Areas of Application]. *Slovo i tekst v sinkhronii i diakhronii* [Word and Text in Synchrony and Diachrony]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 26-48.
- Krysin L.P., 2007. Russkaya literaturnaya norma i sovremennaya rechevaya praktika [Russian Literary Norm and Modern Speech Practice]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (14), pp. 5-17.
- Lifshits A.L., 2012. «Zhitie Irodiona Iloezerskogo» (problemy sootnosheniya lokalnogo agiograficheskogo teksta i lokalnoy istorii) [The Life of Herodion Iloezersky (On the Relationship Between Local Hagiographic Texts and Local History)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 357, pp. 11-14.
- Lopushanskaya S.P., 1996. Semanticheskaya modulyatsiya kak rechemyslitelnyy protsess [Semantic Modulation as a Verbal and Cogitative Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], iss. 1, pp. 6-13.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Sheptukhina E.M., eds., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt: kollektiv. monogr.* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronic and Diachronic Aspect. Collective Monograph]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Semyachko S.A., 2005. Problemy izucheniya regionalnykh agiograficheskikh traditsiy (na primere vologodskoy agiografii) [Problems of Studying Regional Hagiographic Traditions (On the Example of Vologda Hagiography)]. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika* [Russian Hagiography. Research. Publications. Controversy]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., pp. 122-142.
- Sosnovtseva E.G., 2020. *Zhitie Paisiya Uglichskogo: Issledovaniya i teksty* [Life of St. Paisius of Uglich: Studies and Texts]. Moscow, Izd. dom YaSK. 288 p.
- Suprun V.I., 2020. Regiolekt vs dialekt: novye poiski etnolingvistov (retsenziya na knigu: Donetskiy regiolekt : monografiya / pod red. V.I. Terkulova. – Donetsk : Foliant, 2018. – 265 s.) [Regiolect Vs Dialect: New Searches of Ethnolinguists (Reflections on the Book: Donetsk Regiolect: Monograph / Edited by V.I. Terkulov. – Donetsk: Folio, 2018. – 265 p.)]. *Neofilologiya* [Neophilology], vol. 6, no. 24, pp. 836-845. DOI: [10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845](https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-24-836-845)
- Terkulov V.I., 2018. O ponyatii «regiolekt» [About “Regiolect” Notion]. *Vestnik DonNU. Seriya D, Filologiya i psikhologiya* [Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology], no. 3/4, pp. 5-16.
- Trubinskiy V.I., 1991. Sovremennye russkie regiolekty: primety stanovleniya [Modern Russian Regiolects: Signs of Formation]. *Pskovskie govory i ikh okruzhenie* [Pskov Dialects and Their Surroundings]. Pskov, Izd-vo Pskov. gos. ped. in-ta, pp. 156-162.
- Khrapova V.A., Karandashov I.V., 2018. Regionalnyy tekst v sovremennoy sotsiokulturnoy dinamike [Regional Text in Modern Socio-Cultural Dynamics]. *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 4, pp. 125-131. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.14>
- Sher E.Yu., 2014. V poiskakh regionalnoy identichnosti: osobennosti i tendentsii razvitiya uralskoy agiograficheskoy literatury XVI–XVII vekov [In Search of a Regional Identity: Features and Tendencies of Development of the Ural Hagiographic Literature of 16th – 17th Centuries]. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], no. 2 (36), pp. 98-99.

SOURCES

- Sosnovtseva E.G., 2020. *Zhitie Paisiya Uglichskogo: Kratkaya redaktsiya* [Life of St. Paisius of Uglich:

- Brief Edition]. *Zhitie Paisiya Uglichskogo: Issledovaniya i teksty* [Life of St. Paisius of Uglich: Studies and Texts]. Moscow, Izd. dom YaSK, pp. 173-196.
- Sosnovtseva E.G., 2020. *Zhitie Paisiya Uglichskogo: Prostrannaya redaktsiya* [Life of St. Paisius of Uglich: Lengthy Edition]. *Zhitie Paisiya Uglichskogo: Issledovaniya i teksty* [Life of St. Paisius of Uglich: Studies and Texts]. Moscow, Izd. dom YaSK, pp. 197-257.
- DICTIONARIES**
- Anikin A.E. *Russkiy etimologicheskii slovar. Vyp. 7* [Russian Etymological Dictionary. Iss. 7]. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN, 2013. 352 p.
- Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A. *Slovar russkoy mentalnosti. V 2 t.* [Dictionary of Russian Mentality. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2014.
- Slovar russkogo yazyka XI-XVII vv. Vyp. 1–30* [Dictionary of the Russian Language (11th – 17th Centuries). Iss. 1–30]. Moscow, Nauka Publ., 1975–2015.
- Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian. In 2 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2002.

Information About the Author

Evgeniya G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Информация об авторе

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.4>

UDC 81'282.2(470.45)
LBC 81.006.35

Submitted: 01.02.2023
Accepted: 04.05.2023

LEXICON OF DIALECT SPEAKERS IN THE ETHNOLINGUISTIC ASPECT: PROBLEMS, METHODS, RESEARCH OBJECTIVES¹

Nataliya A. Tupikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Natalya A. Starodubtseva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper presents a comprehensive approach analysis on the lexicon of dialect speakers, chosen for the purpose of ethnolinguistic study of this research object. Attaining the objectives set contributes to the consideration of the problems relevant to the modern paradigm of scientific knowledge. Following the established methodological principles of linguistic units interpretation and using the recordings of the Don and Ukrainian dialects speakers as research material, the authors present a multilevel classification of a vast array of facts registered while surveying the informants in the residential areas with mixed population in the Volgograd region. The methods of differentiation of the vocabulary with an explicitly or implicitly expressed ethnocomponent of meaning are proposed, the means of linguistic continuum segmentation are determined. It is noted to reflect indirectly the realia, phenomena, processes and signs characteristic of traditional material and spiritual folk culture. The methodological system of dialectological, functional-and-semantic, and ethnolinguistic analysis of lexical units is introduced. It allows to present the person's ethnic identification means in the speech of Russian and Ukrainian speakers, taking into account the content-and-semantic principle of detailing information in the text (within the framework of themes and microthemes) and the semantic-and-categorical method of ethnocultural meanings verbalization in the context (within situations and microsituations). The fundamentals of the field modelling technique embracing a vast array of facts are characterised, their application enables presenting lexicon of dialect speakers as the hierarchical structure, and the ethnolinguistic significance of its individual segments and their components identification is discovered.

Key words: ethnolinguistics, Don dialects of the Volgograd region, Ukrainian dialects of the Volgograd region, lexicon of dialect speakers, functional semantics, interdialect interaction.

Citation. Tupikova N.A., Starodubtseva N.A. Lexicon of Dialect Speakers in the Ethnolinguistic Aspect: Problems, Methods, Research Objectives. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 48-61. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.4>

УДК 81'282.2(470.45)
ББК 81.006.35

Дата поступления статьи: 01.02.2023
Дата принятия статьи: 04.05.2023

ЛЕКСИКОН ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Наталья Алексеевна Тупикова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Наталья Анатольевна Стародубцева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В работе представлен комплексный подход к анализу лексикона диалектоносителей, избранный с целью этнолингвистического изучения данного объекта исследования. Определяются задачи,

решение которых способствует рассмотрению поставленных проблем, актуальных для современной парадигмы научного знания. В русле сложившихся методологических принципов интерпретации языковых единиц на материале, извлеченном из записей речи носителей донских и украинских говоров, излагается авторское видение многоуровневой классификации обширного массива фактов, зафиксированных при опросе информантов в пунктах смешанного проживания населения Волгоградской области. Предлагаются способы дифференциации лексики с эксплицитно или имплицитно выраженным этнокомпонентом значения, описываются приемы сегментации языкового континуума, опосредованно отражающего реалии, явления, процессы и признаки, свойственные традиционной материальной и духовной народной культуре. Раскрывается система методов диалектологического, функционально-семантического и этнолингвистического анализа лексических единиц, позволяющая установить инвентарь средств этнической идентификации личности в речи русско- и украиноговорящих с учетом содержательно-смыслового принципа детализации информации в тексте (в рамках тем и микротем) и семантико-категориального способа вербализации этнокультурных смыслов в контексте (в рамках ситуаций и микроситуаций). Характеризуются основы методики полевого моделирования массива фактов, применение которой дает возможность представить иерархическую структуру лексикона диалектоносителей, выявить этнолингвистическую значимость его отдельных сегментов и их составляющих.

Ключевые слова: этнолингвистика, донские говоры Волгоградской области, украинские говоры Волгоградской области, лексикон диалектоносителей, функциональная семантика, междиалектное взаимодействие.

Цитирование. Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А. Лексикон диалектоносителей в этнолингвистическом аспекте: проблемы, задачи, методы исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 48–61. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.4>

Введение

Уникальность языкотворческих актов, обнаруживающих значимость предметов и явлений окружающей действительности в пространстве традиционной народной культуры, не перестает удивлять исследователей, которые обращаются к «реальным» текстам, фиксирующим неподготовленную спонтанную речь диалектоносителей. Особенно привлекает внимание при этом способность языка концентрировать, передавать человеческий опыт различных групп населения края.

Изучение данного феномена, ориентированное на его глубинное постижение как антропологической сущности [Вендина, 2002, с. 3–4] и как субстрата этнокультурного сознания человека, давно и по разным поводам обсуждается в научном мире. Еще Ф.Ф. Фортунатов, говоря о задачах языковедения в связи с другими науками, ясно высказывался, предвосхищая комплексность новых работ: «...филолог, останавливаясь на известном народе, изучает его в различных проявлениях его духовной стороны, а потому, между прочим, изучает и язык этого народа» [Фортунатов, 1956, с. 26–27]. Необходимость представления и систематизации разнообразной информации о культурно-историческом (этнокультурном) компоненте в значении слова

(в структуре значения) либо на уровне контекста, отражающего его «или в цитатном материале, или в энциклопедических описаниях» (не в структуре лексического значения) [Кузнецова, Сороколетов, 2011, с. 389], осознается многими отечественными и зарубежными исследователями при междисциплинарном рассмотрении проблем соотношения языка, общества, культуры, человеческой личности. В диалектологии этнолингвистическое направление должно решать задачи собственно лингвистические и задачи «этнографические» (выработки умения фиксировать знания о материальной и духовной культуре народа, особенно те знания, заключенные в элементах народной культуры, которые не совпадают со стандартным выражением картины мира средствами литературного языка).

Языковая деятельность, реализующая, по мнению С.М. Толстой, как социальную (коммуникативную), так и культурную функцию (способность передавать, хранить культурную традицию) [Толстая, 1994, с. 93], в диалектной среде характеризуется стремительным заимствованием общеупотребительных эквивалентов под воздействием целого ряда внешних и внутренних факторов [Баженова, 2022, с. 262]. В регионе позднего заселения бытование говоров осложняется различного рода тенденциями, в частности теми, которые мож-

но определить, вслед за В.В. Бубликовым, как «размывание» «этнической компоненты» личности, вплоть до «размывания» моноэтнических ареалов [Бубликов, 2022, с. 168–169]. В конечном счете это отражается на тех трансформациях, с которыми связаны доминирующие процессы развития сложившегося полиэтнического социума. Данные явления характерны для исследуемого нами региона в пунктах смешанного проживания донских казаков и украинских переселенцев (их потомков). По мнению ученых, в русско-украинской группе жителей разных регионов России наблюдается практически одинаковый набор признаков, указывающих на многоуровневую идентификацию личности [Бубликов, 2022, с. 170, 173] при выдвигании какой-либо одной составляющей.

Волгоградская область как зона компактного расселения разных народов «представляет собой необыкновенно интересный в этнокультурном отношении регион, своего рода научный плацдарм для изучения процессов адаптации этносов к новым природно-географическим условиям обитания, межкультурной интеграции, этнической миксации и пр.» [Рыблова, 2004, с. 356]. Однако анализ этих процессов до последних десятилетий был фрагментарным. Активизация волгоградской этнографии и волгоградской этнолингвистики связана прежде всего с исследованием культуры донского казачества и обследованием донских говоров, что в свою очередь развивает системный взгляд на указанные явления. Опубликованы отдельные специальные работы, обобщающие этнологические, этнографические и краеведческие сведения, открывающие новые стороны развития территории позднего заселения [Рыблова, 2002; 2022], вышли фундаментальные лексикографические и энциклопедические издания (см.: (СДГВО, 2011); [Этнографическая энциклопедия, 2017]), проведены лингвокультурологические и этнолингвистические изыскания [Брысина, 2003; Брысина, Супрун, Алещенко, 2016; Брысина, Супрун, 2021], постоянным объектом внимания на страницах региональных разножанровых изданий стали фольклор, обычаи, живой язык донских казаков [Екимов, 2003; Когитин, 1992; Рыблова, 2017].

Тем не менее специфика речевого континуума в пунктах компактного проживания

украинских переселенцев в соседстве с донскими казаками на территориях бытования донских говоров изучена мало (см., например: [Теркулов, 2010]), работ, связанных с выяснением соотношения этнических групп и условий проявления билингвизма в смешанных русско-украинских семьях, практически нет. В то же время под воздействием разного рода факторов, прежде всего ведущей роли русского языка, влияния миграционных и других общественно-социальных процессов на изменение сельской жизни, в говорах обнаруживаются новые элементы, особенно в их лексической основе [Кудряшова, Брысина, Супрун, 2006, с. 294], отражающие новые грани этнической идентификации личности в речи русско- и украиноговорящих, что требует дополнительно осмысления.

Характеристика лексики по записям живой речи, предпринятая в работе, осуществляется в русле тех идей, которые связаны с представлением традиционной славянской культуры через описание ее составных элементов при максимальном использовании данных языка [Толстой, Толстая, 2013, с. 224]. В этом плане конкретная цель данного исследования состоит в определении системных и функциональных свойств языковых единиц как средств выражения этнолингвистической информации при обозначении реалий материальной и духовной жизни носителей диалектов и как компонентов, которые играют важную роль в сохранении, «ретрансляции» многовекового опыта этносов, в создании узуально непротиворечивой среды общения русских и украинцев (потомков переселенцев) на территориях бытования донских говоров Волгоградской области.

Материал и методы

Для лингвистического ландшафта Волгоградской области характерна диалектная неоднородность: функционирование ранних переселенческих говоров (донских, занимающих западную половину области) и собственно переселенческих (волжских, занимающих восточную часть) [Баранникова, 1975].

Донские говоры, начало формирования которых относят к массовому заселению земель Подонья в XVI–XVII вв. выходцами из

губерний вблизи юго-восточной границы Руси, отличаются присущими им южнорусскими чертами и являются говорами вторичного образования (см. о них: [Кудряшова, 1998, с. 253; 2002, с. 73–74]). Имеющиеся ареальные различия обусловлены специфическими условиями формирования диалекта и административно-территориальным делением региона (бывшей Области Войска Донского) в прошлом на три округа [Брысина, Супрун, Алещенко, 2016, с. 64–70]. Донских казаков примерно с XIV–XVI вв. считают первыми насельниками края (после господствовавших здесь кочевников) [Рыблова, 2004, с. 356]; данная этническая группа сложилась на берегах Дона и его притоков (Хопер, Медведица, Бузулук – приток Хопра, Северский Донец) – на пространстве, соотносимом с современными Харьковской областью Украины, некоторыми регионами России, в том числе Волгоградской и Ростовской областями, с Донецкой и Луганской республиками. Вопрос о происхождении этой общности до настоящего времени является дискуссионным, однако в научной среде не вызывает возражений тот факт, что она испытала на себе различные влияния, нашедшие отражение и в диалектных особенностях казачьей речи [Брысина, Супрун, Алещенко, 2016, с. 65–66; Рыблова, 2017, с. 91]. В частности, лексический состав современного донского диалекта содержит общенародные русские, интердиалектные, южнорусские, украинские, специфические единицы [Кудряшова, Брысина, Супрун, 2006, с. 292], и в целом ранние переселенческие (донские) говоры Волгоградской области, особенно на лексическом уровне, характеризуются многими общими для большинства жителей местности чертами [Кудряшова, 2002, с. 74].

Украинцы – особая группа населения, которая, по мнению исследователей, формировалась, начиная с XVII в., в течение длительного времени в рамках нескольких основных этапов; ее представители встречались среди донского казачества, а переселенцы проникали незначительными группами на территорию нынешней Волгоградской области уже на первом этапе; крупные украинские поселения, слободы, возникали в XVIII в. в соответствии с промышленно-хозяйственными нуждами и потребностями освоения

малозаселенных земель, часто сохраняя название «малой родины» [Брысина, Супрун, Алещенко, 2016; Кудряшова, 1997; Супрун, 2017б]. Этим обусловлено то, что, наряду с гомогенными (казачьими, генетически донскими) говорами, в некоторых населенных пунктах распространены также относительно гомогенные говоры восточнорусского типа (генетически восточнорусские, хохляцкие, или «кахляцки»), которые квалифицируются как говоры «разной степени сохранности», выступающие в смешении с элементами русского разговорного обихода, имеющие общевосточнославянские корни и в целом хорошо сохраняющие лексический запас, отражающий жизнь и быт местного населения [Брысина, Супрун, Алещенко, 2016, с. 6; Кудряшова, 1997, с. 44; Супрун, 2010, с. 24, 27; 2017а, с. 334].

Вышеизложенное дает возможность выделять лексикон диалектоносителей в качестве единого объекта изучения и сосредоточиться на обследовании типичных населенных пунктов, в которых речь жителей отражает общие особенности используемой лексики. Материал собран на территориях Иловлинского, Киквидзенского, Михайловского и Урюпинского районов в пунктах, где смешанно проживают донские казаки и украинские переселенцы, в том числе представители двойственной, биэтнической, идентичности (биэтноры) (термины см.: [Бубликов, 2022, с. 171–172]), члены русско-украинских семей, билингвы. Анализ обширного массива фактов позволяет определить дефиниционное содержание избранного объекта исследования: лексикон диалектоносителей – динамическая подсистема, реализуемая в текстах, зафиксировавших функционирование языка в его региональном варианте, включающая лексику и фразеологию общенародного национального языка, в том числе элементы традиционных диалектов, обиходно-разговорной сферы общения, индивидуальное словоупотребление, подверженная изменению под влиянием литературной речи и в условиях межъязыковых (междиалектных) контактов, опосредованно отражающая этнокультурную информацию при обозначении реалий окружающей действительности (лиц, предметов, явлений, процессов, признаков).

Междисциплинарный характер работы предполагает в методологическом плане использование комплексного подхода, сочетающего методы диалектологического, функционально-семантического и этнолингвистического анализа, избранные в соответствии со спецификой многоаспектного анализа.

Результаты и обсуждение

Важнейшим принципом диалектологического собирания материала, по мнению Б.А. Ларина, следует считать стремление записывать целые фразы, реплики диалога, слово в его полном контексте, поскольку это делает диалектологические материалы более достоверными, добротными и обогащенными для различных и многообразных исследовательских применений; правилом должно также являться наблюдение за речью разных поколений в населенном пункте – носителей наиболее архаичной разновидности говора и того поколения, которое «дает возможность изучать не только отложения и реликты прошлого в народных говорах, но и их настоящую жизнь, современные процессы их обогащения и переформирования, слияния в подлинно единый общенародный язык» [Ларин, 2003, с. 246–247]. Одна из задач, таким образом, подлежащая решению (достижение достоверности собранного материала), требует как можно более полных рассказов информантов (ответов на вопросы, высказываний монологического и диалогического типа), особенно «авторитетных» носителей говора – коренных жителей поселения. Это в свою очередь делает возможным создание своеобразной хрестоматии как текстологической базы изучаемого идиома [Левкиевская, 2015, с. 233]. Экспедиционный метод включенного наблюдения с применением прямого опроса предполагает и направленное интервьюирование по методу открытого опросника [Бубликов, 2022, с. 171; Малеева, 2010, с. 91; Марченко, 2010, с. 12–13], когда собиратель, с одной стороны, следует заранее подготовленным вопросам, а с другой – позволяет говорящему выражать непосредственную реакцию на содержание высказывания, уточнять значения лексем подбором параллелей, с помощью семантизации, индивидуального объяснения [Тупикова, Ста-

родубцева, 2015; 2022]. При таком подходе текст отражает естественную народную речь по разным параметрам – в историческом, этнокультурном, эмоциональном, характерологическом плане, с точки зрения народной этимологии и др. [Климкова, 2011, с. 87–95]. Например:

(1) Красные вот ацсель вот наступали, то ли белые, ей Боуу, ни скажу, хто-ить. Вот ацсель. Жүли нас. Двары... двары... (х. Калачевский);

(2) Ну флигуильком был [дом родителей]. Спирва была чиуинёвая... да камышом покрытая. А патом ужэ... зделала себе диривяный домик харошный (с. Семёновка);

(3) Они [украинские переселенцы] тут приихали ни одни, потому шо одни они нэ можуть. Нахайловка – там три-читыри дома, үдэ я родылась. Посьлылысь нахально, сами соби. Они нахально, и Нахайловкой прозвали (с. Мачеха).

Применение исследовательских процедур этнолингвистического порядка на основе внешнего и внутреннего сопоставления культурно-языковых явлений базируется на понимании того, что изучение языка диалекта (говора) и его опознание неизбежно сопровождаются «привязкой» к этносу: лексические средства вербализуют результаты материальной, практической деятельности человека (жилище, орудие труда, хозяйство, одежда, пища и др.) и духовной составляющей (знание мира, традиции, образование, религия, ритуалы и т. д.) [Фролов, 2005, с. 486–487].

В данном исследовании принято деление на тематические области (сферы) с учетом сложившихся терминов «материальная культура» и «духовная культура» (Баранов, с. 525, 865). На основе приемов содержательно-смысловой сегментации массива фактов, определяющих границы названных сфер, дифференцируются темы, отображающие те или иные взаимосвязанные «отрезки действительности», которые находят опосредованное выражение в тематических (и лексико-семантических) группах единиц, объединенных благодаря «внеязыковым связям» на базе предметно-логической общности и языковых признаков (в тематических группах – доминирование внелингвистических принципов деления, функциональности, в лексико-семантических группах – доминирование внутрилингвистичес-

ких принципов, инвариантности) [Шмелев, 1964, с. 130; 1973, с. 103–104].

В рамках тем по семантико-смысловым особенностям разграничиваются микротемы как обозначение отдельных звеньев предметного мира и соответствующих им лиц, предметов, признаков, процессов. Следующей процедурой сегментации материала представляется детализация ситуаций (типовых моделей употребления языковых единиц, характеризующих лиц, обстоятельств, условий, отношений, обстановки, положений) и микроситуаций (компонентов ситуаций, которые вербализуются через ряд моделей в их лексическом наполнении).

Примером одного из сегментов лексикона диалектоносителей может являться тема «Свадебный обряд» (тематическая область «духовная культура»), зафиксированная в рассказах донских казаков и украинских переселенцев. Содержание обряда анализируется в ряде известных этнолингвистических работ на базе описания этапов, организации и символики (см.: [Брысина, Супрун, Алещенко, 2016; Гревцова, 2022; Гура, 2009; Костромичева, 1994; Супрун, 2010]; (Славянские древности)). Экстралингвистическая (этнокультурная) основа дает ориентир для деления лексического материала в рамках данной темы на следующие микротемы, которые выделены нами в рассказах информантов: «Свадебный сговор» (в ситуациях «сватовство», «рукобитье / обручение» и др.), «Подготовка к свадьбе» (в ситуациях «приглашение гостей», «приготовление и осмотр приданого» и др.), «Собственно свадебные торжества» (в ситуациях «канун свадьбы», «венчание / регистрация брака», «свадебные церемонии» и др.), «Участники свадебного обряда» (в ситуациях, характеризующих свадебные чины: «невеста и жених, молодые», «родители и родственники», «посажённые родители, сваты» и др.), «Атрибуты свадебного обряда» (в ситуациях: «облачение в свадебную одежду, специальные украшения», «встреча молодых с караваем» и др.), «Свадебный пир» (в ситуациях: «подготовка блюд для свадебного стола», «одаривание подарками» и др.), «Обрядовые песни, причитания, приговоры, танцы» (в ситуациях: «оплакивание невесты в начале свадьбы», «повивание невесты», «забавы, игры в конце свадьбы» и др.) и др.

Применение компонентного, сопоставительного, контекстуального анализа на лексико-семантическом уровне позволяет выявить границы смысловых блоков. Так, ситуация «сватовство» в речи информантов вербализуется при выражении категориально-лексической семы (КЛС) ‘осуществление взаимодействия между сторонами для сговора сторон о браке и установлении новых родственных связей между семьями’, которая представлена в своих интегральных признаках (субъект / объект свадебного сговора, цель, характер, результат взаимодействия) и наборе дифференциальных сем. Эта семантика реализуется, как показывают тексты записей, через ряд микроситуаций в лексическом наполнении моделей побуждения, просьбы, убеждения, предложения, принуждения, отказа: ‘кто-л. побуждает / просит / убеждает / предлагает / заставляет согласиться кого-л. сделать что-л.’, ‘кто-л. принимает / не принимает предложение кого-л.’ и др. Например:

(4) Да, сватаца прихадили, свадінки были. Да, тауда делались свадінки... Ну, на свадінках вотку пили да песни иурали. Тауда уже пажилые прихадили на свадінки, ево радня и наша радня, вот, они там биседавали, разуаваривали. У нас радни тоуда было-о! (х. Калиновский);

(5) Кауда он приехал, батюня, сватать матрю, да ишо трое дитей – дед их выгнал, уаварит: «У миня сучка вам шанка ни ащинила, вон са двара!» (х. Казаринский).

Микроситуации раскрываются в различных ритуальных функциях, действиях, которые при опросе называют жители, говоря о свадьбе. Так, «повивание невесты» включает: покрывание невесты, расплетание косы, песенное причитание, целование причитающих, обмен головными уборами:

(6) Ну эт на свадьби вжэ покрывають, як коуда уже снимають вэнок, расплетают косу, становятся на стулы, двое становятся на стулы. Косы расплетатоди кто-нибудь з родычей (поет): Покрывало плачэ, / Покрываться хочэ, / Нэ так покрываться, / Як поцелуваться. Они вонэ целуются ж, дви, яки стоять. Одна вэнок знимаэ, а у одный шапка. Меняются и все. У кого тады вэнок остане, нэ знае. Ну и всэ (с. Семеновка).

Результаты анализа и интерпретация материала на данном этапе исследования по-

зволили предложить классификацию специализированных – стержневых и нестержневых – средств выражения этнической идентификации личности, выявленных в речи диалектоносителей в обследованных пунктах смешанного проживания населения. Под этнической идентификацией понимается процесс отождествления индивидом себя с этнической общностью на основе объективных признаков «биологического» свойства (определения по кровному родству, наследованию от родителей) и социально-культурного (традиционных и устойчивых ценностей: языка, обычаев, религии, воспитания и др.) [Теркулов, Тамерьян, 2023].

К стержневым средствам относятся официальные названия, этнонимы, и неофициальные, прозвищные, самоназвания, которые находятся в определенных соотношениях (при отождествлении или различении в речи диалектоносителей) и содержательных оппозициях друг к другу: «*хохлы :: казаки*», «*хохлы :: украинцы – казаки :: русские*», «*хохлы / украинцы :: москаль / русские / мужики*» и др. Нестержневые средства включают эксплицитные (использование топонимов, оттопонимических прилагательных, слов, выполняющих роль аутоэтнонимов и этнокультурных уточнителей, глаголов речевой деятельности и т. д.) и имплицитные, контекстуальные (употребление прилагательных, указательных наречий и наречий места, звукоподражательных глаголов, конструкций сравнения, экспрессивных оборотов в функции этностереотипов и т. д.) способы выражения этнокомпонента. Каждое из названных средств (их сочетаний) требует дополнительной развернутой квалификации с учетом функционирования лексики в речи русско- и украиноговорящих.

Одной из важных задач исследования является установление иерархии элементов структуры лексикона, что может быть достигнуто с помощью метода полевого моделирования на основе признаков специализированности, регулярности, частотности единиц [Тупикова, 2013]. В процессе анализа принимается во внимание сложность проблемы дифференциации, отсутствие четких критериев разграничения восточнославянской лексики по трем языкам (диалектам) (Авдеева, т. 1, с. 7–8). Статус конститuentов (ядро, приядерная зона, ближняя и дальняя

периферия) должен рассматриваться с учетом классификации стержневых и нестержневых средств этнической идентификации личности, разграничения эксплицитного и имплицитного способов выражения этнокомпонента и т. д. По-разному будут квалифицироваться: 1) используемые этнонимы, самоназвания: *хохлы, украинцы, казаки, русские, москаль*; 2) параллели и аналоги – внутриязыковые, типа: *тетка – мамуня* (донск.), *отец – папанька* (донск.) – *батя* (донск.), *свёкор – папашка* (донск.), *украинский – хохлацкий, самодельный – самодельковый* (донск.), *недавно – надысь* (донск.); межъязыковые / междиалектные, типа: *родители – батькі* (укр.), *батя* (донск.) – *батько* (укр.); *сарай – хлів* (укр.); *лодка – човен* (укр.), *лестница – драбина* (укр.), *сундук – скриня* (укр.), *тулуп – кожух* (укр.), *тряпка – ганчірка* (укр.), *таганок* (донск.) – *триніжок* (укр.), *цапальник* (донск.) – *чаплі(е)йка* (укр.), *лук – цибуля* (укр.), *говорить – балакать* (донск. и укр.) – *казати* (укр.), *искать – шукать* (донск. и укр.), *тогда – тоді* (укр.), *он – він* (укр.), *чуть – трошки* (донск. и укр.), *дюже* (донск.) – *дуже* (укр.); 3) лексемы, имеющие в словарных дефинициях указание на отнесенность к этносу или включающие этнокультурный компонент в ядро денотативного значения: *курень* – большой, добротный казачий дом (СДГВО, с. 285), *плетнёвый дом (плетнёвая кухонка)* – тип казачьего строения из плетня, обмазанного глиной (СДГВО, с. 146), *хата* – казачий дом, обычно небольшой, в одну-две комнаты (СДГВО, с. 624), *хохол* – житель соседних с казачьими станицами и хуторами украинских поселений, противопоставляемый казакам и мужикам (СДГВО, с. 633), *вечорины, вечерины* – гулянье молодежи накануне свадьбы (Авдеева, т. 1, с. 54); 4) элементы контекста, содержащие прямое или не прямое выражение «привязки» к этносу: *родилась на Украине, хохол мачешанский, настоящая казачка, тут рожденный, чавокаем*; 5) «цитатный» материал, в содержательно-смысловой стороне которого представлена информация этнокультурного содержания, уточняющая этностереотип говорящего (*Який казак, як не ууляк; Украинци живут на Украине, а хохлы – үде лучие*); 6) энциклопедические сведения в значениях слов, включающие элементы этнографического описания, которые характеризуют особенности быта, хозяйства, тру-

довых действий, отношений, сохраняемых традиций и т. д. Например:

(7) А у нас тут [с. Семёновка] уаварят «трыныжык», а мы [казаки] уаварим «тауанок». На трех ношках тауанок – у нас [у казаков] «чууун», у них тут [у хохлов] «чаууонец». А лотка – «човень» [у хохлов], а у нас [казаков] «лотка» (с. Семёновка) (см.: (Авдеева, т. 2, с. 236, 271, 280; СГДВО, с. 583)).

Анализ фактического материала с позиций рассмотрения диалекта как этнографической единицы отвечает задачам, которые решаются в русле исследований, в настоящее время формирующих новую парадигму научного знания в работах по культурно-языковой диалектологии, и базируется на методологических и методических установках, требующих перейти, по мнению Т. И. Вендиной, от эмпирических данных к их интерпретационному анализу и учитывающих многоаспектный потенциал диалектного слова [Вендина, 2022, с. 72–73; 2023, с. 201, 207, 218–219].

Осуществление сегментации массива фактов на темы и микротемы для определения границ материальной и духовной культуры, квалифицируемых в словарном составе лексикона как тематические области, опосредованно отражающие фрагменты действительности, детализация типовых ситуаций и вербализующих их компонентов микроситуаций, классификация языковых средств на основе многоаспектных признаков содержательно-смыслового, семантико-категориального, функционально-иерархического свойства, применение рассматриваемых методов и методик интерпретации материала позволяют решить задачи в рамках поставленной проблемы и реализовать предложенный комплексный подход к изучению лексикона диалектоносителей в проекции его «привязки» к этносу.

Заключение

Исследуемый материал предоставляет обширную экстра- и интралингвистическую информацию о локальных особенностях вербализации материальной и духовной культуры русско-украинского населения края, быт, условия и приоритеты существования которого отражают жизнь национально и этнически неоднородного континуума на территории бытования донских говоров Волгоградской области. Отдавая должное безусловно неизбеж-

ному процессу трансформации и привнесения современных новшеств в традиционную народную культуру [Проценко, 1996; Гревцова, 2022], следует признать неизбежным то, что «язык формирует не только представления о реальном окружающем человека мире, но и саму личность, которая, погружаясь в определенную культурную наследственность, через язык воспринимает традиции, обычаи, мораль, систему норм и ценностей своего народа, специфический культурный образ мира, то есть в конечном итоге осознает свою идентичность с носителями той или иной культуры» [Вендина, 2023, с. 21].

Предметное и событийное устройство жизни сельского населения, опосредованно отраженное в речи диалектоносителей, как показывают выявленные факты, устойчиво удерживается в народном сознании, определяет поведение человека, сохраняется из поколения в поколение в своих основных «эталонных» элементах, которые очерчивают границы практического, материального, пространства и духовных приоритетов. Эта система представлений «сопротивляется» глобализации и при интенсивных обменных общественно-культурных процессах, междиалектном взаимодействии, в условиях экспансии языка титульной нации остается неизменной в обыденном бытии носителей говоров, в осознании ими конкретной этноязыковой принадлежности. Характеристика рассматриваемого лексикона как составной части языка региона, аккумулирующего опыт народа, который порожден существованием каждого индивидуума и сообщества в целом, позволяет не только представить систематизацию лексических средств как этномаркеров, но и показать их роль в продуцировании текстов, репрезентирующих речевую базу общения русско- и украиноговорящих диалектоносителей в пунктах их совместного проживания.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/> («Этнолингвистическое исследование лексикона диалектоносителей на территориях бытования донских говоров Волгоградской области в пунктах смешанного проживания русских и украинцев»).

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/> («Ethnolinguistic study of the lexicon of dialect speakers in the territories of the Don dialects of the Volgograd region in the places of mixed residence of Russians and Ukrainians»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баженова Т. Е., 2022. Лексика вторичных говоров Среднего Поволжья в статике и динамике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 22, вып. 3. С. 261–266. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-261-266>
- Баранникова Л. И., 1975. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. № 2. С. 22–31.
- Брысина Е. В., 2003. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград : Перемена. 293 с.
- Брысина Е. В., Супрун В. И., Алешенко Е. И., 2016. Лингвокультурное пространство казачьего Подонья. Волгоград : Перемена. 358 с.
- Брысина Е. В., Супрун В. И., 2021. Духовная культура казачества: язык и образы. Волгоград : ПринТерра-Дизайн. 336 с.
- Бубликов В. В., 2022. Между русскими и украинцами: трансформация этнической идентичности лиц с русско-украинской этничностью в России // Этнографическое обозрение. № 2. С. 168–187. DOI: [10.31857/S0869541522020117](https://doi.org/10.31857/S0869541522020117)
- Вендина Т. И., 2002. Диалектное слово в парадигме этнолингвистических исследований // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1999 / отв. ред. А. С. Герд. СПб. : ИЛИ РАН. С. 3–15.
- Вендина Т. И., 2022. Диалектное слово в культурно-языковом контексте // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2022 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН. С. 72–94.
- Вендина Т. И., 2023. Онтология лингвистической карты. СПб. : Нестор-История. 452 с.
- Гревцова Т. Е., 2022. Обряды сватовства и обручения у донских казаков: динамика традиции в советский период // Традиционная культура. Т. 23, № 2. С. 38–48. DOI: [10.26158/TK.2022.23.2.003](https://doi.org/10.26158/TK.2022.23.2.003)
- Гура А. В., 2009. Свадебный обряд // Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4 / под ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения. С. 544–547.
- Екимов Б., 2003. По Дону. Путевые заметки // Наш Современник. № 2. URL: https://royallib.com/read/nash_sovremennik_gurnal/gurnal_nash_sovremennik_2_2003.html#210054
- Климкова Л. А., 2011. Параметры информативности в диалектной речи // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2011 / отв. ред. А. С. Герд. СПб. : Наука. С. 86–96.
- Когитин В. В., 1992. Казачьи сказки. Волгоград : Вздо. 160 с.
- Костромичева М. В., 1994. Лексика свадебного обряда в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1993 / отв. ред. А. С. Герд, И. А. Попов. СПб. : ИЛИ : Науч.-изд. центр «НеГА». С. 68–70.
- Кудряшова Р. И., 1997. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем. Волгоград : Перемена. 124 с.
- Кудряшова Р. И., 1998. Русские говоры Волгоградской области // Вопросы краеведения : материалы VI и VII краевед. чтений, посвящ. 50-летию Победы сов. народа в Великой Отечественной войне. Волгоград : Изд-во ВолГУ. Вып. 4/5. С. 253–256.
- Кудряшова Р. И., 2002. О специфике сбора материала для ЛАРНГ в переселенческих говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1999 / отв. ред. А. С. Герд. СПб. : ИЛИ РАН, 2002. С. 73–78.
- Кудряшова Р. И., Брысина Е. В., Супрун В. И., 2006. Новый этап изучения донских говоров Волгоградской области // Стрежень : науч. ежегодник / под ред. М. М. Загоруйко. Вып. 5. Волгоград : Издатель. С. 290–296.
- Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П., 2011. Семантическая характеристика слов в диалектном словаре // Избранные труды / сост. О. Д. Кузнецова, Е. Ф. Сороколетова ; отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : Наука. С. 379–394.
- Ларин Б. А., 2003. О принципах составления атласа славянских языков // Филологическое наследие : сб. ст. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. С. 240–250.
- Левкиевская Е. Е., 2015. К вопросу о методах культурного и этнодиалектного изучения украинских анклавов на территории России // Славянский альманах. № 1/2. С. 225–235.
- Малеева Е. С., 2010. Функционирование лексем, обозначающих наименования глиняной посуды, в речи билингвов // Анклавістика : збірник наукових праць. Горлівка : Вид-во ГДПШМ. С. 90–95.
- Марченко Т. В., 2010. Особливості інтерв'ю при збиранні діалектного матеріалу // Анклавістика : збірник наукових праць. Горлівка : Вид-во ГДПШМ. С. 12–18.
- Проценко Б. Н., 1996. Этнографические реалии и программа «Традиционная духовная культу-

- ра» // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1994 / отв. ред. И. А. Попов. СПб. : ИЛИ РАН. С. 66–76.
- Рыблова М. А., 2002. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 242 с.
- Рыблова М. А., 2004. Об истории, некоторых итогах и перспективах исследования этнокультурных особенностей населения Волгоградской области // Стрежень : науч. ежегодник / под ред. М. М. Загорюлько. Волгоград : Издатель. Вып. 4. С. 356–363.
- Рыблова М. А., 2017. Донские казаки // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 91–94.
- Рыблова М. А., 2022. Казаки и казачки в обрядовой и трудовой жизни донской общины. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. 384 с.
- Супрун В. И., 2010. Исчезающий украинский архипелаг // Анклаvistика : збірник наукових праць. Горлівка : Вид-во ГДПШМ. С. 18–30.
- Супрун В. И., 2017а. Украинские говоры // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 334–335.
- Супрун В. И., 2017б. Украинцы Волгоградской области // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 335–337.
- Теркулов В. И., 2010. О программе исследования украинских говоров России и смежных проблемах // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов : материалы Междунар. науч. конф. / сост. Д. Ю. Ильин, Н. Л. Шамне. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 294–298.
- Теркулов В. И., Тамерьян Т. Ю., 2023. Языковая идентификация и идентичность // Политическая лингвистика. № 1 (97). С. 27–34. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_03
- Толстая С. М., 1994. К понятию функции в языке культуры // Славяноведение. № 5. С. 91–97.
- Толстой Н. И., Толстая С. М., 2013. Аспекты, критерии и признаки славянской культурной общности // Славянская этнолингвистика: вопросы теории : материалы ко Второму Всерос. совещ. славистов (5–6 нояб. 2013 г.). М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 224–236.
- Тупикова Н. А., 2013. О полевом функционально-семантическом исследовании русского глагола // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 3 (19). С. 19–26.
- Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А., 2015. Лексические параллели в речи представителей русско-украинских семей как отражение культурно-языковых контактов славянских народов // Rosja w dialogu kultur. Tom 1 / pod redakcją K. Dembskiej, M. Gluszkowskiego. Toruń : Wyd. naukowe Uniwersytetu M. Kopernika. S. 303–315.
- Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А., 2022. Способы семантизации диалектной лексики в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.1>
- Фортунатов Ф. Ф., 1956. Задачи языковедения и связь его с другими науками // Избранные труды. Т. 1. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР. С. 23–29.
- Фролов Н. К., 2005. Взаимосвязи этнических культур в зеркале социо- и этнолингвистики // Избранные работы по языкознанию. В 2 т. Т. 1. Тюмень : Изд-во ТюмГУ. С. 485–490.
- Шмелев Д. Н., 1964. Очерки по семасиологии русского языка. М. : Просвещение. 244 с.
- Шмелев Д. Н., 1973. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М. : Наука. 280 с.
- Этнографическая энциклопедия Волгоградской области, 2017 / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 544 с.

СЛОВАРИ

- Авдеева – Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области. В 2 т. Воронеж : Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та., 2008–2012. Т. 1. 2008. 228 с. ; Т. 2. 2012. 307 с.
- Баранов – Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М. : Изд-во ЭТС, 2002. 1200 с.
- СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брыгина, В. И. Супрун ; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011. 704 с.
- Славянские древности – Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995–2012. 5 т.

REFERENCES

- Bazhenova T.E., 2022. Leksika vtorichnykh govorov Srednego Povolzhya v statike i dinamike [Vocabulary of Secondary Dialects of the Middle Volga Region in Statics and Dynamics]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya.*

- Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], vol. 22, iss. 3, pp. 261-266. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-261-266>
- Barannikova L.I., 1975. Govory territoriy pozdnego zaseleniya i problema ikh klassifikatsii [Dialects of Lately Colonized Territories and the Problem of Classifying Them]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 22-31.
- Brysina E.V., 2003. *Etnokulturnaya idiomatika donskogo kazachestva* [Ethnocultural Idioms of the Don Cossacks]. Volgograd, Peremena Publ. 293 p.
- Brysina E.V., Suprun V.I., Aleshchenko E.I., 2016. *Lingvokulturnoe prostranstvo kazachyego Podonya* [Linguistic and Cultural Space of the Cossack Don Region]. Volgograd, Peremena Publ. 358 p.
- Brysina E.V., Suprun V.I., 2021. *Dukhovnaya kultura kazachestva: yazyk i obrazy* [Spiritual Culture of the Cossacks: Language and Images]. Volgograd, PrinTerra-Dizayn Publ. 336 p.
- Bublikov V.V., 2022. Mezhdru russkimi i ukraintsami: transformatsiya etnicheskoy identichnosti lits s russko-ukrainskoy etnichnostyu v Rossii [Between Russians and Ukrainians: Transformation of Ethnic Identity of Persons with Russian-Ukrainian Ethnicity in Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no. 22, pp. 168-187. DOI: 10.31857/S0869541522020117
- Vendina T.I., 2002. Dialektnoe slovo v paradigme etnolingvistikicheskikh issledovaniy [Dialect Word in the Paradigm of Ethnolinguistic Studies]. Gerd A.S., ed. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 1999* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 1999]. Saint Petersburg, ILI RAN, pp. 3-15.
- Vendina T.I., 2022. Dialektnoe slovo v kulturno-yazykovom kontekste [Dialect Word in Cultural and Linguistic Context]. Myznikov S.A., ed. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 2022* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialect. Materials and Research 2022]. Saint Petersburg, ILI RAN, pp. 72-94.
- Vendina T.I., 2023. *Ontologiya lingvisticheskoy karty* [Ontology of Linguistic Map]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 452 p.
- Grevtsova T.E., 2022. Obryady svatovstva i obrucheniya u donskikh kazakov: dinamika traditsii v sovetskiy period [Matchmaking and Betrothal Rites Among the Don Cossacks: The Dynamics of Tradition in the Soviet Period]. *Traditsionnaya kultura* [Traditional Culture], vol. 23, no. 2, pp. 38-48. DOI: 10.26158/TK.2022.23.2.003
- Gura A.V., 2009. Svadebnyy obryad [Wedding Ceremony]. Tolstoy N.I., ed. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvistikicheskiy slovar. V 5 t. T. 4* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Vols. Vol. 4]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., pp. 544-547.
- Ekimov B., 2003. Po Donu. Putevye zametki [By Don. Travel Notes]. *Nash Sovremennik* [Our Contemporary], no. 2. URL: https://royallib.com/read/nash_sovremennik_gurnal/gurnal_nash_sovremennik_2_2003.html#210054
- Klimkova L.A., 2011. Parametry informativnosti v dialektnoy rechi [Parameters of Informativeness in Dialect Speech]. Gerd A.S., ed. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 2011* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2011]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 86-96.
- Kogitin V.V., 1992. *Kazachyi skazki* [Cossack Tales]. Volgograd, Vedo Publ. 160 p.
- Kostromicheva M.V., 1994. Leksika svadebnogo obryada v orlovskikh govorakh [Vocabulary of the Wedding Ceremony in the Oryol Dialects]. Gerd A.S., Popov I.A., eds. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 1993* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 1993]. Saint Petersburg, ILI, Nauch.-izd. tsentr «NeGA», pp. 68-70.
- Kudryashova R.I., 1997. *Slovo narodnoe. Govory Volgogradskoy oblasti v proshlom i nastoyashchem* [The Word of the People. Dialects of the Volgograd Region in the Past and Present]. Volgograd, Peremena Publ. 124 p.
- Kudryashova R.I., 1998. Russkie govory Volgogradskoy oblasti [Russian Dialects of the Volgograd Region]. *Voprosy kraevedeniya: materialy VI i VII kraeved. chteniy, posvyashch. 50-letiyu Pobedy sov. naroda v Velikoy Otechestv. voyne* [Questions of Local History: Materials of the 6th and 7th Local History Readings Dedicated to the 50th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War]. Volgograd, Izd-vo VolGU, iss. 4/5, pp. 253-256.
- Kudryashova R.I., 2002. O spetsifike sbora materiala dlya LARNG v pereselencheskikh govorakh [About the Specifics of Collecting Material for LARNG in Resettlement Dialects]. Gerd A.S., ed. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 1999* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 1999]. Saint Petersburg, ILI RAN, pp. 73-78.

- Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I., 2006. Novyy etap izucheniya donskikh govorov Volgogradskoy oblasti [A New Stage in the Study of the Don Dialects of the Volgograd Region]. Zagorulko M.M., ed. *Strezhen: nauch. ezhegodnik* [Strezhen. Scientific Yearbook]. Volgograd, Izdatel Publ., iss. 5, pp. 290-296.
- Kuznetsova O.D., Sorokoletov F.P., 2011. Semanticheskaya kharakteristika slov v dialektnom slovare [Semantic Characteristics of Words in The Dialect Dictionary]. Kuznecova O.D., Sorokoletova E.F., Myznikov S.A., eds. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 379-394.
- Larin B.A., 2003. O printsipakh sostavljeniia atlasa slavyanskikh yazykov [On the Principles of Compiling an Atlas of Slavic Languages]. *Filologicheskoe nasledie: sb. st.* [Philological Heritage. Collection of Articles]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, pp. 240-250.
- Levkievskaya E.E., 2015. K voprosu o metodah kulturnogo i etnodialektnogo izucheniya ukrainskikh anklavov na territorii Rossi [On the Issue of Methods of Cultural and Ethno-Dialect Study of Ukrainian Enclaves in Russia]. *Slavyanskiy almanakh* [Slavic Almanac], no. 1/2, pp. 225-235.
- Maleeva E.S., 2010. Funktsionirovanie leksem, oboznachayushchikh naimenovaniya glinyanoy posudy, v rechi bilingvov [The Functioning of Lexemes Denoting the Names of Pottery in The Speech of Bilinguals]. *Anklavistika: sbirnik nauchovykh prats* [Anklavistika. Collection of Scientific Papers]. Gorlovka, Vid-vo GDPIIM, pp. 90-95.
- Marchenko T.V., 2010. Osoblivosti interv'yuu pri zbiranni dialektного materialu [Peculiarities of Interviews When Collecting Dialect Material]. *Anklavistika: zbirnik nauchovykh prats* [Anklavistika. Collection of Scientific Papers]. Gorlovka, Vid-vo GDPIIM, pp. 12-18.
- Protsenko B.N., 1996. Etnograficheskie realii i programma «Traditsionnaya dukhovnaya kultura» [Ethnographic Realities and the Program "Traditional Spiritual Culture"]. Popov I.A., ed. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 1994* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 1994]. Saint Petersburg, ILIRAN, pp. 66-76.
- Ryblova M.A., 2002. *Traditsionnye poseleniya i zhilishcha donskikh kazakov* [Traditional Settlements and Dwellings of the Don Cossacks]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 242 p.
- Ryblova M.A., 2004. Ob istorii, nekotorykh itogakh i perspektivakh issledovaniya etnokulturnykh osobennostey naseleniya Volgogradskoy oblasti [On the History, Some Results and Prospects of the Study of Ethno-Cultural Features of the Population of the Volgograd Region]. Zagorulko M.M., ed. *Strezhen: nauch. ezhegodnik* [Strezhen. Scientific Yearbook]. Volgograd, Izdatel Publ., iss. 4, pp. 356-363.
- Ryblova M.A., 2017. Donskie kazaki [Don Cossacks]. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 91-94.
- Ryblova M.A., 2022. *Kazaki i kazachki v obryadovoy i trudovoy zhizni donskoy obshchiny* [Cossacks and Cossack Women in the Ritual and Labor Life of the Don Community]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN. 384 p.
- Suprun V.I., 2010. Ischezayushchiy ukrainskiy arhipelag [Disappearing Ukrainian Archipelago]. *Anklavistika: sbirnik nauchovykh prats* [Anklavistika. Collection of Scientific Papers]. Gorlovka, Vid-vo GDPIIM, pp. 18-30.
- Suprun V.I., 2017a. Ukrainskie govory [Ukrainian Dialects]. Ryblova M.A., ed. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 334-335.
- Suprun V.I., 2017b. Ukraintsy Volgogradskoy oblasti [Ukrainians of the Volgograd Region]. Ryblova M.A., ed. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 335-337.
- Terkulov V.I., 2010. O programme issledovaniya ukrainskikh govorov Rossii i smezhnykh problemakh [About the Program for the Study of Ukrainian Dialects in Russia and Related Issues]. Ilyin D.Yu., Shamne N.L., eds. *Integratsionnye protsessy v kommunikativnom prostranstve regionov: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Integration Processes in the Communicative Space of Regions. Proceedings of the International Conf.]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 294-298.
- Terkulov V.I., Tameryan T.Yu., 2023. Yazykovaya identifikatsiya i identichnost [Language Identification and Identity]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (97), pp. 27-34. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_03
- Tolstaya S.M., 1994. K ponyatiyu funktsii v yazyke kultury [On the Concept of Function in the Language of Culture]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies], no. 5, pp. 91-97.
- Tolstoy N.I., Tolstaya S.M., 2013. Aspekty, kriterii i priznaki slavyanskoy kulturnoy obshchnosti [Aspects, Criteria and Signs of the Slavic Cultural

- Community]. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii: materialy ko Vtoromu Vseros. sovesch. slavistov (5–6 noyab. 2013 g.)* [Slavic Ethnolinguistics: Theoretical Issues. Materials for the Second All-Russian Conference of Slavists (November 5–6, 2013)]. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN, pp. 224–236.
- Tupikova N.A., 2013. O polevom funktsionalno-semanticheskom issledovanii russkogo glagola [On Field Functional and Semantic Approach to the Studies of the Russian Verb]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (19), pp. 19–26.
- Tupikova N.A., Starodubtseva N.A., 2015. Leksicheskie paralleli v rechi predstaviteley russko-ukrainskikh semey kak otrazhenie kulturno-yazykovykh kontaktov slavyanskikh narodov [Lexical Parallels in the Speech of Representatives of Russian-Ukrainian Families as a Reflection of Cultural and Linguistic Contacts of the Slavic Peoples]. Dembskaya K., Glushkowskiy M., eds. *Rosja w dialogu kultur. Tom 1*. Torun, Wyd. naukowe Uniwersytetu M. Kopernika, s. 303–315.
- Tupikova N.A., Starodubtseva N.A., 2022. Sposoby semantizatsii dialektnoy leksiki v regionalnoy khudozhestvennoy proze i ustnoy rechi dialektonositeley [Methods of Dialect Vocabulary Semantization in Regional Fiction and Converse of Dialect Speakers]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 4, pp. 5–19. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.4.1
- Fortunatov F.F., 1956. Zadachi yazykovedeniya i svyaz ego s drugimi naukami [Tasks of Linguistics and Its Connection with Other Sciences]. *Izbrannye Trudy. T. 1* [Selected Works. Vol. 1]. Moscow, Gos. ucheb.-ped. izd-vo M-va prosvescheniya RSFSR, pp. 23–29.
- Frolov N.K., 2005. Vzaimosvyazi etnicheskikh kultur v zerkale sotsio- i etnolingvistiki [The Relationship of Ethnic Cultures in the Mirror of Socio- and Ethnolinguistics]. *Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu. V 2 t. T. 1* [Selected Works on Linguistics. In 2 Vols. Vol. 1]. Tyumen, Izd-vo TuymGU, pp. 485–490.
- Shmelev D.N., 1964. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka* [Essays on the Semasiology of the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 244 p.
- Shmelev D.N., 1973. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of Semantic Analysis of Vocabulary (Based on the Russian Language)]. Moscow, Nauka Publ. 280 p.
- Ryblova M.A., ed. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti*, 2017 [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 544 p.

DICTIONARIES

- Avdeeva M.T. *Slovar ukrainskikh govorov Voronezhskoy oblasti. V 2 t.* [Dictionary of Ukrainian Dialects of the Voronezh Region. In 2 Vols.]. Voronezh, Izd.-poligraf. tsentr Voronezh. gos. un-ta, 2008–2012, vol. 1, 2008. 228 p.; vol. 2, 2012. 307 p.
- Baranov O.S. *Ideograficheskiy slovar russkogo yazyka* [Ideographic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Izd-vo ETS, 2002. 1200 p.
- Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I., eds. *Slovar donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don Dialects of Volgograd Region]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011. 704 p.
- Tolstoy N.I., ed. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar. V 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. In 5 Vols.]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1995–2012.

Information About the Authors

Nataliya A. Tupikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, na_tupikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

Natalya A. Starodubtseva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, na_starodubceva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1480-8230>

Информация об авторах

Наталия Алексеевна Тупикова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, na_tupikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

Наталья Анатольевна Стародубцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, na_starodubceva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1480-8230>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>

UDC 811.161.1'37
LBC 81.411.2-002

Submitted: 26.02.2023
Accepted: 04.05.2023

**OBJECTIFICATION FEATURES
OF SOCIAL EXCLUSION AND SOCIAL INCLUSION CATEGORIES
IN THE RUSSIAN LANGUAGE
(EXEMPLIFIED BY “GLUBINKA” AND “GLUSH” CONCEPTS)**

Nikolay L. Shamne

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Marina V. Milovanova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the objectification peculiarities of the social exclusion and social inclusion categories in the territorial aspect in the Russian language on the case of the “*glubinka*” (“*hinterland*”) and “*glush*” (“*wilderness*”) concepts. As a result of the definitional analysis of the eponymous lexemes denoting these concepts, nuclear semantic features are identified – large distance from an object with different social conditions (*hinterland*) and a large distance from the center and sparse population (*wilderness*). The concepts are characterized from the standpoint of the semantic field. It is established that the core of the semantic fields of the “*glubinka*” (“*hinterland*”) and “*glush*” (“*wilderness*”) concepts are linguistic units that directly indicate nuclear semantic features. The periphery is comprised of the units that actualize the processes of social exclusion and in some cases social inclusion. Verbs with negation and predicative *No* are noted to be the common prevalent linguistic means that express the category of social exclusion, while the units of the thematic group “social difficulties”; quantitative qualifiers which indicate a low (up to a minimum) degree of something (semantic field “*hinterland*”); verbs of socially conditioned displacement, and deictic units (semantic field “*wilderness*”) are viewed as distinctive ones. It is concluded that the “*glush*” (“*wilderness*”) lexeme objectifies the processes of territorial social exclusion in the context to a greater extent than the “*glubinka*” (“*hinterland*”) lexeme.

Key words: social exclusion, social inclusion, semantic field, semantic field “*hinterland*”, semantic field “*wilderness*”, core, periphery.

Citation. Shamne N.L., Milovanova M.V. Objectification Features of Social Exclusion and Social Inclusion Categories in the Russian Language (Exemplified by “*Glubinka*” and “*Glush*” Concepts). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 62-75. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-002

Дата поступления статьи: 26.02.2023
Дата принятия статьи: 04.05.2023

**ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ
КАТЕГОРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ – СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЙ «ГЛУБИНКА» И «ГЛУШЬ»)**

Николай Леонидович Шамне

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Марина Васильевна Милованова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей объективации в русском языке категорий социальной эксклюзии и социальной инклюзии в территориальном аспекте на примере понятий «глубинка» и «глушь». В результате дефиниционного анализа одноименных лексем, обозначающих данные понятия, выявлены ядерные семантические признаки: большое расстояние от объекта с другими социальными условиями (*глубинка*), большое расстояние от центра и малочисленность социума (*глушь*). Названные понятия в работе характеризуются с позиций семантического поля. Установлено, что ядро семантических полей понятий «глубинка» и «глушь» составляют языковые единицы, непосредственно указывающие на ядерные семантические признаки, а периферию – единицы, актуализирующие процессы социальной эксклюзии и в отдельных случаях социальной инклюзии. В качестве общих ведущих языковых средств, выражающих категорию социальной эксклюзии, выделены глаголы с отрицанием и предикатив *нет*, в качестве различающихся – единицы тематической группы «социальные трудности»; количественные квалификаторы, указывающие на малую (вплоть до минимума) степень чего-либо (семантическое поле «глубинка»); глаголы социально обусловленного перемещения, действительные единицы (семантическое поле «глушь»). Сделан вывод о том, что лексема *глушь* в большей степени, по сравнению с лексемой *глубинка*, объективирует в контексте процессы территориальной социальной эксклюзии.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, социальная инклюзия, семантическое поле, семантическое поле «глубинка», семантическое поле «глушь», ядро, периферия.

Цитирование. Шамне Н. Л., Милованова М. В. Особенности объективации категорий социальной эксклюзии – социальной инклюзии в русском языке (на примере понятий «глубинка» и «глушь») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 62–75. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>

Введение

Изучение категорий «социальная эксклюзия», «социальная инклюзия» активно началось в последней трети XX в. в зарубежной социологии. В большей степени внимание ученых было обращено на понятие эксклюзии, которое традиционно связывают с именем французского социолога Реми Ленуара, рассматривающего в своих работах 70-х гг. такие категории социального исключения, как инвалиды, сироты, безработные, бездомные и др.

В научной литературе существуют различные подходы к изучению понятий социальной эксклюзии – социальной инклюзии. В отечественной социологии данная оппозиция характеризуется с различных сторон: с точки зрения распространенности [Дмитриева, 2012], территориального фактора [Ильин, 2010], образовательного процесса (например, проблемы инклюзивного образования [Макеева, 2020]). В зарубежных исследованиях социальная эксклюзия рассматривается также с различных сторон, однако прежде всего в центре внимания ученых находятся проблемы бедности, неблагополучия, асоциальности [Azmat, 2020; Buhr, 2008]. В самом общем виде социальную эксклюзию можно определить как «многомерный кумулятивный процесс, нару-

шающий социальные связи индивидов или групп и препятствующий их участию в жизни общества» [Макеева, 2020, с. 53].

Социальная эксклюзия описывается также с точки зрения причин, они разнообразны, зачастую взаимосвязаны и имеют как объективный, так и субъективный характер.

Социально исключенными (СЭ) являются люди, подвергшиеся насилию (психологическому, физическому), независимые, склонные к суицидальному поведению, бездомные, инвалиды, с ограниченными возможностями здоровья, мигранты, преступники, родители-одиночки, маргиналы, сельское население, пожилые люди и др. [Панкратова, 2021, с. 213]. Данные категории лиц полностью или частично исключены из жизни социума, а следовательно, им недоступен широкий спектр социальных услуг, а также они исключены из сферы трудоустройства, медицины, образования, культуры.

Социальная инклюзия трактуется в большинстве работ как включение человека в общество, активное взаимодействие, функционирование в определенной социальной роли (см., напр.: [Макеева, 2020, с. 53]) или как «демократическая акция, благодаря которой индивид или группа включаются в широкое общество и приобщаются к определенному действию, культурному процессу» [Ярская,

Ярская-Смирнова, 2015, с. 136]. Конкретные шаги, практики осуществления процесса социальной инклюзии подробно описаны в сфере социальной работы, в частности, для таких категорий, как мигранты, инвалиды, пожилые люди (см., напр.: [Антонова, 2013]).

Таким образом, социальная эксклюзия и социальная инклюзия – это разнонаправленные процессы. Социальная инклюзия предполагает включение определенного лица (лиц) в социальные отношения, а эксклюзия, в отличие от нее, направлена не во внутрь чего-то, а за его пределы и означает исключение определенного лица (лиц) из социальных отношений в различных сферах.

В качестве признаков социальной эксклюзии ученые называют ограниченность / отсутствие доступа к ресурсам, невозможность / неспособность преодоления ограничений, дискриминацию, распространенность по различным сферам социальных отношений (см.: [Тихонова, 2002]).

Изучение отражения социальной эксклюзии – инклюзии в языке на сегодня характеризуется фрагментарностью. Так, в Словакии в Университете им. Я.А. Коменского разрабатывается научная тема «Социальная инклюзия через повышение языковой культуры», в частности с позиций ксенолингвистики описываются коммуникативные стратегии дискурса эксклюзии как способы социального отчуждения и неприятия [Кожарнович, 2020]. В большей степени в зарубежной лингвистике проблема социального исключения – социального включения разрабатывается в аспекте многоязычия, что вполне объяснимо современными миграционными процессами. В частности, Эми Оцудзи и Аластер Пенникук (Технологический университет, Сидней, Австралия) рассматривают социальную инклюзию в связи с проблемой двуязычия и многоязычия, обращая при этом особое внимание на роль культуры и менталитета, социальную инклюзию авторы называют «новым мультикультурализмом» [Otsuji, Pennycook, 2011].

Другим направлением изучения рассматриваемых понятий в зарубежной лингвистике является их характеристика в рамках теории и практики коммуникации. Например, профессор университета Мангейма (Германия) Вернер Каллмайер описывает

языковые процессы социальной интеграции и исключения в связи с проблемой ксенофобии и выделяет в коммуникации социальные стереотипы, социальные предубеждения и различные формы социальной дискриминации [Kallmeyer, 2002].

В отечественной лингвистике проблема выражения в языке категорий социального исключения и включения разработана в меньшей степени. Так, в работах Л.Г. Лапиной рассматривается функционирование понятия инклюзии в немецкоязычном общественном дискурсе на материале текстов различной направленности [Лапина, 2017]. Отдельные исследования посвящены изучению языка остракизма, в частности Л.М. Григорьевой на языковом уровне прослеживаются различия интенсивности переживания опыта социального исключения (разница в объеме слов и предложений, количественном соотношении глаголов, словарном разнообразии между группами текстов с максимальной и минимальной остротой переживания опыта), выделяются глагольные отрицания как вербальная форма проявления социальной эксклюзии [Григорьева, 2022].

В рамках данной статьи остановимся на территориальном параметре социальной эксклюзии – инклюзии. Как отмечает В.И. Ильин, России присущ феномен глубинки, именно она занимает большую часть территории страны, исключение проявляется в отсутствии соответствующих уровню крупных городов социальных условий: возможностей медицины, связи, развития инфраструктуры, наличия рабочих мест и др. [Ильин, 2010, с. 26].

Особо отметим, что проблема территориального исключения (эксклюзии) и в меньшей степени – социального включения (инклюзии) активно обсуждается также прежде всего в социологической науке, однако исследование закономерностей вербализации территориальной социальной эксклюзии – инклюзии не нашло должного отражения в работах ученых. Нам представляется целесообразным выявить языковые механизмы объективации данных процессов в текстах СМИ, что позволит составить типологию соответствующих языковых средств и способов и тем самым глубже охарактеризовать сложившиеся в обществе представления о данных явлениях.

Материал и методы

Категории социальной эксклюзии – социальной инклюзии, несмотря на противоположность, обнаруживают достаточно тесную взаимосвязь. Так, социальное включение можно рассматривать как процесс преодоления социального исключения. Именно поэтому в большей степени в научной литературе описана категория социальной эксклюзии.

Территориальная социальная эксклюзия – социальная инклюзия в самом общем виде представлена прежде всего оппозицией «центр – не центр», причем второй компонент данной оппозиции является более структурированным, поскольку именно с ним связаны процессы различного рода социального исключения. В расширенном виде оппозицию «центр – не центр» можно представить следующим образом: центр / город – периферия / село / деревня / глубинка / глушь / захолустье.

Источником материала для нашего исследования послужил Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) – газетный корпус; используется подкорпус периода с 2011 по 2021 г. (языковой материал 2022 г. еще не нашел отражения в корпусе). Выбор газетных текстов для выявления особенностей вербализации территориальной социальной эксклюзии – инклюзии обусловлен тем, что именно в данных источниках обсуждается социально-культурная проблематика как на уровне столиц, так и на уровне регионов.

Нас интересуют единицы, объективирующие второй компонент обозначенной оппозиции – «не центр». В приведенном выше ряду единицы *периферия*, *село*, *деревня* можно назвать немаркированными по отношению к репрезентации понятия социальной эксклюзии, поскольку они не содержат в своем значении непосредственно признака социального исключения. Другие единицы данного ряда – *глубинка*, *глушь*, *захолустье*, напротив, прямо указывают на ту или иную степень территориального исключения из определенных социальных условий (по сравнению с центром / городом), что зафиксировано в словарях.

На указанном фактическом материале устанавливаются контексты употребления ключевых единиц *глубинка* и *глушь*, их коллокации (лексема *захолустье* в силу меньшей

частотности в статье не рассматривается). С целью выделения ядерных семантических признаков значения лексем проводится дефиниционный анализ на основе толковых словарей русского языка. В отдельных случаях используются также данные Русского ассоциативного словаря (далее – РАС).

Анализ примеров из выборки в газетном корпусе НКРЯ позволил выделить ряд семантических признаков, конкретизирующих обозначенные данными лексемами понятия и соответственно группы языковых единиц, объективирующих категории социальной эксклюзии – социальной инклюзии в территориальном аспекте.

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – структурно-семантического, контекстуального анализа, элементы компонентного анализа.

Результаты и обсуждение

Обратимся к анализу семантики единиц *глубинка* и *глушь* на основе толковых словарей русского языка.

Глубинка:

Глубинный, далекий от центра пункт, район (МАС).

Место, находящееся далеко от административного, культурного и т. п. центра (глушь, захолустье) (НСРЯ).

Место, населенный пункт, расположенный вдали от столицы государства или других крупных городов (ТСРЯ).

Как свидетельствуют приведенные толкования, ядерным семантическим признаком единицы *глубинка* является «пространственное расположение» – большое расстояние от объекта с другими социальными условиями (центр / город).

Глушь (первое значение в словарях имеет отношение к природному ландшафту и определяется через признак труднопроходимости – типа «в глуши чащи»), второе значение:

Место, удаленное от центров общественной и культурной жизни (Ушаков).

Глухое, безлюдное или малолюдное место вдали от крупных населенных пунктов. Место, уда-

ленное от центров общественной и культурной жизни (НСРЯ).

Отдаленное от поселений, пустынное место (МАС).

В определении значения лексемы *глушь* усиливается признак пространственной и социальной удаленности, что подчеркивают использованные в толковании прилагательные *труднопроходимое, удаленное от, малоллюдное, безлюдное*. Ядерный семантический признак пространственного расположения здесь конкретизируется как «большое расстояние от центра и малочисленность социума».

Лексема *глубинка* в фактическом материале может выражать территориальную социальную эксклюзию и социальную инклюзию как способ преодоления этой эксклюзии (наибольшее количество словоупотреблений – около 80 % – приходится на актуализацию социальной эксклюзии и около 20 % – инклюзии).

Выборка показала, что семантическое поле понятия «глубинка» образуют ядерные единицы, непосредственно указывающие на удаленность от центра (прежде всего от Москвы и Санкт-Петербурга), в составе которых отмечены единицы определенных групп.

1. Хоронимические квалификаторы (*где?*), номинирующие конкретную местность, либо часть страны; в данной группе можно выделить две подгруппы: 1) имеющие отношение к России. Здесь представлены в большей степени прилагательные, образованные от географических хоронимов, в меньшей степени – от административных: *северная, ямальская, кубанская, карельская, сибирская, ульяновская, приморская, брянская, пермская, вологодская* и др. Наибольшая частотность отмечена у единицы *российская* (около 80 % в рамках данной подгруппы), встретилось несколько случаев непоследовательного употребления прилагательного *русская* в аналогичных контекстах; 2) имеющие отношения к другим странам. Здесь представлены прилагательные, образованные от административных хоронимов: *британская, тайская, марокканская, австралийская, иранская* и др., наибольшая частотность отмечена у единицы *американская* (около 70 % в рамках данной подгруппы), далее по частотности – *китайская* (около 10 %). Отметим, что все лексемы этой группы характеризуют

также большую пространственную удаленность различных объектов от центра (страны с большой по протяженности территорией).

2. Субъектные квалификаторы (*кто?*): *обычные люди, обычный студент-технар, обычный маляр, обычная семья, простые люди, простой шахтер, простой рукастый мужик, молодежь* (в составе устойчивого сочетания *отток молодежи*), *люди предпенсионного возраста, пенсионеры, одинокие старики, многодетные семьи, врачи, учителя, выпускники* и др., то есть преобладают в целом существительные, называющие представителей разных слоев населения, которые, как правило, включаются в категории, требующие социальной поддержки. Прилагательные *простой* и *обычный* при характеристике субъекта (в значении «открытый, бесхитростный, прямой, самый обыкновенный» и др., согласно словарям) еще больше подчеркивают отличие (своего рода удаленность) представителя глубинки от представителя центра. В единичных случаях отмечены нетипичные субъекты – *режиссер, скульптор, молодые музыканты*:

(1) И прекрасно, что появился такой фестиваль, который привозит в Москву лучшие работы и мэтров, и молодых режиссеров из **глубинки** (НКРЯ, Новая газета, 2018.12);

(2) На первый взгляд эти скульптуры – творения самородка-интуитивиста из **глубинки**, черпающего вдохновение в национальной культуре Буриятии (НКРЯ, Известия, 2019.01).

Однако в такого рода контекстах, как правило, актуализировано противопоставление: в Москву – из глубинки.

В данной группе выделены также устойчивые обороты *выходцы (выходец) из глубинки, уроженец (уроженцы) глубинки*, например:

(3) «Уроженцы **глубинки**, которые удачно «покорили» Москву, но не успели здесь обзавестись якорями в виде недвижимости и семьи, на время пандемии вернулись в родные регионы, чтобы в первую очередь не платить за съемные квартиры», – объясняет Захаров (НКРЯ, Ведомости, 2020.10).

В контекстах, описывающих ситуацию, когда выходцы из глубинки вливаются в неглу-

бинку, приведенная конструкция может выражать социальное включение:

(4) Пермский край я знаю неплохо: здесь родился, вырос, вышел из **глубинки** (НКРЯ, Коммерсант, 2020.02) (речь идет о крупном чиновнике).

3. Пространственные квалификаторы «неопределенно большой» с точки зрения расстояния удаленности, то есть «так далеко, что точно не знаю где»: сочетания с неопределенными местоимениями *где-то*, *где-нибудь в глубинке*, которые еще больше подчеркивают дистанцированность от центра:

(5) Если в России «вазовская» классика все еще остается популярным средством передвижения **где-нибудь в глубинке**, то в странах ЕС это самая настоящая экзотика (НКРЯ, Vesti.ru, 2020.04);

(6) Например, в участковой больнице **где-то в глубинке** врачи стараются не применять подобные лекарства, поскольку эти ампулы физически невозможно будет сдать в указанный период (НКРЯ, Парламентская газета, 2019.11);

У меня в округе около 100 тысяч избирателей, а у председателя Народного фронта Латвии Дайниса Иванса, который шел по сельскому округу **где-то там в глубинке**, 30 тысяч избирателей (НКРЯ, lenta.ru, 2019.05).

В примере (6) наречие *там* усиливает пространственную удаленность (не здесь). В отдельных случаях косвенно на пространственную удаленность указывает частица *даже*, которая усиливает разрыв между центром и глубиной:

(7) Их уже практически нигде не используют, даже в **глубинке** (НКРЯ, lenta.ru, 2017.07) (в данном примере речь идет об отваре ольховых шишек).

Периферия в составе семантического поля обозначаемого понятия включает языковые единицы, непосредственно указывающие на социальную эксклюзию:

1. Квалификаторы категории отрицания: глагольные конструкции с частицей *не*, отрицательные конструкции в рамках составного именного сказуемого, отрицательные безличные предложения с предикативом *нет*:

(8) С одной стороны – **глубинка**, поездом **не доберешься**, надо искать автобус или маршрутку, например, от Абакана, и пить потом сто с лишним верст (НКРЯ, Новая газета, 2018.10);

(9) Временный переход на дистанционное обучение показал, что далеко **не все школы в глубинке оказались готовы** такому формату (Vesti.ru, 2020.08);

(10) – Если потенциальный абитуриент, талантливый молодой человек живет в **глубинке**, у него **нет интернета**, но он хочет учиться, что ему делать? (Vesti.ru, 2020.05).

В данной группе частотны конструкции с предикативом *нет* и с отрицательным глаголом *не хватает*, выражающими малую степень наличия чего-либо.

Все приведенные примеры напрямую указывают на отсутствие определенных социальных условий в таких основополагающих сферах, как медицина, образование, инфраструктура в целом.

2. Квалификаторы социальных трудностей, среди которых наиболее употребительными являются единицы с корнем *труд-* (*трудности*, *трудно*) и лексемы *проблема*, *непростой*, *выжить*, например:

(11) Жители городов-миллионников, как правило, не имеют проблем с их получением, трудности обычно возникают у людей из **глубинки** (НКРЯ, Lenta.ru, 2020.06) (речь в примере идет о получении справки);

(12) Задача героинь нового сериала – выжить в родной **глубинке**, несмотря на все препятствия... (НКРЯ, Известия, 2020.06);

(13) Доставить туда из **глубинки** таких пациентов очень трудно (НКРЯ, Парламентская газета, 2021.12);

(14) Жителям **глубинки** наверное не нужно объяснять, насколько актуальна эта проблема (НКРЯ, Парламентская газета, 2018.07) (речь идет о строительстве дорог);

(15) Российская **глубинка** находится в непростой ситуации. Доходы населения годами в лучшем случае остаются на одном и том же уровне (НКРЯ, lenta.ru, 2019.07).

3. Квантитативные квалификаторы, указывающие на малую (вплоть до минимума) степень чего-либо: прилагательные *минимальный*, *мизерный*, количественные числительные:

(16) По своему правы все: и культурная трагедия огромна, ставшая личной трагедией очень многих; и люди на хоть Донбассе, хоть с мизерной пенсией в нашей **глубинке**... – однозначно важнее

любых стен, спицей и камней (НКРЯ, Парламентская газета, 2019.04);

(17) Ерженин пояснил, что минимальные зарплаты получают врачи в **глубинке**, а максимальные – в учреждениях, где развиты платные услуги (НКРЯ, lenta.ru, 2019.10);

(18) А их мама с папой в **глубинке** дай бог 30 тысяч рублей в месяц получают на двоих, вот и складывается такая невеселая картинка (НКРЯ, lenta.ru, 2017.03).

4. Отдельное место занимают случаи, в которых социальная эксклюзия объективируется через прямое противопоставление либо сопоставление двух объектов – центра и не центра:

(19) Празднества в столице имели огромный размах, правда, в **глубинке** российский народ предпочитал отмечать в новогодний вечер память Василия Кесарийского (НКРЯ, Парламентская газета, 2019.12);

(20) Мы и для Москвы-то были в то время странные, а для **глубинки** – тем более (НКРЯ, lenta.ru, 2019.04) (речь в примере идет о музыкальной группе);

(21) Кроме того, молодые творческие работники жаждут успеха, признания и славы, и им нередко кажется, что добиться этого в **глубинке** сложнее, чем в крупных культурных центрах (НКРЯ, Парламентская газета, 2018.12);

(22) Кем бы Маркелов не стал в скором времени, а достойную работу ему уже обещали подыскать, у Леонида Игоревича появилась прекрасная возможность проявить свои недюжинные таланты в столице России, а не только в **глубинке** (НКРЯ, Московский комсомолец, 2017.04);

(23) – Потому что одно дело Петербург и другое – российская **глубинка** (НКРЯ, Парламентская газета, 2016.10);

(24) Земельные доли рядом с городами-миллионниками стоят неизмеримо выше, чем сельхозземля где-то в **глубинке** (НКРЯ, Новая газета, 2016.10);

(25) Пенсии в Москве и **глубинке** разные и траты разные. В **глубинке** нужны деньги на дрова. Есть старики, которые, пережив зиму, сразу начинают копить на дрова – около 40 тысяч (НКРЯ, Новая газета, 2017.12);

(26) Люди предпочитают оставаться бездомными в крупных городах, а не возвращаться в родную **глубинку** (НКРЯ, Известия, 2018.02).

В такого рода контекстах в качестве оппозиции **глубинке** выступают различные номинации центра: *столица, Москва, Петербург,*

бург, федеральный центр, крупный культурный центр, города-миллионники, крупные города и др. Ведущими являются конструкции с союзами *чем, или, а*.

Как показал фактический материал, категорию социальной инклюзии лексема *глубинка* эксплицирует реже. В контекстах, где эта категория выражена, речь, как правило, идет о возможной социальной инклюзии, поскольку действия направлены в будущее, в качестве языковых средств отмечены конструкции со значением положительной направленности, включения, приближения объекта к определенным социальным условиям (прежде всего в уже названных нами проблемных областях), при этом репрезентативными являются единицы с общим значением повышения уровня чего-либо: глаголы (и отглагольные существительные) изменения – *улучшить, развить, расширить, обновить*, глаголы поддержки – *облегчить, помочь, обеспечить, доставить*. В меньшей степени социальное включение выражено как состоявшееся в определенных сферах, зафиксированы глаголы результативного действия *проникнуть* (данный глагол уже в своем значении содержит признак преодоления), *запустить* (то есть процесс только начался):

(27) Новый вид транспорта позволит не только доставить медикаменты в **глубинку**, но и обеспечить при этом надлежащие условия их хранения (НКРЯ, Парламентская газета, 2021.02);

(28) Сенатор напомнила, что с 1 января прошлого года в стране запущена программа льготной сельской ипотеки, целью которой является улучшение условий проживания в **глубинке**, развитие населенных пунктов, а также упреждение исхода населения в крупные города (НКРЯ, Парламентская газета, 2021.02);

(29) Как новый подход к целевому приему поможет выпускникам школ из **глубинки** поступить в ведущие университеты страны, выяснила «Парламентская газета» (НКРЯ, Парламентская газета, 2021.02);

(30) Это облегчит жизнь охотникам, особенно живущим в **глубинке** (НКРЯ Парламентская газета, 2020.11);

(31) Предложение федеральных и региональных парламентариев улучшить жизнь россиян в **глубинке** за счет размещения центров прибыли в регионах глава государства счёл вполне уместным (НКРЯ, Парламентская газета, 2019.05);

(32) В программу на 2017–2019 годы заложено 5,9 миллиардов рублей, что позволит кардинально обновить облик российской **глубинки** (НКРЯ, lenta.ru, 2017.11);

(33) Отвечая на вопрос, генеральный директор предприятия Николай Подгузов рассказал, что расширение почтовой сети в **глубинке** и обеспечение безопасности почтальонов ожидается увеличить за счёт новых форматов отделений (НКРЯ, Парламентская газета, 2017.11);

(34) Технологии быстрее проникли в **глубинку**, ускорилось оснащение школ компьютерами и Интернетом (НКРЯ, Парламентская газета, 2021.03).

В фактическом материале нашел отражение определенный стереотип русской культуры в восприятии провинции как чего-то простого, настоящего, неиспорченного, поэтому сочетания *русская глубинка, российская глубинка* могут нести позитивный смысл, рисуя своего рода идиллическую картинку:

(35) Русская **глубинка** привлекает туристов со всего мира неповторимым колоритом и провинциальным обаянием (НКРЯ, Vesti.ru, 2020.03);

(36) Мы решили найти в **глубинке** спокойное и красивое место на природе, обеспечить его всеми коммуникациями для комфортной жизни и удаленной работы и основать там поселок для семей, которые (как и мы) зарабатывают удаленным трудом (НКРЯ, lenta.ru, 2019.11);

(37) При этом известно, что именно российская **глубинка** богата талантами (НКРЯ, Парламентская газета, 2019.03).

В такого рода контекстах ведущими языковыми средствами являются существительные и прилагательные, выражающие положительную оценку: *обаяние, колорит, таланты, неповторимый, спокойный, красивый* и др.

Выборка из эмпирического материала показала, что в семантическом поле понятия *глушь* ядро составляют единицы, непосредственно выражающие заключенные в значении лексемы признаки пространственной и социальной удаленности.

1. Ландшафтные квалификаторы: *таежная, лесная, горная, горно-лесная*. Единицы данной группы актуализируют в контексте признак труднодоступности как с точки зрения собственно ландшафта – особый рельеф, густая растительность, так и с точки

зрения пространственной и социальной удаленности, частотным является прилагательное *таежная* – около 55 % в рамках выделенной группы, далее *лесная* – около 30 %:

(38) В таежной **глуши людей живет мало**, но причина пожаров и там – человеческий фактор (НКРЯ, Vesti.ru, 2012.07);

(39) «Полицейские считают, что живут в лесной **глуши**, до Бога высоко, до царя далеко, и никто им никогда ничего не сделает», – считает он (НКРЯ, Новая газета, 2018.06) (речь в примере идет о нижегородской области).

Особо отметим, что в РАС наиболее частотной реакцией на стимул «глушь» является «лесная».

2. Хоронимические квалификаторы представлены прилагательными двух подгрупп: 1) прилагательные, образованные от административных хоронимов, характеризующих зарубежное пространство (около 60 %): *глушь бразильская, мексиканская, болгарская, французская, канадская, румынская, финская* и др., при этом ведущим семантическим признаком выступает прежде всего значительная пространственная удаленность от центра; 2) прилагательные, образованные от административных хоронимов, характеризующие российское пространство (около 40 %): *глушь тверская, псковская, ярославская, пермская, костромская, рязанская, вятская*; распространены также контексты с точным наименованием населенного пункта (ойконимы):

(40) В деревне Стрельчиха, в **глуши** Тверской области... (НКРЯ, Комсомольская правда, 2018.01).

3. Дескриптивы, актуализирующие признак труднопроходимости, малой доступности чего-либо, большой удаленности, причем как с точки зрения отсутствия чего-либо значимого (например, дорог), так и с точки зрения отсутствия соответствующих социальных условий: *непролазная, дремучая, унылая, партизанская, бездорожная, отменная* (в значении усиления), *дикая, страшная, чудовищная*. Особо выделим контексты с высшей степенью представленности обозначаемого признака – *абсолютная, настоящая*:

(41) При этом он шел в абсолютной **глуши**, там, где едва ли одна машина проезжает за день: с одной стороны, леса, болота, с другой – море (НКРЯ, lenta.ru, 2019.10);

(42) Всё свое детство, лет до 16, Люся провела в настоящей деревне – не видела автомобилей, не знала, что такое телефон, в общем, жила в настоящей **глуши** (НКРЯ, Известия, 2018.01).

В примерах (41), (42) высшая степень проявления названного признака передана через указание на отсутствие в данной местности людей, благ и описание окружающего ландшафта (дикая природа).

Прилагательные, выступающие как дескриптивы, имеют, как правило, ярко оценочный характер, преобладает негативная оценка. В отдельных случаях (они немногочисленны) в контексте может быть выражена положительная оценка: *живописная, прекрасная, пасторальная, нетронутая*; в такого рода контекстах признак малолюдности и труднодоступности оценивается положительно по сравнению с центром / городом; этим мотивировано появление таких контекстов, как *предпочитаю глушь* (то есть не многолюдный шумный город).

Группа дескриптивов нашла отражение в РАС (наиболее полно по сравнению с другими группами), приведем в порядке убывания (исходя из частотности больше 1) реакции на стимул «глушь»: *непроглядная, непролазная, темная, непроходимая, полная, Тмутаракань*, то есть ассоциации связывают данное понятие прежде всего с труднодоступностью и удаленностью.

В отличие от семантического поля «глубинка», в семантическом поле «глушь» лексемы, вербализующие субъекта, не составляют отдельной группы. В единичных случаях субъект обозначен обобщенным существительным *житель(ница)*, *жители* либо именем собственным (онимом):

(43) В Торопецкую **глушь** семья Тукалевских (глава семейства, его жена, семеро детей и сестра) перебрались, как сами говорят и верят, по воле Божией в 1992 году (НКРЯ, Комсомольская правда, 2013.05).

4. Пространственные квалификаторы большой с точки зрения расстояния удаленности: прилагательное *далекий* (и произ-

водные), обороты с местоимениями *где-то* (неопределенность подчеркивает признак удаленности), интенсификаторы *такая, самая, какая*. Местоимение *такая* актуализирует признаки труднопроходимости и удаленности, в сочетании с прилагательными, обозначающими свойства, состояние, оценку и т. п. употребляется для выражения сильной степени названного свойства, состояния или для усиления оценки. Местоимение *самый* указывает на крайний предел качественного признака – в данном случае также труднодоступности и удаленности. Языковая единица *какая* эмоционально усиливает протяженность и отсутствие определенных условий:

(44) – Месторождения Западной Сибири ищутся... и проект создал бы уникальный транспортный коридор всепланетного масштаба... но достаточно представить, какой там рельеф, климат, какая там **глушь**, чтобы понять – «завтра» не осилим (НКРЯ, Комсомольская правда, 2012.03);

(45) Машина приезжает в какую-нибудь деревушку – обычно это где-то в **глуши**, подальше от глаз (НКРЯ, Новая газета, 2019.07);

(46) Но дома находились где-то на хуторе, в далекой **глуши**, инфраструктуры никакой не было... (НКРЯ, lenta.ru, 2017.02);

(47) Порой находятся они в такой **глуши**, что не каждый турист доберется (НКРЯ, lenta.ru, 2015.12) (речь в примере идет о памятниках);

(48) ...Мы по разбитой дороге едем в самую **глушь** (НКРЯ, lenta.ru, 2019.09).

Языковые единицы, составляющие периферию поля «глушь» актуализируют прежде всего процесс социальной эксклюзии.

1. Глаголы социально обусловленного перемещения, причем данное перемещение может быть противоположно направленным. В большинстве случаев передано направление из центра к не центру: глагольные единицы *скрыться, бежать, спрятаться, перебраться, рвануть*, которые подчеркивают невозможность, либо нежелание в силу разных причин находится внутри социума, тем самым указывая на процесс социальной эксклюзии. Например:

(49) В «Эпидемии», снятой по роману Яны Вагнер «Вонгозеро»... главные герои решают бежать в **глушь**, хотя борьба за выживание начинается еще до пересечения МКАД (НКРЯ, Ведомости, 2019.12);

(50) У сбежавших в **глушь** россияне захотели отобрать детей из-за нищеты. Однако в **глуши** семью тоже отыскивали и прислали письмо из суда с решением ограничить родителей в правах... (НКРЯ, lenta.ru, 2019.10);

(51) ... моя мама в потертом пальтишке и козынке работницы скрывалась со мной под чужим именем в провинциальной **глуши** (НКРЯ, Новая газета, 2016.01);

(52) – Интересно, что один из участников конфликта – Шляфман уехал в Израиль, сменив фамилию на Высоцкого, а другой спрятался в **глуши** и тоже изменил имя, – рассказала вдова Талькова Татьяна (НКРЯ, Комсомольская правда, 2018.11).

Противоположно направленное перемещение представлено частотным выражением *вырваться из*, в данном случае мы можем говорить о направленном в будущее процессе преодоления социальной эксклюзии:

(53) Единственным реальным шансом вырваться из **глуши** была армия, но Валентино даже в нее не взяли – военным не понравилось его субтильное телосложение (НКРЯ, lenta.ru, 2018.03) (речь в примере идет об актере немого кино Рудольфе Валентино).

В рамках рассматриваемой группы отдельно следует выделить языковые единицы, выражающие перемещение субъекта как сознательный выбор, в такого рода случаях представлено особое восприятие глуши как места, далекого от цивилизации, в контексте оппозиция «крупный город – глушь» может быть актуализирована через глагольные единицы *покинуть, променять – жить, ехать*:

(54) Каждый житель мегаполиса хотя бы раз в жизни мечтал навсегда покинуть город и поселиться в **глуши**, чтобы выполнять простую работу, потреблять только натуральную пищу, дышать полной грудью и не думать ни о чем лишнем (НКРЯ, lenta.ru, 2019.03);

(55) Многие, как, например, путешественник из Воронежа Андрей Соловьев, который уже больше 100 дней живет в якутской **глуши**, уходят в длительные походы, в которых приходится рассчитывать только на себя (НКРЯ, lenta.ru, 2016.11);

(56) Живописные кочевья каракалпаков, суровая красота пустыни Кызылкум, развалины древних городов настолько его пленили, что он решил променять Москву на эту чудовищную азиатскую **глушь** (НКРЯ, lenta.ru, 2016.04);

(57) Обеспечив себя и потомков на три поколения вперед, вдруг едут в **глушь**, за копейки берут

развалившийся колхоз и пытаются «поднять село». (НКРЯ, Комсомольская правда, 2013.09).

2. Квалификаторы категории отрицания: частотны глагольные конструкции с частицей *не*, единичными употреблениями представлены отрицательные безличные предложения с предикативом *нет*. Например:

(58) Мне надо было ехать в ужасную **глушь** – туда, кроме как на поезде, никак не доберешься (НКРЯ, Труд-7, 2018.08);

(59) Никто не хочет работать в **глуши** за копейки (НКРЯ, Известия, 2018.09);

(60) 69 % семей получают земли в **глуши**, где нет школ и поликлиник (НКРЯ, Новая газета, 2017.07).

В отличие от аналогичной группы в рамках семантического поля «глубинка», данная группа не является репрезентативной в фактическом материале.

3. Дейктические единицы. Отметим, что мы исходим из самого общего понятия дейкиса: дейктический, то есть указывающий, выделяющий, дифференцирующий посредством соотнесения. В данную группу входят языковые единицы и выражения, указывающие на что-либо, имеющее непосредственное отношение к обозначаемому понятию (другими словами «атрибуты» глуши, в ряде случаев ставшие стереотипами). Как правило, это именные сочетания: *дикая природа, разбитые дороги, редкие гости, заброшенный дом, Нива-Шевроле* (как машина для плохих дорог) и др. Отмечены также устойчивое сочетание *медвежий угол* и прецедентный текст *глушь почище Шервудского леса* (прием аллюзии отсылает нас к непроходимым лесам – месту обитания Робин Гуда).

Социальная эксклюзия может объективироваться, как мы уже отмечали, рассматривая понятие «глубинка», через противопоставление, либо сопоставление центра и не центра. Однако понятие «глушь» в такого рода контекстах эксплицируется редко. В немногочисленных примерах представлена оппозиция *столица – глушь*, либо *город (большой, шумный) – глушь (тихая, сельская)*; социальная эксклюзия выражена конструкцией «из – в», при этом субъект в большинстве случаев перемещается не по собственной воле, а в силу обстоятельств:

(61) Затем меня как священника перевели из города в **глушь**, и я решил, что это самое подходящее место для моих планов (НКРЯ, lenta.ru, 2019.10);

(62) Это главным образом дауншифтеры, в свое время перебравшиеся из больших городов в провинцию или даже сельскую **глушь** (НКРЯ, lenta.ru, 2017.03);

(63) Из столицы в деревенскую **глушь** вынуждена была перебраться москвичка, вдова ветерана войны (НКРЯ, Vesti.ru, 2015.10);

(64) С другой стороны, теперь у нее есть собственный дом, расположенный не в шумном городе, а в тихой сельской **глуши** (НКРЯ, lenta.ru, 2015.07);

(65) На их взгляд, человек, укативший из столицы в **глушь**, либо в чем-то провинился, либо что-то украл и теперь вынужден прятаться (НКРЯ, Труд-7, 2010.11).

В примере (65) нашел отражение определенный стереотип – в глуши можно спрятаться.

Случаи актуализации понятия социальной инклюзии представлены в эмпирическом материале, в отличие от аналогичных случаев экспликации понятия «глубинка», единично:

(66) В таежную **глушь** пришли самые передовые технологии (НКРЯ, Новая газета, 2016.10).

В таких контекстах речь идет преимущественно о приобщении жителей данной местности к информационным технологиям.

Особо следует отметить востребованность в эмпирическом материале precedentного текста *В деревню, в глушь, в Саратов* (прием аллюзии):

(67) Не пора ли «в **глушь**, в Саратов» (где новое жилье в среднем стоит, кстати, всего 1,7 миллиона рублей)? (НКРЯ, lenta.ru, 2017.07);

(68) В них нет этого страха – быть выкинутыми в **глушь**, в Саратов. (НКРЯ, lenta.ru, 2017.05);

(69) В **глуши**, в деревне, в Саратове ничего не изменилось (НКРЯ, lenta.ru, 2018.10).

Зафиксирован также единичный пример с другим precedentным текстом (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»):

(70) В **глуши** забытого селенья: Большой театр приблизился к природе (НКРЯ, Известия, 2019.05).

Заключение

Предпринятый анализ объективации в фактическом материале (тексты СМИ) понятий «глубинка» и «глушь» позволил выявить особенности репрезентации категории социальной эксклюзии и в отдельных случаях – социальной инклюзии в рамках территориального аспекта, а также уточнить семантику именуемых данные понятия лексем.

Понятия «глубинка» и «глушь» можно представить в виде семантических полей. Семантическое поле «глубинка» состоит из ядра, в которое входят группы единиц, объективирующих признак пространственной удаленности, зафиксированный в толковых словарях: хоронимические (выявлена частотность единицы *российская*), субъектные, пространственные квалификаторы, и периферии, единицы которой актуализируют категорию социальной эксклюзии: квалификаторы категории отрицания, единицы тематической группы «социальные трудности», качественные квалификаторы. В фактическом материале отсутствует резко негативная характеристика понятия «глубинка»; в отдельных случаях отмечено восприятие глубинки как особого национального феномена, а также выявлены немногочисленные контексты, отражающие категорию социальной инклюзии, в которых ведущими языковыми средствами выступают глаголы изменения, поддержки и результативного действия.

В составе ядра семантического поля «глушь» выделены группы единиц, объективирующих признак не только пространственной, но и социальной удаленности: хоронимические, пространственные квалификаторы, причем в большей степени данные единицы актуализируют зарубежное пространство; группа дескриптивов, которые выражают преимущественно негативную оценку; отмечена невостребованность прилагательного *российская*. Периферия включает группы единиц, указывающих на процессы социальной эксклюзии: глаголы социально обусловленного перемещения (в большинстве случаев вынужденного), квалификаторы категории отрицания, дейктические единицы.

В результате интерпретационного анализа уточнены и дифференцированы семантические признаки, которые не фиксируются

словарями, но дают возможность получить более полное представление о понятиях «глубинка» и «глушь» (и соответственно о категории социальной эксклюзии). Изучение контекстного окружения рассматриваемых единиц позволило выявить дополнительные семантические признаки, маркирующие категорию территориальной социальной эксклюзии:

(*глубинка*) 1) обычность как черта субъекта – представителя данной территории (*обычный житель*); 2) неопределенность большой удаленности от центра (*где-то*); 3) трудности различной степени как характеристика жизнедеятельности субъекта (вплоть до отсутствия чего-либо значимого); 4) противопоставленность центру; 5) национальный колорит (последний признак не указывает непосредственно на социальную исключенность);

(*глушь*) 1) труднодоступность как признак пространственной и социальной удаленности; 2) запустение; 3) усиление признака неопределенности большой удаленности от центра (*где-то, там, такая*); 4) возможность исчезнуть из публичного пространства (*сбежать, спрятаться, скрыться*); 5) отсутствие чего-либо значимого.

Таким образом, в рамках оппозиции «центр – не центр» маркированными единицами второго компонента («не центр») являются лексемы *глубинка* и *глушь*, поскольку непосредственно указывают на удаленность от центра, причем единица *глушь* в большей степени, по сравнению с *глубинкой*, объективирует в контексте процессы территориальной социальной эксклюзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова В. К., 2013. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // Журнал исследований социальной политики. Т. 11, № 2. С. 151–170.

Григорьева Л. М., 2022. Глагольные отрицания – вербальная форма проявления социальной эксклюзии // Вестник Московского государственного областного университета. № 2. С. 157–166. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-2-1096

Дмитриева А. В., 2012. Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // Социологический журнал. № 2. С. 98–114.

Ильин В. И., 2010. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIII, № 4. С. 25–47.

Кожарнович М. П., 2020. Коммуникативные стратегии дискурса эксклюзии // Идеи. Поиски. Решения : сб. ст. и тез. XIV Междунар. науч.-практ. конф. В 5 т. Т. 1. Минск : БГУ. С. 67–74.

Лапина Л. Г., 2017. Понятие инклюзии в немецком общественном дискурсе // Социо- и психолингвистические исследования. № 5. С. 89–92.

Макеева И. А., 2020. Социальная эксклюзия и инклюзия в контексте образования: сущность и подходы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 198. С. 45–55. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-198-45-55

Панкратова Л. Э., 2021. О концептах «социальная инклюзия» и «социальная эксклюзия» в социальной работе // Социальная работа и социальная политика в условиях меняющейся архитектуры социального государства : материалы Всерос. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 212–218.

Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л., 2020. Системно-коммуникативные измерения современного протеста (на материале немецкоязычных онлайн-петиций) // Научный диалог. № 3. С. 151–167. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167

Тихонова Н. Е., 2002. Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–17.

Ярская В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р., 2015. Инклюзивная культура социальных сервисов // Социологические исследования. № 12. С. 133–140.

Azmat F., 2020. Social Exclusion and Social Inclusion // No Poverty / ed. by W. Leal Filho, A. M. Azul, L. Brandli, A. Lange Salvia, P. Gökçin Özuyar, T. Wall. Cham : Springer. P. 1–10. DOI: 10.1007/978-3-319-69625-6_50-1

Buhr P., 2008. Ausgrenzung, Entgrenzung, Aktivierung: Armut und Armutspolitik in Deutschland // Sozialer Ausschluss und Soziale Arbeit. Wiesbaden : Springer Science+Business Media. P. 199–218. DOI: 10.1007/978-3-531-90821-2_9

Kallmeyer W., 2002. Sprachliches Verfahren der sozialen Integration und Ausgrenzung // Fremdbilder – Feindbilder – Zerrbilder / Hrsg. K. Liebhart, E. Menasse, H. Steinert. Klagenfurt : Drava. S. 153–181.

Otsuji E., Pennycook A., 2011. Social Inclusion and Metrolingual Practices // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. Vol. 14, iss. 4. P. 413–426. DOI: 10.1080/13670050.2011.573065

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL:
http://www.ruscorgpora.ru

СЛОВАРИ

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред.
Д. В. Дмитриева. М. : Астрель, 2003. 989 с.
(Словари Академии Российской).

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / под ред.
А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфре-
сурсы, 1999. 4 т.

НСРЯ – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского
языка. Толково-словообразовательный. В 2 т.
М. : Рус. яз., 2000. 2 т.

РАС – Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Ка-
раулов [и др.]. М. : АСТ : Астрель, 2002. 2 т.

Ушаков – Толковый словарь русского языка. В 4 т.
/ под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов.
энцикл.» : ОГИЗ : Гос. изд-во иностр. и нац.
слов., 1935–1940. 4 т.

REFERENCES

- Antonova V.K., 2013. Kontsepty sotsialnoy inkluzii i eksklyuzii v globalnom obshchestve: dreif po sotsialnym institutam, aktoram i praktikam [The Concepts of Social Inclusion and Exclusion in Global Society: A Journey Within Social Institutions, Actors and Practices]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], vol. 11, no. 2, pp. 151-170.
- Grigoreva L.M., 2022. Glagolnye otritsaniia – verbalnaia forma proyavleniya sotsialnoy eksklyuzii [Negative Verb Forms as Verbal Expression of Social Exclusion]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow Region State University], no. 2, pp. 157-166. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-2-1096
- Dmitrieva A.V., 2012. Sotsialnoe vklyuchenie/isklyuchenie kak printsip strukturatsii sovremennogo obshchestva [Social Inclusion/Exclusion as a Principle of Structuring Modern Society]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], no. 2, pp. 98-114.
- Ilyin V.I., 2010. Rossiyskaya glubinka v sotsialnoy strukture Rossii [Russian Hinterland in the Social Structure of Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 13, no. 4, pp. 25-47.
- Kozharnovich M.P., 2020. Kommunikativnye strategii diskursa eksklyuzii [Communicative Strategies of the Exclusion Discourse]. *Idei. Poiski. Resheniya: sb. st. i tez. XIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. V 5 t. T. 1* [Ideas. Search. Solutions. Collection of Articles and Abstracts of the 14th International Scientific and Practical Conference. In 5 Vols. Vol. 1]. Minsk, BGU, pp. 67-74.
- Lapina L.G., 2017. Ponyatie inkluzii v nemetskom obshchestvennom diskurse [The Concept of Inclusion in German Social Discourse]. *Sotsio-i psikholingvistichekieskie issledovaniya* [Socio Psyc Linguistic Research], no. 5, pp. 89-92.
- Makeeva I.A., 2020. Sotsialnaya eksklyuziya i inkluziya v kontekste obrazovaniya: sushchnost i podkhody [Social Exclusion and Inclusion in the Context of Education: Essence, Approaches]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 198, pp. 45-55. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-198-45-55
- Pankratova L.E., 2021. O kontseptakh «sotsialnaya inkluziya» i «sotsialnaya eksklyuziya» v sotsialnoy rabote [About the Concepts of “Social Inclusion” and “Social Exclusion” in Social Work]. *Sotsialnaya rabota i sotsialnaya politika v usloviyakh menyayushcheysya arkhitektury sotsialnogo gosudarstva: materialy Vseros. konf.* [Social Work and Social Policy in the Context of the Changing Architecture of the Welfare State. Proceedings of the All-Russian Conference]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, pp. 212-218.
- Rebrina L.N., Shamne N.L., 2020. Sistemno-kommunikativnye izmereniya sovremennogo protesta (na materiale nemetskoyazychnykh onlain-petitsiy) [Systemic-Communicative Dimensions of Modern Protest (Based on German-Language Online Petitions)]. *Nauchnyi dialog*, no. 3, pp. 151-167. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167
- Tikhonova N.E., 2002. Sotsialnaya eksklyuziya v rossiyskom obshchestve [Social Exclusion in Russian Society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], no. 4, pp. 5-17.
- Yarskaia V.N., Yarskaia-Smirnova E.R., 2015. Inkluzivnaya kultura sotsialnykh servisov [Inclusive Culture of Social Services]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], no. 12, pp. 133-140.
- Azmat F., 2020. Social Exclusion and Social Inclusion. Leal Filho W., Azul A.M., Brandli L.,

- Lange Salvia A., Gökçin Özuyar P., Wall T., eds. *No Poverty*. Cham, Springer, pp. 1-10. DOI: 10.1007/978-3-319-69625-6_50-1
- Buhr P., 2008. Ausgrenzung, Entgrenzung, Aktivierung: Armut und Armutspolitik in Deutschland. *Sozialer Ausschluss und Soziale Arbeit*. Wiesbaden, Springer Science+Business Media, pp. 199-218. DOI: 10.1007/978-3-531-90821-2_9
- Kallmeyer W., 2002. Sprachliches Verfahren der sozialen Integration und Ausgrenzung. Liebhart K., Menasse E., Steinert H., Hrsg. *Fremdbilder – Feindbilder – Zerrbilder*. Klagenfurt, Drava, S. 153-181.
- Otsuji E., Pennycook A., 2011. Social Inclusion and Metrolingual Practices. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 14, iss. 4, pp. 413-426. DOI: 10.1080/13670050.2011.573065

SOURCES

- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

DICTIONARIES

- Dmitrieva D.V., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Astrel Publ., 2003. 989 p. (Slovari Akademii Rossiyskoy [Dictionaries of the Russian Academy]).
- Evgeneva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Russian Language Dictionary. In 4 Vols]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Poligrafresursy Publ., 1999.
- Efremova T.F. *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy. V 2 t.* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory Derivational. In 2 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2000.
- Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A., Ufimczeva N.V. et al. *Russkij assocziativnyj slovar* [Russian Associative Dictionary]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2002.
- Ushakov D.N., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols]. Moscow, Gos. in-t "Sov. encikl.", OGIz, Gos. izd-vo inostr. i natc. slov., 1935–1940.

Information About the Authors

Nikolay L. Shamne, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Marina V. Milovanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Информация об авторах

Николай Леонидович Шамне, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Марина Васильевна Милованова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

www.volsu.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.6>

UDC 81'272

LBC 81.006.21

Submitted: 21.05.2023

Accepted: 21.06.2023

DICHOTOMIZATION AS A BASIS OF POSITIVE COMMUNICATION ANALYSIS IN AN INTERCULTURAL CONTEXT¹

Olga A. Leontovich

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia;

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The aim of the paper is to investigate the constituent features and mechanisms of positive communication and reveal their correlation with politeness. The study is based on a mixed-method research design including Positive Discourse Analysis, dichotomic division and conversational analysis, and is carried out on the material of the book *The Family* by Nina Fedorova (1940). The results indicate that the dichotomy *positive vs negative attitude* is basic for the study and implements the contrast between good and evil, ethical and unethical behaviour. The juxtaposition of *attraction vs disattraction* refers to the perception of an interlocutor as likable or unlikable. The dichotomy *activism vs passivism* reflects the willingness or unwillingness to interact, while *communication involvement vs alienation* is associated with the communicator's engagement in the interlocutor's affairs. The juxtaposition of *alterocentrism vs egocentrism* indicates whether a communicator is focused on one's own or other people's interests. The dichotomy *social support vs social indifference* is a reflection of empathy or its absence. In the dichotomy *constructive vs destructive communication* creative behaviour aimed at resolving a difficult situation is opposed to destructive actions leading to the deterioration or break-up of a relationship. One of the most important constituents of positive communication is congruency which denotes authenticity and correspondence of the person's genuine inner self with the image addressed to the outer world. Positive communication is intrinsically linked with, though not identical to, politeness. The latter does not act as an aim per se, but is rather a tool employed to make an interaction conflict-free, smooth and harmonious.

Key words: positive communication, politeness, dichotomies, attraction, communication involvement, alterocentrism, social support, constructive communication.

Citation. Leontovich O.A. Dichotomization as a Basis of Positive Communication Analysis in an Intercultural Context. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 76-85. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.6>

УДК 81'272

ББК 81.006.21

Дата поступления статьи: 21.05.2023

Дата принятия статьи: 21.06.2023

ДИХОТОМИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ¹

Ольга Аркадьевна Леонтович

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия;

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть конститутивные признаки и механизмы позитивной коммуникации и их соотношение с вежливостью. Методика исследования включает позитивный дискурс-анализ (Positive Discourse Analysis), дихотомическое деление и конверсационный анализ. В качестве материала выступает книга Н. Фёдоровой «The Family» (1940). Полученные результаты показывают, что базовой для изучаемой проблемы является дихотомия *позитив – негатив*, отражающая противоречие между добром и злом, этичным и неэтичным поведением. Противопоставленность *аттракции* и *дезаттракции* соотносится с восприятием собеседника как привлекательного либо неприятного. Дихотомия *инициативность – пассивность* отражает готовность / неготовность к интеракции, в то время как *вовлеченность – отчужденность* ассоциируется со степенью участия в делах собеседника. В дихотомии *альтероцентризм – эгоцентризм* реализуется ориентация на себя или другого. Контраст между *социальной поддержкой* и *социальной индифферентностью* связан с эмпатией либо с равнодушием к проблемам адресата. *Конструктивная коммуникация* как созидательное поведение, направленное на разрешение проблем в интеракции, противопоставлена *деструктивной коммуникации*, исходом которой становится ухудшение либо разрыв взаимоотношений. Одна из важнейших составляющих коммуникации – это конгруэнтность, то есть аутентичность личности, соответствие между внутренней сущностью человека и коммуникативными проявлениями, обращенными к внешнему миру. Позитивная коммуникация непосредственно связана с вежливостью, но не тождественна ей. В отличие от позитивной коммуникации, вежливость, не будучи самоцелью, выступает как инструмент, используемый для гладкого, бесконфликтного и гармоничного общения.

Ключевые слова: позитивная коммуникация, вежливость, дихотомия, аттрактивность, вовлеченность в общение, альтероцентризм, социальная поддержка, конструктивная коммуникация.

Цитирование. Леонтович О. А. Дихотомизация как основа исследования позитивной коммуникации в межкультурном контексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 76–85. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.6>

Introduction

A promise to teach somebody positive communication is as unfeasible as a promise to teach somebody to be happy. The aim of the present paper is much more modest – to show how dichotomization can be used to reveal the mechanisms and constituent features of positive communication and find out their correlation with politeness. The paper is based on the research framework previously developed as a result of a long-term observation and analysis of human behaviour [Leontovich (ed.), 2020].

Theoretical background

In spite of the existence of numerous publications devoted to different aspects of communication in Russia and abroad, positive communication remains under-researched from the theoretical point of view. Most of the works dealing with positive communication are textbooks and guidelines for students, teachers, spouses or parents containing practical advice about the way to establish and maintain a good relationship. One of the books outlining some of its theoretical aspects is “The Art of Positive Communication: Theory and Practice” [Mirivel, 2014], which discusses the

connection of positive communication with cognition, ways to influence other people, establishment of interpersonal contact and achievement of a deeper understanding with an interlocutor. The monograph “The Positive Side of Interpersonal Communication” [Socha, Pitts (eds.), 2012] addresses the conceptual foundations of positive interpersonal communication, its correlation with the concepts of affection, closeness, support, health, wellness, the role of humour in optimizing relationships, etc. “The Routledge Handbook of Positive Communication” [Velázquez, Pulido (eds.), 2018] is built around the notions ‘eudaimonia’ (from Greek εὐδαιμονία – happiness, well-being) and ‘hedonism’ (from Greek ἡδονή – pleasure) referring to different spheres of human existence (family, romance, advertising, mass media, business, marketing, digital technologies, education) as sources of happiness and enjoyment.

A number of works make a contribution to the study of the linguistic aspect of the problem. A chapter in Shakhovskiy’s book [2016, pp. 346-390] is devoted to the ecology of positive communication defined as a research field dealing with the preservation of language and its sphere of existence. The author emphasises the significance of empathy, positive emotions and

ways of their expression, as well as the rationalization of emotions, tolerance and improvement of communicative competence. Other works that shed light on different aspects of positive communication discuss the linguistic expression of love [Vorkachev, 2007], happiness [Vorkachev, 2004; Yan Kai, Zhang Bin, 2023], veracity and sincerity [Panchenko, 2010], mitigation [Takhtarova, 2009], tolerance and tact [Ilyinova, 2013], although they are not focused on positive communication as the primary object of research. Acknowledging the undoubted merits of those publications, it is, however, necessary to note that they do not provide a clear definition of positive communication, a description of its structure and mechanisms, which proves that it is necessary to continue the research of the topic.

This paper builds on our previous research where we define positive communication as an interaction based on positive emotions, aimed at mutual understanding and satisfying for all the parties involved [Leontovich (ed.), 2020, p. 32]. A survey carried out prior to this research among 200 Russian participants aged from 16 to 92 years old allowed us to identify the key features ascribed to a positive communicator by Russian respondents: optimism, positive attitude towards others, activism, leadership, individuality, harmony with oneself and intellect [Leontovich (ed.), 2020, pp. 35-38].

Positive communication is intrinsically linked with, though not identical to, politeness – the connection that we are going to discuss in this paper. Larina defines politeness as an ethnocultural system of strategies of behaviour aimed at harmonious conflict-free communication corresponding to the partners' expectations [Larina, 2009, p. 169]. A similar idea is expressed by Sharonov who believes that polite utterances are those favourable for the addressee and third parties. He indicates that the main aim of politeness is to maintain social equilibrium and good relationships between interactants [Sharonov (ed.), 2018, p. 58]. Alpatov [2018] points out the need to differentiate between etiquette and politeness: whereas the former does not leave a choice for the speaker, the latter is used when there is a choice [Alpatov, 2018].

Politeness theory includes such notions as 'positive face', 'positive politeness', 'pos-politeness' and 'positive impoliteness', which are not always directly related to positive communication. 'Positive

face' "refers to the positive consistent self-image or 'personality'" associated with the desire to "be appreciated and approved of" [Brown, Levinson, 1987; Rhee, 2023, p. 41]. 'Positive politeness' is a means to avoid face-threatening speech acts [Brown, Levinson, 1987; Leech, Larina, 2014, p. 13], whereas 'pos-politeness' is an act serving an enhancement of face [Leech, Larina, 2014, p. 13]. Positive impoliteness does not contribute to positive communication but, on the contrary, damages positive face wants [Culpeper, 1996; 2005]. The borderline between politeness and impoliteness is thin; politeness can be transformed into impoliteness if for at least one participant the interaction is not comfortable, conflict-free or neutral [Bragina, 2018, p. 39].

Methodology and material

The present study is based on a mixed-method research design that includes: 1) Positive Discourse Analysis (PDA); 2) dichotomic division; 3) conversational analysis.

Positive Discourse Analysis [Martin, 2004; Stibbe, 2017; Ponton, 2023] is based on a methodology similar to Critical Discourse Analysis (CDA), but focused not so much on criticism of hidden ideologies as on positive uses of language, on "discourse that inspires, encourages, heartens" and "cheers us along" [Martin, 1999, pp. 51-52]. We employ it for a detailed investigation of multiple factors improving or hindering positive communication.

In order to investigate and classify the key features of positive communication, we use the principle of *dichotomic division* of the scope of notions basic for the research into subclasses, the members of which are mutually exclusive and logically incompatible. "A dichotomy is a jointly exhaustive division which possesses an ideal 'safety margin' – any new object from the scope of the divided notion cannot falsify a classification, and its logical character excludes mistakes possible during other forms of division. <...> In dichotomies one of the subordinate parts is always negatively marked" (translated by O. L.) [Novosyolov, 2010, pp. 674-675]. Such an approach provides an opportunity to reveal which of the notions under study are logically opposed to each other. For example, in answer to the question: "What is juxtaposed to *involvement in*

communication – alienation or refusal to communicate?” the addition of the negative morpheme (*non-involvement*) indicates the absence of involvement, i. e. *alienation*. Similarly, when making a choice between *social confrontation* and *social indifference* as notions opposed to *social support*, we choose the absence of support = *social indifference*. The drawback of dichotomization pointed out by logicians is the ambiguity of the negatively marked part of notions. Another potential problem is the fact that the notions involved in the sphere of positive communication are closely connected with ethical problems, the decision of which, as a rule, may be controversial and possesses a great degree of variability. However, those limitations can be overcome by means of analysing a significant bulk of material, as well as by public surveys.

We distinguish the following dichotomies: 1) *positive vs negative attitude*; 2) *attraction vs disattraction*; 3) *activism vs passivism*; 4) *communication involvement vs alienation*; 5) *alterocentrism vs egocentrism*; 6) *social support vs social indifference*; 7) *constructive communication vs destructive communication*. These dichotomies express the polarity of notions fundamental for the research. In all our dichotomies the first member refers to positive communication and the second one characterises the opposite type of communicative interaction. During the analysis we focus on the first (positive) member of each dichotomy, from time to time referring to the second one for comparison.

Conversational analysis is employed to distinguish between conventional uses of communication strategies and language patterns, including politeness and impoliteness markers, and the occasional meaning they acquire in particular contexts.

Though the significance of real-life experience cannot be underestimated, we believe it possible to use fictional discourse as research material, since it allows scholars to penetrate into the spheres which are usually hidden from an outsider, such as scenes of love, despair, family conflicts, etc. It also provides a profound explanation of people’s motives and values guiding them in their actions. The material of the present research is the book “The Family” by Nina Fedorova (1940). It was first published in the US in English and was the tenth highest selling fiction

book in the United States in 1940; later it was also published in Russian. The action takes place in China in 1937, at the beginning of the war between China and Japan. The narrative is focused on the Family (written with a capital letter) of Russian aristocrats who survived a war, the October Revolution (1917), poverty, diseases, famine, fire, earthquake and finally found themselves in the Chinese city of Tianjin. The book was chosen as the research material because one of its central characters, Grandmother, a former aristocrat, manages to preserve her positive attitude under most difficult conditions and possesses all the features outlined in our previous survey [Leontovich (ed.), 2020]. The text demonstrates the basic features of positive communication expressed in the choice of verbal and nonverbal means, communicative strategies and the characters’ behaviour. Since the action takes place in an intercultural context, the focus is on universal rather than culturally specific features of positive communication.

Results and discussion

Positive vs negative attitude

Being at first sight pretty obvious, this dichotomy is difficult for interpretation. The difference in perception of the same situation or object as positive or negative can to a certain extent be explained by cognitive complexity which has an individual basis. The notion of *cognitive complexity* introduced by the psychologist Bieri [1955] as part of the binary opposition ‘complexity – simplicity’, denotes a combination of mental structures and logical connections used by people during perception and interpretation. It correlates with their ability to communicate, differentiate, establish associations and express their own perceptions in speech. The analysis of positive communication shows that cognitive complexity contributes to the power of observation, attention towards nuances of meaning and intricate knowledge of human behaviour. On the other hand, it complicates perception, leading to multiple interpretations of positive communication and absence of uniformity of its social comprehension.

In the book under analysis, the Family are living in the least fashionable and therefore the cheapest part of the British concession in Tianjin,

not far from the “mysterious” Haihe River where they let rooms to lodgers in their modest boarding house. The book clearly illustrates the difference in the perception of life even between congenial people:

(1) ...The same course of life took a peculiar aspect for each member of the Family. It was a religious and philosophical problem for Granny, a hard exercise in housekeeping for Mother, a tragedy of constantly wounded ambition for Peter, a lyric rise and fall for Lida, and perpetual fun for Dima.

In the book, the differences in the characters’ worldviews are conditioned by their different life experience. Unlike other Family members whose young years were full of deprivations during the revolution and after it, Granny had seen a prosperous life in a big mansion with columns, filled with the sounds of the harp and the piano. The harder is the drastic change in her life conditions. However, when life becomes difficult, her strong character, sense of dignity and philosophical attitude help her to take the responsibility of maintaining the Family’s morale. Her positive manner of dealing with other people is based on the ability to find hope where others can see only pain and despair.

The extreme *negative attitude*, on the other hand, is represented by *naysayers* – people who see only negative aspects of things, deny everything and cannot suggest any steps to improve the situation. Here is a dialogue between Granny and Mrs. Rosa Isaak (a naysayer):

(2) “But how do you like China?” Granny tried again.

“Earthquake, a nice earthquake, I should wish for China.”

“You liked Europe better?”

“Europe? You mean Germany? Smoke and fire, smoke and fire, I should like to see on the spot where Germany is now! <...>”

“Perhaps you had a rest when traveling. You have crossed many seas. Sometimes it is good for nerves – seeing places.”

“Traveling? You make me laugh! Really, you do. In Europe everything is the same.” <...>

“But other continents. Have you seen India? Is it not picturesque?”

“You are naïve, really you are. Everything which is not Europe is dirty – terribly old, ramshackle, and dirty.”

Though Mrs. Isaak’s utterances cannot be characterised as face-threatening for Granny, they are impolite as they hinder the smooth flow of conversation and devalue all Granny’s efforts to keep up the conversation. On the other hand, Granny’s positive attitude encourages her to be polite even with unpleasant people, such as Mrs. Isaak or, in other situations, with her lodger Mrs. Parrish, a chronic alcoholic:

(3) Granny, assuming her job, approached Mrs. Parrish, greeted her in the courteous way of old times...

Attraction vs disattraction

The dichotomy reflects the division of communicators into those liked or disliked by others. Grandma attracts practically everyone, irrespective of their age, social standing and character, by her radiant face, benevolence and goodness of heart. The book shows her as a person who is on good terms with everybody, even difficult people, as the above-mentioned Mrs. Rosa Isaak and Mrs. Parrish, because she manages to adapt her strategies to everybody. In this case, we can see different vectors of attraction: positive people do not only attract their interlocutors, but are also ready to see the good in others. Politeness, on the other hand, does not necessarily presuppose attraction: it is possible to be polite with a person whom you don’t like or are indifferent to.

Since the book is about the life of Russians in China, there are many situations of intercultural contacts when communicators do not know each other’s language. However, in those circumstances Grandma skillfully uses nonverbal means, such as an amiable face expression, mimics, eye contact and gestures expressing agreement, approval or encouragement:

(4) When she for the first time appeared among the refugees in the back yard, she smiled to all, but approached the oldest among them – a very small and delicate woman. Granny could not speak Chinese well, yet she found words enough to say most courteously: “Is it not a very hot day, Honorable Oldest One?” And she bowed.

The old woman smiled a toothless smile and said something in answer, also bowing. Granny did not understand the answer, but this was of no importance. The chief thing was to manifest friendliness, and she saw that her attempt was successful.

Activism vs passivism

In this dichotomy, the readiness to act for the good of others and to communicate is juxtaposed to the behaviour of a person who either does not wish to interact or expects somebody else to start the interaction. Initiative requires mental and physical efforts, as well as good communication skills. In difficult situations, when other people are disheartened, Granny is the first to act:

(5) At four o'clock, when a gloomy quiet hung over the house, it dawned on Granny that nobody in the Family had eaten since morning. Hastily she went to the kitchen and, helped by Khan, she prepared a tray for Mrs. Parrish and sent Lida upstairs with it, gave Dima his portion, and then prepared food for Mr. Sung.

Activism also presupposes efforts to maintain communication, resolve a problem or take the first step towards reconciliation in a conflict. Politeness, on the other hand, does not necessarily require activism, though harmonious communication is balanced and implies equal contribution of all the parties involved. It is impolite to monopolise a conversation or, on the contrary, make your interlocutor do all the talking.

Communication involvement vs alienation

This dichotomy has a direct correspondence with the dialogic nature of communication as a source of shared meanings, which, being part and parcel of positive communication, suggests that friendliness and good will cause a positive response from the interlocutor. It is what in most cases happens in the book – Granny manages to find a common ground with everybody, including naysayers. The high degree of communicative involvement is expressed in active listening, attention towards the interlocutor and interested participation in a conversation.

Communicative involvement vs alienation to a certain extent correlate with positive and negative politeness (in Larina's terms – 'politeness of approaching' (вежливость сближения) and "politeness of distancing" (вежливость дистанцирования) [Larina, 2009, p. 15], but the aims are different. 'Involvement' as a constituent feature of positive communication is an attempt to partake in the interlocutors' affairs, share their

problems and feelings, whereas 'politeness of approaching' deals with the reduction of interpersonal distance. 'Alienation', on the other hand, can be interpreted as unwelcome indifference hindering positive communication, while 'politeness of distancing' is an attempt to avoid face-threatening acts.

Alterocentrism vs egocentrism

This dichotomy reflects a person's orientation towards self or others. Granny has the ability to feel other people's sorrow as her own and can forget about her problems for the sake of others. The author emphasises her "unfailing compassion", as in the following episode describing Grandma's interaction with an old Japanese lady:

(6) She saw an old lady sitting motionless on the floor looking vacantly before her in just the same way as the Chinese gentleman. Grief and anxiety were expressed in exactly the same manner by these two representatives of the two hostile peoples. Granny coaxed the old lady to eat and drink. While doing that, she looked closely at that wrinkled face, and in those deep creases she read a long list of past sorrows.

Politeness, in its turn, presupposes respect towards an interlocutor, but does not necessarily require compassion.

Constructive communication vs destructive communication

Constructive communication aims to find a way out of difficult situations, whereas the participants of destructive communication are unable to solve problems in an interaction, which leads to communication failure and break-up of a relationship. Instead of giving in, a positive communicator actively seeks alternatives directed towards overcoming difficulties. Granny, who has mastered the art of communication and knows how to choose appropriate strategies, can quickly understand how to behave in any situation. When a well-dressed English gentleman unexpectedly stops near their boarding-house and asks if they have a room to let, she immediately reacts:

(7) Granny quickly re-adjusted the expression of her face from bewilderment to a smiling and dignified

welcome. She had received a fine education and spoke English perfectly. <...> In came the gentleman, and in half an hour's time an astonishing affair was concluded: their best room, with a balcony, was rented for an English lady for two months and paid for in advance.

Politeness or impoliteness on their own do not make communication constructive or destructive; they are rather a tool than a cause.

Social support vs social indifference

If it is impossible to solve a problem and improve the situation, there is at least an opportunity to provide psychological support. This brings us to the next dichotomy: social support vs social indifference (=absence of social support). Granny's sympathy without phony emotions is accompanied by nonverbal reactions and sympathetic silence; it is expressed with a kind word and even more often – a sympathetic look, nod, smile or bow. She chooses such strategies as persuasion, coaxing and comforting. It is notable that she never fusses, loses self-control, talks with excessive emotionality or raises her voice:

(8) Only Granny showed nothing of her emotions. The clearer the danger, the more composed she became. <...> She took the whole burden upon herself.

To express support, Granny uses both verbal and non-verbal means. At difficult moments of life when her daughter feels absolutely broken and depressed:

(9) Granny's words would appeal to her sense of duty, courage, and heroism and she would get up and live again.

The author writes about her 'mild words', 'mild voice', 'gentle whispering', an encouraging touch: "She took Mrs. Parrish's arm", "Slowly she sat on the sofa, at Mother's side, and put her arm around Mother's waist".

Social support is not the same as flattery or indulgence. Granny sometimes uses strategies which theoretically can be interpreted as impoliteness, e. g. silencers and dismissals:

(10) "Well," said Granny, "I think this is about enough talking. We are all talking far too much."

(11) "Now you are saying silly things, Dima. Stop it. <...> You must think first, and then speak."

She is strict and does not use flattery or praise generously, as in a conversation with her teenage granddaughter:

(12) "What do you think, Granny, shall I be beautiful?"

Granny looked at her attentively.

"Well," she said, "you will never be as beautiful as your mother was. You will be all right."

"Only all right?"

"Let us say, pretty."

A question that naturally arises is: how does positive communication correlate with situations when there is a contradiction or disagreement between interlocutors? What should prevail: politeness, unwillingness to start a conflict or an honest expression of one's own opinion? Using gentle communicative strategies Granny, however, does not give up her convictions and firmly expresses her opinion. When her Chinese neighbour Khan asks her to advise whether he should take a second wife, she answers quite unambiguously:

(13) "I say no. Keep your money for your family."

"My family – country people. My wife workee fields. I am a town gentleman now. I go cinema, wantchee nice second wife come with me. Town education."

"And your first wife bore you children, now 'workee' fields. Shame. <...> Khan," Granny said solemnly and put away her knitting, "You talk bad talk. No kind. Take your wife to live with you in the town and no more of this second wife."

When necessary, she is firm and uses criticism or even threats:

(14) "I promise to give that room to you and to your first wife. Second wife – never. Then you go away."

However, in such cases Granny's politeness is expressed in the form of disclaimers used for mitigation and wish not to hurt the interlocutor. It is not remorse after she did something wrong – it is balanced discourse of a wise old lady, like in her conversation with the Chinese Khan where she refers to the Bible:

(15) But she wanted to explain, somehow, her decision, not to offend him too much. So she said: "You know that big book I read often? Must live how the book says. It says, 'no second wife in the house.'"

After she reprimands her daughter, she says:

(16) “Tania, I am sorry I was a bit hard on you. I know how painful it must be for you.”

Summing up the analysis, it is necessary to note that a very important concept for the present research is *congruency* (a term introduced by humanistic psychologist C. Rogers) denoting authenticity and compliance of a person’s inner self with the outer communicative expression. Congruency means that a person lives according to the principle: “To be and not to seem”. This concept is closely connected with sincerity, openness and honesty.

Conclusion

The research model of the present study is based on dichotomization – the division of the volume of the concepts under study into mutually exclusive and logically incompatible subclasses. The dichotomy *positive vs negative attitude* is basic for the study and implements the contrast between good and evil, ethical and unethical behaviour. The juxtaposition of *attraction vs disattraction* refers to the perception of an interlocutor as likable or unlikable. The dichotomy *activism vs passivism* reflects the degree of readiness and willingness to interact, while *communication involvement vs alienation* is associated with the dialogical nature of communication acting as a source of shared meanings; a high degree of involvement shows that a person expresses interest and empathy towards the interlocutor. The juxtaposition of *alterocentrism vs egocentrism* indicates whether a communicator is focused on other people’s interests or one’s own self. The dichotomy *social support vs social indifference* reflects, on the one hand, the readiness to help the interlocutor with actions or kind words and, on the other, indifference towards other people’s sorrows and troubles. In the dichotomy *constructive vs destructive communication* creative behaviour aimed at resolving a difficult situation is opposed to destructive actions leading to the deterioration or even break-up of a relationship.

Positive communication is realised with the use of a wide scope of communication strategies, verbal and nonverbal means expressing positive intentionality, goodwill and considerate attitude towards others. The analysis allows us to conclude

that the most important constituent of positive communication is the orientation towards the favourable development of the relationship between interlocutors. The means of positive communication include active listening, expression of empathy, respect, mindfulness and interest for other people. Congruency is one of the important constituents of positive communication and denotes authenticity and correspondence of the person’s genuine inner self with the image addressed to the outer world.

Politeness does not act as an aim per se, like positive communication, but is rather a tool employed to make an interaction conflict-free, smooth and harmonious. Communicators can use politeness with people for whom they feel dislike or indifference; they can be superpolite to express irony or sarcasm. Politeness does not necessarily involve optimism, compassion and other positive emotions. Positive communication, on the other hand, always requires emotional efforts, the signals of which are sometimes difficult to identify, as they are not always expressed explicitly and can be nonverbal.

The framework of analysis presented in the paper provides an opportunity to conceptualise the notion of positive communication and can serve to study different aspects of discourse.

NOTE

¹ The reported study was funded by RSF, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

REFERENCES

- Alpatov V.M., 2018. Vezhlivost i etiket (na russkom i yaponskom materiale) [Politeness and Etiquette (On the Material of Russian and Japanese)]. Sharonov I.A., ed. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Politeness and Antipoliteness in Language and Communication. Proceedings of an International Conference]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., pp. 7-12.
- Bieri J., 1955. Cognitive Complexity–Simplicity and Predictive Behavior. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, no. 51, pp. 263-268. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0043308>

- Bragina N.G., 2018. Vezhlivost kak nevezhlivost: na styke raznykh kulturnykh norm i pravil [Politeness as Impoliteness: On the Junction of the Different Cultural Norms and Rules]. Sharonov I.A., ed. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Politeness and Antipoliteness in Language and Communication. Proceedings of an International Conference]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., pp. 38-44.
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 345 p.
- Culpeper J., 1996. Towards an Anatomy of Impoliteness. *Journal of Pragmatics*, vol. 25, no. 3, pp. 349-367. DOI: [http://doi.org/10.1016/0378-2166\(95\)00014-3](http://doi.org/10.1016/0378-2166(95)00014-3)
- Culpeper J., 2005. Impoliteness and Entertainment in the Television Quiz Show: The Weakest Link. *Journal of Politeness Research*, vol. 1, no. 1, pp. 35-72. DOI: <http://doi.org/10.1515/jplr.2005.1.1.35>
- Ilyinova E.Yu., 2013. Pragmatika tolerantnosti i takta v sovremennoy publichnoy kommunikatsii [Pragmatics of Tolerance and Tact in Modern Public Communication]. Panchenko N.N., ed. *Chelovek v kommunikatsii: ot kategorizatsii emotsiy k emotivnoy lingvistike* [Personality in Communication: From Categorisation of Emotions to Emotive Linguistics]. Volgograd, Volgograd. nauch. izd-vo, pp. 206-215.
- Larina T.V., 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil kommunikatsii: Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Politeness and Communicative Styles: Comparative Analysis of English and Russian Language and Culture Traditions]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur. 512 p.
- Leech G., Larina T., 2014. Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, no 4, pp. 9-34.
- Leontovich O.A., ed., 2020. *Pozitivnaya kommunikatsiya* [Positive Communication]. Moscow, Gnozis Publ. 296 p.
- Martin J.R., 1999. Grace: The Logogenesis of Freedom. *Discourse Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 29-56. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461445699001001003>
- Martin J., 2004. Positive Discourse Analysis: Solidarity and Change. *Revista Canaria de Estudios Ingleses*, no. 49, pp. 179-200.
- Mirivel J.C., 2014. *The Art of Positive Communication: Theory and Practice*. New York, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, Oxford, Wien. 190 p.
- Novosyolov M.M., 2010. Dikhotomiya [Dichotomy]. Stepin V.S., Gusejnov A.A., Semigin G.Yu., eds. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4 t. T. 1. A–D* [New Philosophical Encyclopedia. In 4 Vols. Vol. 1. A–D]. Moscow, Mysl Publ., pp. 674-675.
- Panchenko N.N., 2010. *Dostovernost kak kommunikativnaya kategoriya* [Veracity as a Communicative Category]. Volgograd, Peremena Publ. 322 p.
- Ponton D.M., 2023. The meaning of Welcome. Positive Migration Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27, no. 1, pp. 134-151. DOI: 10.22363/2687-0088-33319
- Rhee S., 2023. Politeness and Impoliteness in Social Network Service Communication in Korea. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27, no. 1, pp. 39-66. DOI: 10.22363/2687-0088-32031
- Shakhovskiy V.I., 2016. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii* [Dissonance of Ecology in a Communicative Circle: People, Language, Emotions]. Volgograd, Polikarpov I. L. Publ. 504 p.
- Sharonov I.A., ed., 2018. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Politeness and Antipoliteness in Language and Communication. Proceedings of an International Conference]. Moscow, Polit. entsikl. Publ. 318 p.
- Socha T.J., Pitts M.J., eds., 2012. *The Positive Side of Interpersonal Communication*. New York, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, Oxford, Peter Lang Publishing Inc. 355 p.
- Stibbe, A., 2017. Positive Discourse Analysis: Rethinking Human Ecological Relationships. *The Routledge Handbook of Ecolinguistics*. Routledge, London. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/81669939.pdf>
- Takhtarova S.S., 2009. *Mitigatsiya kak kommunikativnaya kategoriya: kognitivno-diskursivnyy i etnokulturnyy aspekty* [Mitigation as a Communicative Category: Cognitive, Discursive and Ethnocultural Aspects]. Volgograd, Volgograd. nauch. izd-vo. 408 p.
- Velázquez J.A.M., Pulido C.M., eds., 2018. *The Routledge Handbook of Positive Communication. Contributions of an Emerging Community of Research on Communication for Happiness and Social Change*. New York, London, Routledge. 434 p.
- Vorkachev S.G., 2004. *Schastye kak lingvokulturnyy kontsept* [Happiness as a Linguacultural Concept]. Moscow, Gnozis Publ. 192 p.
- Vorkachev S.G., 2007. *Lyubov kak lingvokulturnyy kontsept* [Love as a Linguacultural Concept]. Moscow, Gnozis Publ. 288 p.
- Yan Kai, Zhang Bin, 2023. Predstavlenie o schastye v yazykovom soznanii nositeley russkoy kultury: psikholingvisticheskiy aspekt [The Concept of Happiness in the Linguistic Consciousness of Native Russian Speakers: Psycholinguistic Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science

Journal of Volgograd State University. Linguistics],
vol. 22, no. 1, pp. 108-122. DOI: [https://doi.org/
10.15688/jvolsu2.2023.1.9](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.9)

SOURCE

Fedorova N. *The Family*. S.l., Little Brown, 1940. 346 p.

Information About the Author

Olga A. Leontovich, Doctor of Science (Philology), Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russia; Chief Researcher, Laboratory of Philological Studies, Research Department, Pushkin State Russian Language Institute, Academica Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, olgaleo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0972-4609>

Информация об авторе

Ольга Аркадьевна Леонтович, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Россия; главный научный сотрудник лаборатории филологических исследований департамента научной деятельности, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, olgaleo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0972-4609>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.7>

UDC 81'276.6:61
LBC 81.43.21-55

Submitted: 20.01.2023
Accepted: 03.04.2023

METAPHOR AS A MEANS OF REPRESENTING FIRST-HAND CANCER EXPERIENCE IN ENGLISH TEEN SICK-LIT

Alexandra V. Nagornaya

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

James Chike Nwankwo

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The present paper is a contribution to the study of cancer metaphors in contemporary English. It focuses on the ways cancer is conceptualized in teen sick-lit, a relatively new genre of children's literature which presents stories of severe illnesses that afflict teenagers, cancer being the most important of them. The analysis is based on four novels that employ the first-person narrative mode. It rests upon the Conceptual Metaphor Theory, utilizing such specific research instruments as the Career of Metaphor Theory (B. Bowdle and D. Gentner) and the concept of metaphorical creativity (Z. Kövecses). The novelty of the research angle is that the paper takes a differentiated approach towards cancer metaphor analysis, first identifying thematic groups relevant to cancer experience and then tracing patterns of metaphor use within each group. The four groups presented in the study are metaphors of cancer itself, cancer patients, diagnostic procedures and treatments, and physical and emotional conditions of patients. It is proved that there are metaphors that demonstrate a strong inclination to reflect only one aspect of cancer experience. Thus, the actively promoted journey metaphor appears suitable only for conceptualizing procedures and treatments, while war metaphor proves versatile. Further on, the paper analyzes instances of the war metaphor use proving that far from being obsolete, it has a considerable conceptual and communicative potential and can be developed further.

Key words: teen sick-lit, metaphor, Conceptual Metaphor Theory, cancer experience, cancer metaphors, war metaphor.

Citation. Nagornaya A.V., Nwankwo J.Ch. Metaphor as a Means of Representing First-Hand Cancer Experience in English Teen Sick-Lit. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 86-100. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.7>

УДК 81'276.6:61
ББК 81.43.21-55

Дата поступления статьи: 20.01.2023
Дата принятия статьи: 03.04.2023

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУБЪЕКТИВНОГО ОНКООПЫТА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О БОЛЕЗНЯХ

Александра Викторовна Нагорная

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Джеймс Чайк Нванкво

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению метафор рака в современной англоязычной культуре. В центре внимания находятся способы концептуализации рака в так называемой подростковой сик-лит – относительно новом жанре подростковой литературы о тяжелых заболеваниях у подростков, преимущественно о

раке. Исследование проводилось на материале четырех романов, написанных от первого лица. Общим методологическим базисом работы послужила теория концептуальной метафоры, в качестве частных исследовательских инструментов используются теория жизни метафоры (Б. Баудл и Д. Гентнер) и теория метафорической креативности (З. Кёвечеш). Новизна представленного в статье подхода заключается в том, что метафоры характеризуются дифференцированно: сначала определяются релевантные для онкоопыта тематические группы, а затем выявляются метафорические паттерны, характерные для каждой группы. В работе рассмотрены четыре группы метафор: метафоры рака как болезни; метафоры для обозначения онкопациентов; метафоры, репрезентирующие диагностические и терапевтические процедуры; метафоры, концептуализирующие физическое и эмоциональное состояние пациентов. Показано, что некоторые метафоры специализируются на обозначении одного аспекта онкоопыта: широко продвигаемая в современных дискурсах метафора путешествия валидна исключительно для концептуализации процедур, в то время как военная метафора демонстрирует тематическую универсальность. Доказано, что военная метафора не устарела и сохраняет значительный концептуальный и коммуникативный потенциал для развития.

Ключевые слова: подростковая литература о болезнях, метафора, теория концептуальной метафоры, онкоопыт, метафоры рака, военная метафора.

Цитирование. Нагорная А. В., Нванкво Д. Ч. Метафора как средство репрезентации субъективного онкоопыта в англоязычной подростковой литературе о болезнях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 86–100. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.7>

Introduction

Cancer is known to have been plaguing humankind since time immemorial. It has become such an inseparable part of our somatic biography that it can be regarded as “our desperate, malevolent, contemporary doppelgänger” [Mukherjee, 2011, p. 37]. Despite its omnipresence, until recently it did not possess a cultural visibility and was surrounded by multiple communicative restrictions. Since the 1970s, however, cancer has come out of the communicative underground to become one of the most widely and openly discussed social issues in western countries. Not only does the topic of cancer permeate professional medical discourses, but it has inspired a plethora of studies in the humanities that deal with the anthropological, cultural, sociological, psychological, historical, and linguistic aspects of this disease. It has generated a rich and variegated lay discourse practice welcoming all forms of expression in the media, primarily on social networks. It has engendered a special type of activism aimed at raising public awareness of cancer and promoting cancer literacy. More importantly, it has inspired writers and poets, artists and sculptors, musicians and film directors who give cancer a human face by exploring the existential experience of suffering behind the official medical diagnosis. A particularly notable trend in this sphere is the emergence and promotion of cancer fiction aimed at adolescents

and featuring their peers who are going through the ordeal of the disease. This type of literature has become the focus of the present study.

Material and methods

Teen sick-lit as a cultural phenomenon

To the best of our knowledge, the term “teen sick-lit” was coined by Julie Passanante Elman in 2012. It refers to “emotionally evocative stories about teen illness” [Elman, 2014, p. 96]. The formation of this genre is closely associated with the Dawn Rochele series by Lurlene McDaniel, whose publication started in the 1980s. The series features a 13-year-old girl who has been diagnosed with cancer and is fighting for survival through rounds of painful treatments, relapses, and psychological traumas [McDaniel, 2000].

Although sick-lit covers a variety of health conditions and even explores the teen suicide issue, the most popular topic is cancer. It has gained so much prominence that some literary critics accuse teenage fiction of having become “a branch of oncology” [Peet].

Typically, sick-lit “fuses illness and romance” [Elman, 2012, p. 175] featuring a young girl affected by cancer and falling in love with an able-bodied boy, who, in a way, becomes a treasured prize for her stoicism in the face of the disease.

Elman identifies several features of sick-lit that account for its popularity and guarantee it a

reliable niche in the contemporary culture. Firstly, it has a considerable didactical potential, introducing teenagers to the challenges of real life and contributing to their emotional maturation [Elman, 2014, p. 96]. The latter seems particularly relevant in the current cultural climate which celebrates emotional intelligence and cultivates empathy as an unquestionable social value. Secondly, this type of literature is educational. It usually possesses a high degree of medical accuracy in the descriptions of symptoms, treatments, and procedures, as well as their side-effects. In many cases, this accuracy stems from the background of the authors who have either formal training in oncology or first-hand experience of cancer, often supplemented by extensive research aimed at achieving an acceptable level of scientific authenticity. Elman also writes of the socially normalizing function of sick-lit, pointing out its propensity to reinforce the culturally licensed ideals of “ablebodiedness, heteronormativity, emotional management, and maturity” [Elman, 2014, p. 175]. Hence, sick-lit can be interpreted in the Foucauldian sense as an age-appropriate means of promoting biopolitics and establishing biopower.

Popularity does not make sick-lit immune to criticism. Critics accuse writers of “marketing” the disease [Testoni et al., 2016] capitalizing on teenagers’ morbid curiosity and unhealthy fascination with death. Another important point is that cancer is unduly romanticized. This tendency is strongly linked to the didacticism of sick-lit. Sick characters are represented as inspirational figures, “vehicles for others’ spiritual growth” [Kumbier], “spiritual belltops” and “carriers of experience from which others can benefit” [Spelman, 1997, p. 8]. This approach largely distorts the real picture, marginalizing and stigmatizing weakness and despair, which are often experienced by cancer patients. Moreover, it lays an extra psychological burden on potential cancer victims forcing them to comply with the cultural expectations and display cheerfulness and supernatural resilience in the face of death [Perusek, 2012].

Perhaps in response to this criticism, sick-lit has undergone some noticeable changes over the last decade. It no longer necessarily relies on the pairing between a sick and an able-bodied character, often featuring fellow-sufferers. The love-line has lost its prominence, the plot

focusing on the existential experience of suffering. The once obligatory third-person narrative mode is often replaced with the first-person perspective adding authenticity and relatability to the story. There is more realism in portraying characters, who are allowed to feel angry and frustrated about their disease and who are not guaranteed a stable remission.

Teen sick-lit is badly understudied due to its relative novelty and controversial character. As far as we know, it has never been approached from the linguistic perspective. The present paper aims to fill in this research gap focusing on an important feature of teen sick lit – the use of metaphors.

Metaphor as a means of conceptualizing cancer

Metaphor is widely acknowledged as an indispensable tool for understanding and verbalizing cancer. The need for metaphor stems from the very nature of cancer: not only is it too much of a cognitive challenge to lay people, but to a great extent it is still a mystery for medical professionals. Metaphor is supposed to unveil this mystery, establishing conceptual landmarks in the elusive reality of cancer, and enabling communication about it.

The research presented in this paper rests upon the Conceptual Metaphor Theory [Lakoff, Johnson, 1980], within which metaphor is seen as a mechanism of thought rather than a mere speech ornament. The basic tenet of the theory is that metaphor establishes a link between elements of old knowledge and experience (source domain) and something which is unknown and has to be cognized (target domain). The linking of the two domains enables us to achieve a rather wide range of cognitive and communicative goals. Firstly, it helps us to give cancer tangibility by associating it with a familiar object or phenomenon. This tangibility potentially makes the experience of cancer more manageable, because once you understand what your disease is like, you can work out a behavioral strategy to deal with it. For instance, by thinking of cancer as *a gun to your head* you brace yourself for living under constant threat and begin thinking of ways to minimize it. Secondly, metaphor can perform the explanatory function, enabling you to understand the nature of cancer and its inner logic. Thus,

by presenting cancer as a weed that tends to grow deep unremovable roots to steal nutrients from cultivated plants and grow multiple new sprouts you create a simplistic, but valid image of cancerogenesis [Rosenberg, 2020, p. 7]. Thirdly, metaphor enables articulation and communication of cancer experience. Official medical terminology is conceptually deficient and communicatively inadequate as it cannot convey the nuances of the individual experience of suffering and does not evoke an emotional response from the listener. Even medical professionals now admit that no two cancers are alike, and neither are two cancer patients. There is significant variation even when it comes to symptoms, the course of the disease, response to treatments and other more or less objective signs. As for the “insider view” of cancer, the purely somatic aspects of the experience are further complicated by emotional reactions, which are irreducible to medical concepts and can only be successfully captured by metaphor. For instance, by calling cancer *a tornado* the patient effectively conveys its destructive potential not only for the body, but for the psyche as well. A less significant, but still relevant, function of metaphor is that it can tone down cancer communication making it less intense and stressful and creating conditions for a very specific type of humor. Thus, a *Reddit* user, who has hepatoblastoma, refers to himself as a *cancer landlord*, explaining that he just *provided housing* to the tumor and implying that he did not guarantee it heartfelt hospitality. Ridiculing cancer can become an efficient coping mechanism for some patients [Demjén, 2016].

The content of cancer metaphors has long been the subject of linguistic scrutiny. Of particular note is research conducted by scholars from Lancaster University who look into the patterns of metaphor use, discuss the applicability of different metaphors in various contexts [Semino et al., 2018], and study the cognitive and psychological effects of metaphor use [Hendricks et al., 2019].

It has become common knowledge that the most popular and influential in cancer discourse are war and journey metaphors, quest and dance metaphors following suit [Frank, 2013]. Most of the research effort is concentrated on the analysis of war metaphors and their acceptability in the conceptualization of cancer. Following Susan

Sontag’s claims against war metaphors [Sontag, 1978], scholars attempt to invalidate them accusing them of alienating patients from their own bodies, stigmatizing those who fail to positively respond to treatments and ultimately die, imposing an aggressive behavior mode instead of encouraging patience and long-term thinking, justifying unnecessarily cruel treatment strategies, excessively romanticizing cancer survivorship, etc. Most researchers argue strongly in favor of journey metaphors, which are meditative, value neutral, long-term oriented, with a strong focus on the quality-of-life issues.

The war vs. journey controversy has never been exclusively the domain of linguistic analysis. The benefits and drawbacks of each metaphor are actively discussed by culture studies specialists, sociologists, medical professionals and journalists, as well as cancer patients themselves. These two metaphors have attracted so much specialist’ and lay people’s attention that other conceptual forms have remained largely invisible and badly understudied. Meanwhile, even a cursory glance at cancer narratives reveals a plethora of metaphors which need cataloguing and analyzing. A particularly productive line of research here could be the study of contemporary fiction which touches upon cancer issues, teen sick-lit being one of its most promising genres.

Research material and research objectives

This research is based on four novels: *The Fault in Our Stars* by John Green (2012), *Zac and Mia* by A.J. Betts (2013), *The Honest Truth* by Dan Gemeinhart (2015), and *Wink* by Rob Harrell (2020). All the books meet the following criteria: 1) they have been published roughly within the last decade and reflect the current trends in construing cancer narratives for teenagers; 2) they are written in the first-person mode to mimic a confessional narrative, as well as the cognitive and linguistic style of teenagers; 3) they possess a fair degree of metaphorical density, consistently employing metaphors in describing different aspects of cancer experience.

The research objectives are two-fold: 1) to identify the aspects of cancer experience that are metaphorically relevant and reveal the main metaphors that are used to convey them; we would like to emphasize that a differentiated

approach aimed at structuring cancer experience has never been used so far; 2) to analyze the degree to which the narratives under study depend on war metaphor.

Research methodology

As has been stated above, the general methodological framework for the present research is the Conceptual Metaphor Theory. Within this wide approach, several research instruments appear most relevant. The first one is the developmental view of metaphor presented by B.F. Bowdle and D. Gentner in the Career of Metaphor Theory [Bowdle, Gentner, 2005] and supported by G. Steen [Steen, 2007]. Metaphor is regarded as part of a continuum of conceptual forms, simile being the necessary experimental step in its formation and a prerequisite for its entrenchment. We follow this integral approach and include similes in our analysis.

Another important analytical instrument is the concept of metaphorical creativity proposed by Z. Kövecses. Metaphorical creativity is defined as “production and use of conceptual metaphors and / or their language representations” [Kövecses, 2015, p. 97]. Creativity at the conceptual level manifests itself in the discovery of previously unused source domains or aspects of the traditional source domains which have not been utilized so far (e.g. *cancer is a social dysfunction*). Creativity at the language level consists in experimentation with the verbal representation of the metaphorical mapping, perhaps the simplest case being variation in the morphological structure of the word (e.g. *cancer is a beast – cancer is beastly*).

Metaphors themselves were collected manually with the continuous sampling method based on the Metaphor Identification Procedure (MIP) [Pragglejaz Group..., 2007]. The metaphors in the sample were classified into four thematic groups: metaphors of (1) cancer as a disease, (2) cancer patients, (3) diagnostic procedures and treatments, (4) physical and emotional conditions of cancer patients. Further on, we made up a group of war metaphors across the thematic groups in order to trace the main trends in their use in accordance with our research objectives.

The continuous sampling yielded 437 relevant metaphors (175 in (Green), 106 in (Betts), 57 in

(Gemeinhart), and 99 in (Harrell)), only a limited number of them are presented in this paper. The study is qualitative, statistical analysis pertaining to the distribution of metaphors across source domains and thematic groups is beyond the scope of the present research.

Results and discussion

“A slithering eel of insidious intent”: metaphors of cancer as a disease

Cancer metaphors display great variation in their referential scope making up a continuum from very semantically general to very specific conceptual forms.

Perhaps the least specific is the metaphorical representation of cancer as a possession, which can be seen in multiple examples where the disease is construed as something that a person can *have* or *get*: *my right eye is where I had my tumor* (Harrell, p. 30); *“Mia, one in two people get cancer;” I say. “We’re just getting ours out of the way early”* (Betts, p. 79).

The metaphorical character of such contexts is not immediately obvious as treating the body and everything associated with it as a piece of property has long been a western cultural convention. However, as multiple philosophical reflections reveal, this type of perception is counter-natural and is based on the famous body-mind dualism, which engendered a split between two modes of somatic experience, “being a body” vs “having a body”. The first mode is the basis for a holistic type of identity in which the body is incorporated in the self-image. In our case, the body is a diseased one, burdened with cancer. Being such a body means accepting cancer as part of oneself: *And what is my cancer? My cancer is me. The tumors are made of me. They’re made of me as surely as my brain and my heart are made of me* (Green, p. 216).

This inseparable connection can be conceptualized through a more concrete metaphor **CANCER IS CONSTRUCTION MATERIAL**. On the one hand, it can present the tumor as an inalienable part of the body only, an essential component of its make-up: *my body is made out of cancer* (Green, p. 225). On the other hand, it can be seen as a constitutive element of the identity. This instantiation of metaphor is

especially apt in describing leukemia, which, unlike most other cancers, cannot be localized and encapsulated, taking up all the body space and becoming somatically omnipresent: *Leukemia gets into the blood and lungs, heart and stomach. It's **everything that makes him who he is*** (Betts, p. 253).

The metaphorical character of the “have cancer” mode becomes more pronounced in contexts, where the predicate *have* is replaced with paradigmatically associated, more specific units: *even though you **HAD FREAKING CANCER** you give money to a company in exchange for the chance to **acquire YET MORE CANCER*** (Green, pp. 19-20). This context vividly demonstrates the potential of the possession metaphor, allowing for such metaphorical experiments as *to own cancer / the owner of cancer, cancer proprietorship, to obtain cancer, cancer belongs to me*, etc.

Another metaphor on the less specific side of the spectrum is CANCER IS AN EVENT. The eventfulness of cancer is two-fold. On the one hand, like any other disease, cancer unfolds somatically, manifesting itself as a complex of bodily events that can be registered and analyzed. On the other hand, it can affect a person psychologically and socially marking a certain period in their life and becoming a biographical landmark. It is in the latter sense that eventfulness is represented in our sample. For the sick-lit characters, life becomes divided into a pre-cancer, cancer and – in the best-case scenario – post-cancer periods: *long before his tumor* (Betts, p. 206); *Before cancer, my friends and I <...>* (Betts, p. 224).

This generally recognized division turns cancer into a kind of existential attribute, sometimes enabling jokes. Thus, a coach who runs therapeutic sessions for teenage cancer patients and likes to draw from his own experience of testicular cancer is ironically described as “*exploring his concertastic past*” (Green, p. 5), the word “concertastic” being a trendy blend, which combines the name of the disease with a cut-off version of “fantastic” (cf.: *craptastic, goat-astic (a brand of goat cheese), elephant-astic (a day visiting elephants), mint-astic (brand of tea), fruit-astic (recipe for fruit leather)*).

It should be noted that conceptualized as an event, cancer acquires a certain duration, which

normally presupposes a starting point and an endpoint. The connection between these two points, which would metaphorically mean completion (cf.: all through the lecture / morning show / film / book / debate / wedding reception, etc.) often appears unattainable in the case of cancer: *I think my school friends wanted to help me **through my cancer**, but they eventually found out that they couldn't. For one thing, there was **no through*** (Green, p. 45). Cancer as an event is potentially divisible into episodes, which Rob Harrell quite predictably terms “*cancer moments*” (Harrell, p. 30).

Once cancer is metaphorized as an event, it invites the use of predicates that emphasize its dynamic character: *the invisible reality **going on inside of me*** (Green, p. 97).

Toward the middle of the metaphorical spectrum is the CANCER IS A LIVING BEING metaphor. It can be represented in a rather generalized manner with predicates that denote intentional actions that require both volition and a certain type of anatomy: *the leukemia **comes back anyway*** (Betts, p. 29); *Your cancer is **not going away**, Hazel* (Green, p. 116) *the tumor **holding tight to the artery it had wrapped itself around*** (Betts, p. 158).

Some contexts profile the malicious intent of the living being without specifying its type: *Osteosarcoma sometimes **takes a limb to check you out**. Then, if it likes you, **it takes the rest*** (Green, p. 18); *Mum doesn't know the way sickness **wraps around you**. How **it'll crush you if you let it*** (Betts, p. 269).

Much more interesting, however, are subordinate metaphors, which are either anthropological or zoological.

The former find their most direct manifestation in the following context, where cancer is not only personified, but somewhat exonerated and its presence in the body is justified: *Even cancer **isn't a bad guy** really. Cancer just **wants to be alive***” (Green, p. 246). The latter are more diversified and represented with different animal images. Particularly intriguing is the extended metaphor in which cancer is likened to a fierce and tenacious dog: *My own cancer was **a dog at my ankle, refusing to let go**. I'd thought that all cancers were like that, **gripping fiercely at bone until cut free and disposed of*** (Betts, p. 253). This metaphor

profiles the qualitative characteristics of the cancer experience, the persistence of the disease, the need for extreme measures.

In another case, the zoological metaphor profiles the dynamic properties of cancer focusing on its propensity to spread throughout the body. The author uses the image of an eel, whose sleek and flexible body allows for considerable dexterity when it comes to negotiating complex convoluted terrains: *I imagined the tumor metastasizing into my own bones, boring holes into my skeleton, a slithering eel of insidious intent* (Green, p. 86).

Zoological metaphor can also be represented with predicates that denote different aspects of animal anatomy, physiology, and behavior. In our sample, cancer is given the ability to consume the body like food: *I mean, it was the tumor. It ate her brain, you know?* (Green, p. 173); *bald kid with the disease eating away at him* (Gemeinhart, p. 165).

At the same time, cancer can be represented as a plant which takes root within the human body and begins to grow uncontrollably: *He had composure when it mattered, even with that tumor branching out, taking hold* (Betts, p. 193).

Remarkably, one context can combine genetically different conceptual forms, exemplifying the potential of mixed metaphor in conveying the subjective perception of cancer. Thus, in the example below cancer is represented as a living being capable of deliberate action, showing behavioral traits typical of animals, full of malice and, at the same time, as a plant: *With the destruction it brings, cancer should come howling into a body with sirens wailing and lights flashing. It shouldn't be allowed to slink in and take root in someone's brain like that, hiding among memories* (Betts, p. 193). Mixed metaphors, as we showed elsewhere [Nagornaya, 2013], are an especially potent tool of conceptualizing complex bodily phenomena which are irreducible to a single standard. The experience of cancer, undoubtedly, belongs to this group. One more semantically specific metaphor which deserves attention is CANCER IS A BUSINESSMAN. We tend to see it as a manifestation of metaphorical creativity as it offers a very unusual view of cancer by exploring a previously unused source domain. In this structural metaphor cancer's propensity to

metastasize is linked to the expansion that any business strives for. To make the metaphor even more dramatic, the business itself is presented as predatory, with capturing someone else's property being its main aim: *Like, cancer is in the growth business, right? The taking-people-over business. But surely you haven't let it succeed prematurely* (Green, p. 32).

One of the most interesting examples in our sample is the creative metaphor CANCER IS A COUNTRY. It is evocative of Susan Sontag's famous idea that falling ill is taking temporary residence "in the kingdom of the sick" [Sontag, 1978, p. 3]. This time, however, the author changes the type of governance, making this country a republic and giving it a name: *the Republic of Cancervania* (Green, p. 25). The status of a republic may be interpreted as recognition of the complexity and unpredictability of the disease. In a republic, cancer acquires "civic freedoms" impossible in a kingdom. It should be mentioned, however, that the author is not particularly consistent in the use of this geopolitical metaphor, because in another context the republic turns into a city while retaining its name: *the Secret City of Cancervania* (Green, p. 272). Lack of consistency can be accounted for by the creative character of the metaphor and hence lack of discursive regulations in its use.

"Mayor of Cancervania": metaphors for cancer patients

We have already mentioned identity issues that arise from the experience of being afflicted with cancer. A valuable theoretical tool here might be the concept of bioidentity, which crystallized within the general framework of biosociality proposed by P. Rabinow [Rabinow, 1996]. Bioidentity can be defined as a type of self-perception within which the disease is acknowledged as an essential part of a person and can be used as a means of self-identification and self-presentation. It does not necessarily mean being a person "who becomes their disease" (Green, p. 32), but it is definitely an opposition to the strongly recommended "people first principle", which demands that the disease should be represented as an optional attribute of a person, rather than their element. Never in our sample do we find the culturally approved formula "child with

cancer". On the contrary, the protagonists of all the four novels routinely refer to themselves and their reference group as "cancer kid(s)" or "cancer person(s)". J. Green also introduces the concept of "cancer self" pointing out its difference from the "healthy self" and emphasizing its ability to form new social connections: *My healthy self looked very little like her healthy self. But our cancer selves might've been sisters* (Green, pp. 96-97).

These are not metaphors, of course, but the bioidentity phenomenon that such contexts exemplify, is at the core of the reflexive process aimed at understanding the existential meaning of the new biological status. This reflexive process often contributes to metaphorical creativity.

Most of the examples here come from J. Green, whose characters often get engaged in philosophical discussions. One of the key metaphors is A CANCER PATIENT IS AN EXPERIMENT, which is also represented in an altered form – A CANCER PATIENT IS A SIDE EFFECT OF AN EXPERIMENT. Both forms take a somewhat scientific look at the physiology of cancer and present a lay version of the mutation theory that accounts for the uncontrollable growth of cancerous cells. One of the characters in the book links this process to the evolution of our species: *"You are a side effect... of an evolutionary process that cares little for individual lives. You are a failed experiment in mutation"* (Green, pp. 192-193). This idea is echoed in the exchanges between the sick teenagers themselves: *"We're all just side effect, right?"* (Green, p. 72). It reappears in a different context when the human life is interpreted psychologically, rather than biologically: *I was beginning to think that I was the subject of some existentialist experiment in permanently delayed gratification* (Green, p. 109).

In the same novel, Green introduces two consecutive novel metaphors A CANCER PATIENT IS A BOMB and A CANCER PATIENT IS A GRENADE. They might seem like representations of the metaphor CANCER IS WAR. However, they do a very different conceptual job, which enables us to take them out of the military context. Instead of referring to the treatments that target cancer cells, which would have been natural within the traditional war frame, the bomb and grenade metaphors are used to describe the impact that the cancer patient may

have on the people that care about them. The explosion moment metaphorically refers to the patient's death and the ensuing destruction symbolizes the profound emotional trauma sustained by the relatives and friends: *Wounded. Like Caroline Mathers had been a bomb and when she blew up everyone around her was left with embedded shrapnel* (Green, p. 98).

The novelty of the metaphor necessitates a preparatory conceptual step of drawing an explicit connection between two domains and giving the reader some time to ponder on it before finalizing the metaphor – hence the simile marker *like*.

The context develops further, though. Inspired by the image that she comes up with when thinking about another cancer patient, the protagonist generates a "customized" version of this metaphor to speak about herself. The context below does not only illustrate the validity of the Career of Metaphor Theory, showing how a simile evolves into a full-fledged metaphor, but vividly demonstrates the mental effort involved in creating a new metaphor, the painful search for the most illustrative association: *"I'm like. Like. I'm like a grenade, Mom. I'm a grenade and at some point I'm going to blow up and I would like to minimize the casualties, okay?"* (Green, p. 99). As the metaphor is novel, its meaning is reexplained and reaffirmed two more times in order to get it properly entrenched in the reader's mind: *I wanted to not be a grenade, to not be a malevolent force in the lives of people I loved* (Green, p. 172); *only now that I loved a grenade did I understand the foolishness of trying to save others from my own impending fragmentation: I couldn't unlove Augustus Waters* (Green, p. 214).

Once the connection has been firmly established and the mapping carefully explained, the new metaphor becomes an efficient and economical means of communication. The grenade metaphor, for instance, is used not only by the protagonist who created it, but by her family as well: *"You are not a grenade, not to us. Thinking about you dying makes us sad, Hazel, but you are not a grenade"* (Green, p. 103).

In teen sick-lit an important metaphorical attractor is the appearance of cancer patients, which is only natural considering the fixation on the looks typical of this age. Some signs of the disease cannot be concealed and make cancer patients visibly different from healthy people,

which makes them feel vulnerable: *The baldness that told the world: This kid's got cancer. It shouted it* (Gemeinhart, p. 46).

This circumstance justifies the introduction of the metaphor A CANCER PATIENT IS AN ALIEN: *The physical evidence of disease separates you from other people. We were irreconcilably other* (Green, p. 144).

This otherness engenders poignant humor, when protagonists liken themselves to easily recognizable natural objects or cultural artifacts and practices. In “Zac and Mia” alone we can find such diverse self-deprecating references as *one of those creepy guys from Guess Who* (Betts, p. 16); *a bald Jabba the Hutt like me* (Betts, p. 32); *steroidal puffball* (Betts, p. 33); *a human Rice Krispy* (Betts, p. 45), *a human light bulb* (Betts, p. 62), *a freak show* (Betts, p. 169).

Equally important is the physical condition of the body as it directly affects the teenagers' lifestyle. While taken for granted when healthy, the body loses its natural transparency when sick and begins to attract an undue amount of attention. As one of the characters points out, “*There is no forgetting myself anymore*” (Betts, p. 197). The body's newly discovered dysfunction prompts metaphors, one of them being A CANCER PATIENT IS A BROKEN OBJECT: *A place where the young and irreparably broken sink into love* (Green, p. 202). Sometimes the focus of the metaphor becomes more specific transferring to the body only: *I really liked my body; this cancer-ruined thing I'd spent years dragging around* (Green, p. 203); *At the very time that his body was beginning to fall apart* (Gemeinhart, p. 159).

Finally, the most creative metaphor in the sample correlates with the geopolitical vision of cancer described in the previous section. In it, the cancer patient is conceptualized as head of the political structure dominated by the disease: *Augustus Waters was the Mayor of the Secret City of Cancervania, and he is not replaceable* (Green, p. 272). The elegance of this metaphor is that, while being sufficiently poetic, it nicely correlates with the plot of the novel: Augustus ailed in style, demonstrating philosophical detachment, wit, readiness to support his fellow-sufferers without pitying them, which made him spiritually superior to many of them. Notably, he was famous for his love of metaphor. As the

protagonist says, “*that kid never took a piss without pondering the abundant metaphorical resonances of human waste production*” (Green, p. 258). The metaphor, then, both acknowledges his uniqueness and reflects his inimitable cognitive style.

**“Limbo between sickness and health”:
metaphors for diagnostic
procedures and treatments**

The procedures that the characters go through are an important aspect of the novels under study, as their descriptions add credibility and relatability to the narratives. Despite their serious and highly specific medical character, they are not immune to metaphorization as they are seen through the teenagers' eyes. This naïve, childish perspective is seen in the associations between medical procedures and simple everyday experiences: *I'm getting nuked like a microwave corn dog* (Harrell, p. 87); “*Yeah,*” *I said, having been the experimental pincushion myself* (Green, p. 216); “*We'll remove the entire eye and socket... like an ice cream scoop*” (Harrell, p. 52).

Simplicity is the optimal strategy as it ensures immediate comprehensibility and makes the description more dramatic. Thus, talking about the results of the scans aimed at revealing metastases, one of the characters likens himself to a Christmas tree – an image, whose cheerfulness is in stark contrast with the grave consequences of the new diagnostic data: “*I lit up like a Christmas tree, Hazel Grace. The lining of my chest, my left hip, my liver, everywhere*” (Green, p. 214).

In some cases, the young patients deliberately mythologize the procedures, adding a romantic touch to their painful experiences. Thus, the artificial respiration apparatus, which the patient constantly depends on, is described as a “pet dragon”: *I had this pet dragon who was cuddled up next to me and cared enough about me to time his breaths to mine* (Green, pp. 119-120). It is worth mentioning that this constant dependence makes the patient see the appliance as an integral, though unwelcome, component of her body despite its location outside the body space. A short disconnection from it is felt as a sudden “*bodily sovereignty*” (Green, p. 141), and the patient begins to see herself as “*a nonmetallicized creature*” (Green, p. 141).

Descriptions of the patients' mental and emotional responses to the procedures they are subjected to can also be very simplistic and age-appropriate: *I feel like a rabbit in a trap* (Harrell, p. 3); *I feel like a bug on a dissecting table* (Harrell, p. 4).

The sample, however, contains quite a few metaphors that suggest a higher degree of maturity. One of them is CURING CANCER IS FIXING THE BODY. This is basically an instantiation of the mechanical metaphor of the body that was inspired by Cartesian philosophy and has demonstrated remarkable vitality: *You said you'll be fixed soon, yeah?* (Betts, p. 26). The repair efforts can be targeted more specifically at the malfunctioning cells: *"If scientists can propel a robot 560 million kilometers away, I thought at the time, surely they can fix something as small as rogue blood cells in a body* (Betts, p. 37).

Another structural metaphor is CANCER TREATMENT IS A JOURNEY. This metaphor seems to have a significant therapeutic potential as it primes the patient for a lengthy course of treatment. It prompts patience and long-term thinking, thus reducing stress and minimizing unrealistic expectations of a quick solution. A particularly illustrative example here is the mental instruction that a "Professional Sick Person" (Green, p. 38) gives to "an amateur in the field of suffering" (Green, p. 215): *Don't struggle, I want to say. Don't pull the emergency exit lever. Take the pills and, for what it's worth, enjoy the ride* (Betts, p. 41).

Journey is a rich and variegated source domain, which gives the conceptualizer a lot of room for experimentation. The most obvious option is to explore different types of journeys. While in the previous example treatment was a ride, in the next one it is presented as a plane flight with some of its most characteristic attributes: a friendly flight attendant (nurse), episodes of turbulence (extreme bodily discomfort), possible emergency landing (disruption in the course of treatment), etc.: *I hear the newbie arrive. Nina goes through the instructions in her cheerful air hostess way, as if this flight will go smoothly. It won't. There'll be turbulence. Unexpected stopovers. Bad food. Loss of oxygen and moments of sheer panic* (Betts, p. 287).

Another noteworthy metaphor is CANCER TREATMENT IS A TRANSFORMATION. Its

relevance comes from the very nature of some procedures, which are aimed at changing the biological make-up of cancer patients. Thus, a marrow transplant is quite duly perceived as a catalyst of a major change affecting not just the body, but the identity of the recipient: *if my own marrow's been wiped out of my bones and then replaced with a stranger's, shouldn't that change who I am?* (Betts, p. 29). This transformation can be described metaphorically as butterfly metamorphosis, an image imbued with profound symbolism and shaping a positive attitude toward the temporary inconveniences: *"You're just going through a suuuuuper awkward phase right now. It's almost tragic, really – the awkwardness – but you'll grow out of it. Imagine the handsome butterfly that's going to emerge from this horrific cocoon"* (Harrell, p. 43).

At the same time, the sample contains an extremely dark, religiously loaded metaphor CANCER TREATMENT IS LIMBO. In catholic theology, limbo is a place between heaven and hell, inhabited by souls that are neither condemned to eternal punishment nor rewarded with eternal joy. Metaphorically it refers to a dubious status of the cancer patients, ambiguity of the outcomes of treatment, as well as the sometimes-intolerable timelessness that they experience: *I wonder if she senses I'm not as strong as I should be, caught in limbo between sickness and health* (Betts, p. 121); *This isn't real life, it's limbo* (Betts, p. 171).

The narratives under study offer some telling examples of how cancer begins to dominate the patients' life and permeate all the spheres of their existence. Simple everyday pleasures begin to be conceptualized in terms of treatment plans: a visit to the café becomes *Milkshake Therapy* (Harrell, p. 179), small favors and minor privileges turn into "cancer perks" – *"the little things cancer kids get that regular kids don't: basketballs signed by sports heroes, free passes on late homework, unearned driver's licenses, etc."* (Green, p. 23).

To end the section on a realistic note, we would like to point out that cancer treatment can be metaphorized as a gamble to emphasize its unpredictable outcome: *I know those are great odds, but I kept thinking it was a game of Russian roulette* (Green, p. 166).

“The absolutely inhuman nihilism of suffering”: metaphors for physical and emotional conditions of patients

Another metaphorically rich thematic group is made up of contexts that describe the physical and emotional sufferings of the characters related to their cancer experience. Many of the descriptions are highly conventional, e.g. *sharp / flooding / burning / gnawing pain, rolling / kicking / clenching stomach, sinking into depression, seesawing emotions, flooded by anxiety*, etc. Considering the limited size of the paper, we will only focus on the most representative and original metaphors.

An important subgroup is constituted by metaphors of pain. Pain may be “*a blunt and nonspecific diagnostic instrument*” (Green, p. 98), but there is nothing blunt and nonspecific in its metaphorical representation.

The most conspicuous group of metaphors in our sample is PAIN IS A LIVING BEING, dominated by zoological imagery. The approach itself is not original, as animals have been an inspiration for pain discourses since ancient times [Nagornaya, 2017]. However, the animal kingdom is so diverse and animal behavior so varied that the potential of zoological metaphor is almost inexhaustible. Moreover, it might be especially convenient for teenagers as it is easy to understand, relatively simple to apply and hospitable to experimentation.

Its most interesting instantiation in our sample is based on the image of a truly intimidating animal, whose natural ferociousness, coupled with its aggressive mood, metaphorically refers to the intensity of pain: *My headache was a growling grizzly with sharp claws* (Gemeinhart, p. 49). Although the grizzly is never explicitly mentioned again, the protagonist’s headache is consistently described in a way that suggests a big predator: *fierce pain trying to push its way out through my eyes* (Gemeinhart, p. 98); *The headache was sharpening its teeth on the inside of my skull* (Gemeinhart, p. 57).

In parallel with the zoological metaphor, Gemeinhart employs the weapon metaphor, which is another traditional means of conceptualizing pain [Nagornaya, 2012]: *The ache in my head had grown. It stabbed at my skull* (Gemeinhart, p. 18); *My head was*

a broken drum that was still getting pounded with a mallet (Gemeinhart, p. 71).

The interesting twist is that animal and weapon images can be combined within the same context to make up mixed metaphors: *The headache was gnawing on my brain with rusty razor teeth* (Gemeinhart, p. 64). Although mixed metaphors are not uncommon in discourses of pain [Nagornaya, 2013], their presence in teen sick-lit is still notable as it testifies to their conceptual validity and universal comprehensibility, which are questioned by many a scholar.

In the other novels, the personification metaphor is represented with its anthropological variety, suggesting the symbolic presence of a malicious, perversely minded human being: *Later, he would describe it <the pain> as a one-legged fat man wearing a stiletto heel standing on the middle of his chest* (Green, p. 221). A tamer version of this metaphor is based on profiling certain aspects of human behavior, such as the presence of will and the ability to impose it on others: *The pain was always there, pulling me inside of myself, demanding to be felt* (Green, p. 142).

The narratives under study contain a scattering of other metaphors, exploiting the traditional fire imagery, as well as images of explosion and forceful impact. We will provide only one example, notable for its dramatism, which is an extended collision metaphor, describing the effect of chemotherapy: *I felt as if a truck had run over me. Then reversed, tipped sideways, and landed on top of me. There was nothing to do but be pinned underneath* (Betts, p. 18).

A sizeable proportion of the metaphors describe sensations that are not pain per se but are a source of intense bodily discomfort. Chief among them is nausea, which is one of the most infamous and torturous side-effects of chemotherapy. In “The Honest Truth”, for instance, alongside the various motion metaphors (*lurching / rolling / rising / somersaulting / churning / turning / kicking stomach*) and pressure metaphors (*clenching / squeezing stomach*), we find a more complex recurring image of a flopping fish: *my stomach flopping like a fish in the bottom of a boat* (Gemeinhart, p. 22); *my stomach was flopping like a fish in a net* (Gemeinhart, p. 119). Intensified with a fish simile, the conventional flopping stomach metaphor acquires a new dimension: irregularity

of motion, lack of consistent and predictable dynamics, which reinforces the idea of unbearable discomfort.

Among the conceptual forms that convey the emotional state of the cancer patients, of particular originality is the floating metaphor in “Wink”, which describes the sense of confusion and incredulity that comes upon the announcement of the cancer diagnosis: *At that point, my head ever so gently dislodged from my neck and began to float toward the ceiling* (Harrell, p. 51); *It was that floating feeling again* (Harrell, p. 54); *Apparently when bad things happen, you feel like you’re floating* (Harrell, p. 54). What gets salience here is both lack of control typical of this type of movement and the loss of grounding which is metaphorically linked to impossibility of reasonable thinking¹. The floating image further acquires a more concrete shape becoming a balloon: *my balloon head kept slowly rising toward the fluorescent light above me* (Harrell, pp. 51-52). This context demonstrates metaphor dynamics, its ability to appear in different forms while remaining within the same conceptual domain. Incredulity sooner or later gives way to realization, whose suddenness can be so shocking that it may invite very dramatic metaphors. In “Wink” it is metaphorized as an unexpected attack, which has a devastating impact on the newly diagnosed cancer patient: *This came on like a sneak attack. I was fine and then it kind of pounced out of my brain, like... Boom*” (Harrell, p. 139). Another context introduces the attacker, using the age-appropriate image of a boogeyman – an imaginary evil creature universally feared by American children: *that conversation jumped out of my brain like the boogeyman* (Harrell, p. 136).

We have presented only a few metaphors, which convey “*the absolutely inhuman nihilism of suffering*” (Green, p. 281) the most forcefully. We do believe, however, that this line of research deserves greater width and depth as it deals with an extremely important aspect of cancer experience, which is largely overlooked.

“Ancient and inglorious war”: military metaphors

Although the war metaphor has largely fallen out of discursive favor giving way to the

journey metaphor, it appears to flourish in teen sick-lit. Its popularity and frequency in this genre can be accounted for by several factors:

1) the protagonists are often shown in the acute stages of their disease when they have to mobilize their physical and mental resources in order to overcome the crisis. Journey metaphors here would be two meditative and will deprive the patients of the necessary agency: *So his cancer’s back. He’s beat it before. Mark’s always been a fighter* (Gemeinhart, p. 79);

2) military metaphors can be a much more efficient tool in interpersonal communication, especially when it comes to giving instructions and commands: *Come on, Helga. Show some spine and fight back* (Betts, p. 72). Obviously, phrases like *Travel!* or *You must travel!* would be inadequate. The same is true for encouragements and compliments. While *You are such a fighter!* sounds meaningful, *You are such a traveler!* is absolutely ridiculous. Cf.: “*We’re all proud of you, Zac. <...> A real battler*” (Betts, p. 99);

3) war as a metaphorical scenario might have a particular appeal to the rebellious nature of teenagers, for whom conflict is the current *modus vivendi*: *She’s alive, despite everything, kicking and screaming and swearing. Fighting, still* (Betts, p. 209).

War metaphors often occur in the narratives only to become the object of bitter criticism on the part of cancer patients, who find them inadequate and rebut their potency. The arguments provided are semantically valid, as they pinpoint the conceptual weaknesses of the military metaphors and reflect the attitudes of those for whose benefit they were supposedly coined. The most common arguments against the war metaphor in our sample are the following:

1) it unduly romanticizes cancer patients ascribing to them features they might not actually possess: *I’m not a fighter and I’m probably not very brave. I haven’t saved a kid from drowning, or sailed around the world. Playing three hours of Xbox a day doesn’t make me a hero* (Betts, p. 48);

2) it does not reflect the true character of the cancer experience. Being a cancer patient requires a great deal of passivity and a frugal use of physical and psychic resources, rather than constant readiness to fight back: *Sleep fights cancer* (Green, p. 108);

3) it is highly clichéd and as such is annoyingly meaningless and unrelatable. Consider the irony in the following context: *Like, you are familiar with the trope of the stoic and determined cancer victim who heroically fights her cancer with inhuman strength and never complains or stops smiling even at the very end, etcetera?* (Green, p. 173);

4) it is often represented with stock phrases that are seen as semantically redundant: *Twelve-year-old leukemic Michael had passed away. He'd fought hard, Lida told me, as if there were another way to fight* (Green, p. 129);

5) when used in obituaries, it steals all the limelight and diminishes the personality of the deceased: *when I died they'd have nothing to say about me except that I fought heroically, as if the only thing I'd ever done was Have Cancer* (Green, p. 100);

6) it alienates the patients from their own body: *"What am I at war with? My cancer. And what is my cancer? My cancer is me"* (Green, p. 216). This piece of criticism, however, gives rise to a remarkable metaphorical innovation, when cancer is referred to as *"a civil war with a predetermined winner"* (Green, p. 216).

The omnipresence of war metaphor in cancer discourses and abundance of research into it spares us the need to analyze all the contexts of its use in our sample, as many of them are typical. Patients are represented as fighters or battlers, cancer is an enemy or attacker, going through the treatment is fighting, those who are in remission are winners or heroes, trying to get better is fighting back, the medical personnel (nurses, technicians, psychologists) are squads of reinforcements, refusal to hope for the better is being defeatist, relapsing or dying is losing, etc. Those are the usual and highly conventional metaphorical mappings for cancer describing *"the ancient and inglorious war against disease"* (Green, p. 311).

However, there are some noteworthy examples that demonstrate the conceptual potential of war metaphor and possible ways of its further development.

The first one exploits a largely invisible aspect of the war scenario, which is recruiting

a person for a war. It maps on to the beginning of cancer patienthood. In "Zac and Mia", by a thorough choice of verbs and their juxtaposition the protagonist emphasizes the compulsory character of his involvement in the metaphorical fight against cancer and rebuts his own heroism. Of particular interest is the fact that power and authority here are assigned to cancer, while typically this role is reserved for professional oncologists: *I never signed up for this war. Leukemia conscripted me, the fucker* (Betts, p. 49).

In the same novel, the characters play with the war scenario experimenting with different types of competitive opposition, thus working within a wider violence frame. It is a perfect example of the so-called co-construction of metaphor [Nagornaya, 2021], when communicators collaborate in creating the optimal image for a certain phenomenon and construe it in incremental steps, testing and discarding different ideas: *"Because you're such a fighter, Zac." "Like Muhammad Ali?" "Well, maybe. <...> No, not really. It's because you never complain." "I get it. More like Hulk Hogan, then." "Maybe more like a fighter at war," Patrick suggests. "So this room is, like, Afghanistan, and my leukemia is the Taliban *?"* (Betts, pp. 47-48).

The inner logic of metaphorization is noteworthy: the creative process is triggered by the war-associated term *fighter*. The protagonist deliberately downplays this meaning by moving the word into the sphere of sport. After its semantic status is restored by his interlocutor, the protagonist compromises, but suggests a rather specific civil war scenario when the power is captured by extremists. The context can be regarded as an example of metaphorical creativity at the conceptual level: it represents a blend of the sport and war domains, on the one hand, and suggests a new expansion of the war domain, on the other hand.

A more modest example of metaphorical creativity is the context in which the persistence of cancer and its resistance to therapy is represented as establishing a military base within a patient's body – an action which

* A terrorist organization whose activities are prohibited in the Russian Federation.

suggests long-term strategic thinking: *Perhaps the cancer has established a beachhead in his brain* (Betts, p. 186).

Thus, war metaphors appear highly relevant to the conceptualization of cancer in teen sick-lit and can even get an extra lease of life through modification and renovation.

Conclusion

Although we have been able to present only a fraction of our sample, we can still trace certain patterns in teen sick-lit that are relevant to the metaphorical representation of cancer. First and foremost, there are at least four different aspects of cancer experience that are hospitable to metaphor. Those include interpretations of cancer as a disease, reflections on the nature of cancer patienthood, depictions of diagnostic procedures and treatments and descriptions of physical and emotional conditions of patients. Their differentiation, although never undertaken before, proves expedient as it shows that there are metaphors that demonstrate a strong inclination to reflect only some aspects of cancer experience. Thus, the journey metaphor in teen sick-lit is exclusively found in descriptions of procedures and treatments and appears invalid for the conceptualization of the other aspects, which contradicts the idea of its versatility and partly explains the difficulties that its supporters face when trying to promote it in public discourses of cancer. At the same time, war metaphors are universal and are liberally applied to all the listed aspects. Secondly and specifically, cancer experience is represented with a much more varied arsenal of metaphorical means than might seem. The cultural availability of the well-tested war and journey metaphors does not preclude a creative use of conceptual means that best suit individual experiences of cancer. Finally, our evidence suggests that war metaphor, although rejected by many and proclaimed obsolete, has not yet exhausted its conceptual and communicative potential and can be further developed.

NOTE

¹ Cf.: *have / keep your feet on the ground* – to keep a sensible and practical attitude to life (Macmillan

English Dictionary for Advanced Learners. Oxford : Bloomsbury Publishing Plc., 2002. 1690 p.).

REFERENCES

- Bowdle B.F., Gentner D., 2005. The Career of Metaphor. *Psychological Review*, vol. 112, no. 1, pp. 193-216.
- Demjén Z., 2016. Laughing at Cancer: Humour, Empowerment, Solidarity and Coping Online. *Journal of Pragmatics*, iss. 101, pp. 18-30.
- Elman J.P., 2012. “Nothing Feels as Real”: Teen Sick-Lit, Sadness, and the Condition of Adolescence. *Journal of Literary & Cultural Disability Studies*, vol. 6, iss. 2, pp. 175-191.
- Elman J.P., 2014. *Chronic Youth: Disability, Sexuality, and U.S. Media Culture of Rehabilitation*. New York, NYU Press. 258 p.
- Frank A., 2013. *The Wounded Storyteller: Body, Illness & Ethics*. Chicago, The University of Chicago Press. 282 p.
- Hendricks R.K., Demjén Z., Semino E., Boroditsky L., 2019. Emotional Implications of Metaphor: Consequences of Metaphor Framing for Mindset About Cancer. *Metaphor and Symbol*, vol. 33, no. 4, pp. 267-279.
- Kövecses Z., 2015. *Where Metaphors Come from: Reconsidering Context in Metaphor*. Oxford, Oxford University Press. 232 p.
- Kumbier A. Trauma Club: The Chronic Popularity of Illness Lit. *Bitch Media*. URL: <https://www.bitchmedia.org/article/in-sickness/the-popularity-of-illness-lit>
- Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press. 193 p.
- McDaniel L., 2000. *Dawn Rochelle, Four Novels*. London, Starfire. 544 p.
- Mukherjee S., 2011. *The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer*. London, Fourth Estate. 597 p.
- Nagornaya A., 2012. Orudiyaya metafora kak sredstvo obyektivatsii vnutritelesnogo opyta [The Weapon Metaphor as a Means of Objectifying Inner-Body Experience]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], vol. 7, no. 2, pp. 84-96.
- Nagornaya A., 2013. Smeshannaya metafora kak sredstvo verbalizatsii interotseptivnogo opyta [Mixed Metaphor as a Means of Verbalizing Interoceptive Experience]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya* [Orlov State University Bulletin. Series: New

- Research in the Humanities], no. 5 (34), pp. 146-151.
- Nagornaya A., 2017. Obrazy zhivotnykh v diskurse vnutritel'snykh oschuschenii [Animal Images in the Discourse of Inner-Body Sensations]. *Yazykovoii obraz v kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov* [Language Image in Communication. Collection of Scientific Papers]. Moscow, INION RAN Publ., pp. 56-68.
- Nagornaya A., 2021. Ispolzovaniye metafor v psihoterapevticheskoi praktike [The Use of Metaphors in Psychotherapy]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyi zhurnal* [Social Sciences and Humanities. Russian and Foreign Literature. Series 6: Linguistics. Review Journal], no. 4, pp. 97-120.
- Peet M. *Teen Fiction and the Shadow of Cancer*. URL: www.theguardian.com/books/2013/jan/26/teen-fiction-cancer-taboo
- Perusek D., 2012. Cancer, Culture, and Individual Experience: Public Discourse and Personal Affliction. *Ethos*, vol. 40, iss. 4, pp. 476-506.
- Pragglejaz Group, 2007. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. *Metaphor and Symbol*, vol. 22, no. 1, pp. 1-39.
- Rabinow P., 1996. Artificiality and Enlightenment: From Sociobiology to Biosociality. *Politix*, no. 90 (2), pp. 21-46.
- Rosenberg S.A., 2020. *Overcome the Challenges of Cancer Care: How to Avoid Pitfalls on the Path to Healing*. Washington, Rowman & Littlefield Publishers. 180 p.
- Semino E., Demjén Z., Hardie A., Payne Sh., Rayson P., 2018. *Metaphor, Cancer and the End of Life: A Corpus-Based Study*. New York, Routledge. 314 p.
- Sontag S., 1978. *Illness as Metaphor*. New York, Farrar, Straus and Giroux. 87 p.
- Spelman E.V., 1997. *Fruits of Sorrow: Framing our Attention to Suffering*. Boston, Beacon Press. 224 p.
- Steen G.J., 2007. *Finding Metaphor in Grammar and Usage: A Methodological Analysis of Theory and Research*. The Netherlands, John Benjamins Publishing Co. 436 p.
- Testoni I., Parise G., Zamperini A., Visintin E.P., Toniolo E., Vicentini S., De Leo, 2016. The "Sick-Lit" Question and the Death Education Answer. Papageno Versus Werther Effects in Adolescent Suicide Prevention. *Human Affairs*, vol. 26, no. 2, pp. 153-166.

SOURCES

- Betts – Betts A.J. *Zac and Mia*. New York, Clarion Books, 2013. 301 p.
- Gemeinhart – Gemeinhart D. *The Honest Truth*. New York, Scholastic Press, 2015. 240 p.
- Green – Green J. *The Fault in Our Stars*. New York, Penguin Books, 2012. 318 p.
- Harrell – Harrell R. *Wink*. London, Puffin Books, 2020. 336 p.

Information About the Authors

Alexandra V. Nagornaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, School of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmanaya St, 21/4, 105006 Moscow, Russia, anagornaya@hse.ru, alnag@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-0835>

James Chike Nwankwo, Postgraduate Student, School of Philology, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmanaya St, 21/4, 105006 Moscow, Russia, jamescul36@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0343-2883>

Информация об авторах

Александра Викторовна Нагорная, доктор филологических наук, профессор Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, 105006 г. Москва, Россия, anagornaya@hse.ru, alnag@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-0835>

Джеймс Чайк Нванкво, аспирант Школы филологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, 105006 г. Москва, Россия, jamescul36@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0343-2883>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.8>

UDC 811.512.161'374
LBC 81.63.12-42

Submitted: 26.12.2022
Accepted: 03.04.2023

SYSTEM-FUNCTIONAL STRATIFICATION OF THE AVERAGE TURKISH-RUSSIAN DICTIONARY

Zamira K. Derbisheva

Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexey A. Kretov

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Abstract. The study is aimed at stratifying Rosa Yusipova's Turkish-Russian Dictionary (2005) in accordance with the system and functional weights of its constituent words. The method is a parametric lexicon analysis (PLA), developed and tested by scientists of Voronezh State University. PLA involves identifying four particular parametric weights for each word. This is the FUNCTIONAL weight (F-weight is indirectly estimated by the length of the word), the PARADIGMATIC weight (P-weight is estimated by the number of synonyms), SYNTAGMATIC weight (C-weight is estimated by the number of phrases and utterances with this word) and EPIDIGMATIC weight (E-weight is estimated by the number of meanings of a word in the dictionary). For each of the 4 parameters, partial core, counting at least 1000 words, was allocated. The words presented in all 4 particular cores, entered a Small parametric core. Words presented in 3 particular cores entered an Average parametric core, words represented in 2 particular parametric cores – a Large parametric core and words presented in 1 particular parametric core entered the core of the Dictionary. Words that are not presented in any particular parametric core make up the Periphery of the Dictionary. The analysis revealed the words of all 4 cores of the dictionary: Small – 140 words, Middle – 630, Large – 3234, the core of the Dictionary – 6861 and the Periphery of the Dictionary counts 18236 words. The dominant (the most important word in the dictionary) was the word *iş* 'work, labor', and the vice-dominant – the word *üst* 'the top'.

Key words: Turkish-Russian dictionaries, parametric analysis, functional word weight, paradigmatic word weight, syntagmatic word weight, epidigmatic word weight, core vocabulary, periphery of vocabulary.

Citation. Derbisheva Z.K., Kretov A.A. System-Functional Stratification of the Average Turkish-Russian Dictionary. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 101-115. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.8>

УДК 811.512.161'374
ББК 81.63.12-42

Дата поступления статьи: 26.12.2022
Дата принятия статьи: 03.04.2023

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ СРЕДНЕГО ТУРЕЦКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ

Замира Касымбековна Дербисева

Кыргызско-Турецкий университет «Манас», г. Бишкек, Кыргызстан

Алексей Александрович Кретов

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Аннотация. Цель данного исследования – системно-функциональная стратификация лексики турецкого языка в соответствии с системными и функциональным весами составляющих ее слов, установленными по данным «Турецко-русского словаря» Розы Юсиповой. Метод исследования – параметрический анализ лексики, разработанный и апробированный российскими учеными кафедры теоретической и прикладной

лингвистики Воронежского государственного университета. Метод предполагает определение четырех частных параметрических весов для каждого слова. Это *функциональный* вес (косвенно оценивается по длине слова, поскольку, как отмечал еще Дж.К. Ципф, средняя длина и средняя частота слов взаимозависимы: по мере убывания средней частоты слов их длина возрастает; следовательно, максимальный функциональный вес имеют самые короткие слова, а минимальный – самые длинные), *парадигматический* вес (косвенно оценивается по количеству синонимов у данного слова; при этом синонимами признаются слова, толкующие части которых хотя бы в одном из значений имеют не менее 50 % общих метаслов), *синтагматический* вес (косвенно оценивается по числу фразеосочетаний и речений с данным словом) и *эпидигматический* вес (оценивается по числу значений слова в словаре). По каждому из четырех параметров выделено частнопараметрическое ядро размером не менее 1 000 слов. Слова четырех ядер, имеющие вес по всем четырем параметрам, вошли в малое параметрическое ядро. Слова, имеющие вес по трем параметрам, отнесены к среднему параметрическому ядру; слова, представленные в двух частнопараметрических ядрах, – к большому параметрическому ядру; слова, вошедшие в одно частнопараметрическое ядро, – к ядру словаря. Слова, не вошедшие ни в одно частнопараметрическое ядро, составляют периферию словаря. В результате анализа выявлены слова всех 4 ядер словаря: Малый – 140 слов, Средний – 630, Большой – 3 234, Ядро словаря – 6 861 и Периферия словаря – 18 236 слов. Доминантой оказалось слово *iş* ‘работа, труд’, а вице-доминантой – слово *üst* ‘вершина’.

Ключевые слова: турецко-русские словари, параметрический анализ, функциональный вес слова, парадигматический вес слова, синтагматический вес слова, эпидигматический вес слова, ядро лексики, периферия лексики.

Цитирование. Дербишева З. К., Кретов А. А. Системно-функциональная стратификация лексики среднего турецко-русского словаря // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 101–115. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.8>

Introduction

The lexicon of the language is measured in tens or even hundreds of thousands words and seems to be unusable for comparative lexicology. Therefore, one of the important tasks of modern lexicology is to create well-ordered descriptions of vocabulary, that enable distinguishing its representative cores of about 1000 words, providing such a comparison. And if there is no shortage of dictionaries containing information about the vocabulary of the world's languages, the necessary tools for theoretical mastering of this information – Parametric Analysis of Lexicon (hereinafter – PAL) – appeared relatively recently [Titov, 2002; 2004a]. One example of the use of this toolkit is the collective monograph [Kretov et al., 2016].

Parametric analysis of the Turkish vocabulary is presented in a number of papers [Bugaeв, 2006; Kretov et al., 2016; Semenova, 2018]. However, in these studies, the object of analysis were **Small** Turkish-Russian dictionaries measuring about 10,000 words: Turkish-Russian and Russian-Turkish Dictionary (Rybalchenko, 2001) was investigated by V.P. Bugaeв [Bugaeв, 2006] and by I.D. Semenova [Semenova, 2018], Brief Turkish-Russian Dictionary (Scherbinin, 1977) was investigated in the collective monograph [Kretov et al., 2016, p. 411].

In this regard, it seems appropriate to explore a larger Turkish-Russian dictionary and put the parametric analysis of Turkish vocabulary on a more complete and more modern basis. The purpose of this article is to study the connections that make up the lexicon system of the Turkish language and to stratify the vocabulary of the source dictionary according to the systemic weight of the components of its words.

Data and methods

The object of the study is the “Turkish-Russian Dictionary” (Yusipova, 2005), rich by information and the most modern of the available Turkish-Russian dictionaries of this type. When counting one-word lemmas (without lemmas-phrases and reference articles), the volume of the dictionary has 25,097 words. The choice of bilingual dictionary is conditioned by the need for a single basis to compare the lexicons of Turkic languages, both among themselves and with the lexicons of any other languages of the world. For this purpose the Russian language, which performs the function of meta-language, has been accepted.

We proceed from the widespread notion of a field organization of the world's languages vocabulary the principle of “core in cores”, that

is according to the fractal principle. The core of the vocabulary of any language is the root words, followed by the derivative words sector, and finally, the periphery of the lexical-semantic system is formed by composite nominations (including phrases). Peripheral vocabulary can change as quickly as possible, but it does not affect the core of the lexical-semantic system, the selection of which is the purpose of our analysis. In comparative historical linguistics the change of the lexical core of language (“basic vocabulary”) is recognized as the most important event that can occur in language and with language: “Such cases are known and invariably qualified as a change of language. <...> ...If the basic vocabulary begins to be actively borrowed, the rest of the vocabulary of the language tends to be saturated with borrowings even more... as a result there is virtually nothing left of the original language – it can be stated that the people have switched to another language” (here and further English translation is ours. – Z. D., A. K.) [Burlak, Starostin, 2005, p. 14].

The subject of the study is the system-forming parameters of Turkish vocabulary. The method of research is Parametric Analysis of Lexicon (PAL), described, substantiated and tested in studies [Titov, 2002; 2004a; Voevudskaya, 2015; Kretov, 2011; 2017; Kretov, Cherechecha, 2020; Kretov et al., 2016; Kretov, Gasuns, Leonchenko, 2021; Merkulova, 2018; Semenova, 2018]. PAL is a method of analyzing vocabulary according to the data of foreign-Russian dictionaries. As part of the parametric analysis of vocabulary, the indicators of different dictionaries of the same language were repeatedly compared in order to assess the ratio of objectivity and subjectivity of their data. The result of the research is: “lexicographic sources, on average, by 2/3 reflect the realities of the language’s lexical system, and only 1/3 of the information they contain depends on the subjective factor” [Voevudskaya, 2015, p. 206].

Thus, all existing bilingual dictionaries representing a subjective image of objective reality today are the only source of information for the construction of lexical-semantic typology of languages. The dictionaries have already analyzed and represented the epidigmatics (polysemy) and (although sparingly) syntagmatics (and in implicit form – also paradigmatics) of the vocabulary of the corpus of texts that formed the basis of the dictionary

file. As a parametric analysis of foreign-Russian bilingual dictionaries, PAL accepts each of the dictionaries analyzed, including (Yusipova, 2005), and criticism of source dictionaries is carried out post factum – through comparison with the results of analysis of other dictionaries (see: [Titov, 2004b]). PAL assumes the definition of four private parametric scales for each word represented in the dictionary by its vocabulary form – lemma: **functional** weight (indirectly estimated by the length of the lemma: the shorter is the lemma, the greater is **F-weight**), **paradigmatic** weight (P-weight is indirectly estimated by the number of synonyms for a given lemma), **syntagmatic** weight (**S-weight** is indirectly estimated by the number of combinations with this lemma in a dictionary article, including illustrative examples) and **epidigmatic** weight (**E-weight** is indirectly estimated by the number of meanings allocated by lemma in the dictionary article). The addition of private weights of each lemma gives **integral** parametric weight (**I-weight**).

Each of the scales is calculated on the same formula:

$$Pr_i = \frac{\Sigma r - R_{1-i}}{\Sigma r}$$

where Σr – the sum of lemmas of all ranks, R_{1-i} – the sum of lemmas from the first rank to the given, and Pr_i – the weight of the lemmas of the i -rank. Pr_i values fluctuate in the interval from 0 to 1.

The logic of the formula is simple: the fewer participants showed the same or better result, the higher the place (rank) of the participant. The weight of the lemmas of each rank depends on the number and weights of the lemmas of all other ranks. Thus, each of the words (lemmas) in the dictionary affects the weight of all the other words (lemmas) for each of the 4 parameters. This approach sharply narrows the freedom of research arbitrariness, increasing the scientific objectivity of the study.

Results and discussion

This section is devoted to description of the analysis results for each parameter of the source dictionary, consisting in “weighing” each word within this particular parameter. *Syntagmatic* and *paradigmatic* connections are system-forming for the dictionary in synchrony, mutually defining each other: *syntagmatics* is represented by speech sequences, and *paradigmatics* is represented by

synonymous and other sets of words similar in any respect. *Epidigmatic* (derivational in a broad sense) connections characterize the dictionary as a developing and self-expanding object, which is associated with diachrony, and the *functional* parameter characterizes the dictionary as the most important part of a living, i.e. functioning language in the process of communication. Thus, a set of four system-forming parameters characterizes the dictionary as a developing, self-expanding and functioning system. Their totality provides the possibility of “weighing” words by their system-forming (integral) weight, i.e. by their place and importance in the lexico-semantic system. The novelty and scientific value of the results are presented at the end of each section.

Function stratification of Turkish vocabulary

The word usage is an unobservable factor. The frequency of the word in any text is equivalent to two independent patterns: objective – linguistic and subjective – textual. The author of the text has power only over subjective regularity. The objective one is imposed by the language: in any Russian text the most common word will be *i* ‘and’, in any English – *the*, in any Turkish – *bir* ‘one, some’ (Göz, 2003). This information does not give anything to highlight the lexical cores of the language. That is why in parametric analysis of vocabulary it is more expedient to evaluate the usage of words on such an objective observed parameter as the length of the lemma

(representing the word in the dictionary): over the length of the full-digit word (as opposed to its frequency) the author of the text is not in power.

Functional stratification of vocabulary raises the question: in which units to determine the length of the lemma. For the Turkish language this question can be removed: adopted in 1928 latinized Turkish alphabet quite accurately reflects the sound composition of Turkish speech. In the mass (many thousands!) study of the Turkish vocabulary, we have the right to put an equal sign between the length of the Turkish lemma in letters and its length in sounds. The prospect of using these parametric analysis of the vocabulary of the source dictionary in comparison with other Turkic languages, especially the Kyrgyz language, forces us to deviate from the form of lemmas in the dictionary-source to ensure that the result is comparable to the dictionaries of those Turkic languages in which the verb form is given in its purest form and marked with a hyphen. When calculating the length of the lemmas and calculating their functional weight (F-weight), *-mak/-mek* morphemes did not affect the length of the verb lemmas and their F-weight: the length of each lemma with these affixes was reduced by 3 letters of sound. For example, the length of the lemma *çıkarmak* ‘pull out, take out, extract smth.’ is not 8, but 5, the length of the lemma *tutmak* ‘hold’ – not 6, but 3, the length of the lemma *almak* (‘take’) is not 5, but 2 letters. The distribution of lemmas in the dictionary-source by length in letters based on the functional transformation supposition is presented in Table 1.

Table 1. Distribution of the source dictionary lemmas by length

Letters	Lemme	Cumul.	F-weight	Example	Meaning
1	5	5	0,99980	<i>o</i>	he, she, it
2	161	166	0,99339	<i>aç</i>	hungry
3	934	1100	0,95617	<i>ana</i>	mother
4	1838	2938	0,88293	<i>açık</i>	outdoor
5	4703	7641	0,69554	<i>abır</i>	honor, dignity
6	4258	11899	0,52588	<i>açınım</i>	development
7	4417	16316	0,34988	<i>adamlık</i>	humanity
8	3863	20179	0,19596	<i>adaletli</i>	just
9	2153	22332	0,11017	<i>akrabalık</i>	kinship
10	1361	23693	0,05594	<i>alışkanlık</i>	habit
11	794	24487	0,02431	<i>adaletlilik</i>	justice
12	317	24804	0,01167	<i>bağdaştırıcı</i>	adapter
13	171	24975	0,00486	<i>cesaretsizlik</i>	indecision, timidity
14	66	25041	0,00223	<i>dayanışmacılık</i>	solidarity
15	38	25079	0,00072	<i>değerlendirilme</i>	score
16	14	25093	0,00016	<i>rutubetlendirici</i>	humidifier
17	2	25095	0,00008	<i>toplumsallaştırma</i>	nationalization
18	1	25096	0,00004	<i>elektrokardiyogram</i>	electrocardiogram
21	1	25097	0,00000	<i>erkânharbiyeiumumiye</i>	General Staff

The distribution of lemmas by length in the source dictionary is presented in Figure 1.

Figure 1 indicates the heterogeneity of word distribution in the dictionary, as evidenced by the presence of two peaks: 5 (mode) and 7. Since the words of spoken speech are frequent and therefore short, the formation of the second peak of the distribution with a length of 7 indicates the prevalence of longer derived words characteristic of written speech.

The heterogeneity of the distribution of words by length also indicates the genetic heterogeneity of the vocabulary, the formation of the vocabulary of the standard language is largely due to derivative and borrowed words: “Borrowed words in the Turkish language are represented mainly by Arabic and Persian vocabulary, the number of which in the 17th and 19th centuries reached 80–90% in some works. <...> The oldest lexical borrowings from European languages are acquisitions from the Greek language... <...> Borrowings from Armenian, Albanian, Hungarian, Romanian, South Slavic and Russian languages played a role in the formation of the dictionary of modern standard Turkish” [Kononov, 1997, pp. 409-410].

The shortest (that means – the most important, having the biggest F-weight) Turkish content words are two-letter: *aç(mak)* ‘open’; *aç* ‘hungry’; *ad* ‘name’; *af* ‘forgiveness’; *ağ* ‘net’; *ağ(mak)* ‘rise up’; *ak(mak)* ‘flow, pour’; *ak* ‘white’; *al(mak)* ‘take’; *al* ‘scarlet’; *al* ‘cunning’; *an* ‘moment’; *an* ‘reason’; *an(mak)* ‘remember someone’; *ar* ‘shame, modesty’; *as(mak)* ‘hang’; *as* ‘ermine’; *aş(mak)* ‘overcome’; *aş* ‘food’; *at(mak)* ‘throw’; *at*

‘horse’; *av* ‘hunting’; *ay(mak)* ‘regain consciousness’; *ay* ‘moon’; *az(mak)* ‘become violent’; *az* ‘insufficient’; *de(mek)* ‘talk, say’; *eğ(mek)* ‘tilt’; *ek* ‘supplement’; *ek(mek)* ‘sow’; *el* ‘hand(s)’; *el* ‘stranger’; *em(mek)* ‘suck’; *em* ‘medicinal remedy’; *en* ‘width’ *en* ‘brand for cattle’; *er* ‘man’; *er(mek)* ‘reach sth’; *es(mek)* ‘blow (about the wind)’; *eş* ‘couple, partner’; *eş(mek)* ‘rake the ground’; *eş(mek)* ‘gallop’; *et(mek)* ‘do’; *et* ‘meat’; *ev* ‘house’; *ev(mek)* ‘hurry’; *ez(mek)* ‘crush, mash’; *iç* ‘the inside, the inside (of something)’; *iç(mek)* ‘drink’; *iğ* ‘spindle’; *ih(mak)* ‘kneel (about a camel)’; *il(mek)* ‘weakly tie’; *il* ‘(administrative unit in Turkey) *il* ‘vilayet, province’; *il(mek)* ‘weak knot’; *im* ‘sign, signal’; *in(mek)* ‘go down’; *in* ‘den, hole’; *ip* ‘rope’; *is* ‘soot’; *iş* ‘work, labor’; *it* ‘dog’; *it(mek)* ‘push’; *iv(mek)* ‘hurry’; *iz* ‘trace’; *öç* ‘revenge’; *od* ‘fire’; *öd* ‘bile’; *öd* ‘smell of the burning the scarlet tree’; *ok* ‘arrow’; *ol(mak)* ‘to be, to happen’; *öl(mek)* ‘to die’; *öl* ‘soil moisture’; *om* ‘thickened/rounded end of the bone’; *on(mak)* ‘improve, correct’; *ön* ‘place (in front of something)’; *öp(mek)* ‘kiss ‘whom’; *ör(mek)* ‘knit’; *ot* ‘grass’; *öt(mek)* ‘sing; chirp’; *ov(mak)* ‘knead; rub’; *öv(mek)* ‘praise’; *oy* ‘opinion’; *oy(mak)* ‘make a’ recess/deepening’; *öz* ‘the essence (of a person)’; *öz* ‘native (about relatives)’; *öz* ‘river, stream’; *sl(mak)* ‘smash, break’; *su* ‘water’; *ti* ‘bugle signal’; *uç(mak)* ‘fly’; *uç* ‘the point, the pointed end (of a knife, etc.)’; *um(mak)* ‘hope, hope for someone’; *un(mak)* ‘organize’; *un* ‘flour’; *ün* ‘voice, sound’; *ün* ‘fame’; *ur* ‘neoplasm, tumor’; *us* ‘mind’; *üs* ‘base’; *üş(mek)* ‘to gather in a crowd’;

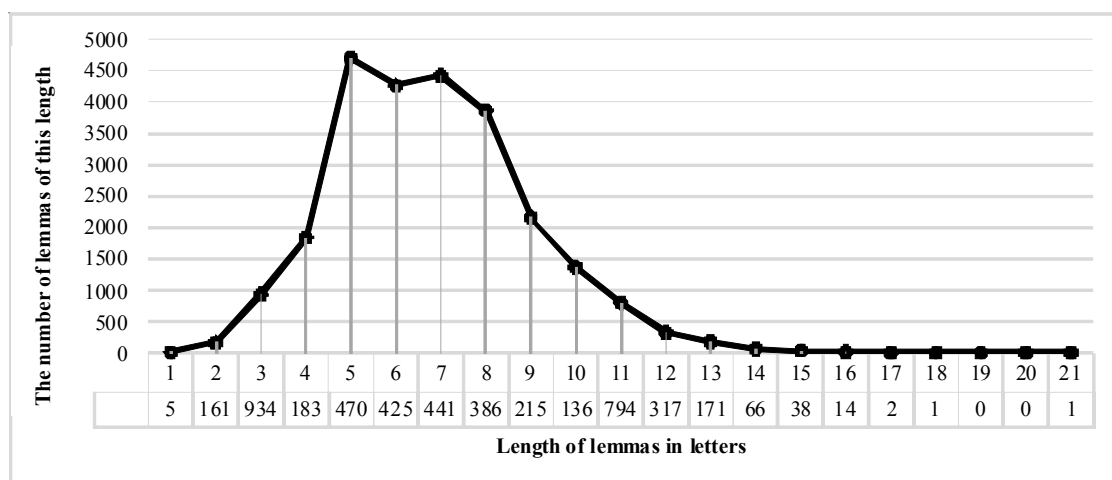

Fig. 1. Distribution of lemmata by length in the dictionary-source

ut ‘shame’; *ut* ‘ud’; *ut(mak)* ‘to win’; *üt(mek)* ‘to scorch, burn with flame’; *üt(mek)* ‘to win in the game’; *uy(mak)* ‘to match’; *uz* ‘good; beautiful’; *üz(mek)* ‘to upset’; *ye(mek)* ‘to eat’; *yu(mak)* ‘wash’. It follows from the table that the functional core of vocabulary in the dictionary source consists of words that are no longer than 3 letters long. After excluding the vocabulary groups described above from this set, the size of the F-core was 983 words.

Syntagmatic stratification of Turkish vocabulary

Usually even explanatory dictionary stingily reflects the word compatibility. However, the degree of completeness-wealth of the representation of the syntagmatics of dictionaries does not affect the objectivity of their data: the most syntagmatically rich words remain so, no matter how many of their phraseological combinations (hereinafter PhC) are taken into account: 100 or 10. The less syntagmatically important words have no phraseological combinations. Another thing is that those words that, with a maximum of 10 PhC, had 0 phrases, in a dictionary with a maximum of 100 can have from 1 to 9 phrases. The scale and details of the syntagmatic curve change depending on the completeness of the data, but the form of the curve (in its objective part) remains the same: this is the idea of parametric “weighting” of words, and this is the objectivity of the data obtained at such weighting. The limitation of syntagmatic information in bilingual dictionaries makes the syntagmatic “weighing” of words take into account all the vocabulary evidence of compatibility presented in the dictionary: both stable phrases with the word, and the compatibility of the word in illustrative speeches.

We consider this method of syntagmatic “weighing” of words to be objective, since each lemma has theoretically equal chances to be represented in the dictionary by a phrase combination or illustrative speech. The more phraseological combinations with this lemma are presented in a dictionary article, the more its syntagmatic weight (S-weight) is. It is unlikely that the non-distinguishing of composite nominations and phrase combinations leads to errors in calculating the syntagmatic weight of a word: after all,

composite nominations are also syntagmas, so the participation of a word in composite nominations should be taken into account when studying its syntagmatic activity. On the contrary, ignoring this circumstance can lead to a distorted view of the syntagmatic activity of a word expressed by its S-weight. See Table 2 for the distribution of Turkish vocabulary about C-weight.

The data of Table 2 is clearly presented on Figure 2.

As you can see from Table 2 and Figure 2, the compatibility in the source dictionary is worked out unevenly: there is a compact syntagmatic core of 1000–2000 words and an extensive periphery. 18.573 one-word lemmas out of 25.097 (which is 74% of the source dictionary) have no information about compatibility.

In the source dictionary, the syntagmatic *dominant* with 168 PhC is the noun *el* I ‘hand(s)’, and the syntagmatic *vice-dominant* is the noun *iç* ‘interior’ with 126 PhC. Next in descending order of the number of PhC are words, among which nouns predominate: *su* ‘water’ 113; *yer* ‘earth’ 105; *iş* ‘work, labor’ 97; *ağız* I ‘mouth, jaw’ 91; *ayak* ‘leg(s)’ 82; *dil* ‘tongue’ 82; *yüz* II ‘face’ 77; *baş* ‘head’ 74; *üst* ‘upper part’ 71; *can* ‘soul’ 67; *Allah* ‘Allah, God’ 63; *kan* ‘blood’ 63; *söz* ‘word, speech’; 59; *kafa* ‘head’ 58; *akıl* ‘mind’; 56; *etmek* ‘do’ 52; *gönül* ‘soul, heart’ 50, etc. The syntagmatic core (S-core) of the source dictionary includes 1,213 words with at least three phraseological combinations. Syntagmatic *nucleus, dominant* and *vice-dominant* in the dictionary-source revealed for the first time.

Paradigmatic stratification of Turkish vocabulary

Paradigmatic stratification of vocabulary involves the identification of synonymous series from the smallest (2 words) to the largest (8 words). In order to implement the paradigmatic stratification of the Turkish vocabulary, a database containing a separate record of the interpretation (or Russian equivalent) of each individual meaning of each word was created. This is based on the assumption that a polysemous word can enter the synonymous series by any of its meanings, and the maximum number of synonymous series that includes the word is theoretically limited only by the number of its meanings.

Table 2. Distribution of Turkish vocabulary by S-weight

PhC	Words	Cumul.	S-weight	PhC	Words	Cumul.	S-weight
168	1	1	0,99996	29	2	45	0,99821
126	1	2	0,99992	28	1	46	0,99817
113	1	3	0,99988	27	2	48	0,99809
105	1	4	0,99984	26	5	53	0,99789
97	1	5	0,99980	25	5	58	0,99769
91	1	6	0,99976	24	2	60	0,99761
82	2	8	0,99968	23	7	67	0,99733
77	1	9	0,99964	22	5	72	0,99713
74	1	10	0,99960	21	4	76	0,99697
71	1	11	0,99956	20	9	85	0,99661
67	1	12	0,99952	19	13	98	0,99610
63	2	14	0,99944	18	4	102	0,99594
59	2	16	0,99936	17	10	112	0,99554
58	1	17	0,99932	16	10	122	0,99514
56	1	18	0,99928	15	14	136	0,99458
54	1	19	0,99924	14	20	156	0,99378
52	1	20	0,99920	13	18	174	0,99307
50	1	21	0,99916	12	17	191	0,99239
49	1	22	0,99912	11	33	224	0,99107
47	1	23	0,99908	10	41	265	0,98944
44	1	24	0,99904	9	38	303	0,98793
42	2	26	0,99896	8	55	358	0,98574
40	2	28	0,99888	7	83	441	0,98243
39	1	29	0,99884	6	109	550	0,97809
38	1	30	0,99880	5	130	680	0,97291
35	2	32	0,99872	4	198	878	0,96502
34	4	36	0,99857	3	335	1213	0,95167
33	1	37	0,99853	2	665	1878	0,92517
32	1	38	0,99849	1	4646	6524	0,74005
31	2	40	0,99841	0	18573	25097	0,00000
30	3	43	0,99829				

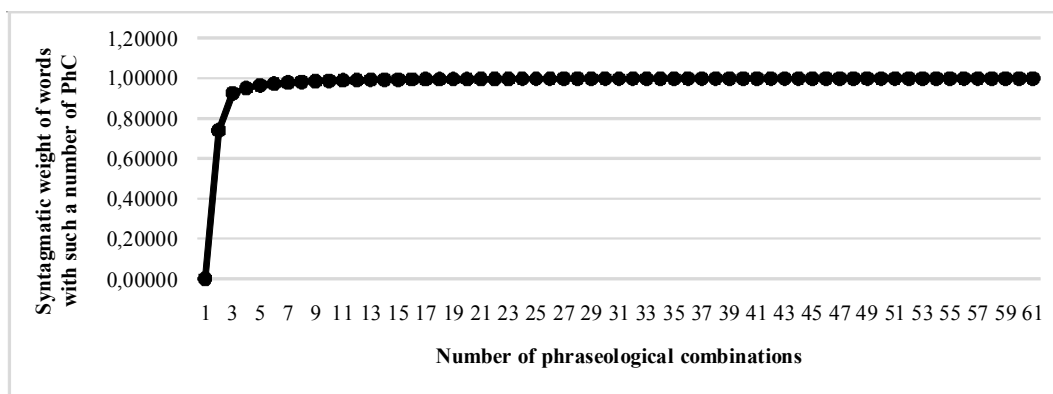

Fig. 2. S-weight of words in the dictionary-source depending on the number of PhC

In total, there were 37,909 entries in the database. (Phrases were not included in the synonymous series: *only* one-word lemmas were taken into account.) The database rows were sorted by similarity of the right (Russian, i.e. metalanguage) parts. When definitions coincided, synonyms appeared in adjacent lines. Words which definitions coincide by 100% (at least in one of the meanings) were considered operationally potential synonyms. Meanwhile, not dictionary entries were compared, but definitions of lemmas presented in dictionary entries – lexico-semantic variants (hereinafter LSV). The number of meta words (Russian content words) in the definition is taken as 100%. Paradigmatic “weighing” of vocabulary, involving human participation, is the most time-consuming and least automated part of parametric analysis. However, when we adopt the strictest possible understanding of synonymy requiring 100% convergence of definitions, we risk losing some of the synonyms represented in the dictionary. For example, *fetiş* ‘amulet’; *maskot* ‘amulet’, and *muska* ‘amulet, talisman’; *tılsım* ‘amulet, talisman’. Formally, we get two two-member synonym series. If we reduce the threshold from 100% coincidence of definitions to 50%, then this will allow us to obtain a 4-member synonymic series combining all these words. Similarly, at 100% threshold we get 3 binomial synonymous series: 1) *mecalsız* ‘powerless, infirm’; *takatsız* ‘powerless, infirm’; 2) *dingin* ‘powerless, infirm; weak’; *kudretsiz* ‘powerless, infirm; weak’ and 3) *güçsüz* ‘powerless, weak, infirm’; *kuvvetsiz* ‘powerless, weak, infirm’. When the threshold is lowered to 50% and the restriction on the order of meta words is removed, all 6 words turn out to be synonyms. This approach may seem rough, but in most cases it gives a completely acceptable result, which can be considered as materials for a dictionary of synonyms. The massive and frontal nature of the dictionary survey inevitably leads to the approximation of semantic analysis. But the task of PAL is not to compile an impeccable computer dictionary of Turkish synonyms, but to get the paradigmatic weight of Turkish words, to “weigh” Turkish words according to the paradigmatic parameter.

Turkish languages, to which Turkish belongs, have their own specificity and, although the

scientific validity of PAL has been repeatedly proven and tested, the application of PAL to each new type of language requires “adjustments to linguistic reality”, which we did when calculating F-weight, shortening the verbs with the affix *-mak/-mek*. When researching the paradigmatic parameter of the vocabulary of any language (including Turkish) the following restriction is imposed on the concept of synonyms: **words with different roots are recognized as synonyms**. As a result of the solutions described above, “synonyms” with the same root are excluded from the series characterized by an operationally understood identity of semantics. Of all the word families in the formally identified synonymic series, one (as a rule, the shortest and least marked) word remains. A marked word is considered to have any restrictive or stylistic markings. The derived word, by the presence of an additional affix (and its inherent meaning), is marked in relation to the producing one. For example, from the synonymic series with the meaning ‘healthy’: *esen, iyi, pürsıhhat, sağ, sağlam, sağlıklı, salim, sıhhatli*, the lemmas *sağlam, sağlıklı* are excluded and one lemma *sağ* is left. The number of the synonyms changes, there is: not 8, but 6. Similarly to the synonymous series discussed above, the dimension of the synonymous series with the meaning ‘critical’ also changes: *eleştirel, eleştirici, eleştirmeci, eleştirmeli, kritik, tenkidî, tenkitçi*. The variants *eleştirici, eleştirmeci, eleştirmeli* are excluded, the shortest variant *eleştirel* is left. The *tenkitçi* variant is excluded from the *tenkidî-tenkitçi* pair. As a result, the number of synonyms meaning ‘critical’ is reduced from 7 to 3: *eleştirel, kritik, tenkidî*.

We take the dictionary source for granted by examining all the words presented in it. If there are markers in the dictionary that indicate the archaic and outdated nature of words, we can take them into account, if there are no such markers, we analyze what the dictionary gives. The application of the principles and approaches described above allowed us to obtain the results presented in Table 3.

The distribution of words by P-weight is clearly presented on Figure 3.

Paradigmatic dominant vocabulary is marked by a 8-member synonymous series in the source dictionary 4 (P-weight 0.99988): ‘strength, power’: *çelim, erk, güç, kudret, kuvvet, mecal,*

Table 3. Stratification of Turkish vocabulary by the size of synonymous series

Words	Series	Cumul.	P-weight
8	1	1	0,99997
7	4	5	0,99986
6	5	10	0,99971
5	17	27	0,99922
4	79	106	0,99694
3	339	445	0,98714
2	1916	2361	0,93177
1	32241	34602	0,00000

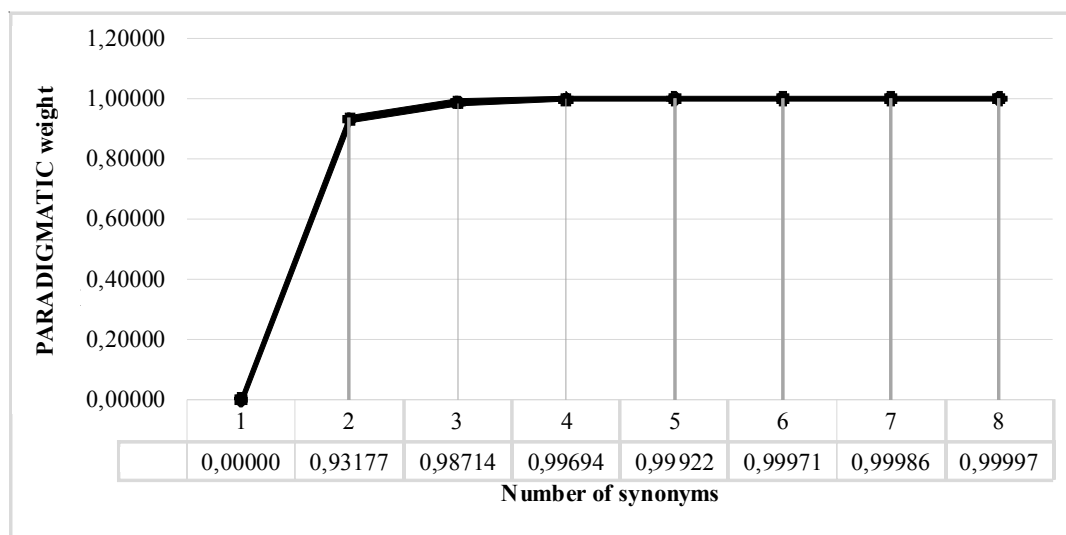

Fig. 3. Distribution of Turkish vocabulary by P-weight

pehlivanlýk, zor. The paradigmatic vice-dominants of Turkish vocabulary are represented by 7-member synonymous series with the meanings: ‘chest’ *bađır, döş, göğüs, koyun, meme, sadır, sine*; ‘sad’: *hüzünlü, içli, kederli, mađmum, mahzun, pürmelâl, üzgün* and ‘carefree’: *ferah, gairesiz, gamsız, geniş, kedersiz, meraksız, üzüntüsüz*.

The words *ferah* and *geniş* in this synonymous series may seem foreign. If we take into account only their first meanings, this is indeed the case: they form their own synonymous series with the meaning ‘wide, spacious, roomy’, characterizing rooms, but not people. However, if we pay attention to their figurative meanings: “*ferah* 2) figurative meanings ‘carefree, careless’; *geniş* 2) figurative meanings ‘carefree, careless’”, we will have to change our mind. This means that ‘latitude’ is transferred from physical space to the breadth of the human soul.

The paradigmatic vice-dominants of Turkish vocabulary are represented by 6-member synonymous series with the meanings: ‘healthy’; ‘in love’; ‘hashish’; ‘coquette’; ‘memory’. The

5-member synonymous series is represented by the meanings: ‘lightning’; ‘neutral’; ‘taste’; ‘pride’; ‘like-minded’; ‘earth’; ‘lowness, meanness’; ‘ordinary, mediocre’; ‘organ’; ‘offer’; ‘commitment’; ‘permission, approval’; ‘pimp’; ‘holiness’; ‘word’; ‘falcon’; ‘toilet, restroom’. Paradigmatic dominants in the source dictionary form the meanings of ‘strength, power’, ‘careless, carefree’, ‘chest’ and ‘sad, sorrowful’. Paradigmatic vice-dominants are 6-member synonymary series. The paradigmatic core (P-core) of the dictionary-source vocabulary consists of words that are included in all 2,360 selected synonym series.

Can you name the most important meaning in Turkish? The dictionary (Yusipova, 2005), treated with PAL, says: it is ‘strength, power’. This information is also received for the first time.

Epidigmatic stratification of Turkish dictionary

The epidigmatic depth of the source dictionary, measured by the maximum number

of meanings, is 33 meanings, which is a lot for a dictionary of such size. The distribution of words by the number of meanings is presented in Table 4.

The most polysemous words which have from 13 to 33 meanings are verbs; polysemous nouns occur in the range of 2–12 meanings. Consequently, according to the dictionary-source, the superpolysemy is a characteristic of Turkish verbs, and the superphraseology (see syntagmatic

stratification above) is a characteristic of Turkish nouns.

The data from Table 4 is clearly presented on Figure 4.

Figure 4 indicates that epidigmatics (polysemy) in the dictionary-source is worked out more evenly than (cf. Fig. 3) syntagmatics (compatibility).

The most polysemantic word in the dictionary-source (33 meanings) – **E-dominanta** – is the verb

Table 4. Distribution of words by the number of meanings in the dictionary (Yusipova, 2005)

Meaning	Words	Cumul.	E-weight	Example	Meaning
33	1	1	0,9999	<i>çıkmaq</i>	go
29	1	2	0,9999	<i>çekmek</i>	pull, drag
26	1	3	0,9998	<i>gelmek</i>	to come
23	1	4	0,9998	<i>çıkarmak</i>	pull out, take out
21	1	5	0,9998	<i>tutmak</i>	hold on, hold
19	1	6	0,9997	<i>almak</i>	take
18	1	7	0,9997	<i>yapmak</i>	do; perform
16	2	9	0,9996	<i>atmak; düşmek</i>	throw, fall
15	1	10	0,9996	<i>olmak</i>	be, happen
14	2	12	0,9995	<i>vurmak; kaldırmak</i>	beat, hit; raise
13	3	15	0,9994	<i>açmak; geçmek</i>	open, move on
12	7	22	0,9991	<i>kol</i>	hand
11	6	28	0,9988	<i>taban</i>	sole, foot
10	14	42	0,9983	<i>iç</i>	inside, inside
9	25	67	0,9973	<i>yüz</i>	face
8	33	100	0,9960	<i>baba</i>	father, dad
7	52	152	0,9939	<i>taş</i>	stone
6	91	243	0,9903	<i>boğaz</i>	throat, throat
5	245	488	0,9805	<i>ot</i>	grass
4	536	1024	0,9592	<i>öz</i>	native (relatives)
3	1449	2473	0,9014	<i>et</i>	meat
2	5613	8086	0,6778	<i>ay</i>	moon
1	17011	25097	0,0000	<i>aş</i>	food

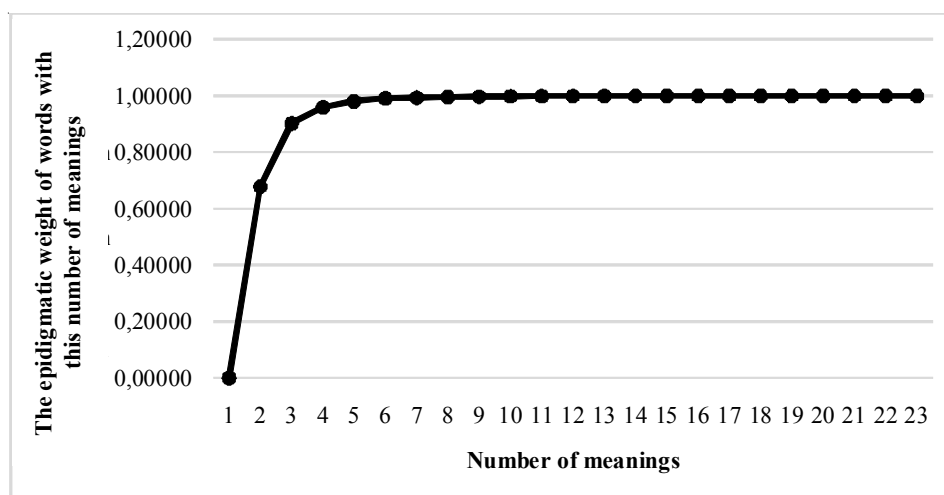

Fig. 4. Dependence of E-weight words on the number of meanings in the dictionary source

çıkmaq 1) ‘go’. The second most polysemantic word in the dictionary-source (29 meanings) – **E-vice-dominanta** – is the verb: **çekmek** 1) ‘pull, drag.’ We take 2473 words with 4 or more meanings as the epidigmatic core of the source dictionary. All this information about Turkish vocabulary was received for the first time.

Parametric stratification of Turkish lexicon

Now we have come to the culmination of our research, in which the particular parametric stratification of Turkish words in (Yusipova, 2005) develops into a monolith of the systemic stratification of Turkish vocabulary. Moreover, we get an idea of the system stratification of the Turkish dictionary and the place of each word in this stratification.

The integral parametric weight of words was calculated as follows. For each of the particular parameters, sets of words (about 1000 words) with the maximum particular weight were taken: F-core was 983 words (2–3 letters long), C-core was 1213 words (the number of PhC from 3 to 168), the E-core consisted of 1024 words (meanings from 4 to 33), the P-core was 2,360 synonym series (2–7 synonyms). The addition of particular weights for the words included in these sets gave a picture presented in Table 5.

Words with an I-weight, rounded to 4, make up the Small parametric core. Words with an E-weight, rounded to 3 or more, make up the Middle parametric core. Words with an I-weight, rounded to 2 or more, make up the Large parametric core of the dictionary. Finally, words with an E-weight, rounded to 1 or more, make up the parametric core of the dictionary-source. Words that do not get into the core according to any of the parameters, make up the system periphery of the dictionary.

The Small parametric core of the source dictionary contains the following 140 words (after the meaning the integral weight of the word is given): **iş** ‘work, labor’ 3,95731; **üst** ‘the upper part, the top’ 3,94826; **ek** ‘supplement, app, addition’ 3,94325; **el II** ‘stranger’ 3,93964; **er I** ‘man’ 3,93560; **can** ‘soul’ 3,93319; **top** ‘ball’ 3,93175; **dil** ‘language’ 3,91997; **zor** ‘difficulty’ 3,91953; **iç** ‘inside’ 3,91794; **ruh** ‘soul, spirit’ 3,91690; **iyi** ‘good’ 3,91115; **almak** ‘take’ 3,91053; **düz I** ‘smooth, even, flat’ 3,90814; **ana** ‘mother’ 3,89777; **ak** ‘white’ 3,89579; **dip** ‘bottom’ 3,89431; **kaş** ‘eyebrow’ 3,88531; **ağız I** ‘mouth’ 3,88178; **baş** ‘head(also figurative meaning)’ 3,88119; **yüz II** ‘face’ 3,87944; **alt** ‘bottom’ 3,87801; **kol** ‘arm’ 3,87769; **bakmak** ‘look’ 3,87753; **ip** ‘rope’ 3,87499; **sıra** ‘row’ 3,87492; **tek I** ‘the only one’ 3,87482; **yapmak** ‘do, make perform’ 3,87458; **gelmek** ‘to come, to arrive from somewhere’ 3,87343; **dem I** ‘breath, sigh’ 3,87196; **tutmak** ‘hold’ 3,87171; **yan** ‘side’ 3,87136; **durmak** ‘stand, be / remain motionless’ 3,86880; **kalmak** ‘stay’ 3,86402; **kör** ‘blind’ 3,86132; **arka** ‘back’ 3,86131; **dış** ‘external / exterior side, external / exterior appearance, appearance’ 3,86064; **tam** ‘full, whole’ 3,85897; **kuru** ‘dry’ 3,85895; **baba** ‘father, dad’ 3,85860; **adam** ‘person’ 3,85812; **mal** ‘property, state’ 3,85681; **kök** ‘root, rhizome’ 3,85522; **çekmek** ‘pull, drag’ 3,84741; **vurmak** ‘beat, hit’ 3,84701; **yanmak** ‘burn, light up’ 3,84482; **dava** ‘lawsuit’ 3,84243; **gün** ‘day’ 3,84016; **hak I** ‘rights’ 3,83594; **asıl** ‘base, basis’ 3,83334; **boy II** ‘height’ 3,83274; **kırmak** ‘smash, break’ 3,83247; **kötü** ‘bad’ 3,83242; **ham** ‘unripe (about fruit)’ 3,82805; **usta** ‘master, craftsman, expert in his field’ 3,82502; **kalp I** ‘heart’ 3,82425; **ateş** ‘fire’ 3,82302; **dam I** ‘roof’ 3,81976; **ayrı** ‘separate, detached’ 3,81513; **dost** ‘friend’ 3,81513; **pis** ‘dirty, stained’ 3,81458; **sırt** ‘spin’ 3,81361; **ayak** ‘leg, paw (animal) foot (insect)’

Table 5. Stratification of the vocabulary-source (Yusipova, 2005) by rounded integral weight

Sets				IntRound	R.R. Jusipova Dictionary		
Dictionary	Large	Middle	Small	Weight	Words	Cumul.	AccNum
Core	Core	Core	Core	4	140	140	0,56%
			Periphery	3	490	630	2,51%
		Periphery	Periphery	2	2604	3234	12,89%
			Periphery	1	3627	6861	27,34%
Periphery			0	18236	25097	100,0%	

Note. *IntRound* – Integral, total parametric weight of words, rounded to whole; *AccNum* – accumulated number of words = lemmas in the database.

3,80493; **orta** ‘middle’ 3,80413; **hava** ‘air’ 3,80189; **sıkı** ‘tight, narrow’ 3,79863; **âlem** ‘world’ 3,79860; **iğne** ‘needle’ 3,79230; **kese I** ‘bag’ 3,79071; **oyun** ‘game’ 3,77923; **askı** ‘hanger, hook (for hanging clothes)’ 3,77313; **kara II** ‘black’ 3,76731; **ağır** ‘heavy’ 3,76660; **yapı** ‘building, construction’ 3,76301; **sert** ‘hard, solid’ 3,76270; **ocak I** ‘hearth, furnace, oven, stove’ 3,75823; **yürümek** ‘go, move, walk’ 3,75481; **boya** ‘paint’ 3,75086; **kıyı** ‘coast’ 3,74652; **sulu** ‘juicy’ 3,74134; **küme** ‘heap, pile’ 3,72010; **düzen** ‘order’ 3,67181; **yatak** ‘bed’ 3,66817; **dünya** ‘world, universe, earth’ 3,66814; **çatal** ‘fork’ 3,65547; **fitil** ‘wick, cord’ 3,65185; **kabak** ‘courgette, pumpkin’ 3,65113; **resim** ‘picture’ 3,65113; **ciğer** ‘lungs’ 3,64503; **düşük** ‘low’ 3,63775; **hanım** ‘khanim, khanum, mistress’ 3,63775; **yavaş** ‘slow’ 3,63775; **kadın** ‘woman’ 3,63208; **sinir** ‘nerve’ 3,63069; **örnek** ‘sample, model’ 3,62468; **içeri** ‘inside’ 3,61627; **parti** ‘party’ 3,61121; **aşağı** ‘bottom, bottom part’ 3,60523; **çukur** ‘pit, depression, excavation’ 3,60292; **canlı** ‘live’ 3,60009; **zaman** ‘time, period’ 3,60001; **küçük** ‘small’ 3,59901; **karın** ‘belly’ 3,59790; **yağlı** ‘fatty, oily’ 3,59698; **karar** ‘solution’ 3,59618; **sıcak** ‘heat’ 3,59618; **doğru** ‘Straight’ 3,59595; **güzel** ‘beautiful’ 3,59459; **kanlı** ‘bloodied, in blood’ 3,59459; **çıkış** ‘exit’ 3,59387; **kızıl** ‘bright red, red’ 3,59387; **takım** ‘group, company, circle of persons, team’ 3,59208; **demir** ‘iron’ 3,59184; **kâğıt** ‘paper’ 3,59184; **şeker** ‘sugar’ 3,59033; **gedik** ‘slit, crevice, crack’ 3,59025; **tarak** ‘comb’ 3,58869; **duman** ‘smoke’ 3,58814; **kenar** ‘Edge’ 3,58507; **çevre** ‘circumference’ 3,58049; **kalımlar** ‘thick’ 3,58049; **kanat** ‘wing’ 3,58049; **telli** ‘fibrous’ 3,58049; **kulak** ‘ear’ 3,57817; **hazır** ‘ready’ 3,57411; **kırık I** ‘broken’ 3,56953; **salma** ‘let, let go’ 3,56953; **pamuk** ‘cotton’ 3,56897; **kesme** ‘slaughter’ 3,56742; **oğlan** ‘boy’ 3,56742; **dalga** ‘wave’ 3,56347; **idare** ‘management, guide’ 3,55407; **tulum** ‘waterskin’ 3,55407; **bebek** ‘infant, baby’ 3,54606; **damla** ‘drop’ 3,54606; **rahat** ‘rest, tranquility’ 3,54606; **çalım** ‘boasting, bragging, arrogance’ 3,53271; **cephe** ‘facade’ 3,53271; **ortak** ‘partner, companion, accomplice’ 3,53271; **toprak** ‘land’ 3,50124.

Since the purpose of PAL is to identify the cores of the lexical-semantic system of Turkish language, the consideration excludes lemma-phrases, which are means of secondary nomination, and only one-word lemmas are taken

into account. Are we not distorting the real picture of the lexical-semantic system of language? No: the “Frequency Dictionary of Turkish Written Language” made on a sample of 1 million word-uses and numbering 22,693 words (Göz, 2003) contains 3,863 composite nominations – 17% of the total dictionary. At the same time, the total frequency of these nominations is 30,480 word-use. Consequently, composite nominations, covering only 3% of the Turkish text, are low-use peripheral units of Turkish vocabulary, and their exclusion from consideration cannot significantly affect the selection of the core of the Turkish language lexical and semantic system.

The author of the “Frequency Dictionary of Turkish Written Language” writes in the foreword: “This dictionary was created twice. The first study from early 1997 to the end of 1999 based on written publications was abandoned. Groups of 2 or 3 words (e.g. *acil servis, a qk hava sinemas*) were counted as one unit there, while in the “Turkish Language Spelling Guide” of the Turkish Language Association (TLSG TLA) they were counted as the independent words *acil, servis, a’k, hava, sinema*. Therefore, we decided to start working again” (our translation. – Z. D., A. K.) (Göz, 2003). Recent borrowings from the English language and Greek-Latin internationalisms (for example, *know-how, stand-by, post-scriptum*) were also excluded from further consideration. Turkish words written with a hyphen (for example, *sıfat-fiil* ‘gram. the participle’ or *tink-tank* ‘spoken bosses’) were taken into account during the analysis.

Since the purpose of the study is the cores of the lexical-semantic system of language, the consideration excludes words that do not carry the actual lexical semantics and are not primary names and verbs, including numerical, adverbs, pronouns, imitatives, predicatives and function words. In Turkish, there is a kind of parts of speech syncretism of adjectives and adverbs that differ not formally, but by their position in the sentence (compatibility). Words used not only as adverbs, but also as adjectives (e.g. *hızlı* ‘fast, impetuous, choppy’; ‘fast, impetuously, choppy’; ‘strongly, with all their might’) were included into the database, their adverbial meanings were taken into account.

We do not have statistics on the parts of speech in the Turkish dictionary, but in the dictionaries of the Russian standard language noun adverbs are 1.58% of the dictionary (Obratnyy slovar..., 1974, p. 944). In small Romanesque-Russian dictionaries, the representation of adverbs is as follows: in Romanian – 3%, in Italian – 2%, in Portuguese and French – 1% each and in Spanish – 0.48% [Titov, 2002, p. 186]. It is unlikely that in Turkish dictionaries these proportions are significantly different. So the exclusion of adverbs hardly damages the selection of the lexical-semantic core of the Turkish language.

Lexical semantics is concentrated in nouns, adjectives and verbs; adverbs borrow it from them through suffixation, reduplication, isolation, etc. Thus, the exclusion of adverbs from the lexical core in the parametric analysis of Turkish vocabulary cannot distort the lexical system of the Turkish language, also because the lexical semantics of the adverb is not independent, but is derived from names and verbs by which it will be presented. The adverb “*ok* 1) a lot, 2) very, 3) long, 4) more than...” does not contain lexical semantics, performing LF (lexical function) Magn [Melchuk, Zholkovskiy, 1984]. Although this function is called “lexical”, it actually carries a grammatical meaning and refers not to vocabulary, but to the grammar of the language. In grammar it is impossible to do without it, in vocabulary – it is possible. Its antonym – the word *az* 1) insufficient, insignificant, meager, minuscule, 2) containing / having a small amount of something, 3) little, a little, 4) less” is taken into consideration, but not because it performs LF AntiMagn, but because it has the lexical meaning of the adjective: ‘insufficient, insignificant’. The range of parts of the speech is entirely determined by the interpretations taken by R.R. Yusipova in her dictionary. Predicatives *var* ‘there is, there are’, *yok* ‘there is not, none’, *gerek* ‘necessary’, *lâzım* ‘necessary’ have not lexical, but grammatical meanings: of the presence-absence or meaning of modality. It is illogical and impractical to include them in the lexical and semantic core of the language. Since the core of the lexical-semantic system is an appellative vocabulary, proper names (*onyms*, as opposed to common names – *appellatives*) are excluded from consideration, including ethnonyms – names of peoples, names of months, days of the week, letters, notes, etc.

Conclusion

So, we have analyzed the largest (25,097 words) and most modern of the Turkish-Russian dictionaries (Yusipova, 2005) by parametric analysis – PAL and received verifiable and therefore objective information about the system organization of the Turkish vocabulary and the role of each of the full-meaning words of the source dictionary in the organization of the lexico-semantic system of the Turkish language.

How is it customary to describe vocabulary? Let’s take for example a textbook on the Lexicology of the English language [Kharitonchik, 1992]. Let’s look at the Table of Contents “Lexical units of language” (word, native and borrowed vocabulary), Here – “Meanings of lexical units” (aspects and types of meanings). “Polysemy” (intraverbal derivational – epidigmatic – connections of meanings). “Homonymy” (connections of values by a random coincidence of the form). “Semantic connections of words” (paradigmatic connections – synonymy, antonymy, hypo-hyperonymy). “Word formation” (inter-word derivational connections: word-formation nest, word-formation paradigm, word-formation category). This also includes “Methods of word formation”, i.e. the creation of inter-word derivational connections (affixation, conversion, word composition). “Compatibility of lexical units” (syntagmatics – rules of word compatibility, phraseology) [Kharitonchik, 1992, pp. 228-229].

As we can see, the system-forming connections (syntagmatic, paradigmatic and epidigmatic) are described. It is even pointed out that these connections correlate with the frequency of words: frequency words are ambiguous, short words have more meanings than long ones, frequency words are native, neutral). In conclusion, it says: “it is possible to identify layers of vocabulary in which the intended correlations are the most probabilistic and form a bundle of interdependencies, the most obvious and clearly traceable. These are the most stable layers of vocabulary, which in linguistics have been described as the “main vocabulary” of the language. <...> It seems appropriate not to reject the concept of the basic vocabulary, but to conduct research in which to experimentally establish the signs of the units that make up it” [Kharitonchik, 1992, p. 224].

This is exactly what we have done by means of parametric analysis based on the material of the Turkish-Russian dictionary (Yusipova, 2005). As Z.A. Kharitonchik rightly points out, “The **main peculiarity of the system of lexical units... lies in the very inventory of nominative means... of the language and the relations that are established between them**” (highlighted by us. – Z. D., A. K.) [Kharitonchik, 1992, p. 226].

In vain we would look in the textbook [Kharitonchik, 1992] for a systematic description of this inventory, which is needed not only for teaching English. It is needed in order to isolate the lexical cores of languages with a size of about 1000 units, to make possible the typological lexicology of the languages of the world and the historical lexicology of each of the languages with a sufficiently long written tradition.

Our parametric description of the Turkish vocabulary and its result – obtaining the parametric core of the Turkish vocabulary – is a step towards the comparative lexicology of the Turkic languages. Moreover, it is a contribution to the lexical typology of the languages of the world.

Parametric analysis of the vocabulary of the Turkish-Russian dictionary (Yusipova, 2005) made it possible to carry out a systematic stratification of the Turkish vocabulary and obtain 4 systemic cores: Small – 140 words, Middle – 630 words, Large – 3234 words and the core of the Dictionary – 6861 words.

Now we can answer a question that has not even been asked before: which word of the Turkish language is the most important (systemically)? This is a lexico-semantic *dominant*. The *dominant* feature of the lexico-semantic system of the Turkish language according to the dictionary (Yusipova, 2005) was the word *iş* ‘job, work’ with I-weight – 3,957, and the *vice-dominant* – the word *üst* ‘the upper part, the top’ with I-weight – 3,948.

The near-term perspective of the study is to select the parametric core of the Kyrgyz language, the further one is to select the parametric cores of vocabulary of other Turkic languages, represented by Turkic-Russian dictionaries.

ACKNOWLEDGEMENTS

We are grateful to Elena Markovna Napolnova (Özyeğin Üniversitesi Yabancı Diller Yüksek Okulu,

İstanbul, Türkiye), who drew our attention to “Frequency Dictionary of Turkish Written Language” by İlyas Göz (Göz, 2003) for providing access to the dictionary.

REFERENCES

- Bugaev V.P., 2006. *Parametricheskii analiz tiurkskogo slovaria* [Parametric Analysis of Turkish Vocabulary]. Voronezh. 80 p.
- Burlak S.A., Starostin S.A., 2005. *Sravnitelno-istoricheskaya lingvistika* [Comparative-Historical Linguistics]. Moscow, Akademiya Publ. 432 p.
- Kharitonchik Z.A., 1992. *Lexikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English Language]. Minsk, Vysshaya shkola Publ. 229 p.
- Kononov A.N., 1997. *Tureckiy yazyk v mire: Tiurkskie yazyki* [Turkish Language in the World: Turkic Languages]. Moscow, Indrik Publ., pp. 394-411.
- Kretov A.A., 2011. Problemy kvantitativnoy leksikologii slavianskikh yazykov [Problems of Quantitative Lexicology of Slavic Languages]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 1, pp. 52-65.
- Kretov A.A., Voevudskaya O.M., Merkulova I.A., Titov V.T., 2016. *Edinstvo Evropy po dannym leksiki* [Unity of Europe According to Vocabulary]. Voronezh, Izd. dom VGU. 412 p.
- Kretov A.A., 2017. V.T. Titov i parametricheskii analiz leksiki [V.T. Titov and Parametric Analysis of Vocabulary]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceeding of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication], no. 4, pp. 5-9.
- Kretov A.A., Cherechecha A.D., 2020 *Teoreticheskie problemy lexiko-semanticheskoy tipologii (na primere kavkazskikh yazykov)* [Theoretical Problems of Lexico-Semantic Typology (On the Example of Caucasian Languages)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceeding of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2724>
- Kretov A.A., Gasuns M.Yu., Leonchenko V.V., 2021. Parametricheskii analiz «Sanskritsko-russkogo slovarya» V.A. Kocherginoy [Parametric Analysis of the “Sanskrit-Russian Dictionary” by V.A. Kochergina]. Kogan A.I., Panin A.S., eds. *Problemy obshchey i vostokovednoy lingvistiki. Sochetaemost yazykovykh edinits i yazykovye modeli. Pamyati Z.M. Shalyapinoy (1946–2020)*

- [Problems of General and Oriental Linguistics. Compatibility of Language Units and Language Models. In Memory of Z.M. Chaliapina (1946–2020)]. Moscow, Izd-vo RAN, pp. 287-301. DOI: 10.31696/978-5-907543-08-9-287-301
- Melchuk I.A., Zholkovskiy A.K., 1984. *Tolkovyy kombinatornyy slovar sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory Combinatorial Dictionary of Modern Russian]. Wien, Ges. zur Foerderung slawist. Studien. 992 p. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband, 14).
- Merkulova I.A., 2018. *Lexicheskaya nukleologia slavianskikh yazykov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Lexical Nucleology of Slavic Languages. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Voronezh. 35 p.
- Semenova I.D., 2018. *Parametricheskyy analiz lexiki karachaevo-balkarskogo yazyka na tyurkskom fone: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Parametric Analysis of the Vocabulary of the Karachay-Balkar Language on a Turkic Background. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 22 p.
- Titov V.T., 2002. *Obshchaya kvantitativnaya lexicologia romanskikh yazykov* [General Quantitative Lexicology of Romance Languages]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta. 240 p.
- Titov V.T., 2004a. *Chastnaya kvantitativnaya lexicologia romanskikh yazykov* [Private Quantitative Lexicology of Romance Languages]. Voronezh, Izd. dom VGU. 552 p.
- Titov V.T., 2004b. *Kritika lingvisticheskikh istochnikov kak razdela lingvisticheskogo prognostitsizma* [Criticism of Linguistic Sources as a Section of Linguistic Prognosticism]. *Problems of Linguistic Prognosticism*, no. 3, pp. 232-274.
- Voevodskaya O.M., 2015. *Kontseptsiya ideograficheskogo slovarya osnovnogo lexicheskogo fonda germanskikh yazykov* [Concept Ideographic Dictionary of the Main Lexical Fund of Germanic Languages]. Moscow, Nauka Publ., Unipress Publ. 343 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Göz İ. *Yazılı Türkçenin kelime sıklığı sözlüğü*. Ankara, Turkish Language Institution, 2003. XV, 576 p.
- Obratnyy slovar russkogo yazyka* [Reverse Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Entsyclopedia Publ., 1974. 944 p.
- Rybalchenko T.E. *Turetsko-russkiy i russko-turetskiy slovar* [Turkish-Russian and Russian-Turkish Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2001. 696 p.
- Shcherbinin V.G. *Kratkiy turetsko-russkiy slovar* [Brief Turkish-Russian Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1977. 405 p.
- Yusipova R.R. *Turetsko-russkiy slovar* [Turkish-Russian Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2005. X, 694 p.

Information About the Authors

Zamira K. Derbisheva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Philology, Kyrgyz-Turkish Manas University, Chyngyz Aitmatov Campus (Djal), 720038 Bishkek, Kyrgyzstan, zamira.derbisheva@manas.edu.kg, <https://orcid.org/0000-0003-4333-4425>

Alexey A. Kretov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University, Lenina Sq, 10, 394077 Voronezh, Russia, kretov@rgph.vsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1474-3177>

Информация об авторах

Замира Касымбековна Дербисева, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кампус им. Ч. Айтматова (Джал), 720038 г. Бишкек, Кыргызстан, zamira.derbisheva@manas.edu.kg, <https://orcid.org/0000-0003-4333-4425>

Алексей Александрович Кретов, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет, пл. Ленина, 10, 394077 г. Воронеж, Россия, kretov@rgph.vsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1474-3177>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.9>

UDC 81'374.822

LBC 81.2я21

Submitted: 23.08.2022

Accepted: 06.03.2023

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF PRAGMATEMES IN BILINGUAL PHRASEBOOKS

Albina R. Kayumova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article focuses on the analysis of lexicographic description of pragmatemes (pragmatically constrained phrasemes). 609 pragmatemes were selected employing a continuous sampling method from four English-Russian and Russian-English electronic phrasebooks. The results of the quantitative analysis show that on average pragmatemes comprise no more than 20% of the total number of the units listed in the phrasebooks; they are most commonly found in sections with basic expressions (e.g. greetings, goodbyes, and apologies). It has been revealed that the structure of a dictionary entry, which contains a pragmateme is characterized by uniformity, since in most cases it includes three components: a lemma, translation and practical transcription (or audio recording). Additional information about the lemma is sparse and disordered. It is concluded that the Russian-English and English-Russian phrasebooks available on the Internet do not provide information necessary for the adequate use and correct understanding of pragmatemes. This finding indicates the need to create a high-quality English-Russian and/or Russian-English dictionary of pragmatemes. The parameters of the potential dictionary of pragmatemes are suggested taking into account speech specifics of these units. The results of the research and speech material may be useful for linguists, lexicographers, translators and teachers of foreign languages interested in mono- or interdisciplinary studies of pragmatemes.

Key words: pragmateme, dictionary, phrasebook, dictionary of pragmatemes, macrostructure, microstructure, lexicography.

Citation. Kayumova A.R. Lexicographic Description of Pragmatemes in Bilingual Phrasebooks. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 116-131. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.9>

УДК 81'374.822

ББК 81.2я21

Дата поступления статьи: 23.08.2022

Дата принятия статьи: 06.03.2023

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ПРАГМАТЕМ В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ-РАЗГОВОРНИКАХ

Альбина Рамилевна Каюмова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению лексикографического описания прагматем (фразем, сфера употребления которых ограничена экстралингвистической ситуацией). Материалом для исследования послужили 609 прагматем, отобранных методом сплошной выборки из четырех англо-русских и русско-английских электронных словарей-разговорников. Выявлено, что прагматы в среднем занимают не более 20 % от общего объема приведенных в разговорниках единиц. Наиболее широко они представлены в разделах с базовыми выражениями (приветствия, прощания, извинения). Установлено, что структура словарной статьи, в которой содержится прагматема, характеризуется единообразием, так как в большинстве случаев содержит три компонента: лемму, перевод и практическую транскрипцию (или аудиовоспроизведение). Показано, что дополнительная информация о лемме скудна и не упорядочена. Делается вывод о том, что имеющиеся в сети Интернет русско-английские и англо-русские словари-разговорники не дают необходимой информации для адекватного использования и правильного понимания прагматем, что свидетельствует о необходимости создания качественного англо-русского и/или русского-английского словаря прагматем. Определены параметры потенциального словаря прагматем с учетом речевой специфики этих единиц. Ре-

зультаты исследования и речевой материал могут быть полезны для лингвистов, лексикографов, специалистов в области перевода и преподавателей иностранных языков, заинтересованных в разноаспектном, в том числе междисциплинарном, описании прагматем.

Ключевые слова: прагматема, словарь, словарь-разговорник, словарь прагматем, макроструктура, микроструктура, лексикография.

Цитирование. Каюмова А. Р. Особенности лексикографического описания прагматем в двуязычных словарях-разговорниках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 116–131. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.9>

Введение

Термин «прагматема» (англ. *pragmateme*) был предложен И.А. Мельчуком для обозначения композиционных фразем, сфера употребления которых строго ограничена экстралингвистической ситуацией [Mel'čuk, 2015]. Прагматемы могут быть вербальными: *Осторожно, двери закрываются; Bless you! – Будьте здоровы!; Will you marry me? – Ты выйдешь за меня?; Out to lunch – Ушел на обед* – и креолизованными (рис. 1).

Рисунок 1 демонстрирует, что прагматемы могут сопровождаться различными невербальными средствами (изображениями, звуками, светом).

Прагматемы классифицируют в соответствии с целью высказывания, например:

1. Прагматемы-вопрос: *Ça va?! Все хорошо?*
2. Прагматемы-запрет: *Défence de fumer! / Запрещается курить!*
3. Прагматемы-просьбы: *Pensez à nous. Ralentez plus doux! / Подумайте о нас. Едьте медленнее!*
4. Прагматемы-предупреждения: *Glace mince! / Тонкий лед!*

5. Прагматемы-оповещения: *Tous les droits réservés / Все права сохранены!*

6. Прагматемы-приказы: *Change step! / Сменить ногу!* [Цыбульская, 2019, с. 120].

Н.В. Богданова-Бегларян и ее последователи трактуют понятие прагматемы несколько иначе, включая в разряд прагматем разнообразные дискурсивные единицы в разных функциях: хезитативные маркеры (например, *да там какие-то*), маркеры поиска (*э-э ну это*), маркеры-рефлексивы (*или как это?*) и др. [Богданова-Бегларян, 2014; Богданова-Бегларян и др., 2019; Горбунова 2021]. В нашем исследовании мы придерживаемся оригинальной дефиниции термина, данной И.А. Мельчуком.

По структурному принципу, прагматема может быть представлена:

- словом: англ. *Entrance* и *Exit*; рус. *Вход* и *Выход*;
- словосочетанием: англ. *Lost property* и рус. *Бюро находок*;
- предложением: англ. *Please turn off all mobile phones and electronic devices* и рус. *Пожалуйста, отключите мобильные телефоны и электронные приборы*.

По мнению М. Воробей, отнесение слов к разряду прагматем оправданно, поскольку

Рис. 1. Прагматема *Queue Ahead* (Впереди пробка)
Fig. 1. Pragmateme *Queue Ahead* (Rus. Vperedi probka)

в разных языках как одна лексическая единица, так и словосочетание или предложение могут соответствовать одному и тому же концептуальному представлению в одной и той же ситуации. В качестве примера исследователь приводит следующую межъязыковую пару прагматем: фр. *Silence* (букв. Тишина) и рус. *Соблюдайте тишину* [на табличке в библиотеке] [Vorobey, 2011].

Этой же точки зрения придерживается и Н.А. Цыбульская: «“Прагматемой” называют также самостоятельные и служебные лексические единицы, которые в процессе прагматикализации изменяют свое лексическое, иногда грамматическое значение и становятся прагматическими единицами» [Цыбульская, 2019, с. 118].

И.А. Мельчук отмечает, что прагматема может, например, будучи словосочетанием или предложением, параллельно являться идиомой: англ. *Present arms!* (На караул!) [военная команда] – это предложение, идиома и прагматема одновременно [Mel’čuk, 2020, p. 18].

Главный критерий отнесения «лексического целого» к разряду прагматем – это его прагматическая ограниченность [Mel’čuk, 2020].

Необходимо признать, что прагматемы оказались на периферии интересов отечественных исследователей. Проведенный качественный и количественный анализ публикаций о готовых речевых формулах показал, что в период с 2012 по 2021 г. из 1008 научных публикаций только 17 статей (менее 2 %) посвящены исследованию прагматем (подробно см.:

[Каюмова, Пахомова, 2022]). Образовавшаяся ниша требует заполнения, особенно в силу того, что теоретическая и практическая значимость изучения прагматем высока.

С точки зрения теории необходимо, во-первых, установить надежные критерии, позволяющие выделить прагматему в ряду сходных единиц, таких как клише, штампы, разговорные формулы и пр.; во-вторых, классифицировать прагматемы по семантическому, структурному, функциональному признакам; в-третьих, проанализировать их стилистическое функционирование и трансформационный потенциал, который, на наш взгляд, весьма значителен (рис. 2).

Интерес представляет сопоставительное изучение прагматем разных языков. Одним из немногочисленных примеров исследования прагматем в сопоставительном русле являются работы Х. Бланко, в которых анализу подвергаются франко-испанские [Blanco, 2013; 2014] и испано-русские параллели [Blanco, 2010]. Помимо этого, сопоставительное исследование было предпринято М. Воробей в процессе создания французско-испано-русского словаря прагматем. Исследователь отмечает существование выражений, несущих национально-культурную специфику, и приводит в пример русскую прагматему *Слегким паром!*, которая не имеет аналога в английском, испанском или французском языках, поскольку относится к старинной русской традиции парения в бане [Vorobey, 2011, p. 289–290].

Практическая значимость изучения прагматем обусловлена тем, что получен-

Рис. 2. Трансформированное использование прагматемы *Осторожно! Злая собака*

Fig. 2. The transformed usage of the pragmateme *Ostorozhno! Zlaya sobaka* (lit. Careful! Beware of the dog)

ные результаты могут быть применены в преподавании теоретических курсов по лексикологии, лингвострановедению, лингвокультурологии, стилистике, переводоведению, академической коммуникации, комбинаторной лингвистике.

Необходимо уделять внимание изучению прагматем на практических занятиях по иностранному языку, поскольку знание стереотипных высказываний, таких как приветствия, различные вежливые фразы, вывески и плакаты, надписи на упаковках, требуется для начальных уровней владения иностранным языком, в частности уровней А1 и А2, предлагаемых Общеввропейской системой оценки компетенции владения иностранным языком [Vorobey, 2011, p. 290].

Безусловно, знание прагматем важно и в практике устного и письменного перевода, а также при «обучении» машины распознавать прагматемы в потоке речи и переводить их должным образом, избегая грубых ошибок (рис. 3).

Открытым и требующим решения остается вопрос о создании качественного словаря прагматем, в частности двуязычного учебного словаря прагматем. В связи с этим целью данной статьи стало выявление особенностей лексикографического описания прагматем в электронных словарях-разговорниках. Ввиду отсутствия словарей прагматем, за исключением проектов французского словаря прагматем DICOMOTUS [Martins-Baltar, 2000] и француско-испано-русского словаря прагматем [Vorobey, 2011], именно они на данный момент являются единственными «накопителями» прагматем.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили прагматемы, отобранные методом сплошной выборки из четырех англо↔русских элек-

тронных разговорников: «PhraseBook. Англо-русский разговорник» (PAPP); англо-русский разговорник «LinguaHouse» (APPL); русско-английский разговорник «Master Russian» (PAPMR); англо-русский разговорник «English-Russian Phrasebook» (APPERP).

Выбор электронных разговорников в качестве источников языкового материала обусловлен временем: в эпоху тотальной цифровизации, влияющей на все аспекты деятельности человечества (в том числе на коммуникацию), использование электронного словаря-разговорника (например, в путешествии) видится более реалистичным, чем использование его печатного аналога.

Общее количество отобранных для изучения прагматем составило 609 единиц. Исключив случаи повтора, мы составили собственную базу английских прагматем и их русских переводных соответствий, которая включила в себя 448 единиц.

В ходе исследования были применены метод дескриптивного анализа словарей-разговорников и лексикографического описания прагматем; метод композиционно-структурного анализа словарей-разговорников; прием количественных подсчетов.

При дескриптивном анализе мы опирались на выработанные Г.А. Левченко критерии описания словарей-разговорников [Левченко, 2007].

По количеству языков словари-разговорники могут быть *одноязычными* (редко), *двуязычными* (основная масса) и *многоязычными*.

По расположению языков словари-разговорники делятся на словари-разговорники *активного типа* (с родным языком в качестве входного, с которого осуществляется перевод, и иностранным в качестве выходного, на который осуществляется перевод) и *пассивного типа* (с иностранным языком в качестве входного и родным языком в качестве выходного). Г.А. Левченко убежден, что

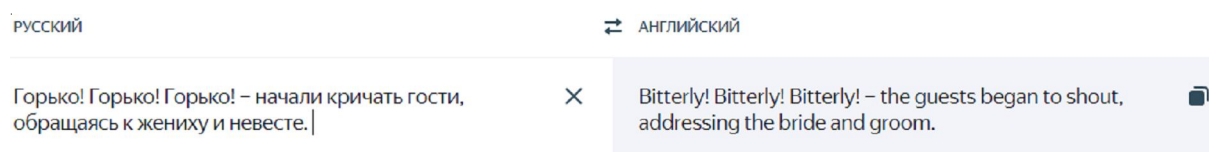

Рис. 3. Ложный перевод прагматемы *Горько!* веб-сервисом Яндекс.Переводчик

Fig. 3. False translation of the pragmateme *Gorko!* (lit. Bitterly!) by the web service Yandex Translate

именно активный тип словаря-разговорника полноценно отвечает его первостепенной коммуникативной цели, ссылаясь на определение вышедшей в 2006 г. 62-томной «Большой энциклопедии»: «Разговорник, элементарное пособие, содержащее тщательно отобранный минимум слов и выражений, для общения на иностранном языке (в чужой стране)» (курсив наш. – А. К.) (цит. по: [Левченко, 2007, с. 22]). Словари-разговорники пассивного типа в основном предназначены для изучающих иностранный язык, то есть являются учебными.

По организации корпуса словарь-разговорник (будучи разновидностью «идеографических» словарей [Щерба, 1974]) обычно строится по *тематическому признаку*, вместе с тем в словарной части корпуса словаря-разговорника, представляющей собой разбросанные по разговорным рубрикам списки слов и словосочетаний, ведущим является *алфавитный принцип* организации.

Другим критерием, важным для качественного анализа, выступает объем корпуса и его диапазон, которые напрямую зависят от типа словаря-разговорника. Согласно Г.А. Левченко, разговорник может быть *общим*, содержащим разговорные фразы на повседневные темы, и *специальным*, предназначенным для конкретной категории потребителей: учащихся, туристов, военных, специалистов определенных профессий и т. д. Логично, что, например, военный разговорник-вопросник будет меньшего объема и диапазона, чем общий словарь-разговорник, поскольку охватывает ограниченную сферу языка (опрос военнопленного).

При анализе структуры словарей-разговорников мы также применяли терминологический аппарат Г.А. Левченко.

Макроструктура словаря – это части словаря-разговорника, включающие корпус и дополнения к корпусу (предисловие, справочные приложения, аннексированный словарь / реестр слов, аннотация).

Корпус – «центральный элемент словаря-разговорника, представляющий собой совокупность всех его статей, объединенных по тематическим рубрикам» [Левченко, 2007, с. 134].

Раздел – «озаглавленная часть рубриката словаря-разговорника, объединяющая

рубрики по общей относительно широкой теме» [Левченко, 2007, с. 135], например: «Выражения общего характера».

Рубрика – «озаглавленная часть рубриката, объединяющая статьи по какой-либо узкой теме» [Левченко, 2007, с. 136], например: «Знакомство»; рубрика словаря-разговорника может дробиться по мини-темам, объединенным в подрубрики, например: «Семья», «Жена», «Муж», «Дети».

Микроструктура словаря – «принцип формирования статьи словаря-разговорника, которая включает лемму, ее перевод и транскрипцию перевода, а также другую даваемую при лемме информацию» [Левченко, 2007, с. 180]. Под последней понимаются:

а) пометы: стилистические, грамматические, фонетические;

б) уточнения; например: *плыть* (о корабле);

в) толкования: раскрытие значений терминов, допустимо в виде сносок; например: *chtchi* (soupe au chou);

г) пояснения; например: *siblings* (brothers and sisters).

При этом лемма может быть расширена синонимом, поясняющим синонимом, факкультативным элементом (обычно обособляется квадратными скобками).

Оперируя терминологическим аппаратом Г.А. Левченко, мы проанализировали перечисленные ранее англо-русские и русско-английские электронные разговорники на наличие прагматем и выявили особенности их лексикографического описания.

Результаты и обсуждение

Все четыре разговорника характеризуются общими по диапазону темами, однако их объем разнится.

Из четырех словарей-разговорников самым объемным является разговорник «PhraseBook. Англо-русский разговорник» (РАРР), включающий 3037 английских лемм и их русскоязычных соответствий. Словарь-разговорник предназначен для носителей русского языка, поэтому интерфейс страницы – на русском. По расположению языков этот словарь-разговорник пассивного типа. Перевод осуществляется только в одну сторону (с английского на русский).

Организация корпуса осуществлена по тематическому принципу. Внутри раздела списки слов и словосочетаний даются (в большинстве случаев) по степени важности / распространности леммы, например: первым стоит приветствие *Hello*, только за ним его «варианты» (*Good morning, Good afternoon* и *Good evening*), однако четкого принципа организации фраз не наблюдается.

Словарь-разговорник содержит 42 тематических раздела (здесь и далее цифры в скобках означают количество лемм в каждом из них, а цифры после тире соответствуют количеству прагматем в них):

1. Basic phrases (Основные фразы) (63) – 34.
2. Common expressions (Общепотребительные выражения) (149) – 66.
3. Emergencies (Непредвиденные ситуации) (44) – 18.
4. General conversation (Повседневные выражения) (37) – 10.
5. Making friends (Знакомство) (110) – 5.
6. Family and relationships (Семья и отношения) (60) – 1.
7. Interests (Интересы) (65) – 1.
8. Jobs (Работа) (66) – 0.
9. Arranging to meet (Назначение встречи) (43) – 5.
10. Telling the time (Как сказать, который час) (58) – 2.
11. At home (Дома) (64) – 5.
12. Entertaining guests (Прием гостей) (37) – 9.
13. Travel (Путешествия) (39) – 4.
14. Asking and giving directions (Как спросить и показать путь) (60) – 6.
15. Motoring (Путешествие на автомобиле) (75) – 25.
16. Travelling by taxi (Путешествие на такси) (41) – 5.
17. Travelling by bus and train (Путешествие на автобусе и поезде) (109) – 25.
18. Travelling by air (Путешествие на самолете) (87) – 42.
19. Travelling by boat (Путешествие на корабле) (36) – 7.
20. Passport control and customs (Паспортный контроль и таможня) (21) – 5.
21. Making a reservation (Бронирование) (60) – 4.
22. Checking in (Регистрация) (31) – 2.
23. During your stay (Пребывание) (36) – 4.
24. Checking out (Отъезд) (16) – 1.
25. Eating and drinking (Еда и напитки) (19) – 2.
26. At a pub, bar, or café (В пабе, баре или кафе) (76) – 12.

27. At a restaurant (В ресторане) (95) – 15.
28. Shopping (Покупки) (78) – 28.
29. At the supermarket (В супермаркете) (26) – 4.
30. Shopping for clothes (Покупка одежды) (61) – 6.
31. Around town (В городе) (28) – 6.
32. At the post office (На почте) (45) – 4.
33. At the bank (В банке) (67) – 20.
34. At the estate agents (В бюро недвижимости) (74) – 8.
35. Buying tickets (Покупка билетов) (33) – 4.
36. At the theatre (В театре) (26) – 4.
37. Museums and galleries (Музеи и галереи) (30) – 4.
38. Health (Здоровье) (34) – 1.
39. At the doctors (У врача) (99) – 1.
40. At work (На работе) (39) – 2.
41. Using the telephone (Разговор по телефону) (70) – 10.
42. Writing letters and emails (Письма и электронные письма) (32) – 8.

Забегая вперед, отметим, что по сравнению с другими ресурсами в данном словаре-разговорнике имеется максимальное количество тематических разделов. Только в данном словаре-разговорнике представлены такие разделы, как «Travelling by boat» (Путешествие на корабле), «At the post office» (На почте), «At the estate agents» (В бюро недвижимости), «At the theatre» (В театре), «Museums and galleries» (Музеи и галереи), «Writing letters and emails» (Письма и электронные письма).

В то же время деление на рубрики (узкие темы) и подрубрики отсутствует, что, на наш взгляд, является недостатком. Так, разделы «Making a reservation» (Бронирование), «Checking in» (Регистрация), «During your stay» (Пребывание) и «Checking out» (Отъезд) уместнее было бы выделить в качестве рубрик к широкому разделу «At the hotel» (В отеле).

Общее количество зафиксированных в словаре-разговорнике прагматем – 399 единиц (13 % от общего количества единиц, представленных в разговорнике). Наиболее широко прагматы представлены в тематических разделах «Common expressions (Общепотребительные выражения)» (66 единиц), «Travelling by air (Путешествие на самолете)» (42 единицы) и «Basic phrases (Основные фразы)» (34 единицы). В разделе «Jobs (Работа)» не приводится ни одной прагматы.

Перейдем к микроструктуре словаря-разговорника и лексикографическому описанию прагматем. Словарная статья является трехсоставной и включает лемму (прагматему), ее перевод и аудиозапись произношения (транскрипция не представлена).

Часть лемм имеют уточнения, например:

(1) **excuse me**

простите (может использоваться для привлечения внимания или при извинении)

(2) **bless you**

будь здоров! (после чихания)

Только в данном разговорнике имеются толкования, например:

(3) **continue straight ahead for about a mile**

проедьте прямо еще примерно одну милю (одна миля – примерно 1,6 километра)

(4) **I'd like an Oyster card, please**

я хотел бы карту «Ойстер», пожалуйста (карта с предоплатой для путешествия на общественном транспорте в Лондоне)

(5) **grade one**

уровень первый (под машинку, длина 3 мм)

Даются стилистические пометы, такие как «слэнг» (sic!), «разговорное», «дружеское»; например:

(6) **hi**

привет (дружеское)

(7) **how are things?**

как делишки (дружеское)

(8) **she's having a leaving-do on Friday**

у нее прощальная вечеринка в пятницу (разговорное)

Грамматические пометы отсутствуют, однако при необходимости перевод дается с глагольными формами как мужского, так и женского рода:

(9) **I agree**

я согласен (согласна)

Случаи расширения леммы синонимами в рамках словарной статьи отсутствуют.

Вариативные (то есть заменяемые) части леммы оформлены с помощью многоточия; например:

(10) **welcome to ...**

добро пожаловать в ...

Факультативные части леммы не представлены.

Отличительной чертой данного словаря-разговорника является наличие случаев комбинированного перевода, то есть предоставления двух вариантов переводческих соответствий, оформленных через косую черту:

(11) **for hire**

свободно / сдаётся

Англо-русский разговорник «Linguahouse» (APPL) имеет объем 707 лемм. Данный справочник можно подстроить под индивидуальные требования пользователя, который может самостоятельно выбрать входной и выходной языки (русский, английский, испанский, французский, немецкий, греческий, итальянский, польский, японский). Следовательно, по расположению языков этот справочник может быть охарактеризован как словарь-разговорник активного и пассивного типов. Тем не менее язык интерфейса страницы – английский.

Словарь-разговорник построен по тематическому принципу. При этом внутри рубрики списки фраз организованы не в алфавитном порядке, а по хронологическому принципу, то есть в том порядке, в котором они могут возникнуть в речи (начало беседы – беседа – завершение беседы). Например, в разделе «At the restaurant» (В ресторане) предложена такая последовательность:

(12) **I'd like a table for two**

Мне нужен столик на двоих.

Can I have the menu, please?

Можно меню?

I'd like to order...

Я хотел(а) бы заказать...

Anything else?

Что-нибудь еще?

That's all, thanks.

Спасибо, все.

Bon appetite!

Приятного аппетита.

Cheers!

Ваше здоровье!

Bill, please.

Счет, пожалуйста.

Keep the change.

Сдачи не надо.

Рубрикатор данного разговорника включает следующие тематические разделы:

1. Accommodation:
 - At the hotel (22) – 9.
 - Renting (1).
2. Basic words and phrases:
 - Basic words and phrases (13) – 4.
 - Basic numbers (10).
 - Survival phrases (23) – 6.
 - Personal details (21).
 - Weather (18).
3. Common expressions (26) – 25.
4. Driving:
 - Driving (32) – 7.
 - Problems (1).
 - Road signs (5) – 5.
 - At the petrol station (2).
 - Car rental (10) – 3.
5. Food and drink:
 - At the restaurant (28) – 18.
 - Food and drink (15).
 - Dishes (4).
 - Meat (15).
 - Fish and seafood (11).
 - Fruits and vegetables (40).
 - Herbs and spices (10).
 - Drinks (24).
 - Dairy products (7).
 - Sweets/desserts (8).
 - Snacks (2).
 - Cooking/preparing (18).
6. Health:
 - At the doctor's (9).
 - Treatment (5).
 - Illness/injuries (20).
 - At the chemist's (22).
7. Meeting people:
 - Introductions (16) – 4.
 - Salutations (6) – 4.
8. Numbers:
 - Numbers (25).
 - Ordinal numbers (4).
9. On the telephone (17) – 7.
10. Services:
 - Currency exchange (1).
 - Internet (1).
11. Shopping:
 - Shops (3).
 - Shopping (11) – 4.
 - At the clothes shop (13) – 2.
 - Clothing (36).
 - Accessories (1).
 - Electronic items (2).
12. Sightseeing and entertainment:
 - Sightseeing (21).

- Entertainment (21) – 4.
- 13. Time and day:
 - Time (21) – 4.
 - Days of the week (7).
 - Frequency (4).
 - Months (14).
- 14. Travelling:
 - Public transport (9) – 1.
 - On the train (2).
 - On the bus (2).
 - At the airport (16) – 12.
- 15. Work:
 - Jobs (20).
 - At the office (12) – 4.

Общее количество тематических разделов равно 15. В отличие от RAPP, имеются рубрики (узкие темы), но наполнение разделов и рубрик мы считаем недостаточным. Например, рубрика «Currency exchange» (Обмен валюты) представлена лексической единицей *bank* и не содержит ни одной фразы. В то же время только в данном разговорнике имеется рубрика «At the chemist's» (В аптеке).

Прагматемы представлены 123 единицами (16 % от общего количества лемм). При этом наибольшее количество прагматем зафиксировано в тематических разделах «Common expressions» (Общепотребительные выражения), «At the restaurant» (В ресторане) и «At the airport» (В аэропорту) (25, 18 и 12 единиц соответственно), тогда как наименьшее – в разделе «Public transport» (Общественный транспорт) (1 единица).

Словарная статья включает лемму (прагматему), ее перевод и аудиозапись произношения (транскрипция не представлена). Уточнения, толкования, пояснения отсутствуют.

Имеются единичные случаи грамматических и стилистических помет в рубрике «Introductions» (Приветствие); например:

(13) **What's your name?**
Как тебя зовут? (informal)

Или:

(14) **I agree.**
Я согласен. ♂
Я согласна. ♀

Вариативные части леммы оформлены с помощью многоточия; например:

(15) **A ticket to ..., please**

Пожалуйста, билет до ... ▶

Факультативные части леммы не представлены.

Русско-английский разговорник «Master Russian» (РАРMR) является самым небольшим по объему (135 лемм). Он предназначен для пользователей, изучающих русский язык как иностранный. По расположению языков это словарь-разговорник пассивного типа.

В справочнике представлены следующие разделы и рубрики:

1. Basic expressions:
 - Russian greetings (11) – 9.
 - Saying thanks in Russian (4) – 4.
 - Apologies (4) – 4.
 - Saying Goodbye in Russian (5) – 5.
 - Speaking, comprehension (5).
2. Arrival, hotel:
 - At the customs (10).
 - Currency exchange (4).
 - Checking In (8).
 - Checking Out (7).
 - At the hotel (4).
3. Eating out:
 - At the restaurant (14) – 7.
 - Drinks (8).
 - Traditional Russian dishes (7).
4. Shopping:
 - General Phrases (17) – 7.
 - Asking the price (4) – 1.
5. Doctor:
 - General phrases (15) – 4.
 - Doctor's part (8) – 5.

Деление на разделы и их наполнение недостаточно информативны: многие важные коммуникативные ситуации не рассмотрены, например путешествия (аэропорт, вокзал), письмо и др.

РАРMR, как и проанализированные выше словари-разговорники, построен по тематическому принципу. При этом внутри рубрики списки слов и словосочетаний в основном организованы хронологически. Например, в рубрике «Saying thanks in Russian» (Говорим спасибо на русском) леммы расположены в следующем порядке (сначала слова благодарности, затем реакция на них):

(16) **Спасибо**

Большое спасибо

Не за что

Пожалуйста

Spaseeba

Bal'shoje spaseeba

Nyezashhta

Pazhalooysta

Thank you

Thank you very much

That's all right

You're welcome

Прагматем в данном разговорнике 46 (25 %). Наиболее широко прагматемы представлены в тематическом разделе «Basic expressions» (Базовые выражения) (22 единицы), в разделе «Arrival, hotel» (Прибытие, отель) они не приводятся, что свидетельствует о скудности представленного в разговорнике материала и, ввиду отсутствия важных прагматем, его низкой эффективности.

Статьи разговорника состоят из леммы, транскрипции и перевода.

В отличие от РАРР и APPL, транскрипция здесь упрощенная (запись латиницей), то есть она является «практической транскрипцией» [Ахманова, 1957; Суперанская, 2018], что соответствует тенденции составления словарей-разговорников. Ударный слог выделен жирным шрифтом.

Уточнения, толкования, пояснения отсутствуют.

Имеются единичные случаи грамматических помет; например:

(17) **Я хотел бы...** [male]

Я хотела бы... [female]

... сок

... молоко

Ya khatel bi

Ya khatela bi

sok

malako

I'd like some...

I'd like some...

... juice

... milk

Вариативные части леммы оформлены неодинаково: с помощью многоточия (см. пример (17)) или с помощью круглых скобок:

(18) **К сожалению, мне (нам) пора идти**
 K sazhalyenyeyoo mnye (nam) para eettee
 I'm sorry I (we) should be going

Имеются единичные случаи расширения леммы факультативным элементом. Однако, вопреки лексикографической традиции, факультативный элемент обособляется не квадратными, а круглыми скобками, как и вариативный элемент. Например:

(19) **Мне (срочно) нужен врач**
 Mne (srochna) noozhen vrach
 I need a doctor (quickly)
 (20) **Мне лучше (хуже)**
 Mne loochshe (khoozhe)
 I feel better (worse)

В примере (19) мы имеем дело с факультативным элементом, который можно опустить (*срочно*). В примере (20) – с вариативными элементами (*лучше* либо *хуже*).

Словарь-разговорник «English-Russian Phrasebook» (APPERP) содержит 227 прагматем (третий по объему). По расположению языков это словарь-разговорник активного типа, то есть универсальный разговорник.

Словарь-разговорник построен по тематическому принципу. Деление на тематические разделы следующее:

1. Emergency (5) – 5.
2. Exchange (7) – 3.
3. First words (61) – 37.
4. Greetings (13) – 10.
5. Hotel (17) – 4.
6. In the City (13) – 6.
7. In the Station (9) – 1.
8. Labels (19) – 15.
9. Mutual Understanding (9).
10. Numbers. Counting (25).
11. Passport Control and Customs (16).
12. Requests (11) – 5.
13. Shopping (14) – 7.
14. Taxi (17) – 8.

Принцип организации разделов не прослеживается. Так, трудно обосновать расположение раздела «Emergency» (Чрезвычайные ситуации) на первом месте рубрикатора, а раздела «Greetings» (Приветствие) – на четвертом.

Внутри разделов леммы расположены бессистемно. В качестве примера приведем часть фраз из раздела «First words» (Первые слова) с сохранением их последовательности:

(21) **Happy New Year!**
 С Новым Годом!
Happy Birthday!
 С Днем рождения!
I am waiting
 Жду
Come here
 Иди сюда
Get out of here
 Иди отсюда
Enough
 Хватит
How are you?
 Как дела?
I love you
 Я тебя люблю

В английских фразах допущены лексико-грамматические ошибки (например, *There is a rain*), фразы дублируются внутри раздела.

Прагматы представлены 101 единицей, их доля составляет 31 % от общего объема единиц (это наибольший удельный вес прагматем от общего объема словаря среди четырех анализируемых справочников). Наибольшее количество прагматы зафиксировано в тематическом разделе «First words» (Первые слова) (37 единиц), наименьшее – в разделе «In the Station» (На вокзале) (1 единица).

Состав словарной статьи (в отличие от других разговорников) двухкомпонентный: лемма и ее перевод, транскрипция отсутствует.

Пометы, уточнения, толкования, пояснения отсутствуют.

Вариативные части леммы оформлены с помощью многоточия:

(22) **My name is ...**
 Меня зовут ...

Факультативные части леммы отсутствуют.

Наше внимание привлечен уникальный раздел «Labels» (Знаки), не представленный в других словарях-разговорниках. В нем часть прагматем расширена антонимами (графически оформлены посредством косой черты), например:

(23) **Open / Closed**
 Открыто / Закрыто
 (24) **Male / Female**
 Мужской / Женский

Здесь же имеется пример того, что в зависимости от расположения знак-прагматема может менять свое значение (то есть прагматема может быть полисемичной):

(25) Free

Бесплатно (Свободно)

Только в данном словаре-разговорнике часть лемм сопровождается синонимами. Например, в разделе «Emergency» (Чрезвычайные ситуации):

(26) Calm down! / Take it easy!

Успокойтесь!

Тем не менее это преимущество нивелируется тем, что приведенные синонимы зачастую не являются абсолютными, что не отражено в словаре. Без специальных помет и/или уточнений и пояснений они могут быть употреблены в речи неверно. Так, в разделе «First words» (Первые слова) мы видим, что прагматема *How do you do?* имеет три переводных соответствия:

(27) How do you do?

Здравствуйте! / Здравствуй! / Добрый день!

Прагматема *How do you do?* является приветствием, произносимым только при первом знакомстве (обычно обоими знакомящимися), и не требует ответа. Данная единица имеет помету «formal» (рус. офиц.) в англоязычных словарях (например, CDO). Если мы обратимся к предложенным соответствиям, то увидим, что помимо наиболее адекватного соответствия *Здравствуйте!* возможными способами перевода являются прагматема *Здравствуй!*, которая неприемлема при первой официальной встрече в силу того, что лично строго регламентирована [Формановская, Тучны, 1986, с. 78], и прагматема *Добрый день!*, которая может быть эквивалентом английского приветствия *How do you do?* исключительно в дневное время (о чем не сказано в словаре-разговорнике).

Итак, с точки зрения организации корпуса все рассмотренные словари-разговорники отвечают требованиям лексикографии,

так как построены по тематическому признаку. Однако членение на разделы, рубрики и подрубрики и их наименования разнятся. Затруднительно провести четкую границу между такими разделами, как «Basic phrases» (Основные фразы), «Common expressions» (Общеупотребительные выражения), «General conversation» (Повседневные выражения) и «First words» (Первые слова). Статус группы прагматем «Greetings» (Приветствия) тоже варьируется от словаря к словарю: они могут быть объединены в самостоятельный раздел (APPERP) или рубрику (PARMR). Как справедливо отмечает Г.А. Левченко, деление на рубрики имеет «условный характер», присущий конкретному словарю-разговорнику, поскольку опирается на внутреннюю иерархию конкретного рубрикатора [Левченко, 2007, с. 136].

Организация лемм внутри раздела / рубрики характеризуется общностью: практически во всех рассмотренных разговорниках реализуется хронологический принцип, то есть материал располагается «в логической последовательности» (согласно Г.А. Левченко), однако обнаруживается и бессистемное представление прагматем (APPERP).

Микроструктура словарей-разговорников трехсоставная (лемма – перевод – транскрипция / аудиовоспроизведение). Исключение составляет APPERP. Этот разговорник является универсальным, то есть с английским в качестве исходящего (родного) языка, но в нем отсутствует аудиовоспроизведение или упрощенная транскрипция соответствий на русском языке, что делает его малополезным для пользователей, так как они не смогут прочитать / произнести русскую фразу, написанную кириллицей. Следовательно, при составлении двуязычного словаря прагматем необходимо учитывать строгую взаимосвязь между расположением языков и типом разговорника (его предназначением).

Результаты проведенного анализа показали, что факультативные компоненты словарной статьи, а именно: уточнения, толкования, пояснения, разного рода пометы – представлены редко или (при их наличии) нерегулярно, что может привести к ошибкам в употреблении фраз пользователями словарей.

Фразы, в том числе прагматемы, снабжены грамматическими пометами только в двух из четырех словарей-разговорников. Если таковые имеются, они представлены либо вербально (*male / female*) (PAPMR), либо невербально (♂ / ♀) (APPL). Данное наблюдение подтверждает вывод, сделанный Г.А. Левченко на основе изучения печатных изданий разговорников, вышедших до 2007 г.: «Анализ современных словарей-разговорников приводит к выводу, что грамматическим вопросам в них практически не уделяется внимания» [Левченко, 2007, с. 168].

Стилистические пометы представлены также только в двух словарях-разговорниках. В APPL используются две стилистические пометы: *formal* и *informal*, в PAPP – три стилистические пометы: *слэнг* (sic!), *разговорное* и *дружеское*; при этом ввиду отсутствия предисловия или рекомендаций для пользователя неясной остается разница между представленными пометами. Анализ микроструктуры словарных статей демонстрирует несогласованность и непоследовательность в применении стилистических помет. Это неоднократно отмечалось лексикографами (см., например: [Бойко, 1991]). Относительно ограниченное количество стилистических помет в словарях-разговорниках фиксирует и Г.А. Левченко, однако он считает, что «в целом использование широкого набора стилистических помет в корпусе словаря-разговорника нецелесообразно», за исключением некоторых рубрик, таких как *Знакомство*, *Обращение* и *Приветствие*, дабы отразить особенности этикета разных языков [Левченко, 2007, с. 242].

Репрезентация синонимов и/или антонимов фраз, в том числе прагматем, не имеет системного характера, их графическая фиксация в разговорниках различна. При этом синонимия свойственна для прагматем [Цыбульская, 2019]. Например, запрет на пользование мобильным телефоном может быть выражен по-разному: *Please switch off / turn off your mobile phone* (Пожалуйста, отключите мобильные телефоны) и *The use of mobile phones is prohibited* (Использование мобильных телефонов запрещено). Антонимия, согласно результатам нашего исследования, также характерна для данного класса единиц. Например: англ. *Open* и *Closed* или рус. *открыто* и *закрыто*.

Так как мы анализируем электронные словари-разговорники, считаем, что уместно было бы ввести систему гиперссылок, чтобы при наличии синонимов и антонимов пользователь мог перейти по гиперссылке к описанию необходимой ему единицы.

Лексикографическая фиксация вариативных компонентов и факультативных компонентов фраз варьируется, иногда с взаимоналожением. Так, круглые скобки используют и для вариативных, и для факультативных компонентов фразы в рамках одного словаря-разговорника (PAPMR), что, безусловно, не способствует адекватному использованию единиц. В лексикографической традиции факультативные компоненты обычно обособляются в словарной статье квадратными скобками [Левченко, 2007, с. 209].

Таким образом, создатели электронных словарей-разговорников не воспользовались возможностями современной компьютерной лексикографии. В частности, не реализована возможность значительно расширить объем описания единицы за счет не только вербального контента (дополнительной информации при лемме), но и невербального контента, например иллюстраций, схем, картинок, который органично дополнил бы словарь-разговорник (подробно об этих возможностях см.: [Селегей, 2002; Фесенко, Лаухина, 2015]). Потенциал невербального контента необходимо учесть при составлении словаря прагматем, поскольку они нередко сопровождаются изображениями или сами являются знаками (например, дорожными знаками).

Невостребованным осталось и такое свойство современных электронных словарей, как гипертекстуальность (о нем см.: [Гриднева, 2010; Якубайтис, 2006]), то есть особая «модель организации электронного текста, характеризующаяся специфической структурированностью и разветвленной системой программно поддерживаемых внутритекстовых и межтекстовых переходов, предполагающих возможность читательского интерактивного воздействия на последовательность воспроизведения композиционных единиц» [Дедова, 2006, с. 80]. Наличие гиперссылок позволило бы пользователю осуществить быстрый переход к необходимой словарной информации, например найти синонимы и антонимы к заданной прагматеме.

Выводы

Проведенное исследование электронных словарей-разговорников позволило выявить некоторые общие закономерности их составления и недостатки в лексикографическом описании прагматем.

Эти единицы занимают в среднем не более 20 % от общего объема языкового материала словаря-разговорника. Прагматемы наиболее широко представлены в разделах с так называемыми основными / базовыми выражениями, в разделах, посвященных теме путешествий, походов в кафе, рестораны и магазины. Незаслуженно мало внимания уделено прагматемам, употребляющимся в деловой переписке.

Микроструктура словарей-разговорников характеризуется скудностью лексикографического описания. Минимальная словарная статья, содержащая прагматемы, состоит в основном из трех обязательных компонентов: леммы, ее перевода и практической транскрипции (или аудиовоспроизведения). Большинство из разговорников не дает необходимой информации для адекватного использования и правильного понимания прагматем в связи с тем, что дополнительная информация о лемме отсутствует или имеет неупорядоченный характер.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости создания качественного электронного англо-русского и русского-английского словаря прагматем с четкой макроструктурой (корпус единиц тематически поделен на разделы, рубрики и подрубрики) и единообразной микроструктурой, включающей как минимум три компонента – лемму, ее перевод и аудиовоспроизведение. Словарная статья, содержащая прагматемы-знаки, должна сопровождаться четвертым компонентом – изображением, звуком или анимацией. В зависимости от выбранного типа словаря (активного или пассивного) в зону леммы и/или переводных соответствий необходимо включать: 1) стилистические и грамматические пометы; 2) уточнения, толкования и пояснения (например, культурологические справки). Словарная статья должна быть расширена гиперссылками на синонимичные и антонимичные прагматемы и иллюстративным материалом. Вариативные (заменяемые) ча-

сти леммы и ее переводного соответствия должны быть графически оформлены посредством многоточия или косой черты, факультативные части – обособлены квадратными скобками.

Двуязычный (многоязычный) словарь прагматем должен создаваться при тесном взаимодействии лингвистов, лексикографов, специалистов в области перевода и преподавателей иностранных языков, в контексте лексикографических традиций и инноваций, а также с учетом специфики прагматем как речевых единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С., 1957. Очерки по общей и русской лексикологии. М. : Учпедгиз. 295 с.
- Богданова-Бегларян Н. В., 2014. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д., Попова Т. И., 2019. Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 18 (25). С. 72–85.
- Бойко Л. В., 1991. Стилистическая ценность русского слова и ее отражение в учебных словарях : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 24 с.
- Горбунова Д. А., 2021. О чем говорит психотип: функциональное распределение прагматических маркеров в речи интровертов и экстравертов // Коммуникативные исследования. Т. 8, № 1. С. 55–69. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(1).55-69
- Гриднева Н. А., 2010. Гипертекст электронного словаря // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Самара, 15–16 марта 2010 г. / отв. ред. С. А. Стройков. Самара : Самар. гос. соц.-пед. ун-т. С. 19–23.
- Дедова О. В., 2006. Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста : дис. ... д-ра филол. наук. М. 253 с.
- Каюмова А. Р., Пахомова Е. Г., 2022. Исследование прагматем в отечественной лингвистике // Казанская наука. № 5. С. 154–156.
- Левченко Г. А., 2007. Словарь-разговорник в России: типологический и социолингвистический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. М. 333 с.

- Селегей В. П., 2002. Электронные словари и компьютерная лексикография // *Новости искусственного интеллекта*. № 1. С. 31–36.
- Суперанская А. В., 2018. Теоретические основы практической транскрипции. 2-е изд. М.: ЛЕ-НАНД. 288 с.
- Фесенко О. П., Лаухина С. С., 2015. Электронные словари как продукт современной лексикографии // *Омский научный вестник*. № 4 (141). С. 46–48.
- Формановская Н. И., Тучны П., 1986. Русский речевой этикет в зеркале чешского. М.; Прага: Рус. яз. 240 с.
- Цыбульская Н. А., 2019. Прагматема: статус и функционирование // *Романия: языковое и культурное наследие – 2019: материалы I Международ. науч.-практ. конф.*, Минск, 16 мая 2019 г. / ред. О. В. Лапунова [и др.]. Минск: Белорус. гос. ун-т. С. 117–123.
- Щерба Л. В., 1974. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. Л.: Наука. С. 265–304.
- Якубайтис Э. А., 2006. Гипертекстовые энциклопедии и словари // *Открытое образование*. № 2. С. 47–51.
- Blanco X., 2010. Traduction des pragmatèmes dans les guides de conversation en russe. *Contenus conceptuels et enjeux culturels // Synergies Tunisie*. № 2. P. 75–84.
- Blanco X., 2013. Équivalents de traduction pour les pragmatèmes dans la lexicographie bilingue Français-Espagnol // *Lexicographica*. Vol. 29, iss. 1. P. 5–28.
- Blanco X., 2014. Inventaire lexicographique d'une sous-classe de phrasèmes délaissée: les pragmatèmes // *Cahiers de lexicologie*. Vol. 104, iss. 1. P. 135–155.
- Martins-Baltar M., 2000. Construire un dictionnaire d'énoncés (unilingue comme plurilingue): à propos de *Dicomotus* // *Approches contrastives en lexicographie bilingue / ed. by Th. Szende*. P.: Champion. P. 301–317.
- Mel'čuk I., 2015. Clichés, an Understudied Subclass of Phrasemes // *Yearbook of Phraseology*. Vol. 6, iss. 1. P. 55–86.
- Mel'čuk I., 2020. Clichés and pragmatemes // *Neophilologica*. № 32. P. 9–20. DOI: <https://doi.org/10.31261/NEO.2020.32.01>
- Vorobey M., 2011. French-Spanish-Russian Pragmatemes Dictionary // *Proceedings of the 5th International Conference on Meaning-Text Theory*, Barcelona, September 8–9, 2011 / ed. by I. Boguslavsky, L. Wanner. P. 287–294. URL: <https://www.ehu.es/documents/1814721/2017708/proceedingsMTT2011-2.pdf/df7a2e36-0dfe-4953-8a6d-f273f47cd06c>

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- PAPP – PhraseBook. Англо-русский разговорник. URL: <https://ru.speaklanguages.com/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%B7%D1%8B/>
- APPL – Англо-русский разговорник «LinguaHouse». URL: <https://www.linguaHouse.com/phrasebooks/english-russian>
- PAPMR – Русско-английский разговорник «Master Russian». URL: <http://masterrussian.com/blphrasebook.shtml>
- APPERP – Англо-русский разговорник «English-Russian Phrasebook». URL: <https://www.oftob.com/english-russian-phrasebook>
- CDO – How do you do? URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/how-do-you-do>

REFERENCES

- Akhmanova O.S., 1957. *Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii* [Essays on General and Russian Lexicology]. Moscow, Uchpedgiz. 295 p.
- Bogdanova-Beglaryan N.V., 2014. Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmatic Items in Everyday Speech: Definition of the Concept and General Typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], no. 3 (27), pp. 7-20.
- Bogdanova-Beglarian N.V., Blinova O.V., Martynenko G.Ya., Sherstinova T.Yu., Zaides K.D., Popova T.I., 2019. Annotirovanie pragmaticheskikh markerov v russkom rechevom korpuse: problemy, poiski, resheniya, rezultaty [Annotation of Pragmatic Markers in the Russian Speech Corpus: Problems, Searches, Solutions, Results]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies], iss. 18 (25), pp. 72-85.
- Boyko L.V., 1991. *Stilisticheskaya tsennost russkogo slova i ee otrazhenie v uchebnykh slovaryakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Stylistic Value of the Russian Word and Its Reflection in Educational Dictionaries. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 24 p.
- Gorbunova D.A., 2021. O chem govorit psikhotip: funktsionalnoe raspredelenie pragmaticheskikh markerov v rechi introvertov i ekstravertov [What Psychotype Reveals: Functional Distribution of Pragmatic Markers in the Speech

- of Introverts and Extraverts]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 8, no. 1, pp. 55-69. DOI: 10.24147/2413-6182. 2021.8(1).55-69
- Gridneva N.A., 2010. Gipertekst elektronnoogo slovarya [Hypertext of Electronic Dictionary]. Stroikov S.A., ed. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Samara, 15–16 marta 2010 g.* [Proceedings of Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Samara, March 15–16, 2010]. Samara, Samar. gos. sots.-ped. un-t, pp. 19-23.
- Dedova O.V., 2006. *Lingvosemioticheskiy analiz elektronnoogo giperteksta: dis. ... d-ra filol. nauk* [Linguosemiotic Analysis of Electronic Hypertext. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 253 p.
- Kayumova A.R., Pakhomova E.G., 2022. Issledovanie pragmatem v otechestvennoy lingvistike [The Study of Pragmatemes in Russian Linguistics]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], no. 5, pp. 154-156.
- Levchenko G.A., 2007. *Slovar-razgovornik v Rossii: tipologicheskiy i sotsiolingvisticheskiy aspekt: dis. ... kand. filol. nauk* [Dictionary-Phrasebook in Russia: Typological and Sociolinguistic Aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 333 p.
- Selegey V.P., 2002. Elektronnyye slovari i kompyuternaya leksikografiya [Electronic Dictionaries and Computational Lexicography]. *Novosti iskusstvennogo intellekta* [Artificial Intelligence News], no. 1, pp. 31-36.
- Superanskaya A.V., 2018. *Teoreticheskie osnovy prakticheskoy transkriptsii* [Theoretical Foundations of Practical Transcription]. Moscow, LENAND Publ. 288 p.
- Fesenko O.P., Laukhina S.S., 2015. Elektronnyye slovari kak produkt sovremennoy leksikografii [Electronic Dictionaries as a Product of Modern Lexicography]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], no. 4 (141), pp. 46-48.
- Formanovskaya N.I., Tuchny P., 1986. *Russkiy rechevoy etiket v zerkale cheshskogo* [Russian Speech Etiquette Through the Prism of Czech]. Moscow, Prague, Rus. yaz. Publ. 240 p.
- Tsybul'skaya N.A., 2019. Pragmatema: status i funktsionirovanie [Pragmateme: Its Status and Functioning]. Lapunova O.V. et al, eds. *Romaniya: yazykovoie i kulturnoe nasledie – 2019: materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 16 maya 2019 g.* [Romania: Linguistic and Cultural Heritage – 2019. Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference, Minsk, May 16, 2019]. Minsk, Belorus. gos. un-t, pp. 117-123.
- Shcherba L.V., 1974. Opyt obshchey teorii leksikografii [Experience of the General Theory of Lexicography]. Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost* [Language System and Speech Activity]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 265-304.
- Yakubaytis E.A., 2006. Gipertekstovye entsiklopedii i slovari [Hypertext Encyclopedias and Explanatory Dictionaries]. *Otkrytoe obrazovanie* [Open Education], no. 2, pp. 47-51.
- Blanco X., 2010. Traduction des pragmatèmes dans les guides de conversation en russe. Contenus conceptuels et enjeux culturels. *Synergies Tunisie*, no. 2, pp. 75-84.
- Blanco X., 2013. Équivalents de traduction pour les pragmatèmes dans la lexicographie bilingue Français-Espagnol. *Lexicographica*, vol. 29, iss. 1, pp. 5-28.
- Blanco X., 2014. Inventaire lexicographique d'une sous-classe de phrasèmes délaissée: les pragmatèmes. *Cahiers de lexicologie*, vol. 104, iss. 1, pp. 135-155.
- Martins-Baltar M., 2000. Construire un dictionnaire d'énoncés (unilingue comme plurilingue): à propos de Dicomotus. Szende Th., ed. *Approches contrastives en lexicographie bilingue*. Paris, Champion, pp. 301-317.
- Mel'čuk I., 2015. Clichés, an Understudied Subclass of Phrasemes. *Yearbook of Phraseology*, vol. 6, iss. 1, pp. 55-86.
- Mel'čuk I., 2020. Clichés and pragmatemes. *Neophilologica*, no. 32, pp. 9-20. DOI: <https://doi.org/10.31261/NEO.2020.32.01>
- Vorobey M., 2011. French-Spanish-Russian Pragmatemes Dictionary. Boguslavsky I., Wanner L., eds. *Proceedings of the 5th International Conference on Meaning-Text Theory, Barcelona, September 8–9, 2011*, pp. 287-294. URL: <https://www.ehu.es/documents/1814721/2017708/proceedingsMTT2011-2.pdf/df7a2e36-0dfe-4953-8a6d-f273f47cd06c>

SOURCES AND DICTIONARIES

- PhraseBook. Anglo-russkiy razgovornik* [Phrasebook. English-Russian Phrasebook]. URL: <https://ru.speaklanguages.com/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%B7%D1%8B/>
- Anglo-russkiy razgovornik «Linguahouse»*. [English-Russian Phrasebook “Linguahouse”]. URL: <https://www.linguahouse.com/phrasebooks/english-russian>
- Russko-angliyskiy razgovornik «Master Russian»*. [Russian-English Phrasebook “Master

Russian”]. URL: <http://masterrussian.com/blphrasebook.shtml>
Anglo-russkiy razgovornik «English-Russian Phrasebook». [English-Russian Phrasebook

“English-Russian Phrasebook”]. URL: <https://www.oftob.com/english-russian-phrasebook>
How do you do? URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/how-do-you-do>

Information About the Author

Albina R. Kayumova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Kazan Federal University, Kremlyovskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, alb1980@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6231-3983>

Информация об авторе

Альбина Рамилевна Каюмова, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, alb1980@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6231-3983>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.10>

UDC 811.133.1'366.58
LBC 81.47.11-213

Submitted: 28.07.2022
Accepted: 06.03.2023

VERBAL COLLOCATIONS WITH COMPONENTS “(NOUVEAU) CORONAVIRUS” AND “COVID-19” IN FRENCH

Yulia V. Bogoyavlenskaya

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia;
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of semantic restrictions in the use of verbal collocations with the components “(nouveau) coronavirus” and “COVID-19” applying the AntConc service. It has been found that “coronavirus” lexemes tend to co-occur with 135 verbs. The most common model is *(nouveau) coronavirus / COVID-19 + V*, where the virus acts as a subject of action and the verbs belong to the lexical-semantic fields “Physical impact on the object”, “Qualitative state”, “Being”, “Progressive motion of the subject”, “Social relations”, “Social activity”, “Interpersonal relationships”, “Relationship”. The virus plays the role of the object of the action in the *V + (nouveau) coronavirus / COVID-19* model. The identified verbal lexemes belong to the lexical-semantic groups “Social activity”, “Qualitative state”, “Physical impact on object”, “Intellectual activity”, “Interpersonal relationships”, “Being”. As the object of action, the lexemes under study reveal more significant limitations of combinatorial potential. The *V + PRÉP + coronavirus / COVID-19* model includes verbs of social activity and qualitative state, used with the prepositions *contre, de, à, avec*. There is a high frequency of collocations with modal verbs. The quantitative predominance of verbs combined with “coronavirus” lexemes that act as a subject suggests that the range of actions performed by the coronavirus is much wider than the actions it experiences.

Key words: collocation, syntagmatic co-occurrence, AntConc service, corpus linguistics, coronavirus, French.

Citation. Bogoyavlenskaya Yu.V. Verbal Collocations with Components “(Nouveau) Coronavirus” and “COVID-19” in French. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 132-147. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.10>

УДК 811.133.1'366.58
ББК 81.47.11-213

Дата поступления статьи: 28.07.2022
Дата принятия статьи: 06.03.2023

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОЛЛОКАЦИИ С КОМПОНЕНТАМИ «(NOUVEAU) CORONAVIRUS» И «COVID-19» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Юлия Валерьевна Богоявленская

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия;
Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению семантических ограничений в употреблении глагольных коллокаций с компонентами *(nouveau) coronavirus* и *COVID-19* при помощи сервиса AntConc. Установлено, что «коронавирусные» лексемы имеют тенденцию к совместной встречаемости со 135 глаголами. Наиболее лексически наполненной является модель *(nouveau) coronavirus / COVID-19 + V*, где вирус выступает субъектом действия, а глаголы относятся к лексико-семантическим подполям физического воздействия на объект, качественного состояния, бытия, движения, социальной деятельности (поле «Действие и деятельность»), социальных отношений, межличностных отношений, взаимоотношений (поле «Отношение»). Объектом, на который направлено действие, вирус выступает в модели *V + (nouveau) coronavirus / COVID-19*. Выделенные глагольные лексемы входят в лексико-семантические подполя социальной деятельности, физического воздействия на объект, интеллектуальной деятельности, (поле «Действие и деятельность»), качественного

состояния, бытия (поле «Бытие, состояние, качество»), межличностных отношений (поле «Отношение»). В качестве средства выражения объекта действия лексемы обнаруживают значительные ограничения комбинаторного потенциала. По модели V + PRÉP + *coronavirus / COVID-19* строятся коллокации с глаголами социальной деятельности и качественного состояния, употребляющимися с предлогами *contre, de, à, avec*. Зафиксирована высокая частотность коллокатов – модальных глаголов. Количественное преобладание глаголов, сочетающихся с «коронавирусными» лексемами, выступающими в качестве субъекта, свидетельствует о том, что спектр действий, производимых коронавирусом, значительно шире, чем действий, которые он испытывает на себе.

Ключевые слова: коллокация, синтагматическая сочетаемость, сервис AntConc, корпусная лингвистика, коронавирус, французский язык.

Цитирование. Богоявленская Ю. В. Глагольные коллокации с компонентами «(nouveau) coronavirus» и «COVID-19» во французском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 132–147. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.10>

Введение

Коллокации вызывают активный интерес исследователей в связи с разработкой методов их автоматического выявления, а также с изучением их семантико-синтаксических, аксиологических и иных функций, роли в обучении иностранным языкам. В научной литературе неоднократно подчеркивалась значимость исследования комбинаторных свойств языковых единиц для лексикографии, комбинаторной, корпусной и сопоставительной лингвистики, методики преподавания родного и иностранных языков, перевода [Влавацкая, 2015, с. 40].

В работе мы опираемся на представленное в исследовании В.П. Захарова, М.В. Хохловой понимание коллокации как комбинации двух или более лексических единиц, имеющих тенденцию к совместной встречаемости [Захаров, Хохлова, 2010, с. 137]. В основе этой комбинации лежит семантико-грамматическая взаимообусловленность элементов словосочетания. Коллокации обладают определенной устойчивостью, рекуррентностью и воспроизводимостью, что позволяет рассматривать их как важную и частотную единицу словаря. Комбинаторные свойства единиц в языках различны, поскольку, как справедливо пишет М.В. Влавацкая, «способ концептуализации окружающей действительности, свойственный языку, с одной стороны, универсален, а с другой – этноспецифичен» [Влавацкая, 2015, с. 40].

Цель проведенного исследования заключается в выявлении синтагматических особенностей глагольных коллокаций с компонента-

ми (*nouveau coronavirus* и *COVID-19* во французском языке при помощи сервиса AntConc. Выбор данных компонентов не случаен: слова *coronavirus* и *COVID-19* стремительно вошли в язык в декабре 2019 г.; вирус, который они обозначают, за последние годы («эру коронавируса», «ковидокризиса») стал одним из главных врагов человечества.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) создание коллекции данных, извлеченных из сети Интернет; 2) установление лексико-синтаксических моделей коллокаций с компонентами (*nouveau coronavirus / COVID-19*); 3) анализ особенностей синтагматики «коронавирусных» лексем с глагольными компонентами, а именно, семантических ограничений коллокатов в рамках выделенных моделей.

Лингвистическое осмысление пандемии как новой реальности началось в 2020 г., когда появились первые работы, нацеленные прежде всего на фиксацию «коронавирусных» неологизмов в различных языках [Катермина, Липириди, 2020; Северская, 2020; Lawson, 2020]. Активные процессы, происходящие в языках, описывались как «неологический бум» или «неологический экстрим» [Буцева, Зеленин, 2020]. К концу 2020 и в начале 2021 г. интересы лингвистов расширились: были опубликованы исследования, посвященные изучению лингвокреативной деятельности и моделей образования «коронавирусных» лексем [Попова, Григорова, 2021; Радбиль, Рацибурская, Палоши, 2021; Юшкова, 2022], метафорическому образу коронавируса, в том числе в сопоставительном аспекте [Калинин, 2020; Кисель, 2020; Abdel Raheem, 2021; Preux,

Blanco, 2021], репрезентации пандемии в массмедийном дискурсе [Данкова, Крехтунова, 2020; Замальдинов, Хоригути, 2021; Skrynnikova, Astafurova, 2022], коммуникативных стратегий, используемых в дискурсе о пандемии [Лату, 2021] и т. д. Эти исследования были проведены на материале не только русского, но и других языков: английского [Катермина, Липириди, 2020; Lawson, 2020; Roig-Marín, 2021], немецкого [Токко, 2020; Шемчук, 2020], испанского [Hwang, 2021], корейского [Мозоль, 2021], китайского [Калинин, 2020] и др.

Несмотря на значительный объем исследований, появившихся за последние два года, многие вопросы, связанные с особенностями функционирования в речи данных лексических единиц, остаются нерешенными. К ним относится и вопрос о комбинаторном потенциале лексем (*новый*) *коронавирус* и *COVID-19*, актуальный для любого современного языка. Поиск в международной базе данных научного цитирования Web of Science и анализ архивов французских и российских научных библиотек (Портал научных трудов Persée, Научный архив HAL, научные электронные библиотеки eLIBRARY.RU и КиберЛенинка) показал, что исследований ключевых слов пандемии с точки зрения их сочетаемости ни на материале французского, ни иных языков пока проведено не было. Однако, учитывая неизбежность изменений в языке, оно необходимо. Как справедливо подчеркивает М.А. Кронгауз, «на наших глазах разворачивается уникальный эксперимент над Языком и языками, который надо описывать немедленно и всерьез, потому что это как раз и есть передний край лингвистической науки, где объект исследования приходится все время догонять» [Кронгауз, 2016, с. 3]. В контексте быстро меняющейся действительности представляется важным зафиксировать комбинаторный потенциал данных лексем, отражающий социокультурные и коммуникативные приоритеты общественного сознания, и выявить его особенности. Исследование актуально и в прикладном аспекте. Как отмечают В.П. Захаров и М.В. Хохлова, извлечение коллокаций и их изучение – задача, решение которой важно для составления словарей и других лексикографических пособий, составления онтологий, обучения языку и т. д.

[Захаров, Хохлова, 2010, с. 137]. Методика исследования, разработанная на материале французского языка, может быть полезной для изучения сочетаемости «коронавирусных» лексем в других языках.

Материалы и методы

Исследование было реализовано в четыре этапа.

Первый этап работы – сбор эмпирического материала, который впоследствии был загружен в сервис. Для работы мы использовали две коллекции текстов. Первая была собрана самостоятельно с сайтов французских газет, журналов, новостных лент; она включает около 1 400 разножанровых текстов (интервью, анализ, заметка, репортаж и другие). Даты публикаций охватывают период с 1 января 2020 г. по 15 июня 2022 г., объем – 609 048 слов. Вторая коллекция была получена путем автоматического извлечения текстов при помощи скрипта, подключенного к API поисковой системы Bing в период с 1 по 31 апреля 2021 года. Отбирались только те тексты, которые включали хотя бы одно слово из списка заданных ключевых слов¹. В результате была получена коллекция, содержащая 507 258 слов. Объем двух коллекций составил 1 116 306 слов. Лексема *coronavirus* имеет 3 105 вхождений, *COVID-19* – 4 296, то есть суммарно – 7 401.

Второй этап – загрузка файлов и настройка параметров в сервисе. AntConc представляет собой мультиплатформенное, свободно распространяемое настольное приложение, разработанное Лоуренсом Энтони (Университет Васеда, Япония) [AntConc]. Он не требует регистрации, имеет удобный и интуитивно понятный интерфейс на английском языке, и потому является одним из самых популярных на сегодняшний день сервисов [Котюрова, 2020]. Вторая причина, по которой мы обратились к данному приложению, – отсутствие доступных корпусов французского языка, обновляемых ежедневно, на материале которых можно было бы исследовать новейшие языковые феномены. Подобную задачу можно решить только на самостоятельно собранном и обработанном материале.

В AntConc поисковый запрос можно отрегулировать при помощи специальных инструментов. Коллокации упорядочиваются по частотности («Sort by Freq»), по частоте правостороннего («Sort by Freq (R)») или левостороннего компонента («Sort by Freq (L)»), по алфавиту («Sort by Word») или концу слова («Sort by Word End»), по значению той или иной статистической меры («Sort by Stat»). AntConc предлагает составление списка коллокатов по частотности или по значениям трех статистических мер, показывающих силу синтагматической связанности слова – поискового запроса и его коллоката: MI (коэффициент взаимной информации), Log-Likelihood (логарифмическая функция правдоподобия), T-score (частота совместной встречаемости основного компонента и его коллокатов), а также комбинации MI + log-likelihood. Поскольку в данном сервисе нет актуального для нас инструмента сведения словоформ к одной лемме и ее статистической оценке (возможно только получение значений статистических мер по коллокации с отдельными словоформами), мы воспользовались данными по частотности.

На **третьем этапе** работы был осуществлен отбор единиц анализа. Эта процедура была проведена последовательно сначала с компонентом *coronavirus*, затем с *COVID-19* в диапазоне +1 (+2, +3, +4) слова, затем -1 (-2, -3, -4) слова. Первым результатом работы стала констатация высокой частотности коллокаций с компонентами – служебными словами, занимающими первые строки выпадающих списков (5 180 употреблений). Например, в диапазоне -1 и -2 словами на вершине рейтинга расположились *le, du, nouveau, de, au, aussi, un, à, les* и т. д., то есть артикли, их слитные формы, предлоги и прилагательное *nouveau*. Именно частотная сочетаемость биграммы позволяет поставить это слово в скобки – по сути *coronavirus* и *nouveau coronavirus* в течение последних трех лет отождествляются. Сочетаемость лексем *coronavirus / COVID-19* с артиклями вполне ожидаема, поскольку во французском языке артикль практически всегда сопровождает существительное. В данной биграмме лексеме *coronavirus* предшествует преимущественно определенный артикль мужского рода *le*, слитный ар-

тикль *du* или же нулевой артикль, в то время как род лексемы *COVID-19* может варьироваться: мужской род и артикль *le* (слитные формы *du* или *au*) или женский род и артикль *la* (слитные формы *de la* или *à la*):

(1) À cause de la pandémie de **la covid-19**, certaines actions ont dû être repensées, sans pour autant être annulées (Le Telegramme, 2021);

(2) **Le Covid-19** a bouleversé vos projets de vie ? (Ouest France, 2021).

Французская академия рекомендует руководствоваться значением слова при выборе рода: в тех случаях, когда подразумевается вирус, слово должно употребляться в мужском роде, а при обозначении болезни – в женском. Уточняется, что в канадском варианте французского языка это слово преимущественно употребляется в женском роде [Le Covid-19 ou la Covid-19]. Как показали наши наблюдения, рекомендации Академии почти всегда реализуются на практике.

Обратим внимание, что компоненты (*nouveau coronavirus* и *COVID-19*) могут употребляться как раздельно, так и совместно, причем *COVID-19* в этих случаях не сопровождается артиклем и всегда находится в постпозиции (иногда в скобках), уточняя *coronavirus*, имеющий более широкое лексическое значение, например:

(3) Trente-neuf nouveaux cas de contamination par le **coronavirus Covid-19** ont été détectés à bord du paquebot Diamond Princess (Radio Canada, 2020).

Ключевой компонент *COVID-19* может иметь разное написание: как прописными, так и строчными буквами (*covid-19*), первая буква прописная, остальные строчные (*Covid-19*), указание на год возникновения вирусной инфекции – 19 может отсутствовать (*COVID / covid*), может отсутствовать дефис (*COVID19*) или же, крайне редко, аббревиатура сокращается до первой буквы *C-19*. Установленный список написания слова нам необходим для последующего поиска.

В полученном списке содержалось довольно большое количество бессмысленных коллокаций (например, лексема и пунктуационный знак), поэтому, чтобы оптимизировать анализ данных и их сопоставление, мы выработали два критерия отбора коллокаций: 1) со-

ответствие выделяемым в ходе анализа лексико-синтаксическим моделям (см. описание четвертого этапа); 2) применение «порога частотности». Установление «порога» в исследованиях, подобных нашему, обязательно, поскольку в речи можно встретить большое количество окказиональных сочетаний лексем, еще не закрепленных узусом или являющихся отражением лингвокреативности. Приведем несколько таких примеров, не вошедших в рассматриваемый материал:

(4) *Le Covid ne prend pas de vacances* (RTBF, 2022);

(5) *Le Covid ne connaît pas les frontières* (Ouest France, 2020);

(6) *Et si le Covid-19 accouchait de la décroissance ?* (La ferme du Buisson, 2020).

Поскольку подобные сочетания не имеют статистической устойчивости (1–2 совместных употребления), мы исключили их из выборки. Случаи трехкратного совместного употребления крайне малы, в то время как группа с четырехкратной встречаемостью заполнилась десятью коллокациями. Поэтому мы приняли решение остановиться именно на этом значении.

Четвертый этап работы – анализ выявленных коллокаций с глагольными компонентами и описание его результатов. При изучении семантических ограничений этих компонентов мы опирались на классификацию, предложенную в «Толково-идеографическом словаре русских глаголов. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» (ТСРГ) – обширном и ценном труде, который может стать опорой для анализа семантики глаголов не только русского и английского, но и других языков. Словарь содержит описание около 7 000 лексико-семантических вариантов слов, распределенных по семантическим группировкам с учетом их иерархической организации по семантическим полям (далее – ЛСП), подполям (ЛСПП), группам (далее – ЛСГ). Универсальность предложенного в словаре подхода к классификации единиц позволяет применять этот справочник для изучения системной организации глагольной лексики других языков. В работе мы также опирались на данные ряда французских словарей (DAF; DPL; DPR).

Результаты и обсуждение

В ходе анализа было выявлено 135 глаголов и глагольных выражений, которые построены по следующим моделям: *coronavirus / COVID-19 + V*; *V + coronavirus / COVID-19*; *V + PRÉP + coronavirus / COVID-19*.

МОДЕЛЬ *coronavirus / COVID-19 + V*. В рамках данной модели лексемы *coronavirus / COVID-19* функционируют в качестве субъекта действия. Как показывает анализ, обе лексемы сочетаются как с полнознаменательными глаголами, относящимся к различным семантическим группам, так и с неполнознаменательными в семантически неделимых словосочетаниях с существительными. Эта модель объединяет наибольшее количество коллокаций, глагольные компоненты, входящие в нее, относятся к трем лексико-семантическим полям: «Действие и деятельность», «Бытие, состояние, качество» и «Отношение» (всего 83 глагола).

ЛСГ отрицательного воздействия на объект (ЛСП «Действие и деятельность») объединяет 21 глагол со значением лишения жизни живого существа; активного воздействия на объект с нанесением ему вреда вплоть до разрушения; разрушения. Глаголы этой группы обозначают деструктивное воздействие вируса на здоровье человека и жизнь общества: *tuer, causer (les décès, la mort), faire (des morts, des victimes), provoquer (la mort, le décès, les contaminations, des maux, une fièvre, l'infertilité, un mal de gorge, etc.), entraîner (la mort, le décès); contaminer, infecter, déstabiliser, mettre (fin, au chômage), frapper, toucher, bousculer, bouleverser, chambouler, plonger (vers l'abîme, dans de nouveaux gouffres), attaquer, nuire; détruire, briser, écraser, ruiner*.

(7) *Le nouveau coronavirus a causé 299 nouveaux décès* enregistrés à l'hôpital en 24 heures en France (Le Figaro, 2020);

(8) *Le coronavirus a tué* près de 730.000 personnes et en **a contaminé** plus de 19 millions dans le monde (France 24, 2020);

(9) *Le nouveau coronavirus a fait* sa première **victime** en France (Ouest France, 2020);

(10) *Le coronavirus a infecté* au moins 17,6 millions de personnes dans le monde (RTL, 2020);

(11) Le **nouveau coronavirus a provoqué** quelque 80 000 contaminations, selon des chiffres communiqués mercredi (Le Figaro, 2020);

(12) La **COVID-19 a déstabilisé** plusieurs sphères de la société (La Tribune, 2020);

(13) Comment le **coronavirus bouscule** la présidentielle américaine (L'Express, 2020);

(14) Le **covid chamboule** les habitudes aux Seychelles (Franceinfo, 2020);

(15) Le **coronavirus plonge** les marchés mondiaux vers l'abîme (L'Obs, 2020);

(16) Sondage : la **COVID-19 nuit à la santé** mentale, surtout celle des femmes (Les Affaires, 2021);

(17) Le **coronavirus a mis fin** à notre mariage (Closer, 2021);

(18) Le **coronavirus détruit** des emplois aux Etats-Unis, le chômage menace d'être massif (France 24, 2020);

(19) Le **Covid-19 brise** des cœurs, littéralement (Closer, 2021);

(20) Ce graphique commenté rappelle comment le **Covid-19 a écrasé** toute la planète en 2020 (Orange Actu, 2020).

Менее частотную группу составляют 10 глаголов поступательного движения субъекта (подполе движения) *circuler, partir, venir, se déplacer, courir, se promener, laisser, s'approcher, s'éloigner, revenir*:

(21) Le **Covid circule** encore beaucoup : voici la situation dans votre commune (Actu, 2022);

(22) Sur le toit du monde, **Covid-19 part** à la conquête des sommets (Heidi.news, 2021);

(23) COVID-19 – Comment le **virus se déplace-t-il** dans l'air ? (France-Science, 2020);

(24) Le **Covid-19 court** toujours (La Croix, 2020);

(25) Le **coronavirus se promène-t-il** en suspension dans l'air tout autour de nous ? (L'Express, 2020);

(26) Moisi, fumée, métal : le **coronavirus leur laisse** un vilain arrière-goût des mois après (Le nouvelliste, 2021);

(27) La **Covid-19 s'éloigne** de plus en plus (Radio Cool, 2021);

(28) Le **coronavirus s'est** tout récemment **approché** du président américain (98,5 FM, 2020);

(29) Le **coronavirus est venu** pour empirer la situation (France 24, 2020);

(30) Le **Covid-19 revient** en force en France (La Dépêche, 2022).

К социальным глаголам, сочетающимся с «коронавирусными» лексемами, относятся 7 глаголов противодействия и поступка и по-

ведения (две из девяти лексико-семантических групп подполя социальной деятельности) *perturber, retarder, mettre (à l'arrêt, à rude épreuve, au repas forcé), freiner, paralyser, persister, faire (des ravages)*:

(31) La **COVID-19 perturbe** le quotidien des citoyens en Atlantique (Radio Canada, 2022);

(32) Le **Covid-19 a retardé** d'une génération l'égalité hommes-femmes (La Tribune, 2021);

(33) Le **Covid-19 a mis** l'économie mondiale à **rude épreuve** (Atlas Magazine, 2020);

(34) Au Ghana, la **COVID-19 freine** la lutte contre le sida (Gazette des femmes, 2022);

(35) Le **coronavirus paralyse** le premier tour des municipales (La Gazette des communes, 2020);

(36) Le **coronavirus fait des ravages** en Guyane (Franceinfo, 2021).

Глаголы поля «Бытие, состояние, качество» широко представлены в коллокациях с компонентами *(nouveau) coronavirus / COVID-19* как глаголами бытия, так и качественного состояния. Они позволяют описать появление и особенности существования нового опасного коронавируса.

Глаголы ЛСПП бытия (11 единиц) распределяются по трем лексико-грамматическим группам. Исследовательский материал подтвердил наличие глаголов-коллокатов, относящихся к ЛСГ начальной фазы бытия: *apparaître, faire (son apparition), provenir, émerger, surgir*; существования: *être, constituer, vivre*; прекращения бытия: *mourir, finir, disparaître*.

(37) La ville centrale chinoise de Wuhan, où le **Covid-19 avait fait son apparition** fin 2019, va à nouveau dépister ses habitants après la découverte de quelques cas (France 24, 2021);

(38) L'épidémie a en revanche reculé en Chine, d'où **a surgi le nouveau coronavirus** fin décembre (Le Progrès, 2020);

(39) C'est l'été mais le **Covid-19 est** toujours là ! (Santé Publique, 2020);

(40) Le **coronavirus Covid-19 constitue** une « très grave menace » pour le monde (Le Monde, 2020);

(41) Plastique, verre, bois... ces surfaces où le **coronavirus vit** le plus longtemps (Capital, 2020);

(42) Le virus **Covid-19 ne meurt** pas directement au contact de l'air libre (Luxemburger Wort, 2020);

(43) Le **coronavirus n'a pas encore fini** de faire parler de lui (Est Républicain, 2022);

(44) Un verre sur lequel le **coronavirus disparaît** plus rapidement que sur un verre classique (AGC Yourglass, 2021).

В лексико-семантическое подполе качественного состояния входят глаголы ЛСГ становления качества, проявления признака, образа жизни, эмоционального состояния, физиологического состояния и функционального состояния. Анализ семантических ограничений глагольных компонентов позволил выделить принадлежащие ЛСГ проявления признака глагольные коллокации (19 единиц) со значением проявления качества (*se manifester, se modifier, muter*), изменения количественного признака (*se propager, se diffuser, se répandre, s'étendre, se développer, progresser, poursuivre (sa progression), être (en hausse)*), часто встречающиеся в конструкциях с фазовыми глаголами *continuer, ne cesser de*, и изменения качественного признака *changer, modifier*.

(45) Quand le **covid se manifeste** sur la peau (Allodocteurs, 2021);

(46) Le **coronavirus mute** et cest tout à fait normal (AFP, 2020);

(47) Le **coronavirus continue de progresser** de manière incontrôlée dans la plupart des États du pays de 210 millions d'habitants (Midi libre, 2020);

(48) Le **coronavirus se propage** de plus en plus rapidement et le bilan des victimes s'est alourdi mercredi (20 minutes, 2020);

(49) Le **nouveau coronavirus** s'est diffusé un peu partout dans le monde en quelques semaines (Paris Match, 2020);

(50) Il a été observé pour la première fois en Chine en 2002, et **s'est répandu** dans une trentaine de pays en quelques mois, tuant quelque 700 personnes (Franceinfo, 2022);

(51) Le **Covid-19 se développe** sur le même terrain que les conflits armés (Radio Okapi, 2020);

(52) Au rythme élevé où **progressé le Covid-19**, le pays de 210 millions d'habitants pourrait être en juin le nouvel épicode de la pandémie (Le Parisien, 2020);

(53) Le **coronavirus** a aussi **changé** le monde du travail (Le Progrès, 2020);

(54) Le **Covid a modifié** les conditions de travail d'un salarié sur deux (Les Echos, 2021).

Группа коллокатов, представляющих ЛСГ физиологического состояния, немногочисленны и включают только 2 лексемы – *survivre* и *persister*:

(55) Le **coronavirus survit-il** sur les textiles ? (Le Bien Public, 2022);

(56) Sur quelles surfaces le **coronavirus persiste-t-il** le plus longtemps ? (Le Temps, 2020).

Глаголы-коллокации, относящиеся к ЛСГ эмоционального состояния, содержат семы, отражающие негативную оценку: *gâcher, empoisonner, faire (peur), inquiéter*.

(57) Le **coronavirus gâche** littéralement la vie des étudiants (Le Télégramme, 2021);

(58) Le **coronavirus empoisonne** l'économie agricole de Normandie (Actu, 2020);

(59) Pourquoi le **nouveau coronavirus** nous **fait-il** aussi **peur** ? (Courrier international, 2020).

Из глагольных коллокатов, относящихся к ЛСП «Отношение», были зафиксированы 15 глаголов трех из четырех подполей: взаимоотношения, межличностных отношений и социального отношения.

Наиболее представлена ЛСГ глаголов эмоционально-оценочного отношения (ЛСП межличностные отношения), имеющих негативную окраску. Глаголы *aimer, apprécier, épargner* зафиксированы в коллокациях исключительно в отрицательной или вопросительной форме, глагол *détester* – в утвердительной форме:

(60) Le **covid n'aime** ni le cuivre, ni la chaleur (Luxemburger Wort, 2020);

(61) Le **Covid-19 n'apprécie pas** la chaleur, d'après l'Académie de médecine (Le Généraliste, 2020);

(62) Ce film antimicrobien s'autodésinfecte : le **Covid-19 le déteste** (Le Progrès, 2020);

(63) Le **Covid-19 épargne** bien les jeunes enfants mais pas les adolescents (Les Echos, 2020).

ЛСП глаголов социальных отношений включает глаголы и глагольные конструкции ЛСГ победы: *prendre (le dessus), être (en revanche)*; принуждения: *faire + faire, provoquer, forcer, imposer, contraindre, pousser*; влияния: *peser*; подчинения: *gagner (le terrain, les grandes métropoles, etc.)*.

(64) Mais depuis la mi-janvier, c'est le **variant du coronavirus Omicron** qui **a pris le dessus** (Franceinfo, 2022);

(65) Le **coronavirus fait souffrir** les finances communales wallonnes (Le Soir, 2021);

(66) Le **coronavirus fait baisser** de moitié le marché automobile (France 24, 2020);

(67) On sait désormais pourquoi le **coronavirus fait** parfois **perdre** l'odorat (Ouest France, 2020);

(68) Le **COVID** nous **impose** des restrictions chaque jour plus sévères (RTS, 2020);

(69) Le **Covid contraint** même les plus résilients à se remettre en cause (Le Figaro, 2020);

(70) Le **Covid pousse** les Français à s'engager (Le Figaro, 2021);

(71) Le **Covid-19 pousse** l'Espagne sur la voie du fédéralisme (Le Monde, 2021);

(72) Le **Covid pèse** lourd sur les **finances** de plus d'un quart des Suisses, selon l'OCDE (RTS, 2021);

(73) La **COVID-19 gagne du terrain** à l'Île-du-Prince-Édouard (Radio Canada, 2022).

ЛСПП владения в нашей выборке представлены единственным употреблением глагола *se transmettre*:

(74) Un salon, un bar et une classe : ainsi **se transmet le coronavirus** dans l'air (Le Soir, 2021).

МОДЕЛЬ V + coronavirus / COVID-19 включает глагольный компонент и ключевые субстантивные компоненты в функции беспредложного (прямого) дополнения. Эта модель имеет довольно разнообразное лексическое наполнение (33 глагола) и также охватывает все три лексико-семантических поля.

В «коронавирусных» коллокациях с глаголами ЛСП «Действие и деятельность» были выявлены лексемы ЛСПП физического воздействия на объект, социальной деятельности и интеллектуальной деятельности. В выборке зафиксировано только 4 глагола, относящихся к подполю физического воздействия на объект (ЛСГ отрицательного воздействия на объект): *détruire, désactiver, éliminer, tuer*:

(75) En effet, des tests ont confirmé l'efficacité de l'appareil Germi R 75 pour **détruire le coronavirus** présent dans l'air (Capital, 2021);

(76) Ils rapportaient qu'une exposition au soleil permettait, dans la pratique, de **désactiver le coronavirus** responsable de la Covid-19 huit fois plus vite (L'Indépendant, 2021);

(77) Comment **éliminer le coronavirus** sur sa peau (Le Point, 2020);

(78) Le chaud et le froid **tuent-ils le coronavirus?** (20 minutes, 2020).

Глагольные коллокации подполя социальной деятельности относятся к лексико-семантическим группам деятельности по достиже-

нию цели (*prévenir*), противодействия, включающей 10 глаголов, описывающих действия человека по созданию препятствий распространяющейся угрозы (*combattre, affronter, endiguer, arrêter, stopper, bloquer, freiner, empêcher, contrer, neutraliser*), и победы (*vaincre, battre*):

(79) Des plantes pour **prévenir** et soigner le **Covid-19** et ses variants (France Bleue, 2021);

(80) **Combattre le coronavirus** avec la vitamine D (La Presse, 2021);

(81) L'école est-elle prête à **affronter le coronavirus?** (L'Humanité, 2020);

(82) L'OMS appelle les pays touchés à agir « rapidement » pour **endiguer le coronavirus** (Le Monde, 2020);

(83) Déjà utilisés à Dubaï, en Chine et en Italie, ils pourraient devenir la clé pour **stopper le Covid-19** dans les bidonvilles de cette ville tentaculaire de 18 millions d'habitants (L'Express, 2020);

(84) Et ce n'est pas son comportement d'autocrate qui **arrêtera le coronavirus** (L'Express, 2020);

(85) Coronavirus : bientôt un spray nasal capable de **bloquer le Covid-19?** (La Dépêche, 2020);

(86) Tour de France : pour freiner le Covid, l'accès du paddock aux départs est désormais fermé (Le Parisien, 2022);

(87) Nous allons **vaincre le coronavirus** (Les Echos, 2020);

(88) Elle a déclaré lundi 5 octobre 2020 que son pays avait de nouveau **battu le Covid-19** (20 minutes, 2020).

Необходимость изучения коронавирусной инфекции объясняет наличие в выборке глаголов ЛСПП интеллектуальной деятельности. К ним относятся глаголы познания *étudier, détecter, dépister*, предположения *suspecter*:

(89) Cécile Henquell, virologue à Clermont-Ferrand, explique pourquoi «**étudier ce coronavirus** est passionnant» (La Montagne, 2021);

(90) Un test rapide, fiable et bon marché pour **détecter le coronavirus** avec une bandelette de papier réactif va bientôt être disponible en Inde (Le Point, 2020);

(91) Le ministère de la Santé veut que des chiens **dépistent le Covid-19** «dès cet été» (Le Progrès, 2021);

(92) Comment **suspecter un Covid** variant? (Cerb Alliance, 2021).

Из глаголов поля «Бытие, состояние, качество» представлено несколько ЛСПП. В подполе бытия (ЛСГ начальной фазы бы-

тия, существования) зафиксировано всего 2 глагола со значением каузации начала существования *créer, inventer*. Они появляются в обсуждениях возможности искусственного происхождения COVID-19:

(93) Non, l'Institut Pasteur n'a pas inventé le coronavirus en 2004 comme le prétend une vidéo virale (Le Monde, 2020);

(94) L'homme qui accusait l'Institut Pasteur **d'avoir créé le nouveau coronavirus** condamné pour diffamation (Radio France, 2020).

Глаголы-коллокации ЛСПП качественного состояния относятся к ЛСГ физиологического состояния *attraper, contracter, traiter, soigner, guérir, avoir* и изменения количественного признака *affaiblir*:

(95) Ces jeunes Français qui veulent **attraper le Covid** pour éviter la vaccination (Le Figaro, 2021);

(96) Comment Mattia, 38 ans, a-t-il **contracté le coronavirus**? (Le Parisien, 2020);

(97) Il va peut-être falloir prendre la peine d'envisager la chloroquine pour **traiter le C-19**? (Devenir rentier, 2020);

(98) Le traitement pourrait servir à prévenir et **soigner** dans certains cas le **Covid-19** (France Bleue, 2021);

(99) Alors que les doses de vaccins commencent à être distribuées à travers le monde, des laboratoires et groupes pharmaceutiques poursuivent leurs recherches sur d'autres traitements pour prévenir, voire **guérir le COVID-19** (Ouest France, 2021);

(100) La chaleur et les rayons du soleil pourraient **affaiblir le coronavirus** (Ouest France, 2020).

Заострим внимание еще на одном ограничении: в выделенных контекстах глагол *avoir* употребляется только с компонентами *Covid* или *Covid-19*:

(101) En règle générale, les patients qui **ont eu le Covid** ont des symptômes bien plus graves que ceux qui souffrent d'asthme normal (La presse, 2021).

Резко негативное отношение социума к вирусу и его разрушительным последствиям проявляется в глаголах лексико-семантического поля «Отношение», а именно ЛСГ эмоционально-оценочного отношения *aimer* (всегда в отрицательной форме), *détester, craindre*:

(102) Jean-Michel Blanquer **n'aime pas le covid** (L'Obs, 2022);

(103) Jean-Paul Belmondo privé de sa fille Florence : «Je te **déteste Covid**» (Purepeople, 2021);

(104) «On **ne craint pas le coronavirus**», poursuit-elle (Le Figaro, 2020).

МОДЕЛЬ V + PRÉP + coronavirus / COVID-19 представляет собой сочетание глагола и ключевого компонента-существительного, выполняющего функцию предложного (косвенного) дополнения и, реже, обстоятельства. Выявлено четыре частотных субмодели с предлогами *contre, de, à, avec*.

Предлог *contre* представляет собой одно из наиболее частотных слов, встречающихся в текстах, где обсуждается борьба с коронавирусом; оно входит в субмодель **V + contre + coronavirus / COVID-19**, первый компонент которой включает глаголы ЛСП «Действие и деятельность» ЛСПП социальной деятельности (ЛСГ противодействия): *lutter, (se) prémunir, se faire vacciner, se mobiliser*.

(105) Elle a été conçue par une Palestinienne déterminée à **lutter contre le nouveau coronavirus** (AFP, 2020);

(106) Va-t-on enfin pouvoir **se prémunir contre le nouveau coronavirus**? (L'Express, 2020);

(107) Ya-t-il plus de bénéfice ou de risque à **se faire vacciner contre le Covid-19**? (La Montagne, 2021);

(108) Comment la planète **se mobilise contre** le coronavirus (La Dépêche, 2020).

Субмодель **V + de + coronavirus / COVID-19** распространяется на глаголы, относящиеся к полю «Бытие, состояние, качество»: представлены единицы двух подполей – качественного состояния и социальных отношений. Подполе качественного состояния включает глаголы ЛСГ физиологического состояния *mourir, décéder, succomber, souffrir, guérir, se remettre* и эмоционального состояния *avoir (peur)*:

(109) Mais, bien que les personnes âgées aient plus de risques de mourir du Covid-19, le risque à l'âge moyen est toujours élevé (Le Point, 2020);

(110) 93,7% des personnes qui **décèdent du coronavirus** sont âgées d'au moins 50 ans (L'Express, 2020);

(111) Arnaud Noyer, rencontré à travers une amie commune et dont la grand-mère a aussi **succombé du Covid-19** dans un Ehpad des Alpes-Maritimes (Le Monde, 2020);

(112) Ils ont **souffert du covid** au début, de l'absence du public avec seulement 4 victoires à la Meinau, c'est famélique (France Bleue, 2021);

(113) Pourquoi personne ne peut jamais **guérir du Covid-19** en Angleterre – une anomalie statistique (Le Figaro, 2020);

(114) “Plus de temps que prévu pour **se remettre**” du Covid-19: Messi devrait être absent samedi contre Brest (La Dépêche, 2022);

(115) J'**ai plus peur** du vaccin que **du Covid-19!** (France Bleue, 2021).

Подполе социальных отношений включает два глагола ЛСГ защиты *se protéger* и *se préserver*:

(116) Pour **se protéger du Covid-19**, la Chine est en fait devenue une île (Le Monde, 2020);

(117) Les Îles Marshall ont mené à bien samedi un un premier vol de rapatriement d'habitants de cet archipel du Pacifique malgré des appels pour que les frontières restent fermées afin de **se préserver du Covid-19** (Ouest-France, 2020).

Субмодель **V + A + coronavirus / COVID-19** представлена глаголом ЛСП «Бытие, состояние, качество», принадлежащим ЛСГ глаголов качественного (физиологического) состояния *succomber*:

(118) C'est la première figure politique nationale à **succomber au Covid**, avant le député de Paris Claude Goasguen (France Bleue, 2020).

Глагол *plaisanter* (ЛСП «Действие и деятельность», ЛСГ глаголов поведения), управляющий предлогом *avec*, соответствует субмодели **V + Avec + coronavirus / COVID-19** и используется преимущественно в отрицательной форме:

(119) « ...Tout le monde se fera dépister, mon père est âgé, il ne faut pas **plaisanter avec le Covid** », prévient-elle (Le Parisien, 2021).

Выявленные глаголы всех трех групп могут сопровождаться модальными глаголами *pouvoir*, *devoir* (часто в условном наклонении), *sembler*, *obliger*:

(120) Le **Covid-19 pourrait** avoir commencé de miner la donne politique en Russie, où le maître du Kremlin doit faire face au mécontentement grandissant de ses compatriotes (Le Figaro, 2020);

(121) La Maison Blanche a présenté ses projections : le **Covid-19 devrait** faire entre 100 000 et 240 000 morts aux Etats-Unis (Franceinfo, 2020);

(122) Le **Covid long semble** toucher davantage les femmes (32,8 %) (Le Parisien, 2021);

(123) Le **coronavirus, qui oblige** Amazon France à suspendre son activité (Sud Ouest, 2020).

Заметим, что прецедентное выражение *Noblesse oblige* («Положение обязывает»), содержащее глагол принуждения *obliger*, стало базой для креативного переосмысления высказывания, например:

(124) **Coronavirus oblige**, le Festival de Cannes n'aura pas lieu au mois de mai (RTS, 2021);

(125) **Covid oblige**, pas de repas des aînés mais des madeleines pour 1.300 personnes âgées à Guéret (France Bleue, 2022);

(126) Le public, restreint, **Covid-19 oblige**, a découvert un grand livre dont les pages se tournent au fil des saisons (Midi libre, 2021).

Заключение

Для реализации цели исследования была сформирована коллекция текстов объемом 1 116 306 слов, включающая 7 401 случай употребления *(nouveau) coronavirus / COVID-19*. Анализ позволил выделить 3 лексико-синтаксические модели глагольных коллокаций с данными компонентами: *coronavirus / COVID-19 + V*; *V + coronavirus / COVID-19*; *V + PRÉP + coronavirus / COVID-19*.

В результате исследования установлено, что лексемы *coronavirus* и *COVID-19*, выступающие в функции субъекта и объекта действия, имеют тенденцию к совместной встречаемости со 135 глаголами. Наиболее лексически наполненной является модель *(nouveau) coronavirus / COVID-19 + V* (83 глагола), где вирус выступает в качестве субъекта действий (ЛСГ отрицательного воздействия на объект (21), социальной деятельности (7), поступательного движения субъекта (9), бытия (11), качественного состояния (17), взаимоотношения (1), межличностных отношений (4), социального отношения (10)). В этой синтаксической функции «коронавирусные» лексемы не сочетаются с глаголами, имеющими семантику перемещения и помещения объекта, созидательной, интеллектуальной, речевой и физиологической деятельности, звучания, владения.

В модели *V + (nouveau) coronavirus / COVID-19* (32 глагола) вирус представляет

собой объект, на который направлено действие. Выделенные лексемы относятся к лексико-семантическим подполям бытия (2), качественного состояния (7), физического воздействия на объект (4), социальной деятельности (12), интеллектуальной деятельности (4), межличностных отношений (3). Обозначая объект действия, изучаемые лексемы проявляют значительные ограничения комбинаторного потенциала: список глагольных коллокатов сокращается более, чем вдвое, а также исключаются сочетания с глаголами движения, перемещения и помещения объекта, созидательной, речевой и физиологической деятельности, звучания, взаимоотношения, владения.

К модели V + PRÉP + *coronavirus* / *COVID-19* относятся 15 глаголов, употребляющихся с предлогами *contre, de, à, avec*. Высокочастотные коллокации с предлогом *contre* включают 4 глагола противодействия (подполе «Социальная деятельность»). Предлог *de* с глаголами физиологического состояния указывает чаще всего на причину состояния, действия (6). Остальные глаголы с предлогами входят в лексико-семантические подполя качественного состояния (2), социальных отношений (3) и социальной деятельности (1). Высока частотность сочетания «коронавирусных» лексем с модальными глаголами (4).

Полученные данные могут быть использованы в лексикографической практике, в преподавании лексикологии французского языка, лингвокультурологии, теории языка, корпусной лингвистики, информационных технологий в лингвистических исследованиях. Перспективным направлением дальнейшего исследования считаем мониторинг комбинаторного потенциала данных лексем, исследование и описание их адъективных и субстантивных коллокатов. Полагаем, что сопоставление с данными других языков позволит выявить сходства и расхождения в речевом поведении изучаемых компонентов, а также те особенности, которые, возможно, ускользают при их рассмотрении на материале одного языка.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Выражаем благодарность за помощь в формировании коллекции текстов А.И. Лозовской, лингвисту АНО «Университет 20.35» (<https://2035.university>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буцева Т. Н., Зеленин А. В., 2020. Лексикография в ситуации неологического экстрима (на материале неолексики, связанной с пандемией коронавируса) // Вестник Череповецкого государственного университета. № 6 (99). С. 86–105. DOI: 10.23859/19940637-2020-6-99-7
- Влавацкая М. В., 2015. Комбинаторная лингводидактика в контексте современного языкового образования // Сибирский педагогический журнал. № 4. С. 40–43.
- Данкова Н.С., Крехтунова Е. В., 2020. Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет) // Научный диалог. № 8. С. 69–83. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83
- Замальдинов В. Е., Хоригути Д., 2021. «Коронавирусные» новообразования в языке СМИ и интернет-коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 5. С. 141–152. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.11>
- Захаров В. П., Хохлова М. В., 2010. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. № 9 (16). С. 137–143.
- Калинин О. И., 2020. Дискурсивная метафора коронавируса в СМИ КНР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 8 (837). С. 26–37.
- Катермина В. В., Липириди С. Х., 2020. Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 4 (147). С. 170–175.
- Кисель И. Ф., 2020. Метафорическая репрезентация понятия «коронавирус» в медиадискурсе (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. № 4 (267). С. 62–67.
- Котюрова И. А., 2020. Корпусные исследования с помощью сервиса AntConc в условиях работы в вузе // Язык и культура. № 52. С. 36–50. DOI: 10.17223/19996195/52/3
- Кронгауз М. А., 2016. Предисловие // Словарь языка интернета.ru. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. С. 3–8.
- Лату М. Н., 2021. Коммуникативные стратегии и тактики в статических поликодовых текстах, посвященных массовой самоизоляции // Политическая лингвистика. № 1 (85). С. 50–71. DOI: 10.12345/1999-2629_2021_01_05

- Мозоль Т. С., 2021. Языковое творчество в эпоху коронавируса (на примере неологизмов корейского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 4 (846). С. 154–164. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_4_846_154
- Попова О. А., Григорова Е. А., 2021. Диминутивные и аугментативные суффиксы в новообразованиях периода пандемии (на материале «Словаря русского языка коронавирусной эпохи») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12. С. 3784–3787. DOI: 10.30853/phil20210619
- Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В., Палоши И. В., 2021. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. № 1. С. 63–79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79
- Северская О. И., 2020. Ковидиоты на карантинных: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. № 4. С. 887–906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906
- Токко Н. И., 2020. Пандемия коронавируса в зеркале современного немецкого языка // Педагогические мастерские : сб. науч. тр. Киров : Межрегион. центр инновац. технологий в образовании. Вып. 11. С. 102–105.
- Шемчук Ю. М., 2020. Лексические изменения в немецком языке под влиянием пандемии коронавируса // Мир науки, культуры, образования. № 4 (83). С. 498–499. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00844
- Юшкова Л. А., 2022. Словообразовательный потенциал существительного Corona в немецкой субстантивной лексике периода пандемии COVID-19 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 2. С. 85–98. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.7
- Abdel-Raheem A., 2021. Where Covid Metaphors Come from: Reconsidering Context and Modality in Metaphor // Social Semiotics. P. 1–40. DOI: 10.1080/10350330.2021.1971493
- AntConc (Version 3.5.9). URL: https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/
- Hwang K., 2021. Constructing Corpus and Word Embedding for Spanish Covid-19 Data // Procesamiento del lenguaje natural. Vol. 67. P. 37–44. DOI: 10.26342/2021-67-3
- Lawson R., 2020. Coronavirus Has Led to an Explosion of New Words and Phrases – And That Helps Us Cope // The Conversation. Apr. 28. URL: https://theconversation.com/coronavirus-has-led-to-an-explosion-of-new-words-and-phrases-and-that-helps-us-cope-136909
- Le Covid-19 ou la Covid-19. URL: https://www.academie-francaise.fr/le-covid-19-ou-la-covid-19
- Preux A., Blanco O., 2021. The Power of Conceptual Metaphors in the Age of Pandemic: The Influence of the WAR and SPORT Domains on Emotions and Thoughts // Language & Communication. Vol. 81. P. 37–47. DOI: 10.1016/j.langcom.2021.08.003
- Roig-Marín A., 2021. English-Based Coroneologisms: A Short Survey of Our Covid-19-Related Vocabulary // English Today. Vol. 37 (4). P. 193–195. DOI: https://doi.org/10.1017/S0266078420000255
- Skrynnikova I. V., Astafurova T. N., 2022. Figurative Framing Around Pandemic Discourse: From Metaphorical Wars on Coronavirus to Wars on Anti-Vaxxers // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 2. С. 136–148. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.11

ИСТОЧНИКИ

- 20 minutes. URL: https://www.20minutes.fr/
- 98,5 FM. URL: https://www.985fm.ca/
- Actu. URL: https://actu.fr/
- AFP. URL: https://www.afp.com/
- AGC. Yourglass. URL: https://www.agc-yourglass.com/fr-BE/profiler
- Allodocteurs. URL: https://www.allodocteurs.fr/
- Atlas Magazine. URL: https://www.atlas-mag.net/
- Capital. URL: https://www.capital.fr/
- Closer. URL: https://www.closermag.fr/
- Cerballiance. URL: https://www.cerballiance.fr/
- Courrier International. URL: https://www.courrierinternational.com/
- Devenir rentier. URL: https://www.devenir-rentier.fr/
- Est Républicain. URL: https://www.estrepublicain.fr/
- France 24. URL: https://www.france24.com/
- France Bleue. URL: https://www.francebleu.fr/
- France-Science. URL: https://france-science.com/
- Franceinfo. URL: https://www.franceinfo.fr/
- Gazette des femmes. URL: https://gazettedesfemmes.ca
- Heidi.news. URL: https://www.heidi.news/
- L'Express. URL: https://www.lexpress.fr/
- L'Humanité. URL: https://www.humanite.fr/
- L'Indépendant. URL: https://www.lindependant.fr/
- L'Obs. URL: https://www.nouvelobs.com/
- La Croix. URL: https://www.la-croix.com/
- La Dépêche. URL: https://www.ladepêche.fr/
- La Ferme du Buisson. URL: https://www.lafermedubuisson.com/
- La Gazette des communes. URL: https://www.lagazettedescommunes.com/
- La Montagne. URL: https://www.lamontagne.fr/
- Le Nouvelliste. URL: https://www.lenouvelliste.ch/

La presse. URL: <https://www.lapresse.ca/>
 La Tribune. URL: <https://www.latribune.fr/>
 Le Bien Public. URL: <https://www.bienpublic.com/>
 Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/>
 Le Généraliste. URL: <https://www.legeneraliste.fr/>
 Le Monde. URL: <https://www.lemonde.fr/>
 Le Parisien. URL: <https://www.leparisien.fr/>
 Le Point. URL: <https://www.lepoint.fr/>
 Le Progrès. URL: <https://www.leprogres.fr/>
 Le Soir. URL: <https://www.lesoir.be/>
 Le Télégramme. URL: <https://www.letelegramme.fr/>
 Le Temps. URL: <https://www.letemps.ch/>
 Les Affaires. URL: <https://www.lesaffaires.com/>
 Les Echos. URL: <https://www.lesechos.fr/>
 Luxemburger Wort. URL: <https://www.wort.lu>
 Midi libre. URL: <https://www.midilibre.fr/>
 Orange Actu. URL: <https://actu.orange.fr/>
 Ouest France. URL: <https://www.ouest-france.fr/>
 Paris Match. URL: <https://www.parismatch.com>
 Purepeople. URL: <https://www.purepeople.com/>
 Radio Canada. URL: <https://ici.radio-canada.ca/>
 Radio Cool. URL: <https://www.coolfm.biz/index>
 Radio France. URL: <https://www.radiofrance.fr/>
 Radio Okapi. URL: <https://www.radiookapi.net/>
 RTBF. URL: <https://www.rtbf.be/>
 RTL. URL: <https://www.rtl.fr/>
 RTS. URL: <https://www.rts.ch/>
 Santé publique France. URL: <https://www.santepubliquefrance.fr/>
 Sud Ouest. URL: <https://www.sudouest.fr/>

СЛОВАРИ

ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов : Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
DAF – Dictionnaire de l'Académie Française en ligne. 9ème éd. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9P4464>
DPL – Dictionnaire Le Petit Larousse illustré 2020. Paris : Librairie Larousse, 2020. 2048 p.
DPR – Dictionnaire Le Petit Robert de la langue française 2021 / éd. A. Rey, J. Rey-Debove, P. Robert. Paris : Le Robert, 2020. 2836 p.

REFERENCES

- Butseva T.N., Zelenin A.V., 2020. Leksikografiya v situatsii neologicheskogo ekstrima (na materiale neoleksiki, svyazannoy s pandemiyey koronavirusa) [Lexicography in the Situation of Neology Extreme (Based on the New Coronavirus Lexicon)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], no. 6 (99), pp. 86-105. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-6-99-7
- Vlavatskaya M.V., 2015. Kombinatornaya lingvodidaktika v kontekste sovremennogo yazykovogo obrazovaniya [Combinatorial Linguodidactics in the Context of Modern Language Education]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], no. 4, pp. 40-43.
- Dankova N.S., Krekhtunova E.V., 2020. Rerezentatsiya pandemii v SMI: metaforicheskiy obraz voyny (na materiale amerikanskikh gazet) [Media Representation of the Pandemic: A Metaphorical Image of War (Based on American Newspapers)]. *Nauchnyy dialog*, no. 8, pp. 69-83. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83
- Zamaldinov V.E., Horiguchi D., 2021. «Koronavirusnye» novoobrazovaniya v yazyke SMI i internet-kommunikatsii [“Coronavirus” Innovations in Media Language and Internet Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 5, pp. 141-152. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.11>
- Zakharov V.P., Khokhlova M.V., 2010. Analiz effektivnosti statisticheskikh metodov vyyavleniya kollokatsiy v tekstakh na russkom yazyke [Study of Effectiveness of Statistical Measures for Collocation Extraction on Russian Texts]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies], no. 9 (16), pp. 137-143.
- Kalinin O.I., 2020. Diskursivnaya metafora koronavirusa v SMI KNR [Discursive Metaphor of Coronavirus in PRC MEDIA]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], no. 8 (837), pp. 26-37.
- Katermina V.V., Lipiridi S.Kh., 2020. Osobennosti otobrazheniya pandemii koronavirusa v leksike meditsinskogo diskursa (na osnove angliyskikh neologizmov) [Peculiarities of the Reflection of the Coronavirus Pandemic in the Vocabulary of the Medical Discourse (Based on the English Neologisms)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 4 (147), pp. 170-175.
- Kisel I.F., 2020. Metaforicheskaya reprezentatsiya ponyatiya «koronavirus» v mediadiskurse (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Metaphorical Representation of the Concept of “Coronavirus” in the Media Discourse

- (Based on Russian and German)]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyge State University. Series 2. Philology and Art History], no. 4 (267), pp. 62-67.
- Kotyurova I.A., 2020. Korpusnye issledovaniya s pomoshchyu servisa AntConc v usloviyakh raboty v vuze [Corpus-Based Studies with AntConc Service at the University]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 52. pp. 36-50. DOI: 10.17223/19996195/52/3
- Krongauz M.A., 2016. Predislovie [Preface]. *Slovar yazyka interneta.ru* [Dictionary of Internet. Ru Language]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., pp. 3-8.
- Latu M.N., 2021. Kommunikativnye strategii i taktiki v staticheskikh polikodovykh tekstakh, posvyashchennykh massovoy samoizolyatsii [Communicative Strategies and Tactics in Static Polycode Texts Devoted to Mass Lockdown]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (85), pp. 50-71. DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_05
- Mozol T.S., 2021. Yazykovoe tvorchestvo v epokhu koronavirusa (na primere neologizmov koreyskogo yazyka) [Language Creativity in the Era of the Coronavirus (Focusing on Korean Language Neologisms)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 4 (846), pp. 154-164. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_4_846_154
- Popova O.A., Grigorova E.A., 2021. Diminutivnye i augmentativnye suffiksy v novoobrazovaniyakh perioda pandemii (na materiale «Slovara russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi») [The Role of Diminutive and Augmentative Suffixes in the Formation of Corona-Related Neologisms (By the Material of the “Russian COVID-19 Dictionary”)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], no. 12, pp. 3784-3787. DOI: 10.30853/phil20210619
- Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Paloshi I.V., 2021. Aktivnye protsessy v leksike i slovoobrazovanii russkogo yazyka epokhi koronavirusa: lingvokognitivnyy aspekt [Active Processes in the Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Era of Coronavirus: Linguo-Cognitive Aspect]. *Nauchmy dialog*, no. 1, pp. 63-79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79
- Severskaya, O.I., 2020. Kovidioty na karantikulakh: koronavirusnyy slovar kak diagnosticheskoe pole aktualnykh diskursivnykh praktik [Covidioty on Coronacation: Coronaviral Lexicon as a Diagnostic Field for Actual Discursive Practices]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], no. 4, pp. 887-906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906
- Tokko N.I., 2020. Pandemiya koronavirusa v zerkale sovremennogo nemetskogo yazyka [The Coronavirus Pandemic in the Mirror of the Modern German Language]. *Pedagogicheskie masterskie: sb. nauch. tr.* [Pedagogical Masterclasses: Collection of Scientific Papers]. Kirov, Mezhhregion. tsentr innovats. tekhnologiy v obrazovanii, iss. 11, pp. 102-105.
- Shemchuk Yu.M., 2020. Leksicheskie izmeneniya v nemeckom jazyke pod vliyaniem pandemii koronavirusa [Lexical Changes in the German Language Under the Influence of the Coronavirus Pandemic (On the Example of Neologisms of Sports Topics)]. *Mir nauki, kultura, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], no. 4 (83), pp. 498-499. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00844
- Yushkova L.A., 2022. Slovoobrazovatelnyy potentsial sushchestvitelnogo Corona v nemetskoy substantivnoy leksike perioda pandemii COVID-19 [Word-Formation Potential of the Noun Corona in the German Substantive COVID-Pandemic Vocabulary]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 2, pp. 85-98. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.7>
- Abdel-Raheem A., 2021. Where Covid Metaphors Come from: Reconsidering Context and Modality in Metaphor. *Social Semiotics*, pp. 1-40. DOI: 10.1080/10350330.2021.1971493
- AntConc (Version 3.5.9)*. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/>
- Hwang K., 2021. Constructing Corpus and Word Embedding for Spanish Covid-19 Data. *Procesamiento del lenguaje natural*, vol. 67, pp. 37-44. DOI: 10.26342/2021-67-3
- Lawson R., 2020. Coronavirus Has Led to an Explosion of New Words and Phrases – And That Helps Us Cope. *The Conversation*, April 28. URL: <https://theconversation.com/coronavirus-has-led-to-an-explosion-of-new-words-and-phrases-and-that-helps-us-cope-136909>
- Le Covid-19 ou la Covid-19*. URL: <https://www.academie-francaise.fr/le-covid-19-ou-la-covid-19>
- Preux A., Blanco O., 2021. The Power of Conceptual Metaphors in the Age of Pandemic: The Influence of the WAR and SPORT Domains on Emotions and Thoughts. *Language & Communication*, vol. 81, pp. 37-47. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2021.08.003>

Roig-Marín A., 2021. English-Based Coroneologisms: A Short Survey of Our COVID-19-Related Vocabulary. *English Today*, vol. 37 (4), pp. 193-195. DOI:10.1017/S0266078420000255

Skrynnikova I.V., Astafurova T.N., 2022. Figurative Framing Around Pandemic Discourse: From Metaphorical Wars on Coronavirus to Wars on Anti-Vaxxers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 2, pp. 136-148. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.11>

SOURCES

20 Minutes. URL: <https://www.20minutes.fr/>
98,5 FM. URL: <https://www.985fm.ca/>
Actu. URL: <https://actu.fr/>
AFP. URL: <https://www.afp.com/>
AGC Yourglass. URL: <https://www.agc-yourglass.com/fr-BE/profiler>
Allodocteurs. URL: <https://www.allodocteurs.fr/>
Atlas Magazine. URL: <https://www.atlas-mag.net/>
Capital. URL: <https://www.capital.fr/>
Closer. URL: <https://www.closermag.fr/>
Cerballiance. URL: <https://www.cerballiance.fr/>
Courrier International. URL: <https://www.courrierinternational.com/>
Devenir rentier. URL: <https://www.devenir-rentier.fr/>
Est Républicain. URL: <https://www.estrepublicain.fr/>
France 24. URL: <https://www.france24.com/>
France Bleue. URL: <https://www.francebleu.fr/>
France-Science. URL: <https://france-science.com/>
Franceinfo. URL: <https://www.franceinfo.fr/>
Gazette des femmes. URL: <https://gazettedesfemmes.ca>
Heidi.news. URL: <https://www.heidi.news/>
L'Express. URL: <https://www.lexpress.fr/>
L'Humanité. URL: <https://www.humanite.fr/>
L'Indépendant. URL: <https://www.lindependant.fr/>
L'Obs. URL: <https://www.nouvelobs.com/>
La Croix. URL: <https://www.la-croix.com/>
La Dépêche. URL: <https://www.ladepeche.fr/>
La Ferme du Buisson. URL: <https://www.lafermedubuisson.com/>
La Gazette des communes. URL: <https://www.lagazettedescommunes.com/>
La Montagne. URL: <https://www.lamontagne.fr/>

Le Nouvelliste. URL: <https://www.lenouvelliste.ch/>
La presse. URL: <https://www.lapresse.ca/>
La Tribune. URL: <https://www.latribune.fr/>
Le Bien Public. URL: <https://www.bienpublic.com/>
Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/>
Le Généraliste. URL: <https://www.legeneraliste.fr/>
Le Monde. URL: <https://www.lemonde.fr/>
Le Parisien. URL: <https://www.leparisien.fr/>
Le Point. URL: <https://www.lepoint.fr/>
Le Progrès. URL: <https://www.leprogres.fr/>
Le Soir. URL: <https://www.lesoir.be/>
Le Télégramme. URL: <https://www.letelegramme.fr/>
Le Temps. URL: <https://www.letemps.ch/>
Les Affaires. URL: <https://www.lesaffaires.com/>
Les Echos. URL: <https://www.lesechos.fr/>
Luxemburger Wort. URL: <https://www.wort.lu>
Midi libre. URL: <https://www.midilibre.fr/>
Orange Actu. URL: <https://actu.orange.fr/>
Ouest France. URL: <https://www.ouest-france.fr/>
Paris Match. URL: <https://www.parismatch.com>
Purepeople. URL: <https://www.purepeople.com/>
Radio Canada. URL: <https://ici.radio-canada.ca/>
Radio Cool. URL: <https://www.coolfm.biz/index>
Radio France. URL: <https://www.radiofrance.fr/>
Radio Okapi. URL: <https://www.radiookapi.net/>
RTBF. URL: <https://www.rtb.be/>
RTL. URL: <https://www.rtl.fr/>
RTS. URL: <https://www.rts.ch/>
Santé publique France. URL: <https://www.santepubliquefrance.fr/>
Sud Ouest. URL: <https://www.sudouest.fr/>

DICTIONARIES

Babenco L.G., ed. *Tolkovyy slovar russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. English Equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow, AST-PRESS Publ, 1999. 704 p.
Dictionnaire de l'Académie Française en ligne. 9ème éd. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9P4464>
Dictionnaire Le Petit Larousse illustré 2020. Paris, Librairie Larousse, 2020. 2048 p.
 Rey A., Rey-Debove J., Robert P., éd. *Dictionnaire Le Petit Robert de la langue française 2021*. Paris, Le Robert, 2020. 2836 p.

Information About the Author

Yulia V. Bogoyavlenskaya, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russia; Professor, Department of German and French, Petrozavodsk State University, Prosp. Lenina, 33, 185910 Petrozavodsk, Russia, jvbog@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4500-1491>

Информация об авторе

Юлия Валерьевна Богоявленская, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Россия; профессор кафедры немецкого и французского языков, Петрозаводский государственный университет, просп. Ленина, 33, 185910 г. Петрозаводск, Россия, jvbog@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4500-1491>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.11>

UDC 81'276.6:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 16.01.2023
Accepted: 04.05.2023

DIALOGUE CATEGORY IN MEDIA GENRES: REVIEW OF THE FOREIGN STUDIES¹

Oxana S. Issers

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Anastasia S. Gerasimova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia;
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The review gives critical evaluation of the latest decade publications by nonnative colleagues devoted to the description of dialogic genres in modern media. The works related to the analysis of the dialogue structure peculiarities in social networks and on television are converged on. The dialogue category in online space is noted to be studied within structural-semantic and functional approach (the research into general principles of building a dialogue in social networks, and the functions of journalists in “digital” newspapers); communicative-and-pragmatic approach (the description of dialogic interaction between companies and consumers, including marketing strategies, dialogic cooperation strategies, strategies for neutralizing critical consumers’ reviews), and axiological approach (manifestation of the evaluative and emotional components of dialogic communication). The analysis of the dialogue on TV is highly relevant within the framework of the communicative-strategic paradigm with reference to the genre of the television program, the image of the presenter, the national, cultural and gender identity of the speakers, their role status, as well as the target audience. In addition, a specific area of research is formed by works dedicated to the analysis of the features of a television political interview and the phenomenon of dialogue imitation in monologue genres. The results of the research prove that the development of both social networks and new media genres provide the growth of works devoted to the dialogue category description, thus, media discourse is becoming more and more attractive in terms of linguistic analysis.

Key words: dialogue, dialogic category, media discourse, media linguistics, dialogic communication, communicative strategy, TV genre, media genre.

Citation. Issers O.S., Gerasimova A.S. Dialogue Category in Media Genres: Review of the Foreign Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 148-157. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.11>

УДК 81'276.6:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 16.01.2023
Дата принятия статьи: 04.05.2023

КАТЕГОРИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ В МЕДИАЖАНРАХ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Оксана Сергеевна Иссерс

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Анастасия Сергеевна Герасимова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье представлен обзор зарубежных публикаций последнего десятилетия, посвященных диалогическим жанрам современных медиа. В фокусе внимания находятся работы, в которых выявлены особенности организации диалога в социальных сетях и на телевидении. Установлено, что к наиболее актуальным научным подходам, в рамках которых исследуется категория диалогичности в онлайн-пространстве, относятся структурно-семантический и функциональный (описание общих принципов построения диалога в социальных сетях, функций журналистов в «цифровых» изданиях), коммуникативно-прагматический (рассмотрение диалогического взаимодействия между компаниями и потребителями (маркетинговые стратегии, диалогические стратегии кооперации, стратегии нивелирования критических отзывов потребителей)), аксиологический (определение оценочных и эмотивных компонентов диалога). В исследованиях диалога на ТВ отмечается актуальность его анализа в рамках коммуникативно-стратегической парадигмы с учетом жанра телевизионной передачи, имиджа ведущего, национально-культурной и гендерной принадлежности говорящих, их ролевого статуса, а также целевой аудитории. Отдельное (имитационно-прагматическое) направление исследований составляют работы о телевизионном политическом интервью и (феномене) имитации диалога в монологических жанрах. Результаты обзора подтверждают, что с развитием социальных сетей и формированием новых жанров медиа количество исследований, посвященных категории диалогичности, неуклонно растет, а сама область медиадискурса становится все более перспективной с точки зрения лингвистического анализа.

Ключевые слова: диалог, категория диалогичности, медиадискурс, медиалингвистика, диалогическая коммуникация, коммуникативная стратегия, телевизионный жанр, медиажанр.

Цитирование. Иссерс О. С., Герасимова А. С. Категория диалогичности в медиажанрах: обзор зарубежных исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 148–157. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.11>

Введение

Изучение разных аспектов диалогического взаимодействия берет свое начало в античности в рамках риторической парадигмы и продолжается в той или иной форме в настоящее время: диалогичность рассматривается специалистами в области психологии, политологии, социологии, культурологии и других «науках о человеке». Тем не менее, будучи языковой категорией, самое широкое освещение данный феномен получил в рамках лингвистического знания. Основные концепции диалога изложены в работах второй половины XX в. [Баранов, Крейдлин, 1992а; 1992б; Бахтин, 1986а; 1986б; Виноградов, 1980; Демьянков, 1991; Падучева, 1982; Сухих, 1994; Якубинский, 1986; Dijk, 1984; Grice, 1975; Henne, Rehbock, 1982; Hundsnurscher, 1994; Leech, 1983; Sacks, 1992; Sacks, Schegloff, 1974; Sandig, 1983; Schegloff, 1972; Schwitalla, 1979].

Представление о диалогичности как существенной характеристике любого коммуникативного акта определяется самой моделью коммуникации, где обязательными участни-

ками являются адресант и адресат [Якобсон, 1975]. В отечественной традиции понятие диалога как одной из основных текстовых категорий было теоретически осмыслено М.М. Бахтиным, утверждавшим, что подлинная сущность текста «всегда развивается на границе двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин, 1997, с. 229]. В дальнейшем концепция М.М. Бахтина стала стимулом для исследований в области лингвистики текста, жанроведения, коммуникативной стилистики, поэтики художественной речи, медиалингвистики и др. направлений, которые сегодня вряд ли можно перечислить.

В дискурсивных практиках современных медиа все чаще наблюдается установка на диалогическое построение текста, расширяется присутствие в медиасфере форматов, построенных на основе диалога с реальными или виртуальными собеседниками. По мнению Л.Р. Дускаевой, в рамках медиадискурса именно диалогичность создает архитектуру того или иного жанра и определяет его лингвистическую специфику [Дускаева, 2020, с. 32].

К началу нового тысячелетия сложился целый ряд подходов к изучению диалога – структурно-семантический [Ширяев, 2001; Федотова, 2006], функциональный [Баделина, 1997; Цирельсон, 2002; Казаковская, 2004], коммуникативно-прагматический [Булыгина, Шмелев, 1997; Макаров, 2003], когнитивно-дискурсивный [Борисова, 2009; Кристева, 2004] и некоторые другие. Однако многие исследования, осуществленные зарубежными учеными, недостаточно известны российскому лингвистическому сообществу. В данной статье предлагается обзор зарубежных работ последнего десятилетия, посвященных описанию категории диалогичности в современных медиа, в частности в онлайн-пространстве и на телевидении.

Среди наиболее популярных направлений исследования диалогичности в сетевой коммуникации можно выделить работы, посвященные общим принципам построения и функционирования диалога, особенностям диалогического общения между компаниями и потребителями (маркетинговые стратегии, диалогические стратегии кооперации), оценочному компоненту диалогической коммуникации. Описание диалога на ТВ осуществляется в рамках коммуникативно-стратегической парадигмы с учетом жанра телевизионной передачи, имиджа ведущего, национально-культурной и гендерной принадлежности говорящих, их ролевого статуса, а также целевой аудитории. Кроме того, отдельные направления исследований формируют работы, посвященные анализу особенностей телевизионного политического интервью и феномену имитации диалога в монологических жанрах.

Диалогическая коммуникация в онлайн-пространстве

Общие принципы построения диалогической коммуникации в социальных сетях (Twitter *, Facebook **, Instagram ***) и он-

лайн-газетах анализируются в значительном количестве зарубежных исследований. Так, особенности современного диалогического онлайн-общения в социальной сети Twitter являются объектом исследования в работе Дж. Гиллен и Г. Мерчант «Контактные сигналы: Твиттер как социальная и лингвистическая диалогическая практика»² [Gillen, Merchant, 2013]. Авторы анализируют процессы смыслообразования и семантические нюансы высказываний в контексте общих принципов человеческого общения, предложенных М.М. Бахтиным, а также рассматривают новые формы письменной диалогической коммуникации, связанной с особенностями ведения блога.

В работе А. Лопез Идальго, А. Фернандес Барреро «Коллективные онлайн-интервью: конвергенция медиа и активной аудитории. Возможности и вызовы участия читателей» [López Hidalgo, Fernández Barrero, 2015] представлено концептуальное исследование возможностей «цифрового» интервью в испанских онлайн-газетах El País, и El Mundo, а также описаны новые функции, которые выполняют журналисты, являясь модераторами беседы. В частности, по результатам исследования авторы отмечают, что журналист не только участвует в выборе интервьюируемых и составляет вопросы для беседы, но и настаивает собеседника на диалог, в частности, он может помочь гостю в подготовке и редактировании ответов.

Отдельного внимания заслуживают исследования по описанию маркетинговых диалогических стратегий сетевой коммуникации с потребителем. В работах, посвященных данному аспекту, проводится анализ стратегических возможностей Твиттера как канала взаимодействия компании с потребителем [Sundstrom, Levenshus, 2017]. В статье сравниваются особенности диалогической коммуникации некоммерческих и коммерческих организаций [Wang, Yang, 2019], описыва-

* Деятельность социальной сети Twitter признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

** Деятельность социальной сети Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

*** Деятельность социальной сети Instagram признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

ется диалогическое общение брендов с целевой аудиторией в Instagram [Bilgiler, Kocaömer 2020], изучается влияние диалогических стратегий на реакции пользователей и расширение сети подписчиков [Hebla, Rahal, 2022].

Результаты исследований дают возможность утверждать, что платформы социальных сетей обладают значительным потенциалом для установления диалоговой коммуникации между брендами и их целевой аудиторией. Так, фирмы и компании эффективно используют посты и истории в ленте. Более того, бренды активно реагируют на комментарии, сделанные под их собственными постами. Таким образом, в социальных сетях диалог может использоваться как средство продвижения товара или услуги.

Подчеркнем, что в условиях взаимодействия онлайн особое значение приобретает построение кооперативной коммуникации и стратегии эффективного ответа на негативные отзывы клиентов. Так, в работе М. Йоханн, К. Вольф, А. Годулла «Управление отношениями в Facebook: долгосрочный анализ ведущих компаний Германии» рассматривается коммуникация немецких компаний с клиентами в Facebook, в частности, ее неформальный компонент, при этом результаты исследования демонстрируют возможности эффективного управления диалогом с авторами критических комментариев [Johann, Wolf, Godulla, 2021].

Диалогическая коммуникация между компаниями и целевой аудиторией в онлайн-пространстве может также осуществляется при помощи использования такого маркетингового инструмента, как «голос бренда» (“a brand voice” / “a tone of voice”). В статье Р.Х. Барселос, Д.К. Дантас, С. Сенекал «Следите за своим голосом: как голос бренда в социальных сетях влияет на реакцию потребителей» подчеркивается влияние данного феномена на намерение потребителей совершить покупку [Barcelos, Dantas, Sénécal 2018].

Еще одну группу исследований, связанных с выделением характеристик сетевой диалогической коммуникации, составляют работы, посвященные описанию оценочного и эмотивного компонентов данного типа общения. Например, в статье Д. Йованович, Т.Дж. Ван Льювен «Мультимодальный диалог

в социальных сетях» рассматривается цифровой мультимодальный диалог на различных платформах (Instagram, Twitter, Facebook, Viber, WhatsApp, Snapchat), а также предлагается анализ структуры сообщений и их жанровых особенностей в аспекте использования смайликов и эмодиконов [Jovanovic, Van Leeuwen 2018].

Обзор научных исследований, посвященных диалогической коммуникации в онлайн-пространстве, свидетельствует о широком спектре освещаемых вопросов: общение в социальных сетях и онлайн-газетах, коммуникация с потребителем (в том числе и стратегии эффективного ответа на негативные отзывы), эмотивный компонент диалогического общения.

Диалогическая коммуникация на ТВ

Одним из фокусов исследования диалогических форматов на ТВ является их влияние на коммуникативное поведение членов социума в реальных жизненных ситуациях. В рамках спланированного коммуникативного сценария герои телепередач демонстрируют модели поведения, которые служат ориентиром для массовой аудитории. Таким образом, категория диалогичности в телевизионном дискурсе вызывает исследовательский интерес прежде всего с точки зрения стратегий вербального и невербального поведения, а также с точки зрения национально-культурной и гендерной принадлежности говорящих, их ролевого статуса и жанра телевизионной программы. Так, в статье Д.М. Койшигуловой, Д.А. Карагойшиевой и др. «Телеинституциональная коммуникация как социокультурный аспект в коммуникации (на материале немецких и казахских ток-шоу)» рассматриваются национально-культурные особенности коммуникативного поведения участников и ведущих токшоу, темы дискуссий, вербальные и невербальные способы взаимодействия на ТВ, имеющие свои особенности [Koishigulova et al., 2014]. По результатам исследования авторы приходят к выводу о том, что социальная дистанция при диалогическом общении между участниками немецкого токшоу значительно меньше, чем между участниками казахского телешоу. Кроме того, при ком-

муникации немцы демонстрируют стратегию подавления своего собеседника (тактика упрека), вынуждая его тем самым совершать определенный речевой ход (тактика оправдания). Представители казахской лингвокультуры, напротив, используют речевые акты, не нарушающие коммуникативного пространства адресата. В отношении невербального компонента авторы отмечают, что, в отличие от выступлений казахстанских участников, высказывания немцев зачастую сопровождаются выразительными жестами и мимикой. Особой экспрессивностью отличаются критические замечания говорящих, не свойственные восточной коммуникативной культуре, к которой относится большинство жителей Республики Казахстан.

В работе В. Рен, Х. Вудфилд «Отказы китайок от свиданий в реалити-шоу: выражение участия или независимости?» исследуется коммуникативная стратегия отказа [Ren, Woodfield, 2016]. На примере высказываний из китайского реалити-шоу знакомств было установлено что, отказываясь от приглашения на свидание, китайки использовали ограниченный набор коммуникативных приемов ведения диалога. Их отказы в основном реализовывались с помощью тактик извинения и объяснения причин отказа. Стратегии прямого отказа использовались в незначительном количестве. Кроме того, китайки продемонстрировали широкое использование в речи дискурсивных маркеров вежливости. В качестве одного из результатов исследования авторы отмечают возможное влияние жанра реалити-шоу на поведение китайских женщин в реальной коммуникации с противоположным полом.

Информативным объектом исследований с точки зрения воздействия на массовую аудиторию в контексте диалога является имидж ведущего телешоу. В статье «Образ телеведущего и его восприятие молодой аудиторией (межкультурное исследование: Чехия / Кыргызстан)» чешский исследователь Т. Искандерова описывает факторы, влияющие на успешность телеинтервью и его популярность среди молодежи [Iskanderova, 2022]. Коммуникативное поведение ведущего характеризуется по таким параметрам, как темп и интонация речи, особенности мимики и жесты ку-

ляции, тональность общения (формальный / неформальный стиль), а также наличие распространенных высказываний и элементов юмора. Согласно результатам исследования, вербальное и невербальное поведение ведущих является одним из главных факторов, влияющих на популярность телешоу. Стиль общения ведущего всегда адаптирован к формату телепередачи и целевой аудитории (учитываются гендерный, профессиональный и культурный критерии).

Широкое освещение при описании диалогических телевизионных жанров получило политическое интервью. Внимание исследователей сосредоточено на построении кооперативного и конфликтного диалога в формате интервью. Например, в исследовании греческих ученых Л. Гиалабуки, Т.-С. Павлиду «За границами ответа: использование интервьюируемыми вопросов в телевизионных политических интервью» рассматриваются речевые практики интервьюируемых [Gialabouki, Pavlidou, 2019]. Особое внимание уделяется приемам реакции на неудобные и провокационные вопросы. В частности, авторы установили, что, отвечая на вопросы журналистов, интервьюируемые часто формулируют высказывание в вопросительной форме, минимизируя или оспаривая тем самым провокационные предположения в свой адрес.

Примером анализа политического интервью на ТВ может послужить статья Е. Зураускайте «Выражение невежливости в политических теледебатах», в которой исследуется категория невежливости в телевизионных политических дебатах, проводимых перед парламентскими выборами в Литве [Zurauskaite, 2021]. Результаты исследования показали, что невежливость во время политических теледебатов может выражаться как прямо, так и косвенно, причем эти приемы используются в относительно равной степени. Прямая невежливость представлена всеми функциональными типами предложений. Косвенная невежливость может проявляться на уровне различных языковых средств: инклюзивных форм, официальных обращений, иронии. Это говорит о том, что невежливость в контексте политического телевизионного диалога представляет собой культурно-речевое явление, характеризующееся разнообразными творческими способами ис-

пользования языка для публичного умаления политических оппонентов.

Отметим также работы, посвященные исследованию имитации диалога в монологических жанрах на примере политического дискурса. В статье «Позиция и диалогичность в прощальных обращениях Барака Обамы и Джорджа Буша к жителям Америки: эффективность, эпистемичность и (контрастное) отрицание» испанский исследователь Л. Идальго-Даунинг описывает особенности прощальных речей Барака Обамы и Джорджа Буша, в частности, выявляет лингвистические маркеры, обозначающие позицию президентов (“stance”) по отношению к различным событиям и темам, а также языковые приемы, позволяющие выразить согласие / несогласие с общественностью [Hidalgo-Downing 2021]. Анализ речей показал, что стиль интерактивной позиции Б. Обамы можно назвать в высшей степени диалогичным, сочетающим в себе маркеры директивности и контрастивного отрицания. Директивность используется для непосредственного взаимодействия с аудиторией и как способ убеждения общества принять определенные меры в отношении будущего Америки. Стиль интерактивной позиции Дж. Буша характеризуется наличием высказываний, основанных на деонтической модальности – лингвистической категории, указывающей, каким должен быть мир в соответствии с определенными нормами, ожиданиями и желаниями говорящего. Данный прием позволяет сконцентрировать внимание общественности на том, что позиция президента по отношению к Америке сводится к главной цели – обеспечить ее национальную безопасность.

Выводы

На основании представленного обзора публикаций можно выделить следующие подходы к анализу диалогической коммуникации в онлайн-пространстве и на ТВ: 1) структурно-семантический и функциональный (изучение общих принципов построения диалога, функции журналистов в онлайн-интервью); 2) коммуникативно-прагматический (продвижение товаров и услуг, воздействие на потребителя посредством диалогической коммуникации, воз-

действие на массовую аудиторию через трансляцию коммуникативных моделей поведения, навязывание штампов и клише); 3) коммуникативно-стратегический (планирование коммуникативного сюжета телешоу / политического интервью, построение имиджа на ТВ); 4) аксиологический (оценочный и эмотивный компонент диалога); 5) имитационно-прагматический (исследование феномена имитации диалога в монологических жанрах). Необходимо подчеркнуть, что с развитием социальных сетей и появлением новых жанров медиа количество исследований неуклонно растет, а сама область медиадискурса становится все более перспективной с точки зрения лингвистического анализа, поскольку язык воздействует на массовое сознание, а значит, отчасти формирует ту реальность, в которой мы живем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 22-28-01963 «Диалогическая коммуникация в новых медийных практиках: социокультурная, прагматическая и коммуникативная специфика».

The reported study was funded by RSF, Project no. 22-28-01963 “Dialogic Communication in New Media: Sociocultural, Pragmastic and Communicative Features”.

² Здесь и далее перевод А.С. Герасимовой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баделина М. В., 1997. Отношения согласия между репликами диалогических единств : дис. ... канд. филол. наук. Иваново. 174 с.
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е., 1992а. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. № 2. С. 84–99.
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е., 1992б. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. № 3. С. 8–17.
- Бахтин М. М., 1986а. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / сост. С. Бочаров, В. Кожин. М. : Худ. лит. С. 473–500.
- Бахтин М. М., 1986б. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство. 445 с.
- Бахтин М. М., 1997. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках.

- Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. М. : Academia. С. 227–249.
- Борисова И. Н., 2009. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М. : Либроком. 320 с.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д., 1997. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Яз. рус. культуры. 576 с.
- Виноградов В. В., 1980. О языке художественной прозы. Избранные труды. М. : Наука. 360 с.
- Демьянков В. З., 1991. Тайна диалога // Диалог: теоретические проблемы и методы исследования : сб. науч.-аналит. обзоров / отв. ред. Н. А. Безменова. М. : ИНИОН. С. 11–44.
- Дускаева Л. Р., 2020. Диалогичность // Медиалингвистика в терминах и понятиях : слов.-справ. / под ред. Л. Р. Дускаевой ; редкол.: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. М. : Флинта. С. 32–38.
- Казаковская В. В., 2004. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок» // Вопросы языкознания. № 2. С. 89–107.
- Кристева Ю., 2004. Слово, диалог и роман // Избранные труды : Разрушение поэтики. М. : РОС-СПЭН. С. 165–193.
- Макаров М. Л., 2003. Основы теории дискурса. М. : Гнозис. 280 с.
- Падучева Е. В., 1982. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 41, № 4. С. 305–313.
- Сухих С. А., 1994. Методология и методы исследования диалога // Диалог глазами лингвиста : сб. науч. тр. / редкол. : Г. П. Немец (отв. ред.) [и др]. Краснодар : КГУ. С. 39–47.
- Федотова Н. В., 2006. Семантика и структура диалогического текста в системе русского языка (на примере телевизионных передач) : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов. 353 с.
- Цирельсон Н. Ю., 2002. Взаимодействие иницирующих реплик и реплик-реакций в диалоге: на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук. М. 195 с.
- Ширяев Е. Н., 2001. Семантико-синтаксическая структура разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. № 1 (1). С. 132–147.
- Якобсон Р. О., 1975. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М. : Прогресс. С. 193–230.
- Якубинский Л. П., 1986. О диалогической речи // Избранные работы. Язык и его функционирование / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Наука. С. 17–58.
- Barcelos R. H., Dantas D. C., Sénécal S., 2018. Watch Your Tone: How a Brand's Tone of Voice on Social Media Influences Consumer Responses // Journal of Interactive Marketing. Vol. 41. P. 60–80. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.intmar.2017.10.001>
- Bilgiler H. A., Kocaömer C., 2020. Instagram in the Context of Dialogic Communication: A Content Analysis for Top Performing Brands on Instagram // Global Media Journal. Vol. 10, iss. 20. P. 114–129.
- Gialabouki L., Pavlidou T-S., 2019. Beyond Answering: Interviewees' Use of Questions in TV Political Interviews // Journal of Pragmatics. Vol. 151. P. 18–29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.07.014>
- Gillen J., Merchant G., 2013. Contact Calls: Twitter as a Dialogic Social and Linguistic Practice // Language Sciences. Vol. 35. P. 47–58. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2012.04.015>
- Grice H. P., 1975. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. N. Y. : Academic Press. P. 41–58.
- Hebla M. R., Rahal F., 2022. Organizational Dialogic Communication and Engagement: Examining the Relationship Between Dialogic Strategies and Facets of User Engagement in Nonprofit Sport Organizations // International Journal of Sports Science. Vol. 12, iss. 3. P. 61–72. DOI: [10.5923/j.sports.20221203.02](https://doi.org/10.5923/j.sports.20221203.02)
- Henne H., Rehbock H., 1982. Einführung in die Gesprächsanalyse. Berlin ; N. Y. : [s. n.]. 300 p.
- Hidalgo-Downing L., 2021. Stance and Dialogicity in Barack Obama and George W. Bush's Farewell Addresses to the Nation: Effectivity, Epistemicity and (Contrastive) Negation // Journal of Pragmatics. Vol. 185. P. 93–107. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.08.010>
- Hundsnurscher F., 1994. Dialog-Typologie. Handbuch der Dialoganalyse / Hrsg. von G. Fritz, F. Hundsnurscher. Tübingen. 298 p.
- Iskanderova T., 2022. TV Moderator's Image and Its Perception by Young Audience (Intercultural Study Czech Republic/Kyrgyzstan) // Conference: EUSOC 2009 : Conference Materials. URL: https://www.researchgate.net/publication/359788994_TV_moderator's_image_and_its_perception_by_young_audience_intercultural_study_czech_republic_kyrgyzstan
- Johann M., Wolf C., Godulla A., 2021. Managing Relationships on Facebook: A Long-Term Analysis of Leading Companies in Germany // Public Relations Review. Vol. 47 (3). P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2021.102044>
- Jovanovic D., Van Leeuwen T. J., 2018. Multimodal Dialogue on Social Media // Social Semiotics. Vol. 28 (5). P. 683–699. DOI: <https://doi.org/10.1080/10350330.2018.1504732>
- Koishigulova D. M., Karagoishiyeva D. A., Dosanova A. M., Abdirkenova A. K., 2014. TV-Institutional

- Communication as a Social and Cultural Point in the Communication (Based on German and Kazakh Talk Shows) // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 114. P. 649–653. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.12.762>
- Leech G. N., 1983. *Principles of Pragmatics*. London ; N. Y. : Longman. 250 p.
- López Hidalgo A., Fernández Barrero M. A., 2015. Online Collective Interviews: Converging Media and Active Audiences. Possibilities and Challenges for Readers' Participation // *Estudios sobre el Mensaje Periodístico*. Vol. 21 (1). P. 353–367. DOI: 10.5209/rev-ESMP.2015.v21.n1.49099
- Ren W., Woodfield H., 2016. Chinese Females' Date Refusals in Reality TV Shows: Expressing Involvement or Independence? // *Discourse, Context & Media*. Vol. 13, Pt. B. P. 89–97. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.05.008>
- Sacks H., 1992. *Lectures on Conversation*. In 2 Vols. / ed. by G. Jefferson. Blackwell. 580 p.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G., 1974. A Simplest Systematics for the Organization of Turntaking for Conversation // *Language*. Vol. 50. P. 696–735.
- Sandig B., 1983. Zwei Gruppen von Gesprächsstilen. Ichzentrierter versus duzentrierter Partnerbezug // *Stilistik*. Bd.II. Gesprächsstile / Hrsg. von B. Sandig. Hildesheim ; Zurich ; N. Y. : [s. n.].
- Schegloff E. A., 1972. Sequencing in Conversational Openings // *Advances in the Sociology of Language*. Vol. 2. The Hague : Mouton . P. 91–125.
- Schwitalla J., 1979. *Dialogsteuerung in Interviews*. Munchen. 350 p.
- Sundstrom B., Levenshus A. B., 2017. The Art of Engagement: Dialogic Strategies on Twitter // *Journal of Communication Management*. Vol. 21 (1). P. 17–33. DOI: <https://doi.org/10.1108/JCOM-07-2015-0057>
- Van Dijk T. A., 1984. *Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation*. Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins Co. 172 p.
- Wang Y., Yang Y., 2019. Dialogic Communication on Social Media: How Organizations Use Twitter to Build Dialogic Relationships with Their Publics // *Computers in Human Behavior*. Vol. 104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.106183>
- Zurauskaite E., 2021. Expressing Impoliteness in Political TV Debates // *Lietuvių kalba*. Vol. 16. P. 153–177. DOI: <https://doi.org/10.15388/LK.2021.8>
- the Utterances of Dialogical Units. Cand. philol. sci. diss.]. Ivanovo. 174 p.
- Baranov A.N., Kreydlin G.E., 1992a. Illokutivnoe vyzhdenie v strukture dialoga [Illocutionary Necessiation in the Dialogue Structure]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 84-99.
- Baranov A.N., Kreydlin G.E., 1992b. Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskie pokazateli minimalnykh dialogov [The Structure of a Dialogic Text: Lexical Markers of Minimal Dialogues]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 8-17.
- Bakhtin M.M., 1986a. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh [The Problem of the Text in Linguistics, Philology and Other Humanitarian Sciences]. Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskie statyi* [Literary Critical Articles]. Moscow, Hud. lit. Publ., pp. 473-500.
- Bakhtin M.M., 1986b. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ. 445 p.
- Bakhtin M.M., 1997. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The Problem of the Text in Linguistics, Philology and Other Humanitarian Sciences. Experience of Philosophical Analysis]. Bakhtin M.M. *Russkaya slovesnost. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian Literature. From the Literature Theory to the Structure of the Text. Anthology]. Moscow, Academia Publ., pp. 227-249.
- Borisova I.N., 2009. *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian Speech Dialogue: The Structure and Dynamics]. Moscow, Librokom Publ. 320 p.
- Bulygina T.V., Shmelev A.D., 1997. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Linguistic Conceptualization of the World (Based on the Material of Russian Grammar)]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 576 p.
- Vinogradov V.V., 1980. *O yazyke khudozhestvennoy prozy: Izbrannye trudy* [About the Language of Fiction: Selected Works]. Moscow, Nauka Publ. 360 p.
- Demyankov V.Z., 1991. Tayna dialoga [The Mystery of a Dialogue]. Bezmenova N.A., ed. *Dialog: teoreticheskie problemy i metody issledovaniya: sb. nauch.-analit. obzorov* [Dialogue: Theoretical Problems and Research Methods: Collection of Scientific and Analytical Reviews]. Moscow, INION Publ., pp. 11-44.
- Duskaeva L.R., 2020. Dialogichnost [Dialogueness]. Duskaeva L.R., Vasilyeva V.V., Konyaeva Yu.M., Malyshev A.A., Redkina T.Yu., eds.

REFERENCES

Badelina M.V., 1997. *Otnosheniya soglasiya mezhdu replikami dialogicheskikh edinstv: dis. ... kand. filol. nauk* [The Relations of Agreement Between

- Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slov.-sprav.* [Medialinguistics in Terms and Concepts. Reference Dictionary]. Moscow, Flinta Publ., pp. 32-38.
- Kazakovskaya V.V., 2004. Voprosy-otvetnye edinstva v dialoge “vzroslyy-rebenok” [Question-Answer Units in the Dialogue “Adult-Child”]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 89-107.
- Kristeva Yu., 2004. Slovo, dialog i roman [A Word, a Dialogue and a Novel]. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected Works: Destruction of Poetics]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 165-193.
- Makarov M.L., 2003. *Osnovy teorii diskursa* [Basics of the Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ. 280 p.
- Paducheva E.V., 1982. Pragmaticheskie aspekty svyaznosti dialoga [Pragmatic Aspects of Dialogue Coherence]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR], vol. 41, no. 4, pp. 305-313.
- Sukhikh S.A., 1994. Metodologiya i metody issledovaniya dialoga [Methodology and Methods of Study of the Dialogue]. Nemeč G.P. et al., eds. *Dialog glazami lingvista: sb. nauch. tr.* [Dialogue in Linguist's Eyes. Collection of Scientific Works]. Krasnodar, KGU, pp. 39-47.
- Fedotova N.V., 2006. *Semantika i struktura dialogicheskogo teksta v sisteme russkogo yazyka (na primere televizionnykh peredach): dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics and Structure of a Dialogic Text in the System of Russian Language (Based on the Example of TV Programs). Cand. philol. sci. diss.]. Tambov. 353 p.
- Tsirelson N.Yu., 2002. *Vzaimodeystvie initsiiruyushchikh replik i replik-redaktsiy v dialoge: na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Interaction of Initiating Utterances and Editing Utterances in a Dialogue: Based on the Material of Modern English Language. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 195 p.
- Shiryaev E.N., 2001. Semantiko-sintaksicheskaya struktura razgovornogo dialoga [Semantic and Syntactical Structure of a Speech Dialogue]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 1 (1), pp. 132-147.
- Yakobson R.O., 1975. Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm «za» i «protiv»* [Structuralism “For” and “Against”]. Moscow, Progress Publ., pp. 193-230.
- Yakubinskiy L.P., 1986. O dialogicheskoy rechi [About Dialogical Speech]. *Izbrannye raboty. Yazyk i ego funktsionirovanie* [L.P. Yakubinskiy. Selected Works. Language and Its Functioning]. Moscow, Nauka Publ., pp. 17-58.
- Barcelos R.H., Dantas D.C., Sénécals S., 2018. Watch Your Tone: How a Brand's Tone of Voice on Social Media Influences Consumer Responses. *Journal of Interactive Marketing*, vol. 41, pp. 60-80. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.intmar.2017.10.001>
- Bilgiler H.A., Kocaömer C., 2020. Instagram in the Context of Dialogic Communication: A Content Analysis for Top Performing Brands on Instagram. *Global Media Journal*, vol. 10, iss. 20, pp. 114-129.
- Gialabouki L., Pavlidou T-S., 2019. Beyond Answering: Interviewees' Use of Questions in TV Political Interviews. *Journal of Pragmatics*, vol. 151, pp. 18-29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.07.014>
- Gillen J., Merchant G., 2013. Contact Calls: Twitter as a Dialogic Social and Linguistic Practice. *Language Sciences*, vol. 35, pp. 47-58. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2012.04.015>
- Grice H.P., 1975. Logic and Conversation. Cole P., Morgan J.L., eds. *Syntax and Semantics*, vol. 3: Speech Acts. New York, Academic Press, pp. 41-58.
- Hebla M.R., Rahal F., 2022. Organizational Dialogic Communication and Engagement: Examining the Relationship Between Dialogic Strategies and Facets of User Engagement in Nonprofit Sport Organizations. *International Journal of Sports Science*, vol. 12, iss. 3, pp. 61-72. DOI: 10.5923/j.sports.20221203.02
- Henne H., Rehbock H., 1982. *Einführung in die Gesprächsanalyse*. Berlin, New York, s.n. 300 p.
- Hidalgo-Downing L., 2021. Stance and Dialogicity in Barack Obama and George W. Bush's Farewell Addresses to the Nation: Effectivity, Epistemicity and (Contrastive) Negation. *Journal of Pragmatics*, vol. 185, pp. 93-107. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.08.010>
- Hundsnurscher F., 1994. *Dialog-Typologie. Handbuch der Dialoganalyse*. Tübingen. 298 p.
- Iskanderova T., 2022. TV Moderator's Image and Its Perception by Young Audience (Intercultural Study Czech Republic/Kyrgyzstan). *Conference: EUSOC 2009: Conference Materials*. URL: https://www.researchgate.net/publication/359788994_TV_moderator's_image_and_its_perception_by_young_audience_intercultural_study_czech_republickyrgyzstan
- Johann M., Wolf C., Godulla A., 2021. Managing Relationships on Facebook: A Long-Term Analysis of Leading Companies in Germany. *Public Relations Review*, vol. 47 (3), pp. 1-12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2021.102044>

- Jovanovic D., Van Leeuwen T.J., 2018. Multimodal Dialogue on Social Media. *Social Semiotics*, vol. 28 (5), pp. 683-699. DOI: <https://doi.org/10.1080/10350330.2018.1504732>
- Koishigulova D.M., Karagoishiyeva D.A., Dosanova A.M., Abdirkenova A.K., 2014. TV-Institutional Communication as a Social and Cultural Point in the Communication (Based on German and Kazakh Talk Shows). *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 114, pp. 649-653. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.12.762>
- Leech G.N., 1983. *Principles of Pragmatics*. London, New York, Longman. 250 p.
- López Hidalgo A., Fernández Barrero M.A., 2015. Online Collective Interviews: Converging Media and Active Audiences. Possibilities and Challenges for Readers' Participation. *Estudios sobre el Mensaje Periodístico*, vol. 21 (1), pp. 353-367. DOI: <https://doi.org/10.5209/rev-ESMP.2015.v21.n1.49099>
- Ren W., Woodfield H., 2016. Chinese Females' Date Refusals in Reality TV Shows: Expressing Involvement or Independence? *Discourse, Context & Media*, vol. 13, pt. B, pp. 89-97. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.05.008>
- Sacks H., 1992. *Lectures on Conversation. In 2 Vols.* Blackwell. 580 p.
- Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G., 1974. A Simplest Systematics for the Organization of Turntaking for Conversation. *Language*, vol. 50, pp. 696-735.
- Sandig B., 1983. Zwei Gruppen von Gesprächsstilen. Ichzentrierter versus duzentrierter Partnerbezug. Sandig B., Hrsg. *Stilistik. Bd.II. Gesprächsstile*. Hildesheim, Zurich, New York, s.n.
- Schegloff E.A., 1972. Sequencing in Conversational Openings. *Advances in the Sociology of Language. Vol. 2*. The Hague, Mouton, pp. 91-125.
- Schwitalla J., 1979. *Dialogsteuerung in Interviews*. Munchen. 350 p.
- Sundstrom B., Levenshus A.B., 2017. The Art of Engagement: Dialogic Strategies on Twitter. *Journal of Communication Management*, vol. 21 (1), pp. 17-33. DOI: <https://doi.org/10.1108/JCOM-07-2015-0057>
- Van Dijk T.A., 1984. *Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation*. Amsterdam, Philadelphia, J. Benjamins Co. 172 p.
- Wang Y., Yang Y., 2019. Dialogic Communication on Social Media: How Organizations Use Twitter to Build Dialogic Relationships with Their Publics. *Computers in Human Behavior*, vol. 104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.106183>
- Zurauskaite E., 2021. Expressing Impoliteness in Political TV Debates. *Lietuvių kalba*, vol. 16, pp. 153-177. DOI: <https://doi.org/10.15388/LK.2021.8>

Information About the Authors

Oxana S. Issers, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dostoevsky Omsk State University, Prosp. Mira, 55a, 644077 Omsk, Russia, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

Anastasia S. Gerasimova, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dostoevsky Omsk State University, Prosp. Mira, 55a, 644077 Omsk, Russia; Associate Professor, Graduate School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Polytekhnikeskaya St, 29, 195251 Saint Petersburg, Russia, nastasi_09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0857-4151>

Информация об авторах

Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, 644077 г. Омск, Россия, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

Анастасия Сергеевна Герасимова, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, 644077 г. Омск, Россия; доцент Высшей школы лингвистики и педагогики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, 29, 195251 г. Санкт-Петербург, Россия, nastasi_09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0857-4151>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.12>

UDC 81'276.6:574
LBC 81.006.5

Submitted: 01.02.2023
Accepted: 04.05.2023

FIGURATIVE NARRATIVES OF ENVIRONMENTAL SECURITY

Inna V. Skrynnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Tatiana N. Astafurova

Volgograd State University, Volgograd, Russia;
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. The current paper presents a comprehensive overview of numerous, frequently divergent, views of the concept of environmental security and stresses the resulting ambiguity in its interpretations across various types of discourse. This calls for the need to provide an overarching explanation of what environmental security is to be able to tackle environmental issues in the years to come. Given the complexity and the abstract nature of the term, it is the effective use of language resources that can be helpful in making sense of the environmental security and relevant mechanisms to ensure it. The paper argues that figurative language serves as a pervasive cognitive mechanism in interpreting and foregrounding the major aspects of sustainable “communication” with and about the environment. The focal point of the paper is the authors’ urge to search for an apt metaphorical narrative encompassing various aspects of environmental security as a single metaphor is hardly able to cover a myriad of interdependent relations in the course of human-nature interaction. The analysis of the recurring discursive metaphors (military, medical, care) to refer to environmental security has revealed their downsides in promoting an adequate view of the current threats and, thus, the lack of public awareness of the emergency actions to save the planet.

Key words: environmental security, ambiguity, figurative language, metaphor, metaphorical narrative, explanatory cognitive mechanism.

Citation. Skrynnikova I.V., Astafurova T.N. Figurative Narratives of Environmental Security. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 158-166. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.12>

УДК 81'276.6:574
ББК 81.006.5

Дата поступления статьи: 01.02.2023
Дата принятия статьи: 04.05.2023

ОБРАЗНЫЕ НАРРАТИВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Инна Валериевна Скрынникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Татьяна Николаевна Астафурова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия;
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлен обзор многочисленных и часто расходящихся точек зрения на понятие «экологическая безопасность», выявлена возникающая в результате этого неоднозначность его интерпретации в различных типах дискурса. С учетом сложности и абстрактного характера термина, обозначающего это понятие, показано, что эффективное использование языковых ресурсов может помочь в осмыслении экологической безопасности и релевантных механизмов ее обеспечения. Доказан тезис о том, что образный язык служит универсальным глубинным когнитивным механизмом в интерпретации и выдвигании на первый план важных аспектов устойчивой интеракции человека с окружающей средой. В статье обоснована необходимость поиска корректного мультимодального метафорического нарратива,

охватывающего различные аспекты экологической безопасности, поскольку одна отдельно взятая метафора не способна передать всю многогранность взаимозависимых отношений в процессе взаимодействия человека и природы. В результате анализа рекуррентных дискурсивных метафор (военных, медицинских и др.) экологической безопасности установлены их недостатки в обеспечении адекватного взгляда на современные угрозы и, таким образом, в слабом информировании населения о необходимости экстренных действий по спасению планеты.

Ключевые слова: экологическая безопасность, неоднозначность, образный язык, метафора, метафорический нарратив, объяснительный когнитивный механизм.

Цитирование. Скрынникова И. В., Астафурова Т. Н. Образные нарративы экологической безопасности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 158–166. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.12>

Introduction

The relation between the environment and the security of humans and nature has preoccupied numerous researchers across various disciplines, yet it has never taken the form we see today [Institute of Environmental...]. The progress of a growing environmentalism in developed countries after the 1960s brought environmental concerns to a global level in the 1980s. The environmental topics were related to the impact of surging populations, spreading disease, deforestation and soil erosion, water depletion, air pollution, land, along with rising sea levels in critical, overcrowded regions – developments that will prompt mass migrations and, in turn, incite group conflicts [Kaplan, 2000, p. 20].

In the late 20th century, the problems of interaction between nature and community became the subject of heated debate resulting in the distinction of three types of relations: the harmony of man and nature, the dominance of man over nature, the subordination of man by nature [Trompenaars, Hampden-Turner, 1994]. Subsequently, the main concerns of environmental issues were largely associated with population and resources [Dalby, 2002, p. 6].

The fears about the future and contemporary dangers [Dalby, 2002, p. 163] have given rise to the concept of security, which being an “elusive term” [McSweeney, 1999, p. 24], deals with threats to survival, a relative freedom from war... [Collins, 2022, p. 3] and prompts narratives of danger.

But the more traditional threats – which are primarily military – can also be environmental and have implications to environmental security as deepening and broadening, the security concept

is part of the evolution of the concept. As a consequence, the theme of environmental security is moving away from a state-centric approach to a global level, focusing on a range from the individual (human security) to entire systems (global security), linking environmental scarcity and conflict.

The historical background of the environmental security offers some of the major interpretations of this concept. The first one relies solely on human activity: when the latter affects the environment, we refer to it as ecological security. Such a view emphasizes that it is ecosystems and ecological processes that should be secured as human activity is the threat to ecological security. Humans are only secure in the way that they are merely a part of the environment [Collins et al., 2007, p. 461]. Another interpretation implies common security, i.e. the impacts of environmental issues over shadow borders to a global danger. In case of the ozone depletion or the climate change the problems are shared not in the sense that ‘we’ are all equally responsible for them but rather that we are at equal risk from them [Collins et al., 2007].

In the third millennium, major scientists are turning to a qualitatively new type of interaction between nature and society, giving rise to novel ecological narratives which highlight:

– the anthropogenic changes of the planet (industrial emissions and waste, carbon monoxide, destruction of the rainforest, fumes from vehicles, nuclear reactors and waste, oil spills at sea, chemical effluent, the greenhouse effect, the consumption of non-renewable energy and the use of non-biodegradable materials); the narrative suggests that it is ecosystems that should be secured as human activity poses a planetary threat to ecological security;

– climate change (global warming, sea-level rise; ice mass loss, shifts in flower/plant blooming; extreme weather events); the current climate change narrative is turning toward more human-induced / man-made climate change reawakening environmental concerns in the global public's minds;

– virus pandemics, the latest of which, the COVID-19, cost the lives of 15 million people worldwide; this viral narrative foregrounds the idea of “a hybrid warfare threat because humans carry and spread the virus which wages war against them” [Jakovljevic et al., 2020].

The aforementioned narratives have given rise to a new approach to social responsibility in relation to environment protection and security. Most people seem to be aware of what environmental security means and believe they contribute to it. But in global terms, the genuine environmental security lies not with a private individual, but with industry and big business. More in-depth insights into current ecological narratives have revealed the contested views of “environmental security”:

– safety of the natural environment and vital human interests from the possible negative effects of human industrial activities;

– safety of an individual, society and the state from potential or current threats posed by the consequences of daily environmental pollution;

– the sum of rules aimed at protecting the environment, rational use of natural resources, ensuring human rights to a healthy and favorable environment;

– preventing the looming threat of human environment deterioration and the biosphere as a whole [Zurlini, Müller, 2008].

The interpretations of ecological security above are far from being complete. Though the more exhaustive one is proposed by G.A. Atamanov who believes that ecological security is the state of ecosystem in which it does not cause social or anthropogenic system harm, as it has no impact on it, leading to its destruction and/or dysfunction [Atamanov, 2019]. Thus, environmental security is based on the sustainable development of sources of livelihood, health, and well-being, which are the basis of effective management of Corporation Earth [Environmental Security..., 2018].

The mechanism for ensuring environmental security, in our view, comprises economic,

humanitarian and legal aspects. Traditional forms of combating environmental threats and ensuring effective environmental recovery are complemented by some modern narratives of “deep ecology”, some of which are extremely “eco-fascist” and militarist in nature [Linkola, 1971]. In his opinion, “to save biodiversity, avoid a shortage of resources for the population, and preserve ecological stability, homo destructivus must reduce his population to a stable level on a planetary scale, by the death of weaker individuals from starvation or the agony of genocidal civil wars” [Linkola, 1971]. Therefore, Human is a “*tumor on Nature*” and without defeating them by starvation, he introduces a “*germ warfare phase to defeat Human completely*”. The introduction of an eco-fascist regime in which squadrons of “*green police*”, with freed from the “*ethical syrup*” consciousness, will take on the role of deciders/makers of the humanity's fate [Linkola, 1971].

Scope and methods

Similar to numerous abstract and predominantly contested concepts, environmental security is a source of considerable ambiguity both in the expert and layman communities. It encompasses different, sometimes diverging, interpretations, and, therefore, needs further explanation. This is where figurative language can serve as an explanatory tool to make sense of what environmental security is [Skrynnikova, 2020]. Figurative language has a strikingly critical role in providing the so called anchors of novel phenomena to familiar and shared ideas, and consequently language and culture. By anchoring researchers understand the means enabling people to grasp an unfamiliar event, not available from their embodied experience. People are repeatedly reported to be able to embrace the world solely through searching for ways to accommodate their beliefs to a certain set of facts about the way reality is expected to work [Schön, Rein, 1994]. When one anchors an object, they fit it into an existing system of classifications, by naming and establishing its relations to other objects in the system [Wells, 1987, p. 443]. Thus, anchoring “assists” the public to realize emerging risks by classifying and naming the threat, making the unfamiliar familiar [Washer, Joffe, 2006,

p. 2143]. The most powerful anchoring devices are metaphors as they provide an alternative framing for novel and abstract phenomena and serve to constrain the discourse [Van der Sluijs et al., 1998]. This is achieved by framing a topic in such a way as to foreground particular aspects of a problem over other possible interpretations [Nerlich, Kotevko, 2009].

The research focus of the current paper is to reveal how the various types of discourse (public, media/mediated, environmentalist, etc.) metaphorically represent environmental security and related concepts. It seeks to answer the following research questions:

- 1) what is the conceptual and inferential structure of the environmental security concept;
- 2) what is the repertoire of salient metaphors representing environmental/ecological security and what are the implications of applying them;
- 3) how the environmental communication is evolving to form apt metaphorical narratives and, therefore, prompt corresponding public responses to global environmental threats.

In terms of research methods, the paper applies critical discourse analysis (CDA) and conceptual metaphor theory (CMT) emphasizing the embodied nature of human reasoning about abstract concepts. The findings derive from a specialized corpus of environmental narratives found in public, environmentalist and media discourse the authors compiled (385 extracts comprising metaphorical word combinations). The British National Corpus (BNC) and American National Corpus (ANC) served as a reference corpora for the current study. The narratives in the corpus cover the period between the late 1980s and 2022. The sources of narratives range from newspaper articles to interviews with environmentalists and layman observations to statements of public figures involved in environmental management.

The innovative character of the paper lies in the fact that it argues in favour of the crucial role of metaphorical narratives in explaining the complex nature of environmental security by outlining how they evolve over time to foreground relevant aspects of dealing with environmental issues (climate change, overconsumption, industrial production waste, etc.). The authors claim that to provide for a more holistic view of the looming environmental dangers and encourage

people to take action, communication about human-nature interaction should rely on a set of congruent metaphorical narratives, rather than on a particular single metaphor.

Results and discussion

Metaphorical narratives of environmental security have undergone a considerable shift in recent years, ranging from a war on climate change to treating our planet as a patient, and, consequently, taking care of it (although with a touch of duty). Environmental security is a complex problem that involves multiple biological, physical, meteorological, geographical, chemical as well as political, economic, and social factors interacting with each other. Imagining the scope of the environmental security to be provided is a surreal task for most people. The sustainability of the people and the planet relies on the transformation of existing social, political, and economic systems in ways that enable all life to flourish. Klein urges a comprehensive system transformation with an eye to a “worldview based on regeneration and renewal” [Klein, 2014, p. 424]. Such kind of transformation requires people to put their lives and bodies on the frontlines to hamper extraction of resources detrimental to ecosystems.

A recurring theme in mass media and public discourse expectedly revolves around addressing environmental security. As our findings suggest, there is a strong tendency in the articles to linguistically represent causes to ensure environmental security in terms of war and conflict. The procedure of identifying and interpreting metaphorical expressions has enabled us to elicit the conceptual metaphor ENVIRONMENTAL SECURITY ACTION IS WAR/CONFLICT. The examples below may shed some contextual light on how concepts from the domain of war were used to metaphorically structure expressions concerning climate action.

(1) ...Though, a good energy bill would help slow greenhouse gas emissions, provide some of the tools we will need to **fight the larger battle** and set the stage for bolder measures down the road (The Endesa);

(2) Altering building codes and encouraging the use of energy-efficient bulbs are some of the inexpensive yet effective ways **to combat global climate change** (The IEA);

(3) Chinese President Xi Jinping said the country will **fight a good battle against pollution** and push ecological civilization to a new level during a tone-setting meeting on **environmental protection** ending Saturday (China Council...);

(4) Until recently, China and India have been cast as obstacles, at the very least reluctant **conscripts**, in the battle against climate change. ...It's America – Donald Trump's America – that now looks like the laggard (The New York Times, 2017);

(5) I wish President Trump and his administration would recognize the health, economic and environmental benefits of tackling climate change. ...We should be more optimistic than ever about our ability **to lead – and win – the fight against climate change**" (The New York Times, 2022).

The proliferation of the war domain is further evidenced when we consider its centrality in other familiar topics in discourse, such as the war on terrorism, drugs, crime, poverty, and so on [Flusberg, Matlock, Thibodeau, 2017, p. 771]. The examples from our subcorpus all harness the emotive and persuasive effect of this domain, pitting climate change as a natural enemy against which tools, conscripts and leaders are mobilised.

A bulk of the metaphors identified as underlying the conceptual metaphor relate **ACTIVITY is FIGHTING**, a rich and dynamic system of metaphors by which the "topography" of fighting is extrapolated onto what are seen as analogous aspects of activity [Goatly, 2007]. Hence, purposeful activity that is expected to demand collective action and sacrifice may conjure up a so-called cognitive script [Charteris-Black, 2004]. It makes the idea of nations involved in a "battle" for environmental security perfectly legitimate. **ENVIRONMENTAL SECURITY is WAR** enables a framing of unified and cooperative effort towards a common good not only in the examples but in the corpus as a whole (whether this common good is mainly located in our continued survival or in the economic benefits). Less obvious, however, is the exact nature of that which is being "fought". This is a crucial question with regards to the cognitive and discursive implications of the conceptual metaphor, since the structural roots of the problem are obscured [Atanasova, Koteyko, 2017] and a particular enemy is hardly designated. Most corpus instances of **ENVIRONMENTAL SECURITY is WAR** metaphor occasionally describe a more sharply defined enemy, e.g. climate change, fossil

fuel industry, anthropogenic activities, excessive consumption.

Using the metaphor of war sparks people's imaginations to envisage a world without fossil fuels. War metaphor immediately names the enemy, predominantly the fossil fuel industry. As fossil fuels are so deeply embedded in everyday life, defeating this enemy will require transformations of existing systems, particularly the political and economic ones. People will need to fight to transform these systems to create a sustainable world in the face of entrenched enemies that often have access to both political and economic power.

Although war metaphors instill fear, trigger emotional responses, call for emergency actions to contribute to environmental security, there are those who oppose the war frame [Flusberg, Matlock, Thibodeau, 2018]. Unlike the wars against poverty, drugs, and crime, environmental wars hardly resonate with the public and motivate policy initiatives since military metaphors imply dramatic messages about death and destruction. Another argument against war metaphors in environmental communication is the fact that public enthusiasm for such conflicts tends to wither away over time. The fatigue associated with wars may be exacerbated by public awareness that figurative conflicts do not presuppose a clear path to victory or identify winners and losers. Such downsides of excessive militarization of the environmental security discourse have resulted in the continuing search for a more optimistic metaphor.

It was not until the late 1990s, when the notion of "environmental health" has made its way to environmentalism and ecology. The range of its application has extended from the level of an individual (clinical and veterinary medicine) and the population (epidemiology and public health) to that of ecosystems. This paved the way for an interdisciplinary field of research where the relations between human activities, social organisations, natural systems, and health are being continuously addressed. Currently, the notion of health and well-being is a major point integrating three highly overlapping areas of research: ecosystem medicine, geographical medicine, and conservation medicine.

The health metaphor is an extremely powerful discursive tool. It is broad enough to

encompass a variety of scientific approaches and is compatible with mechanic and organic worldviews. It not only facilitates the cooperation between natural, social, and medical scientists but also has an important communicative function for the general public as well. It provides a vocabulary of symptoms, syndromes, diagnostic indicators; and so on with which laypeople are already familiar as potential or actual patients and consumers of health care services [Rapport et al., 1998].

Over the last few years, the health metaphor has gained ground in ecological restoration. As Harris and Hobbs [2001] have noticed, the two emergent fields of ecosystem health and ecological restoration have the potential to complement one another comfortably:

(6) If we view the concept of ecosystem health as **the diagnostic toolbox** and ecological restoration as **the treatment toolbox** for the management of damaged ecosystems, there is clearly the potential for useful synergy” (The Online Library Wiley);

(7) The biggest lesson is that COVID-19 is more than an illness. It is a **symptom of the ailing health of our planet**. Humanity’s dysfunctional relationship with nature has caused this **wider disease** (The Time Journal);

(8) We can **heal the planet** if we set our mind to it (The Sustainability Times).

Similar to most metaphors, the health metaphor also falls short in some respects. Ecosystems will not, for example, visit a doctor with their complaints. They cannot announce that they are sick and then tell when they are feeling better. Moreover, in the case of ecosystems, there is more possibility of a conflict between the health of the whole and the health of the components than in the case of human organisms [Hammond, Holland, 1995, p. 285] that need to be treated and taken care of on an individual basis.

The more recent care/stewardship metaphor has made its way across the different types of discourse by comparing the Earth to a house/household where humans are seen as stewards whose responsibility and obligation is to take care of their household. Stewardship metaphor appears to be unifying and covers the notion that “humans’ moral concerns drive the protection of ecosystems” [Raymond et al., 2013]. It was as early as 1949 when Leopold

vividly referred to what is commonly known as the land ethic:

(9) We abuse land because we regard it **as a commodity** belonging to us. When we see **land as a community** to which we belong, we may begin to use it with love and respect (The Aldo Leopold Foundation).

In applying this stewardship metaphor, one recognises that humans hold multiple values and concerns for nature, which derive from their affective and cognitive interactions with other species and ecosystems. Monetary considerations alone are not sufficient to drive environmental management [Ludwig, 2001], but rather, humans manage ecosystems out of moral concern for them.

The metaphorical references to the environment as a close relative we are expected to love unconditionally and take care of are becoming pervasive across various types of discourse. Pope Francis appealed in (10) for more sustainable and responsible environmental behaviour, and the policy is a vivid example of such kinship metaphor. The similar idea is further emphasised by Dharma Master Cheng Yen in (11):

(10) Our common home is **like a sister** with whom we share our life and a beautiful mother who opens her arms to embrace us (The Laudato Si Website);

(11) As inhabitants of the earth, we are nourished and sustained by **Mother Earth** who provides us our food and all the resources for life. If she is healthy and well, we will be healthy and well. Our fates are intertwined (The Tzu Chi Foundation Website).

The premise for addressing environmental security in this argument is established by situating ourselves as the metaphorical beneficiary and caretaker of the natural world. As a result, this metaphor is both more comprehensive, suggesting a broad range of pro-environmental attitudes and behaviours, and less controversial, and may be easily dismissed by people who fail to acknowledge climate science.

As we have seen, every metaphor is restricted in range and relevance. Metaphors are like searchlights that highlight certain features while blocking out others. Consequently, each metaphor is true for certain purposes, in certain respects, and in certain contexts. As Sara Ebenreck has written, “Rather than proceed as if any one metaphor is

the finally correct metaphor, ethicists conscious of the constructive imagination at work in these basic metaphors might be more aware of the limits of any metaphorical construction and more open to the experiences and values embodied in alternate metaphoric constructions of the Earth" [Ebenreck, 1996, p. 14].

Conclusion

As evidenced above, communication about environmental security is rife with metaphorical narratives treated as extended metaphorical frames which employ archetypical plots and the shared cognitive structures of human beliefs, morals, motivations, goals, actions and events. Due to multi-faceted and ambiguous nature of the abstract concept of environmental security, making sense of it presents a challenge for non-expert communities. This is where metaphors come into play to explain the intricacies of environmental security and prompt the urgency to take action to prevent environmental hazards.

The repertoire of environmental security metaphors is rich and varied presenting a myriad of inferences to be made. Metaphorical narratives of environmental security are not stable but rather dynamic, reflecting the changing nature of human-nature interaction for the past decades. The most salient and recurring ones, as our data suggest, are military, health-related and care, ranging from a war on climate change to treating our planet as a patient, and, consequently, taking care of it. Each of these narratives implies a certain course of action to ensure the sustainable development of the planet. The war metaphors prompt unifying our efforts towards a common good, however who or what is "fought" is not obvious. Health metaphors suggest our planet is a patient suffering from numerous diseases while individuals and governments should serve as doctors and provide its effective treatment. Such framing is also problematic as ecosystems are not able to make an appointment with a doctor with their complaints. Thus, the conceptual and inferential structure of the environmental security is rather complex which leads us to believe an "ideal" metaphor, able to encompass its fundamental aspects, is non-existent. Relying on a particular metaphor can only focus our attention on certain environmental issues rather than help us take a

comprehensive look at what should be done to provide environmental security of our planet. We assume it is a set of coherent metaphors that can assist us in embracing the complexities of this abstract concept and contribute to building a constructive dialogue between individuals, governments and environmentalists to tackle environmental issues.

Therefore, the search for the one best and apt metaphor is not devoid of any pitfalls and can result in a perceptual effacement. The latter can be the case if a metaphor is no longer perceived as metaphor and is taken literally, so that we are unable to recognise what it represents. In order to prevent such one-sidedness, we should employ an image-rich multimodal metaphorical narrative comprising a set of coherent metaphors. This strategy would facilitate our "ability to act from a frame while cultivating awareness of alternative frames" [Schön, Rein, 1994, p. 207]. We should learn to take various metaphorical perspectives at a time to embrace multifaceted nature of environmental security and facilitate people's awareness of the common threat making them act accordingly.

REFERENCES

- Atamanov G.A., 2019. *Ekologicheskaya bezopasnost i ee mesto v strukture bezopasnosti antropnykh system* [Environmental Security and Its Place in the Structure of the Security Anthropic Systems]. *Nauka XXI* [The Science of the 21st Century]. URL: <http://naukaxxi.ru/materials/173/>
- Atanasova D., Koteyko N., 2017. Metaphors in Guardian Online and Mail Online Opinion-Page Content on Climate Change: War, Religion, and Politics. *Environmental Communication. A Journal of Nature and Culture*, vol. 11, no. 4, pp. 452-469. DOI: 10.1080/17524032.2015.1024705
- Charteris-Black J., 2004. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230000612>
- Collins A., Flynn A., Munday M., Roberts A., 2007. Assessing the Environmental Consequences of Major Sporting Events: The 2003-04 FA Cup Final. *Urban Studies*, vol. 44, no. 3, pp. 457-476. URL: <http://www.jstor.org/stable/43084354>
- Collins A., 2022. *Contemporary Security Studies*. Oxford, Oxford University Press. 584 p.

- Dalby S., 2002. *Environmental Security*. University of Minnesota Press, vol. 20. 276 p.
- Ebenreck S., 1996. Opening Pandora's Box: The Role of Imagination in Environmental Ethics. *Environmental Ethics*, vol. 18, no.1, pp. 3-18.
- Environmental Security: Dimensions and Priorities, 2018. *A STAP Document*, June. URL: https://www.stapgef.org/sites/default/files/2021-02/52103%20STAP%20Report_WEB.pdf
- Flusberg S.J., Matlock T., Thibodeau P.H., 2017. Metaphors for the War (or Race) Against Climate Change. *Environmental Communication*, vol. 11, no. 6, pp. 769-783. URL: <https://doi.org/10.1080/17524032.2017.1289111>
- Flusberg S., Matlock T., Thibodeau P.H., 2018. War Metaphors in Public Discourse. *Metaphor and Symbol*, vol. 33, no. 1. 33, pp. 1-18. DOI: 10.1080/10926488.2018.1407992
- Goatly A., 2007. *Washing the Brain: Metaphor and Hidden Ideology*. John Benjamins Publishing Company. URL: <https://doi.org/10.1075/dapsac.23>
- Hammond M., Holland A., 1995. Ecosystem Health: Some Prognostications. *Environmental Values*, vol. 4, no. 4, pp. 283-286. URL: <http://www.jstor.org/stable/30301557>
- Harris J.J., Hobbs R.J., 2001. Clinical Practice for Ecosystem Health: The Role of Ecological Restoration. *Ecosystem Health*, vol. 7, no. 4, pp. 195-202.
- Institute of Environmental Security Official Website*. URL: <https://www.envirosecurity.org/>
- Jakovljevic M., Bjedov S., Jaksic N., Jakovljevic I., 2020. COVID-19 Pandemia and Public and Global Mental Health from the Perspective of Global Health Security. *Psychiatr Danub*. Spring, vol. 32, no. 1, pp. 6-14. DOI: 10.24869/psyd.2020.6. PMID: 32303023
- Kaplan R.D, 2000. *Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post-Cold War*. Random House, Inc. 198 p.
- Klein N., 2014. *This Changes Everything: Capitalism vs. the Climate*. New York, Simon & Schuster. 566p.
- Linkola P.K., 1971. *Dreams of a Better World*. URL: <https://alchetron.com/Pentti-Linkola>
- Ludwig D., 2001. The Era of Management Is Over. *Ecosystems*, vol. 4, no. 8, pp. 758-764. URL: <https://doi.org/10.1007/s10021-001-0044-x>
- McSweeney B., 1999. *Security, Identity and Interests: A Sociology of International Relations*. Port Chester, New York, Cambridge University Press, 238 p.
- Nerlich B., Koteyko N., 2009. Compounds, Creativity and Complexity in Climate Change Communication: The Case of 'Carbon Indulgences'. *Glob. Environ. Chang*, vol. 19, iss. 3, pp. 345-353.
- Rapport D., Costanza R., Epstein P., Gaudet C., Levins R., eds., 1998. *Ecosystem Health*. Malden, Mass., Blackwell Science. 372 p.
- Raymond C.M., Singh G.G., Benessaiah K., Bernhardt J.R., Levine J., Nelson H. et al., 2013. Ecosystem Services and Beyond: Using Multiple Metaphors to Understand Human-Environment Relationships. *BioScience*, vol. 63, iss. 7, July 2013, pp. 536-546. URL: <https://doi.org/10.1525/bio.2013.63.7.7>
- Schön D., Rein M., 1994. *Frame Reflection: Toward the Resolution of Intractable Policy Controversies*. Basic Books, New York. 247 p.
- Skrynnikova I.V., 2020. Analogical Reasoning in Uncovering the Meaning of Digital-Technology Terms: The Case of Backdoor. *Journal of Computer-Assisted Linguistic Research*, vol. 4, pp. 23-46. DOI: <https://doi.org/10.4995/jclr.2020.12921>
- Trompenaars F., Hampden-Turner C., 1994. *Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business*. Burr Ridge, Ill., Irwin Professional Pub. 216 p.
- Van der Sluijs J., van Eijndhoven J., Shackley S., Wynne B., 1998. Anchoring Devices in Science for Policy: The Case of Consensus Around Climate Sensitivity. *Soc. Stud. Sci.*, vol. 28, no. 2, pp. 291-323.
- Washer P., Joffe H., 2006. The "Hospital Superbug". Social Representations of MRSA. *Soc. Sci. Med.*, vol. 63, no. 8, pp. 2141-2152.
- Wells A., 1987. Social Representations and the World of Science. *J. Theory Soc. Behav*, vol. 17, no. 4, pp. 433-445.
- Zurlini G., Müller F., 2008. Defining Environmental Security. *Encyclopedia of Ecology*. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/earth-and-planetary-sciences/environmental-security>

SOURCES

- China Council... – *China Council for International Cooperation on Environment and Development*. URL: http://www.cciced.net/cciceden/NEWSCENTER/LatestEnvironmentalandDevelopmentNews/201805/t20180521_97543.html
- The Aldo Leopold Foundation – *The Aldo Leopold Foundation*. URL: <https://www.aldoleopold.org/teach-learn/green-fire-film/leopold-quotes/>
- The Endesa – *The Endesa*. URL: <https://www.endesa.com/en/the-e-face/energy-sector/effects-price-carbon-electricity-bill>

The IEA – *The IEA*. URL: <https://www.iea.org/commentaries/how-energy-efficiency-will-power-net-zero-climate-goals>

The New York Times, 2017 – *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2017/05/22/opinion/paris-agreement-climate-china-india.html>

The New York Times, 2022 – *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2022/04/22/learning/should-we-be-more-optimistic-about-efforts-to-combat-climate-change.html>

The Online Library Wiley – *The Online Library Wiley*. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1046/j.1526-0992.2001.01041.x>

The Sustainability Times – *The Sustainability Times*. URL: <https://www.sustainability-times.com/environmental-protection/we-can-heal-the-planet-if-we-set-our-mind-to-it/>

The Laudato Si Website – *The Laudato Si Website*. URL: <https://www.laudatosi.org/laudato-si/>

The Time Journal – *The Time Journal*. URL: <https://time.com/5848681/covid-19-world-environment-day/>

The Tzu Chi Foundation Website – *The Tzu Chi Foundation Website*. URL: https://www.tzuchi.org.tw/en/index.php?option=com_content&view=article&id=1022%3Acaring-for-our-planet-our-home&catid=114%3Areflections-on-our-times&Itemid=325&lang=en

Information About the Authors

Inna V. Skrynnikova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, i.skrynnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2390-7866>

Tatiana N. Astafurova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, pic@volsu.ru; Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russia, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

Информация об авторах

Инна Валериевна Скрынникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, i.skrynnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2390-7866>

Татьяна Николаевна Астафурова, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, pic@volsu.ru; профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Россия, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.13>

UDC 81'276:33
LBC 81.006.3

Submitted: 08.12.2022
Accepted: 03.04.2023

LINGUOCULTUROLOGICAL CHARACTERISTICS OF ECONOMIC DISCOURSE ABOUT THE FAMILY IN RUSSIAN, VIETNAMESE AND DANISH MEDIA¹

Vera V. Boguslavskaya

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Khuong Thi Thu Trang

Vietnam National University, Hanoi, Vietnam

Albertina G. Ratnikova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The study and interpretation of the media discourse devoted to the family as a universal human value are urgent tasks of modern linguistics. The object of the research presented in the article is the economic discourse about the family of modern Russian, Vietnamese and Danish popular social-and-political national publications, and the purpose is to describe the linguistic and cultural characteristics of this discourse by identifying its value – semantic content expressed in the peculiarities of the actualization of the image of the family. Using the methods of content analysis, comparison of dictionary definitions of the words *semya*, *gia dinh*, *familie* and their distributive analysis, the features of the image of the family in the economic discourse of Russian and foreign media were found. In the Russian media, the image of a family is actualized by lexical means, which indicate the presence of children in it, its need for material support and social protection, the need to protect traditional family values, units that actualize the image of a large family. In the Vietnamese media, the image of the family is formed by lexical means, which characterize the problems of financial distress of families, determining the family's belonging to the working class, actualizing the importance of family support by its members and their responsibility for its well-being. In the Danish media, the image of the family is formed by lexical means, which indicate the presence of a family business, characterizing the financial well-being of families, actualizing the image of the royal family.

Key words: linguoculturology, economic discourse, media discourse, media text, discourse about the family, lexical markers, comparative analysis.

Citation. Boguslavskaya V.V., Khuong Thi Thu Trang, Ratnikova A.G. Linguoculturological Characteristics of Economic Discourse About the Family in Russian, Vietnamese and Danish Media. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 167-179. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.13>

УДК 81'276:33
ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 08.12.2022
Дата принятия статьи: 03.04.2023

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА О СЕМЬЕ РОССИЙСКИХ, ВЬЕТНАМСКИХ И ДАТСКИХ СМИ¹

Вера Васильевна Богуславская

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Хуонг Тхи Тху Чанг

Ханойский государственный университет, г. Ханой, Вьетнам

Альбертина Германовна Ратникова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Изучение и интерпретация медийного дискурса, посвященного семье как универсальной общечеловеческой ценности, являются актуальными задачами лингвистических исследований. Объектом представляемого в статье исследования выступает экономический дискурс о семье современных российских, вьетнамских и датских популярных общественно-политических национальных изданий, а целью – описание лингвокультурологических характеристик этого дискурса посредством установления его ценностно-смыслового содержания, выраженного в специфике актуализации образа семьи. С применением методов контент-анализа, сопоставления словарных дефиниций слов *семья*, *gia dinh*, *familie* и их дистрибутивного анализа обнаружены особенности образа семьи в экономическом дискурсе российских и зарубежных СМИ. В российских СМИ образ семьи актуализируется лексическими средствами, указывающими на наличие в ней детей, ее нуждаемость в материальной поддержке и социальной защите, необходимость защиты традиционных семейных ценностей, единицами, актуализирующими образ многодетной семьи. Во вьетнамских СМИ для формирования образа семьи используются лексические единицы, указывающие на проблемы финансового неблагополучия семей и, как следствие, принадлежность их к рабочему классу, важность их поддержки и несение ответственности за их благополучие. В датских СМИ образ семьи формируется с помощью лексических средств, указывающих на наличие семейного бизнеса, финансовое благосостояние семей. Нередко актуализируется образ королевской семьи. В.В. Богуславской разработаны концептуальные основы анализа, предложены аспекты исследования и его теоретико-методологическая база. Хуонг Тхи Тху Чанг проведен сбор и контент-анализ материала для изучения. А.Г. Ратниковой осуществлен сопоставительный и интерпретационный анализ материала исследования, выделены лингвокультурологические характеристики экономического дискурса о семье.

Ключевые слова: лингвокультурология, экономический дискурс, медиадискурс, медиатекст, дискурс о семье, лексические маркеры, сопоставительный анализ.

Цитирование. Богуславская В. В., Хуонг Тхи Тху Чанг, Ратникова А. Г. Лингвокультурологические характеристики экономического дискурса о семье российских, вьетнамских и датских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 167–179. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.13>

Введение

По справедливому замечанию Я.А. Волковой и Н.Н. Панченко, «медийный дискурс, ориентированный на создание информационно-текстовой среды и трансляцию новостей для массовой аудитории, всегда был, есть и будет социально значимым для любой лингвокультуры» [Волкова, Панченко, 2021, с. 122]. Поэтому существенную значимость приобретает изучение медийного дискурса в русле лингвокультурологии, предполагающей сопоставительное исследование языковых и социокультурных феноменов. «Межкультурное или кросс-культурное изучение сложных аксиологических социокультурных явлений, к которым относится и семья, позволяет определить векторы социального развития наций и глубже проникнуть в суть этих явлений, обнаружить их скрытые смысловые характеристики, которые без сравнительного изучения не всегда бывают очевидными» [Boguslavskaya, Kuvyichko, Chafonova, 2020, p. 805]. Важность рассмотрения культурных ценностей в кросс-культурном аспекте подчеркивает

В.И. Карасик [Карасик, 2019, с. 8]. Актуальность представляемого исследования также связана с возросшим интересом вьетнамских ученых к изучению проблем фамилистики (см., например: [Nguyễn]).

Сказанное обуславливает необходимость изучения экономического дискурса о семье с целью сопоставительного описания его лингвокультурологических характеристик.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили тексты, опубликованные на официальных сайтах российских, вьетнамских и датских общественно-политических изданий. Такой выбор основан на несхожести русской, датской и вьетнамской лингвокультур как различных культурных типов (о классификации культур см., например: [Льюис, 2001; Сорокин, 1994; Hofstede, 1980]). Так, вьетнамская лингвокультура, согласно идее Ю.А. Сорокина, может быть отнесена к ориентальному типу, противопоставленному европейскому, средиземномор-

скому [Сорокин 1994]; датская лингвокультура является ярким представителем западного (европейского) типа. В свою очередь, русская культура, культура России синтезировала в себе черты восточного и западного типов.

Выборка медиатекстов осуществлялась на базе ведущих национальных СМИ по запросу «семья»: российских – «Известия» (<https://iz.ru>), «Российская газета» (<https://www.rg.ru>) и «Ведомости» (<https://www.vedomosti.ru>); вьетнамских – «Nhân Dân» (<https://nhandan.vn/>), «Lao Động» (<https://laodong.vn>), «Thanh Niên» (<https://thanhnien.vn>); датских – «Berlingske» (<https://www.berlingske.dk>), «Politiken» (<https://politiken.dk>) и «Avisen.dk» (<https://www.avisen.dk>).

Эмпирическую базу исследования составили 850 публикаций, вышедших с января 2016 г. по октябрь 2022 года. Отбор текстов для последующего анализа осуществлялся на основе вхождения в них лексемы *семья* (вьет. *gia đình*, датск. *familie*) с учетом соответствия содержания публикаций экономической проблематике. Эти тексты можно обозначить как тексты «экономической направленности» [Жура, Рудова, Семенова, 2021], или тексты «экономической тематики» [Стеценко, 2017], в составе экономического дискурса.

По мнению исследователей, существует несколько подходов к определению термина «экономический дискурс». Согласно одному из них, «экономический дискурс – это система текстов, которые возникают под влиянием различных факторов (экстралингвистических, прагматических, социокультурных и др.) и объединены одной тематикой» [Евтушина, Ковальская, 2014, с. 44]. Также под экономическим дискурсом может подразумеваться «коммуникативное событие, интегративную совокупность отдельных коммуникативных актов в сфере экономики. Вербальным результатом такой дискурсивной деятельности являются экономические тексты» [Евтушина, Ковальская, 2014, с. 44]. Следовательно, экономический дискурс – это в первую очередь тексты, а в случае дискурсивных практик, осуществляемых в медиaprостранстве, – медиатексты.

Описание лингвокультурологических характеристик экономического дискурса СМИ о семье в сопоставительном аспекте предполагает выявление компонентов со-

держания понятия «семья», существенных для его представления в национальных СМИ и последующее обнаружение особенностей актуализации образа семьи в текстах. Тем самым реализуется интегративный подход к исследованию с использованием методов и методологии различных научных направлений, базовыми из которых представляются лингвокультурологический, предполагающий изучение когнитивных аспектов лингвистического материала, и дискурсивный, основанный на анализе текстового материала как результата социокультурной деятельности. В то же время интегрируется несколько аспектов исследования: лингвистическое (изучение особенностей вербальной репрезентации образа семьи на уровне языкового знака), когнитивное (изучение особенностей образа семьи как части языкового сознания представителей разных лингвокультур) и дискурсивное (изучение особенностей образа семьи, формируемого СМИ).

Исследование проводится в три этапа. На первом этапе осуществляется контент-анализ источников для определения единиц исследования – медиатекстов или их фрагментов, которые можно рассматривать как вербализованную деятельность или экономический дискурс о семье.

Второй этап заключается в сопоставительном анализе дефиниций слова *семья* (вьет. *gia đình*, датск. *familie*) по данным толковых словарей национальных языков – русского, вьетнамского и датского. Посредством анализа дефиниций выявляются основные компоненты понятия «семья», существующего в усредненном национальном сознании представителей сопоставляемых лингвокультур. Словарное описание лексической единицы дает общее знание об объекте действительности, позволяет выявить его актуальные черты и обеспечить его наиболее целостное осмысление, поэтому информация, данная в толковых словарях, может быть интерпретирована как эталонная для первичного понимания когнитивного содержания языкового знака.

Третий этап предполагает определение особенностей образа семьи в медиатекстах. В медийном пространстве создается образ семьи, подчиняющийся законам медийного дискурса. Речь идет о переосмыслении понятия семьи, высвечивании одних и игнорировании

других его содержательных компонентов, то есть «реконцептуализации» в медийном дискурсе знаний о семье (о термине см.: [Bimber, Flanagin, Stohl, 2005; Юй Лань, 2021]). Основным методом на этом этапе является интерпретационный анализ (см.: [Демьянков, 1994; 1999]). Под интерпретацией в рамках представляемого исследования подразумевается процесс когнитивной деятельности, направленный на выявление в медиатекстах и последующее осмысление лингвистического материала, способствующего пониманию формируемого СМИ образа семьи.

Результаты и обсуждение

В современном медиaprостранстве, одной из ключевых характеристик которого является интердискурсивность – «полифония дискурсов» [Иссерс, 2015], или «диалог дискурсов» [Чернявская, 2013], – существуют закономерные трудности в однозначном соотношении медиатекста с определенным типом дискурса. Согласно мнению Р. Сколлона и С.В. Сколлон об интердискурсивности, в данном случае имеет место ситуация совместной артикуляции различных дискурсов в одном коммуникативном событии [Scollon R. S., Scollon W., 2001, p. 9]. Тем не менее можно выделить специфические черты экономического дискурса.

В экономическом дискурсе о семье обнаруживается несколько пересекающихся целей: освещение событий экономической направленности, так или иначе связанных с вопросами семьи; формирование определенного (ценностного) отношения к освещаемым событиям (инициативам, социальным проектам); побуждение к характеристике и оценке этих событий социумом.

В заголовках медиатекстов зафиксированы лексические маркеры дискурса о семье экономической направленности:

– слова, называющие денежные суммы, например:

российские СМИ: Миллион на репетиторов (Известия, 20.10.2022), Правительство РФ выделит регионам 29 млрд рублей на выплаты семьям с детьми (Известия, 13.10.2022);

вьетнамские СМИ: Mười năm ‘làm 10 tiêu 3’, vợ chồng trẻ mua được nhà, có tiền tỷ (Vietnamnet.vn,

04.12.2021). – Десять лет «сделать 10, тратя 3», молодая пара может купить дом и иметь миллиарды денег (здесь и далее перевод с вьетнамского Хуонг Тхи Тху Чанга); Giải ngân 2,3 tỉ đồng cho đoàn viên vay vốn phát triển kinh tế gia đình (Lao Động, 07.10.2022). – Выделено 2,3 миллиарда донгов для членов профсоюза, чтобы они заняли капитал для экономического развития семьи; Hỗ trợ xây nhà mới đến 40 triệu đồng với hộ nghèo, cận nghèo từ 15.8 (Lao Động, 15.08.2022). – Поддержка строительства новых домов до 40 миллионов донгов для бедных и малоимущих семей с 15 августа; Thu nhập 40 triệu đồng/tháng, vợ chồng công chức vẫn chia nhau tô phở sáng (Lao Động, 16.08.2022). – Имея доход в 40 миллионов донгов в месяц, государственные служащие по-прежнему делят тарелку фo по утрам;

датские СМИ: Familie scorer trecifret millionbeløb: Ejendommene rummer efter sigende historie for københavnsk byde (Berlingske, 10.11.2022). – Семья зарабатывает трехзначную сумму в миллион: Сообщается, что недвижимость содержит историю района Копенгагена (здесь и далее перевод с датского А.Г. Ратниковой); Efter kæmperegninger for gas – hos familie i Karlslunde koster et bad flere hundrede kroner (Berlingske, 31.10.2022). – После огромных счетов за газ – в семье в Карлслунде ванна стоит несколько сотен крон»; Dyrere oliepris kan koste familier 1000 kroner ekstra årligt (Berlingske, 16.09.2019). – Более высокие цены на нефть могут стоить семьям дополнительно 1000 датских крон в год; Morten Bødskov står fast: Skat på generationsskifte skal lægge en ekstra milliard i statskassen (Berlingske, 21.10.2019). – Мортен Бёдсков непреклонен: налог на смену поколений должен добавить в казну дополнительный миллиард;

– экономические термины, например:

российские СМИ: Минстрой будет добиваться продления льготной ипотеки на новостройки (Известия, 09.10.2022); Стартовал очередной этап развития цивилизованного рынка арендного жилья в РФ (Известия, 19.10.2022); В России за год увеличился средний размер ипотечного кредита на покупку жилья (Известия, 19.10.2022); Двойная выгода: кого порадует универсальное пособие (Известия, 19.10.2022); Госдума приняла закон о льготах многодетным семьям по имущественным налогам (Ведомости, 04.04.2019);

вьетнамские СМИ: Vay tiền qua app: Gia đình lục đục, luôn sống trong sợ hãi và tủi nhục (Lao Động, 27.05.2020). – Заем денег через приложение: Семья в суматохе, всегда живет в страхе и унижении; Vay nợ khắp xóm để chuẩn bị cho con vào năm học mới (Lao Động, 29.08.2022). – Взять займы у соседей для подготовки к новому учебному году;

Tài chính thông minh: Độ tuổi nào nên dạy con **đầu tư**? (Lao Động, 08.08.2022). – Умные финансы: в каком возрасте учить детей инвестировать?;

датские СМИ: **Økonom anbefaler faste elaftaler til usikre forbrugere** (Berlingske, 05.11.2022). – Экономист рекомендует фиксированные контракты на электроэнергию для неуверенных потребителей; **Sommerhusejere står til store ekstraregninger:** Mange bliver ramt på flere fronter (Berlingske, 30.10.2022). – Владельцы загородных домов сталкиваются с большими дополнительными счетами: многие пострадали по нескольким направлениям; **Er familievirksomheder uønsket i Danmark?** (Berlingske, 09.12.2019). – Семейный бизнес в Дании нежелателен?; **Ny beregning viser inflationens konsekvenser for en almindelig familie** (Politiken, 10.08.2022). – Новый расчет показывает последствия инфляции для обычной семьи;

– глаголы, обозначающие действия финансового характера:

русские СМИ: Правительство продлило меры поддержки **выплачивающих** ипотеку многодетных семей (Известия, 01.10.2022);

вьетнамские СМИ: **Tài chính thông minh:** Độ tuổi nào nên dạy con **đầu tư**? (Lao Động, 08.08.2022). – Умные финансы: в каком возрасте учить детей инвестировать?; **Tăng giá điện là tăng thêm chi phí** (Lao Động, 05.10.2022). – Повышение цен на электроэнергию увеличивает расходы;

датские СМИ: Efter kæmperegninger for gas – hos familie i Karlslunde **koster** et bad flere hundrede kroner (Berlingske, 31.10.2022). – После огромных счетов за газ – в семье в Карлслунде ванна стоит несколько сотен крон; **Økonomisk pressede danskere giver mindre end sidste år** (Avisen.dk, 02.10.2022). – Испытывающие финансовые трудности датчане отдают меньше, чем в прошлом году.

Большинство заголовков в анализируемых медиатекстах высокоинформативны и дают полное представление о содержании основного текста. Из приведенных выше примеров видно, что экономический дискурс о семье в рассматриваемых источниках обладает сходными лексическими маркерами, однако для того, чтобы выявить его лингвокультурологические особенности, необходимо обратиться к содержанию понятия «семья».

На основе данных толковых словарей национальных языков был проведен сопоставительный анализ дефиниций слова *семья* (вьет. *gia đình*, датск. *familie*). Его цель заключается не только в обнаружении сходств

и различий в содержании понятия «семья», но и в осмыслении базовых, исходных компонентов образа семьи в рассматриваемых лингвокультурах, того, что понимается под словом *семья*, с чего начинается концептуализация этого понятия.

В нашем предыдущем исследовании, посвященном репрезентации концепта семья в медиадискурсе российских, датских и финских СМИ, было отмечено, что словарная дефиниция слова *семья* «апеллирует к идеальному представлению о семье, образу семьи в идеальных или стремящимся к таковым условиям, очерчивает некие границы, моделирует контекст, в котором должно рассматриваться понятие “семья”» [Богуславская, Чафонова, 2019, с. 158].

Основным словарным значением слова *семья*, по данным «Большого толкового словаря русского языка», является следующее: «группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе» (Большой толковый словарь русского языка). Словарная дефиниция позволяет выделить следующие компоненты исследуемого понятия: 1) группа людей; 2) состоит из мужа, жены, детей и других близких родственников; 3) люди, которые живут вместе.

В словаре вьетнамского языка дано следующее толкование лексической единицы *gia đình*, обозначающей семью: «tập hợp người cùng sống chung thành một đơn vị nhỏ nhất trong xã hội, gắn bó với nhau bằng quan hệ hôn nhân và dòng máu, thường gồm có vợ chồng, cha mẹ và con cái» (Từ điển tiếng Việt) – «объединение в мельчайшей общественной единице вместе живущих людей, связанных узами брака и кровного родства, обычно состоящее из супругов (жены и мужа), родителей и детей». Такая дефиниция отражает следующее представление о семье: 1) объединение людей; 2) живут вместе; 3) собрание в мельчайшей общественной единице; 4) связана узами брака и кровного родства; 5) состоит из супругов (жены и мужа), родителей и их детей.

В словаре современного датского языка дано следующее толкование единицы *familie*: «gruppe af personer bestående af et forældrepar og deres børn typisk boende samme sted; ofte set i forhold til et enkelt af familiens medlemmer» (Den danske ordbog. Modern dansk sprog) –

«группа лиц, состоящая из пары родителей и их детей, обычно проживающих в одном месте; часто рассматривается по отношению к одному из членов семьи». В соответствии с этим выделяются следующие компоненты исследуемого понятия: 1) группа лиц (возможен перевод «группа людей»); 2) состоит из пары родителей и их детей; 3) обычно проживает в одном месте. Задача словарной статьи – максимально полно отразить содержание описываемого понятия. Однако датские исследователи отмечают, что сегодня в их стране существует множество различных семейных моделей, которые не могут быть определены как «нуклеарная семья» (семья, состоящая из супружеской пары с одним или несколькими детьми), формирование семьи становится все более многообразным и дифференцированным [Steffensen, 2017, p. 47]. В то же время именно «нуклеарная семья» остается идеальной семьей для большинства женщин [Steffensen, 2017, p. 47]. Социолог Копенгагенского университета Тинне Стеффенсен (Tinne Steffensen) провела исследование, посвященное особенностям формирования семьи в Дании, и выделила семь различных кластеров (типологий) семейных образований: 1) современная нуклеарная семья; 2) ранняя нуклеарная семья (наиболее традиционный вариант формирования семьи); 3) ранняя нуклеарная семья с отложенным браком; 4) поздняя нуклеарная семья, без брака; 5) одинокие, без детей; 6) матери-одиночки; 7) сожительство или брак, без детей. Исследовав траектории формирования семьи с помощью последовательного анализа данных лонгитюдного реестра гражданского состояния, рождаемости, образования и дохода женщин в возрасте от 22 до 37 лет, Т. Стеффенсен пришла к выводу, что большинство (68 %) женских траекторий формирования семьи в Дании представляют разновидности нуклеарной семьи, а рождение первого ребенка, которое часто предшествует браку, является конституирующим фактором семьи [Steffensen, 2017].

Из приведенных лексикографических данных можно сделать выводы о сходствах и различиях в представлении о семье.

Согласно словарям русского и вьетнамского языков, семья состоит из супружеской

пары – мужа и жены, подчеркиваются взаимоотношения пары как лиц, связанных узами брака, в отличие от словаря датского языка, где отражено понимание семьи как пары родителей. Таким образом, в словаре русского языка и словаре вьетнамского языка семья толкуется через признак «наличие супружества, брака», в словаре датского языка – через признак «наличие детей» и семантику слова *родители*.

Сходным в дефинициях является также признак «совместное проживание», но если в словарях русского и вьетнамского языков этот признак обязателен, то в словаре датского языка отмечается его вариативность (ср.: «обычно проживают в одном месте»).

Отличия проявляются в следующем:

– в словаре русского языка указано, что семья объединяет не только родителей с детьми (современная нуклеарная модель семьи), но и других близких родственников;

– словарь современного вьетнамского языка указывает на социальный статус семьи как мельчайшей общественной единицы;

– в словаре датского языка отсутствует указание на семейный статус родителей, не указано, являются ли они супругами.

Полученные результаты сопоставительного анализа дефиниций позволяют обнаружить определенные несовпадения в содержании понятия «семья», однако эти данные эксплицируют базовые представления о семье в рассматриваемых лингвокультурах. Что касается образа семьи, создаваемого в пространстве СМИ, то, как уже отмечалось выше, этот образ приобретает дополнительные содержательные компоненты, отражающие, в силу особенностей масс-медиа, наиболее актуальные и/или представляемые таковыми его стороны.

Для описания образа семьи в экономическом дискурсе рассматриваемых СМИ было проведено исследование лексического окружения слов *семья*, *gia đinh*, *familie* в отобранных для анализа медиатекстах. С этой целью был изучен контекст употребления этих лексем, а также выявлены словосочетания с существительными *семья*, *gia đinh*, *familie* и прилагательными *семейный*, в том числе указывающие на экономический характер дискурса (см. таблицу).

Лексическая сочетаемость слов *семья (семейный), gia đình, familie* в текстах СМИLexical compatibility of the word *family* in media texts

Российские СМИ	Вьетнамские СМИ	Датские СМИ
<p>многодетная семья, семья с детьми, молодая семья, поддержка семьи, вся семья, выплата семьям, семейные субсидии, большая семья, многонациональная семья, семейные обстоятель- ства, семейные ценности, будущее семьи, создавать семьи, российские семьи, семейная ипотека, пособия семьям, материальные вложе- ния со стороны семьи, богатая семья, доход семьи, семьи с доходом ниже двух прожиточных минимумов, малоимущая семья, небогатая семья, семейное неблагопо- лучие, семья с одним ребенком, семейный стартап, семейный бюджет, неблагополучная семья, неполная семья, приемная семья, проблемы семьи, уровень нуждаемости семьи, семьи мобилизованных, семьи из богатых реги- онов, семейные праздники, семейный очаг</p>	<p><i>hỗ trợ gia đình</i> (поддержка семьи), <i>gia đình có thu nhập thấp</i> (малообеспечен- ные семьи), <i>gia đình trẻ</i> (молодые семьи), <i>cung cấp dịch vụ hôn nhân và gia đình</i> (предоставление услуг по вопросам брака и семьи), <i>gánh nặng gia đình</i> (нагрузки на семью), <i>bảo hiểm gia đình</i> (семейное страхование), <i>bảo hiểm sức khỏe gia đình</i> (семейное меди- цинское страхование), <i>gia đình nghèo</i> (бедные семьи), <i>gia đình lục đục</i> (семья в суматохе), <i>gia đình vượt qua giai đoạn khó khăn</i> (семья переживает трудный период), <i>chu cấp cho gia đình</i> (обеспечение семьи), <i>chi tiêu gia đình</i> (расходы семьи), <i>nuôi gia đình</i> (прокормить семью), <i>gia đình có nhiều khoản chi tiêu</i> (у семьи много трат), <i>trách nhiệm với gia đình</i> (ответственность за семью), <i>chăm sóc gia đình</i> (заботиться о семье), <i>gia đình kêu than</i> (семьи жалуются), <i>gia đình dân tộc thiểu số</i> (семьи этнических меньшинств), <i>gia đình không may</i> (неблагополучные семьи), <i>gia đình lao động</i> (рабочие семьи), <i>hạnh phúc gia đình</i> (счастье семьи), <i>tình trạng gia đình</i> (семейный статус), <i>đời sống gia đình</i> (семейная жизнь), <i>hoàn cảnh gia đình</i> (семейные обстоятельства), “<i>trụ cột</i>” <i>kinh tế của gia đình</i> («столпы эконо- номики» в семье), <i>nhu cầu cơ bản của gia đình</i> (основные нужды семьи), <i>chăm sóc gia đình</i> (уход за семьей), <i>thành viên trong gia đình</i> (член семьи), <i>gia đình tiến bộ</i> (прогрессивные семьи), <i>kiểu gia đình</i> (тип семьи), <i>phát triển kinh tế gia đình</i> (экономическое развитие семьи), <i>gia đình nghèo</i> (малоимущие семьи), <i>xây dựng gia đình</i> (создать семью), <i>gia đình tiếp tục vay tiền</i> (семья продолжает брать займы), <i>gia đình không trọn vẹn</i> (неполная семья), <i>thực phẩm cho cả gia đình</i> (питание для всей семьи)</p>	<p><i>nærmeste familie</i> (ближайшие родственники), <i>en almindelig familie</i> (обычная семья), <i>familievirksomhederne</i> (семей- ный бизнес), <i>kongefamilien</i>, <i>den royale familie</i>, <i>den kongelige familie</i> (королев- ская семья), <i>de danske familier</i> (датские семьи), <i>børnefamilie</i> (семья с детьми), <i>familiemedlemmet</i> (член семьи), <i>de mest velhavende familier</i> (са- мые состоятельные семьи), <i>landets rigeste familier</i> (самые богатые семьи страны), <i>i familie med hinanden</i> (в род- стве друг с другом), <i>familie-id</i> (семейный иденти- фикатор), <i>familieopfattelse</i> (отношение к семье), <i>familie-shaming</i> (семейный позор), <i>familieejerskabet</i> (семейная собственность), <i>de glade familier</i> (счастливые семьи), <i>at stifte familie</i> (создать семью), <i>aktive familieliv</i> (активная се- мейная жизнь), <i>dage og aftener med familien</i> (дни и вечера с семьей), <i>kronprinsfamilien</i> (семья на- следного принца), <i>erhvervsfamilier</i> (бизнес-се- мьи, или деловые семьи), <i>fattige familier</i> (бедные семьи); об иракских семьях. – <i>Примеч.</i> <i>авт.</i>, <i>den sammenbragte familie</i> (сме- шанная семья), <i>aktivists familie</i> (семья активи- ста), <i>en gennemsnitlig dansk familie</i> (среднестатистическая датская семья)</p>

Полученные языковые данные позволяют выявить некоторые особенности каждой из рассматриваемых лингвокультур. В российских СМИ частотны словосочетания, которые указывают на участие государства в решении проблем экономического благосостояния семей: государственная поддержка (особенно многодетных и малоимущих), социальные выплаты и субсидии. Экономический дискурс о семье в российских СМИ тесно связан с политическим, так как значительная часть медиатекстов, в которых затрагиваются вопросы семьи в экономическом контексте, освещает новости, связанные с правительственными инициативами и государственной политикой, например пропагандой образа многодетной семьи. Приведем примеры:

Сейчас пишут закон о многодетных семьях, сообщила «Известиям» зампредседателя комиссии ОП РФ по поддержке семьи, материнства и детства Юлия Зимова (Известия, «Многодетные семьи не знают о положенных им льготах», 23.04.2018); С инициативой о компенсациях для многодетных семей выступил президент Владимир Путин во время послания Федеральному собранию в феврале (Ведомости, «Законопроект о компенсации ипотеки многодетным семьям принят во втором чтении», 18.06.2019); Государственная дума приняла в третьем чтении поправки в Налоговый кодекс, которые направлены на поддержку молодых семей (Ведомости, «Госдума приняла закон о льготах многодетным семьям по имущественным налогам», 04.04.2019).

Вьетнамские СМИ отличает подробное описание финансового состояния семей. Многие медиатексты содержат истории конкретных семей, рассказывающие об их экономических трудностях, что создает в дискурсе личностный, интимный характер повествования. Например:

Anh Nam liệt kê các khoản chi hằng tháng: Tiền trả nợ gốc cộng lãi là 6,2 triệu đồng; phí dịch vụ chung cư 700.000 đồng; tiền nuôi con 10 triệu đồng (5 triệu đồng đóng học phí; 5 triệu đồng cho sữa, bim, vitamin); phí điện, nước 1,5 triệu đồng. Cộng các khác khoản trên cũng «ngốn» vào tiền lương của vợ chồng công chức hơn 18 triệu đồng (Lao Động, «Thu nhập 40 triệu đồng/tháng, vợ chồng công chức vẫn chia nhau tô phở sáng», 16.08.2022). – Г-н Нам перечисляет свои ежемесячные расходы: основная задолженность и процентная ставка составляют

6,2 миллиона донгов; плата за обслуживание квартиры 700 000 донгов; 10 млн донгов на ребенка (5 млн донгов на оплату обучения, 5 млн донгов на молоко, подгузники, витамины); электричество и вода стоят 1,5 миллиона донгов. Всего супруги тратят более чем 18 миллионов донгов в месяц (Lao Động, «Зарабатывая 40 миллионов донгов в месяц, государственные служащие по-прежнему делят тарелку супа фо по утрам», 16.08.2022).

В медиатекстах вьетнамских СМИ четко выражена мысль, что финансовое обеспечение напрямую связано с возможностью создать семью. Например:

Trong tổng số 269 người lao động (hơn 10%), tham gia khảo sát chưa lập gia đình thì có tới 54,6% cho biết tiền lương và thu nhập hiện tại ảnh hưởng trực tiếp đến quyết định lập gia đình của họ. Họ cho rằng tiền lương, thu nhập thấp nên chưa dám lập gia đình vì e ngại không đủ tài chính đảm bảo cho gia đình sau này (Lao Động, «Mệt mỏi vì tăng ca, thu nhập thấp, tự ti về bản thân khiến nhiều công nhân trẻ không nghĩ tới chuyện yêu đương hay lập gia đình», 07.05.2022). – Из общего числа 269 работников (более 10 %), не состоящих в браке, принявших участие в опросе, 54,6 % заявили, что их заработная плата и текущий доход напрямую влияют на их решение вступить в брак. Они считают, что их зарплата и доход низкие, поэтому они не задумываются о создании семьи, так как боятся, что в будущем не смогут финансово обеспечить свою семью (Lao Động, «Усталость от сверхурочной работы, низкий доход, низкая самооценка заставляют многих молодых работников не задумываться о любви или браке», 07.05.2022).

Результаты анализа медиатекстов вьетнамских СМИ позволяют сделать вывод о характерных чертах среднестатистической семьи: это семья рабочих, испытывающая финансовые трудности из-за низкого дохода и высоких цен.

В дискурсе вьетнамских и датских СМИ, в отличие от российских СМИ, отсутствуют словосочетания со значением «многодетная семья». Более того, в отобранных вьетнамских медиатекстах не обнаружено и словосочетаний со значением «семья с детьми», наиболее частотных для российского медиадискурса о семье. При этом во вьетнамских интернет-изданиях уделяется повышенное внимание вопросам семейной экономики и воспитания детей.

Результаты анализа публикаций вьетнамских изданий на семейные темы показали, что

в них частотна лексика тематической группы «финансы». В обыденном сознании, то есть сознании среднестатистического человека, не специалиста в экономической сфере, и в большей части анализированных нами текстов термин «финансы» определяется как «совокупность денежных средств» [Хуонг Тхи Тху Чанг, Чарыкова, 2015]. Наиболее употребительными лексическими единицами, связанными с экономической сферой, являются слова со значениями «деньги», «зарплата», «расход», «доход», «брать в кредит», «платить в рассрочку», «капитал», «сбережения», «финансовое давление», «потребность», «зарабатывать», «процентная ставка», «платить за обучение» и т. д. Приведем примеры:

Thu nhập của chúng tôi khá thấp nên sẽ không chi tiêu nhiều trong dịp Tết, chỉ dành cho một số khoản cần thiết nhất mà thôi (Lao Động, «Thu nhập thấp, gia đình “rút rè” tiêu Tết», 08.02.2021). – У нас довольно низкий доход, поэтому я не буду тратить много денег во время Тэта, потрачу только на самые необходимые вещи (Lao Động, «Имея низкие доходы, семья “застенчиво” тратит на Тэт», 08.02.2021); Viên chức giáo viên gần bó hơn 10 năm nhưng lương không đủ nuôi một đứa con (Lao Động, «Lương công chức, viên chức: Mẹ giáo viên không đủ nuôi con», 16.09.2022). – Учителю, работающему в государственных школах, имеющему стаж более 10 лет, не хватает зарплаты на содержание одного ребенка (Lao Động, «Заработная плата государственных служащих: У матери – учителя не хватает денег для того, чтобы кормить ребенка», 16.09.2022).

Кроме того, обнаруженные словосочетания позволяют утверждать, что актуальный образ семьи как в российских, так и во вьетнамских СМИ – это образ небогатой семьи (например: *семьи с доходом ниже двух прожиточных минимумов, малоимущая семья, небогатая семья* – в российских СМИ, *gia đình có thu nhập thấp* (малообеспеченные семьи), *gia đình nghèo* (бедные семьи), *gia đình khó khăn* (малоимущие семьи), *gia đình tiếp tục vay tiền* (семья продолжает занимать деньги) – во вьетнамских).

Дискурс датских СМИ о семье в экономическом аспекте в целом можно охарактеризовать как контрастный по сравнению с российским и вьетнамским дискурсами, сходными в освещении проблематики семьи, в частности вопросов материальной поддержки малоимущих семей.

Закономерным для дискурса датских СМИ о семье являются новости о королевской семье:

Siden 1935 har Gråsten Slot fungeret som sommerbolig for den danske kongefamilie, hvor dronning Margrethes forældre, kong Frederik IX og dronning Ingrid, overtog brugsretten til slottet (Berlingske, «Her er de royales sommertraditioner», 09.07.2018). – С 1935 года замок Гростен служил летней резиденцией для датской королевской семьи, когда родители королевы Маргреты, король Фредерик IX и королева Ингрид, получили право пользоваться этим замком (Berlingske, «Летние традиции королевской семьи», 09.07.2018).

Можно отметить, что большая часть словосочетаний с доминантой *familie*, обнаруженных в датских медиатекстах, указывает на значительное внимание общества к уровню дохода семьи, ее благосостоянию и материальному достатку, а также возможности иметь семейный бизнес. Например:

Den (Tredoblingen af generationsskifteskatten) er nu også tre gange højere og vil for mange familievirksomheder være umulig at betale (Berlingske, «Er familievirksomheder uønsket i Danmark?», 09.12.2019). – Он (тройной налог на смену поколений) теперь также в три раза выше, и для многих семейных предприятий платить будет невозможно (Berlingske, «Семейный бизнес в Дании нежелателен?», 09.12.2019); Varslerne om en øget arvebeskatning har fået mange både store og små familievirksomheder til at frygte fremtiden (Berlingske, «Morten Bødskov står fast: Skat på generationsskifte skal lægge en ekstra milliard i statskassen», 21.10.2019). – Объявления о повышении налога на наследство заставили многие крупные и малые семейные предприятия бояться будущего (Berlingske, «Мортен Бёдсков твердо стоит на своем: Налог на смену поколений должен добавить дополнительный миллиард в казну», 21.10.2019); Han (Lars Larsen) har dog sørget for at planlægge generationsskiftet således, at koncernen ikke må sælges, men skal forblive i familieejerskabet (Berlingske, «Lars Larsen, Jysk Holding, Jysk, 35,1 mia. kr.», 28.09.2018). – Однако он (Ларс Ларсен) позаботился о том, чтобы спланировать смену поколений, чтобы группа не была продана, а оставалась в семейной собственности (Berlingske, «Ларс Ларсен, Юск Холдинг, Юск, 35,1 миллиарда датских крон», 28.09.2018).

Обнаруженные в медиатекстах словосочетания с доминантой *семья (gia*

đình, familie) позволяют сделать выводы об актуальном содержании образа семьи, создаваемом СМИ. Его компонентами в экономическом дискурсе российских СМИ являются наличие в семье детей (*семья с детьми, многодетная семья*); нуждаемость семьи в материальной поддержке (*выплаты семьям, доход семьи, поддержка семьи, пособия семьям, уровень нуждаемости семьи, материальные вложения со стороны семьи*); нуждаемость семьи в защите (не только в социальной, которая заключается прежде всего в материальной поддержке, но и в защите традиционных для русской культуры семейных ценностей), возрастной статус семьи (*молодая семья*), который свидетельствует о приоритете в создании СМИ образа современной семьи.

Образ семьи во вьетнамских изданиях также может быть описано через выделение его содержательных доминант, то есть тех черт или характеристик, которые наиболее часто актуализируют СМИ: 1) финансовое неблагополучие семьи: *hỗ trợ gia đình* (поддержка семьи), *gia đình có thu nhập thấp* (малообеспеченные семьи), *gia đình nghèo* (бедные семьи), *gia đình vượt qua giai đoạn khó khăn* (семья переживает трудный период), *chi tiêu gia đình* (расходы семьи), *nuôi gia đình* (прокормить семью), *gia đình có nhiều khoản chi tiêu* (у семьи много трат), *gia đình nghèo* (малоимущие семьи), *gia đình tiếp tục vay tiền* (семья продолжает занимать деньги); 2) отнесение семьи к рабочему классу (*gia đình lao động* (рабочие семьи)); 3) указание на ответственность за свою семью членов этой семьи как необходимое условие для ее благополучия: *trách nhiệm với gia đình* (ответственность за семью), *chăm sóc gia đình* (заботиться о семье), *chăm sóc gia đình* (уход за семьей).

В образе семьи в экономическом дискурсе датских СМИ превалируют следующие черты: наличие семейного дела, семейного многопоколенного бизнеса как характерной черты образа датской семьи: *familievirksomhederne* (семейный бизнес), *erhvervsfamilier* (деловые семьи); указание на финансовый достаток семьи: *de mest velhavende familier* (самые состоятельные семьи), *landets rigeste familier* (самые богатые семьи страны).

Заключение

В исследовании предложен и апробирован трехэтапный анализ актуализации образа семьи в современных российских, вьетнамских и датских СМИ.

На первом этапе был осуществлен контент-анализ, позволивший определить единицы исследования. На втором этапе произведен сопоставительный анализ дефиниций слова *семья* (вьет. *gia đình*, датск. *familie*) по данным толковых словарей национальных языков – русского, вьетнамского и датского. Выявлены основные компоненты понятия «семья» в усредненном национальном сознании представителей сопоставляемых лингвокультур и сделаны выводы о сходствах и различиях в представлении о семье. Так, для русских и вьетнамцев семья – это супружеская пара (муж и жена), связанная узами брака, для датчан семья – это прежде всего пара родителей. Сходным в дефинициях является наличие признака «совместное проживание», но если для русских и вьетнамцев этот признак обязателен, то для датчан – вариативен. Только в словаре русского языка обозначено, что семья включает родителей с детьми (современная нуклеарная модель семьи) и других близких родственников; только в словаре вьетнамского языка есть указание на социальный статус семьи как мельчайшей общественной единицы.

На третьем этапе проведен интерпретационный анализ материала исследования, результаты которого позволили сделать выводы об особенностях образа семьи в современных российских, вьетнамских и датских СМИ.

В российских СМИ образ семьи формируется и актуализируется следующими средствами: использование лексики, указывающей на наличие в семье детей, на нуждаемость семьи в материальной поддержке и социальной защите, на необходимость защиты традиционных семейных ценностей, а также лексики, репрезентирующей образ многодетной семьи.

Во вьетнамских СМИ образ семьи формируется лексическими средствами, описывающими проблемы финансового неблагополучия семей, при этом подчеркивается аспект принадлежности семьи к рабочему классу,

актуализируется значение поддержки семьи ее членами и несение ими ответственности за ее благополучие.

В датских СМИ образ семьи формируется лексическими средствами, указывающими на наличие семейного бизнеса, а также описывающими финансовое благосостояние семей, кроме того, актуализируется образ королевской семьи.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование проведено в рамках программы научно-исследовательской стажировки «InteRussia» при финансовой поддержке Фонда Горчакова и Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

The study was conducted as part of the research internship program “InteRussia” with the financial support of The Gorchakov Fund and Pushkin State Russian Language Institute.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богуславская В. В., Чафонова А. Г., 2019. Концепт «семья»: актуализация в медиадискурсе российских, датских и финских СМИ // *Дискурс*. № 5 (6). С. 155–165. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-6-155-165>
- Волкова Я. А., Панченко Н. Н., 2021. Новостной текст: жанровое перевоплощение // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 2. С. 121–132. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.11>
- Демьянков В. З., 1999. Интерпретация как инструмент и объект лингвистики // *Вопросы филологии*. № 2. С. 5–13.
- Демьянков В. З., 1994. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. М. : Изд-во МГУ. 205 с.
- Евтушина Т. А., Ковальская Н. А., 2014. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // *Вестник Челябинского государственного университета*. № 6 (335). С. 42–46.
- Жура В. В., Рудова Ю. В., Семенова Е. Г., 2021. Вторичные соматические номинации в медиатекстах экономической, деловой и политической направленности // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 5. С. 153–166. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.12>
- Иссерс О. С., 2015. Дискурсивные практики нашего времени. М. : ЛЕНАНД. 272 с.
- Карасик В. И., 2019. Языковые мосты понимания : монография. М. : Дискурс. 524 с.
- Льюис Р. Д., 2001. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М. : Дело. 439 с.
- Сорокин Ю. А., 1994. Этническая конфликтология : (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара : Рус. лицей. 94 с.
- Стеценко Н. М., 2017. Экспрессивные средства новостных медиатекстов экономической тематики в аспекте речевого воздействия // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 1. С. 80–88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.8>
- Чернявская В. Е., 2013. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. № 2 (23). С. 122–127.
- Хуонг Тхи Тху Чанг, Чарыкова О. Н., 2015. Лексика семантической сферы «Финансы» в языке современных печатных СМИ // *Вестник Воронежского госуниверситета*. Серия: Филология. Журналистика. № 1. С. 73–76.
- Юй Лань, 2021. Трансформация концепции «мягкой силы» в политическом дискурсе КНР // *Коммуникология*. Т. 9, № 1. С. 79–88. DOI: [10.21453/2311-3065-2021-9-1-79-88](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-1-79-88)
- Bimber B., Flanagin A., Stohl C., 2005. Reconceptualizing Collective Action in the Contemporary Media Environment // *Communication Theory*. № 15/4. P. 365–388.
- Boguslavskaya V. V., Kuvyichko A. A., Chafonova A. G., 2020. Family And Motherhood In Russian, Danish, Finnish Media Discourse: Linguocultural Aspect // *Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects*. Vol. 86. P. 805–815. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.94>
- Hofstede G., 1980. Culture’s Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA : Sage. 475 p.
- Nguyễn Hồng Mai. Gia đình học ở Việt Nam: trên đường đi tìm lời giải. Tạp chí «Gia đình học Việt Nam». № 12. URL: <https://goeco.link/ThaCS>
- Scollon R. S., Scollon W., 2001. Intercultural Communication: A Discourse Approach. Malden, Mass. : Blackwell Publishers. 187 p.
- Steffensen T., 2017. The Roads More or Less Traveled – A Sequence Analysis of Family Formation and Parenthood for a Cohort of Danish Women Born in the 1970s // *Kvinder, Køn & Forskning*. Vol. 26 (1). P. 47–66. DOI: <https://doi.org/10.7146/kkf.v26i1.109784>

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Большой толковый словарь русского языка – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>
- Ведомости – Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru>
- Известия – Известия. URL: <https://iz.ru>
- Российская газета – Российская газета. URL: <https://www.rg.ru>
- Avisen.dk – Avisen.dk. URL: <https://www.avisen.dk>
- Berlingske – Berlingske. URL: <https://www.berlingske.dk>
- Den danske ordbog. Moderne dansk sprog – Den danske ordbog. Moderne dansk sprog. URL: <http://www.ordnet.dk/dd>
- Lao Động – Lao Động. URL: <https://laodong.vn>
- Nhân Dân – Nhân Dân. URL: <https://nhandan.vn>
- Politiken – Politiken. URL: <https://politiken.dk>
- Thanh Niên – Thanh Niên. URL: <https://thanhnien.vn>
- Từ điển Tiếng Việt – Hoàng Phê, bt. Từ điển Tiếng Việt. Viện Ngôn ngữ học : NXB Đà Nẵng, 2003. 1238 tr.

REFERENCES

- Boguslavskaya V.V., Chafonova A.G., 2019. Kontsept «semya»: aktualizatsiya v mediadiskurse rossiyskikh, datskikh i finskikh SMI [A Concept “Family”: Actualization in Russian, Danish and Finnish Media Discourses]. *Diskurs* [Discourse], no. 5 (6), pp. 155-165. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-6-155-165>
- Volkova Ya.A., Panchenko N.N., 2021. Novostnyy tekst: zhanrovoe perevoploshchenie [News Text: Genre Transformation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 2, pp. 121-132. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.11>
- Demyankov V.Z., 1999. Interpretatsiya kak instrument i obyekt lingvistiki [Interpretation as a Tool and Object of Linguistics]. *Voprosy filologii* [Questions of Philology], no. 2, pp. 5-13.
- Demyankov V.Z., 1994. *Morfologicheskaya interpretatsiya teksta i ee modelirovanie* [Morphological Interpretation of the Text and Its Modeling]. Moscow, Izd-vo MGU. 205 p.
- Evtushina T.A., Kovalskaya N.A., 2014. Ekonomicheskyy diskurs kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya [Economic Discourse as an Object of Linguistic Research]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 6 (335), pp. 42-46.
- Zhura V.V., Rudova Yu.V., Semenova E.G., 2021. Vtorichnye somaticheskie nominatsii v mediatekstakh ekonomicheskoy, delovoy i politicheskoy napravlenosti [Secondary Somatic Nominations in Media Texts Covering Economy, Business and Politics Spheres]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 5, pp. 153-166. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.12>
- Issers O.S., 2015. *Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [Discursive Practices of Our Time]. Moscow, LENAND Publ. 272 p.
- Karasik V.I., 2019. *Yazykovye mosty ponimaniya* [Language Bridges of Understanding]. Moscow, Diskurs Publ. 524 p.
- Lyuis R.D., 2001. *Delovye kultury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoveniya k vzaimoponimaniyu* [Business Cultures in International Business. From Collision to Mutual Understanding]. Moscow, Delo Publ. 439 p.
- Sorokin Yu.A., 1994. *Etnicheskaya konfliktologiya: (Teoreticheskie i eksperimentalnye fragmenty)* [Ethnic Conflictology (Theoretical and Experimental Fragments)]. Samara, Rus. litsey Publ. 94 p.
- Stetsenko N.M., 2017. Ekspressivnye sredstva novostnykh mediatekstov ekonomicheskoy tematiki v aspekte rechevogo vozdeystviya [Expressive Means in the News Media Texts on Economic Issues in the Aspect of Speech Impact]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 1, pp. 80-88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.1>
- Chernyavskaya V.E., 2013. Medialnyy povorot v lingvistike: polikodovye i gibridnye teksty [Medial Turn in Linguistic: Text Hybridity]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], no. 2 (23), pp. 122-127.
- Khuong Tkhi Tkhu Chang, Charykova O.N., 2015. Leksika semanticheskoy sfery «Finansy» v yazyke sovremennykh pechatnykh SMI [Vocabulary of the Semantic Sphere “Finance” in the Language of Modern Print Media]. *Vestnik Voronezhskogo gosuniversiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], no. 1, pp. 73-76.
- Yuy Lan, 2021. Transformatsiya kontseptsii «myagkoy sily» v politicheskom diskurse

- KNR [Transformation of the Concept of Soft Power in the Political Discourse of China]. *Kommunikologiya* [Communicology], vol. 9, no. 1, pp. 79-88. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-1-79-88
- Bimber B., Flanagin A., Stohl C., 2005. Reconceptualizing Collective Action in the Contemporary Media Environment. *Communication Theory*, no. 15/4, pp. 365-388.
- Boguslavskaya V.V., Kuvyichko A.A., Chafonova A.G., 2020. Family and Motherhood in Russian, Danish, Finnish Media Discourse: Linguocultural Aspect. *Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects*, vol. 86, pp. 805-815. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.94>
- Hofstede G., 1980. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA, Sage. 475 p.
- Nguyen Hong Mai. Gia dinh hoc o Viet Nam: tren duong di tim loi giai [Familistics in Vietnam: On the Way to Solving the Problem]. *Tap chi «Gia dinh hoc Viet Nam»* [Familistics in Vietnam], no. 12. URL: <https://goeco.link/ThaCS>
- Scollon R.S., Scollon W., 2001. *Intercultural Communication: A Discourse Approach*. Malden, Mass., Blackwell Publishers. 187 p.
- Steffensen T., 2017. The Roads More or Less Traveled – A Sequence Analysis of Family Formation and Parenthood for a Cohort of Danish Women Born in the 1970s. *Kvinder, Køn & Forskning*, vol. 26 (1), pp. 47-66. DOI: <https://doi.org/10.7146/kkf.v26i1.109784>

SOURCES AND DICTIONARIES

- Kuznetsov S.A., ed. Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. *Spravochno-informatsionnyy portal GRAMOTA.RU – russkiy yazyk dlya vseh* [Reference and Information Portal GRAMOTA.RU – Russian Language for Everyone]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>
- Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru>
- Izvestiya*. URL: <https://iz.ru>
- Rossiyskaya gazeta*. URL: <https://www.rg.ru>
- Avisen.dk*. URL: <https://www.avisen.dk>
- Berlingske*. URL: <https://www.berlingske.dk>
- Den danske ordbog. Moderne dansk sprog*. URL: <http://www.ordnet.dk/dd>
- Lao Dong*. URL: <https://laodong.vn>
- Nhan Dan*. URL: <https://nhandan.vn>
- Politiken*. URL: <https://politiken.dk>
- Thanh Nien*. URL: <https://thanhnien.vn>
- Tu dien Tieng Viet* [Vietnamese Dictionary]. Vien Ngon ngu hoc : NXB Da Nang, 2003. 1238 p.

Information About the Authors

- Vera V. Boguslavskaya**, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, boguslavskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>
- Khuong Thi Thu Trang**, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian Language and Culture, Vietnam National University, Pham Van Dong St, 2, Hanoi, Vietnam, khuongtrangkn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2532-4058>
- Albertina G. Ratnikova**, Candidate of Sciences (Pedagogy), Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, porijoki@nextmail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-4798>

Информация об авторах

- Вера Васильевна Богуславская**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, boguslavskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>
- Хуонг Тхи Тху Чанг**, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и культуры, Ханойский государственный университет, ул. Фамвандонг, 2, г. Ханой, Вьетнам, khuongtrangkn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2532-4058>
- Альбертина Германовна Ратникова**, кандидат педагогических наук, педагог кафедры русского языка как иностранного, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, porijoki@nextmail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-4798>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.14>

UDC 81'42
LBC 81.055.1

Submitted: 04.11.2022
Accepted: 03.04.2023

STYLE AS A RELATIONAL POLYVALENT CATEGORY

Evgenia A. Goncharova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The modern theory of style requires clarification of some aspects of this multifaceted phenomenon, because of its absolute anthropocentric and functional nature, as well as the resultant immanent connection of style not only with linguistic elements but also with extralinguistic factors. The study shows that such clarifications are largely related to style characteristics, such as *relationality*, which is the explicit expression of the relationship between the language and the person using it in specific types of speech activities and communications in the style and through it, *polyvalence* or the ability to express not one, but a whole bunch of correlative ties between language units and non-language phenomena, *alternativity*, which means an implication of the will expression of a linguistic persona in the style category. This will expression is aimed at consciously choosing from two or more options available to the linguistic persona based on the resources of the appropriate language and language experience to utter the desired message. As a modus of formulating a specific functional-conceptual whole realized through the interconnected set of features of a systemic-structural formation that can be distinguished and interpreted, style is a crucial parameter of utterance, text and discourse. Being the specific functional-conceptual whole formulation modus, it is realized through the interconnected set of features of a systemic-structural formation that can be distinguished and interpreted. Recognition of stylistic information contained in the holistic statements formulation modus optimizes the successful course of speech communication.

Key words: style, formulation modus, relationality, polyvalence, alternativity, utterance, text, discourse.

Citation. Goncharova E.A. Style as a Relational Polyvalent Category. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 180-191. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.14>

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 04.11.2022
Дата принятия статьи: 03.04.2023

СТИЛЬ КАК РЕЛЯЦИОННАЯ ПОЛИВАЛЕНТНАЯ КАТЕГОРИЯ

Евгения Александровна Гончарова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Современное учение о стиле требует уточнения некоторых аспектов этого сложного феномена, обусловленных его абсолютной антропоцентрической и функциональной природой, а также вытекающей из этого имманентной связанностью стиля не только с языковыми элементами, но и экстралингвистическими факторами. Представленное исследование показывает, что подобные уточнения касаются в первую очередь таких признаков стиля, как *реляционность* – эксплицитное выражение в нем и через него отношений между языком и человеком, использующим язык в конкретных видах речевой деятельности и коммуникации; *поливалентность* – способность выражать пучок коррелятивных связей между языковыми

единицами и внеязыковыми явлениями; *альтернативность* – имплицирование в категории стиля речевого поступка языковой личности, направленного на осознанный выбор для выражения нужного ей содержания одной из двух или нескольких возможностей, предоставляемых ей ресурсами соответствующего языка и языковым опытом. Как модус формулирования определенного функционально-смыслового целого, реализуемый взаимосвязанной совокупностью признаков системно-структурного построения, поддающихся выделению и интерпретации, стиль является неотъемлемым параметром высказывания, текста и дискурса. Распознавание стилистической информации, заключенной в модусе формулирования целостных высказываний, оптимизирует успешное протекание речевого общения.

Ключевые слова: стиль, модус формулирования, реляционность, поливалентность, альтернативность, высказывание, текст, дискурс.

Цитирование. Гончарова Е. А. Стиль как реляционная поливалентная категория // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 180–191. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.14>

Введение

Стиль, представляя собой в самом общем виде способ вербального и невербального выражения некоего содержания, реализуемый носителями/-ем языка при создании устных или письменных высказываний, получал на разных этапах развития лингвистики различные толкования в зависимости от того, какой из (многих) его аспектов выдвигался на передний план филологического анализа. Несмотря на различия рассматриваемых аспектов, можно установить ряд исходных методологических предпосылок, которые, по нашим наблюдениям, должны предварять любой стилистический анализ.

Так, к имманентным составляющим этой категории, прежде всего, принадлежит *реляционность*, поскольку стиль сигнализирует об определенных функционально-смысловых *отношениях* между языком и его пользователем – человеком. Согласно Ю.С. Степанову, именно стиль позволяет установить закономерности и особенности процесса и результата отбора и комбинации, а также трансформации языковых средств [Степанов, 1990, с. 494], находящихся в инвентарно-функциональном фонде одного или многих речемыслительных субъектов, которые всякий раз приспособливают эти средства к конкретным ситуациям собственной деятельности и/или коммуникации.

Реляционный характер стиля объясняется тем, что как «насквозь» антропоцентричный и функциональный феномен он демонстрирует, во-первых, определенный способ выражения (когнитивного и коммуникативно-

прагматического) содержания, соотносительный с другими способами выражения, которые служат для схожих целей речевого высказывания. Во-вторых, в основе этого способа выражения лежат когнитивные и речевые операции, совершаемые носителем/-ями языка со знанием круга функциональных особенностей нужных ему/им языковых средств (функции языка, как справедливо отмечает А.К. Киклевич, в свою очередь, являются реляционной категорией, поскольку они позволяют установить «множество его [языка] регулярных отношений к среде» [Киклевич, 2014, с. 61]). Иначе говоря, стиль всегда ориентирован на существование для его автора некой *альтернативы*, то есть наличие для создаваемого способа выражения нужного содержания не одной, а двух или нескольких возможностей, предоставляемых ресурсами соответствующего языка (принцип *или-или*). Немецкий исследователь Б. Зандиг отмечает в связи с этим, что везде, где у нас есть альтернатива, в игру вступает стиль («Überall, wo wir Alternativen haben, überall da ist Stil im Spiel...») [Sandig, 2006, S. 2].

Из реляционности стиля вытекает и такой его признак, как *поливалентность*, то есть способность быть «соединительной силой» между языком и человеком, выражающей не одно, а целый пучок отношений, например, отношение созданного средствами языка высказывания к среде и ситуации порождения и функционирования, а также к медиальной (устной или письменной) форме осуществления; к личности автора с его врожденными индивидуальными (ментальными и психическими) способностями и приобретен-

ными социальными (познавательными и коммуникативными) компетенциями, а также характером коммуникативно-прагматического взаимодействия с потенциальным реципиентом и др.

В то же время нельзя не признать, что в длительной истории изучения стиля в качестве научного объекта гуманитарных исследований представления о сути вышеназванных сторон этого феномена имели весьма лабильный характер и менялись в зависимости от преобладания в идеях о стиле рациональной или интуитивно-чувственной компоненты его интерпретации. В современных рассуждениях лингвистов о феномене **стиль** до сих пор не до конца отрефлексированы многие из его свойств, хотя их изучение имеет существенное значение для современной лингвистики, изучающей язык в проекции на человека, который реализует разные стороны своей познавательной и коммуникативной деятельности и тем самым себя как личность, разными способами, в том числе через «осваиваемый» и «присваиваемый» им язык.

Результаты и обсуждение

Научные направления в изучении стиля

В качестве преамбулы к описанию наиболее репрезентативных научных направлений в изучении стиля, перечень которых, вероятно, нельзя признать окончательным, следует заметить, что несмотря на внешние различия достаточно многочисленных дефиниционных толкований стиля их объединяет общий методологический принцип рассмотрения языка как живого организма, неотделимого в своих разнообразных проявлениях и функциях от людей. В то же время в каждом из этих научных направлений мы видим концентрацию ученых на одной или нескольких сочетательных потенциях стиля, свидетельствующих о его поливалентном характере.

Назовем наиболее распространенные научные концепции в изучении стиля, представленные известными именами его исследователей в России и за рубежом.

1. Стиль – коррелят литературно-языковой *нормы*, связанный с объединяющей членов определенной языковой общности рече-

вой культурой, или «правильностью» речевых (социально-функционально отмеченных, письменно-книжных или разговорно-устных) построений [Виноградов, 1980; Винокур, 2006, с. 11–48; Riesel, Schendels, 1964, S. 6–33]. Уже античная риторика считает обязательным такой принцип построения речи, при котором оратор соблюдает уместность по отношению к предмету, о котором идет речь, и к лицам как говорящего, так и слушающего. В рамках возникшего в связи с этим представления о «трех стилях» («скудном / низком» – «умеренном» – «важном / возвышенном») в классической стилистике возникает и развивается учение об «образцовом», или «хорошем» стиле, то есть способе выражения, «уместном» и «целесообразном» в общении с определенными социальными слоями общества и в определенных социальных сферах (см., например: [Москвин, 2012, с. 171–177]).

С опорой на подобное понимание стиля во многих европейских культурах начиная приблизительно с конца XVIII в. вырастает так называемая «практическая стилистика», нацеленная на изучение закономерностей целесообразного и уместного функционирования языка; издаются учебники «хорошего», образцового стиля, а также руководства по правильному написанию наиболее распространенных видов повседневных текстов: письма, соболезнования, поздравления и др. Сегодня эта область стилистики продолжает автономно существовать в виде так называемой «нормативной стилистики», или «культуры речи» (как части ортологии).

2. Стиль – признак *девиации*, то есть ненамеренного или намеренного отклонения от системы функционально-речевых норм, принятых в некоем языковом сообществе, но подверженных колебаниям, варьированию и изменению. Стилистические девиации служат в первую очередь основанием для научного описания двух противоположных тенденций в коммуникативно-речевом поведении пользователей языка: соблюдение литературно-языковых и коммуникативно-дискурсивных норм в процессах пользования языком, с одной стороны, и отклонение от них – с другой.

Так, отсутствие стилистических девиаций в речи какого-то члена языкового сообщества свидетельствует о тяготении его ре-

чего поведения к принципу «так принято» (англ. *«opting in»*), который заключается в недопущении всяческих трансформаций или изменений в конвенциональном (узуальном) употреблении языковых единиц, а также в соблюдении норм речевого этикета и стилистического единообразия произносимого или написанного. Использование же нетривиальных форм языкового выражения и нестесненное формально-социальными условностями коммуникативно-речевое поведение (иными словами, стилистические девиации) считаются проявлением в речи прагматического стимула «быть не таким, как все», или «выделиться из других» (англ. *«opting out»*).

Стилистические девиации могут иметь при этом деструктивный характер – в случаях ненамеренного, спонтанного отклонения от конвенционального использования функционально-речевых элементов, являющегося признаком отсутствия или недостаточности необходимых коммуникативно-стилевых компетенций [Гончарова, 2020]. В такой форме они могут оказаться «вредными» для процессов речевого общения, поскольку способны привести говорящего к коммуникативной неудаче, то есть к недопониманию собеседниками друг друга и к невыполнению намеченных целей (речевой) коммуникации.

Например, стилистически ошибочный выбор формы обращения к адресату, не соответствующий условиям коммуникативно-речевой ситуации и характеру публики, может обернуться для говорящего конфузом или потерей социального реноме. Невозможен эффективный профессиональный или деловой диалог, если один из его участников позволит себе фамильярные или жаргонные обращения к собеседникам, например, *апеллятивы люди / ребята / девчата / братаны / пацаны*, так как подобные обращения стилистически маркируют либо диалог между людьми молодого возраста, либо интенцию выступающего настроить слушателей на волну непринужденного, свободного от социально-статусных условностей разговора. Не исключено, что диалог в таких случаях состоится, но его успешному протеканию и кооперативному диалогическому взаимодействию обеих сторон подобная стилистическая ошибка нанесет серьезный ущерб.

Особенно часто в основе намеренных отклонений речевого субъекта от общепринятого использования языковых единиц, а также от правил речевого этикета лежит творческий элемент, или лингвокреативность пользователей языка. В этом случае стилистические девиации приобретают конструктивное значение, особенно для литературно-художественной, персуазивной и непрямой коммуникации. Последняя толкуется как «содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и (которая. – Е. Г.) требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев, 2006, с. 5].

В качестве одного из множества возможных в данном случае примеров намеренных лингвокреативных стилистических девиаций приведем фрагменты из стихотворения Владимира Маяковского «Адище города» (1913):

Адище города окна разбили / на крохотные,
сосущие светом адки. / Рыжие дьяволы, вздымались
автомобили, / над самым ухом взрывая гудки
/...трамвай с разбега взметнул зрачки /...у раненого
солнца вытекал глаз / скомкав фонарей одеяла
– / ночь излюбилась, похабна и пьяна / ...ковыляла...
дряблая луна.

Как видим, в основе построения каждой из поэтических строк лежит нарушение или правил словообразования (*адище, адки, излюбилась*), или норм лексико-грамматической и семантической сочетаемости в русском языке (*сосущие светом; трамвай... взметнул зрачки; раненое солнце; фонарей одеяла; ковыляла... луна* и др.). В совокупности же все случаи подобной «языковой игры» поэта, отмеченные неповторимой синкретической образностью, можно рассматривать в качестве маркеров стилистической информации о принадлежности воспринимаемого текста к поэтической сфере и, следовательно, средств персуазивного и суггестивного воздействия, настраивающих потенциального реципиента на коммуникативно-речевую ситуацию литературно-художественного общения с уникальной творческой личностью автора и рассчитанных на его интеллектуальный и/или эмоциональный отклик.

3. Стиль – сигнал «эмоционального заряда» речи, иными словами, поддающиеся выявлению эмоциональные оттенки, отражающие как чисто личные, так и видоизмененные под влиянием социальных условий (конкретной ситуации и социальной среды) побуждения говорящего, обусловленные его социальной характеристикой и особенностями «приспособления» к другим членам данной общественной группы и других групп. Именно в эмоциональной «окраске» экспрессивных фактов речи заложены, по мнению сторонников этого направления, причины и смысл языковой и речевой вариативности, а также стиля как содержательного аспекта речи.

Это направление в изучении стиля связано, прежде всего, с именем Шарля Балли, который считал, что речь «среднего человека», то есть того, «кто создает и изменяет язык», выражает в первую очередь *чувства* [Балли, 2009, с. 23]. Поэтому, по мнению ученого, одна из основных задач стилистики состоит в том, чтобы изучать «...экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства» [Балли, 2009, с. 33].

Известный в нашей стране автор двух изданий «Стилистики французского языка» (1978 и 1987 гг.) К.А. Долинин, который перевел «Стилистику» Шарля Балли на русский язык и находился под влиянием его идей, обогатив их научными данными лингвопрагматики, социолингвистики и психологии, включает оппозицию «эмоциональность – неэмоциональность» в главные измерения стиля. Исследователь рассматривает эмоциональность – наряду со спонтанностью и стилистической сниженностью – в качестве (стилистического) сигнала «простого, стихийного, личностного, субъективного, аффективного и эфемерного» начала, противопоставленного «сложному, обработанному, ролевому (социально обусловленному), объективному, интеллектуальному, постоянному» полюсу в речевой деятельности людей [Долинин, 1987, с. 290–291 и др.].

4. Стиль – системный отличительный языковой признак художественных речевых произведений, то есть использование языка в *поэтической функции*, понимаемой как спо-

собность языковых единиц выступать в качестве средств художественной выразительности и изобразительности, составляющих суть эстетического смысла, а также сигналов творческого самовыражения и языкового творчества автора в речевой структуре поэтического произведения.

Теория стиля как категории «словесного искусства» имеет длительную историю, и здесь нельзя обойти вниманием теоретические труды и блестящие стилистические интерпретации поэтических произведений у представителей русской «формальной школы», к которой относились теоретики и историки литературы (В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов), лингвисты (В.М. Жирмунский, Р.О. Якобсон, Е.Д. Поливанов, Л.П. Якубинский), стиховеды (С.И. Бернштейн, О.М. Брик). Основываясь на идеях А.А. Потебни о том, что всякое слово уже само по себе искусство [Потебня, 2003], формалисты провозгласили «самовитость» слова (и стиля как его выбора творческим субъектом) в качестве многозначного эталона формы художественного произведения.

Следствием интерпретации стиля в таком его понимании стало выделение в атомную дисциплину «литературоведческую стилистику», называемую также иногда «практической поэтикой», «поэтической стилистикой» [Жирмунский, 2004], «стилистикой художественной речи» [Сильман, 1969] или «поэтикой слова» (также «лингвистической поэтикой») [Григорьев, 1979]. Литературоведческая стилистика существовала долгое время параллельно с «лингвистической», или «языковедческой» стилистикой, изучавшей нехудожественные сферы функционирования языка [Riesel, Schendels, 1975, p. 12–13].

5. Стиль – совокупность отличительных признаков речи отдельного человека, находящегося в тех же условиях когниции и коммуникации, что и прочие члены определенного языкового сообщества, иначе «индивидуальный стиль», или «идиостиль».

Эта ветвь в развитии учения о стиле тесно связана с предыдущим его толкованием (см. п. 4), поскольку именно яркая в выразительном и изобразительном плане, а также эмоционально-экспрессивно насыщенная тональность поэтической речи писателей-художников слова позволяют рассматривать ее как

неповторимый индивидуальный стиль. Например, М.М. Бахтин, полагавший, что «...стиль неразрывно связан с высказыванием и с типическими формами высказываний, то есть с речевыми жанрами» [Бахтин, 1979а, с. 240], подчеркивал, что каждое произнесенное или написанное высказывание «индивидуально и потому может отразить индивидуальность говорящего (или пишущего), то есть обладать индивидуальным стилем» [Бахтин, 1979а, с. 240]. При этом жанры художественной литературы ученый считал наиболее благоприятными для проявления индивидуального стиля: «здесь индивидуальный стиль прямо входит в само задание высказывания, является одной из ведущих целей его» [Бахтин, 1979а, с. 241], в то время как в большинстве нехудожественных жанров (например, деловых документах) «индивидуальный стиль не входит в замысел высказывания, не служит одной его целью, а является... эпифеноменом высказывания, дополнительным продуктом его» [Бахтин, 1979а, с. 241].

В более поздних стилистических исследованиях «индивидуального стиля», распространенных и на нехудожественные виды речевой деятельности человека (прежде всего, в научной / научно-академической / научно-популярной, массмедийной и обиходной среде), он стал сопоставляться с понятием «идиолект». По мнению исследователей, идиолект представляет собой, в отличие от идиолекта, то есть определенного динамического множества языковых ресурсных средств и функционально-речевых предпочтений, формирующих тезаурус и фоновые знания отдельной языковой личности, практическую речевую актуализацию этого идиолекта в созданных ею (текстовых) высказываниях (см., например: [Гончарова, 2010, с. 111–114; Котурова, 2003]).

6. Стиль – исторически сложившееся, социально и ситуативно-функционально обоснованное использование определенных совокупностей структурно-семантических единиц языка в широко распространенных и значимых для общества сферах познавательной и коммуникативной деятельности человека, таких как деловая, научно-академическая, журналистская, литературно-художественная, религиозная, обиходно-разговорная. Терминологичес-

ким обозначением этого аспекта стиля стало атрибутивное словосочетание «функциональный стиль», впервые появившееся в 20-х гг. XX в. в трудах ученых Пражского лингвистического кружка В. Матезиуса, Б. Гавранека, Я. Мукаржовского.

В нашей стране функциональная стилистика как автономная часть науки о стиле возникла в 60-е гг. прошлого столетия. Она связана с именами М.М. Бахтина, Г.О. Винокура, Т.Г. Винокур, В.В. Виноградова, Б.Н. Головина, М.Н. Кожинной, Э.Г. Ризель, О.Б. Сиротининой, Ю.С. Степанова и многих других ученых, так или иначе занимавшихся изучением проблем стиля.

Само понятие «функциональный стиль», возникшее как опыт социально детерминированного уточнения концепта «стиль», можно считать результатом осмысления того факта, что не только отдельный индивидуум, но и языковое сообщество осознает целевую, проблемно-содержательную и коммуникативно-ситуативную специфику сфер социального общения, активно задействованных в плане протекания когнитивной и коммуникативной деятельности его членов. В зависимости от этого, а также от реальных коммуникативно-речевых (дискурсивных) практик, циркулирующих в таких сферах с определенной регулярностью, членами сообщества устанавливаются системные совокупности лингвостилистических элементов, форм и функций, которые служат наиболее аутентичному выражению типичных для этих социальных областей содержаний.

Стиль как модус формулирования текста и дискурса

Неоднородность вышеприведенных определений и толкований стиля объясняется наличием в дефиниционных признаках этого феномена не только чисто языковых, но и разветвленной сети внеязыковых параметров, в частности, таких как (тематическое) содержание языкового сообщения и общения; характер разрешаемой при этом проблемы; ситуация совершения речевых действий и ее участники; их социально-коммуникативные роли и характер (рационального и эмоционального) отношения к цели, содержанию общения и друг к другу и т. д.

Принципиальную роль для научного понимания феномена «стиль» играет и тот факт, что познавательная и коммуникативная (речевая) деятельность человека осуществляется с наибольшей полнотой и адекватностью посредством порождаемых им самим и воспринимаемых им целостных высказываний / текстов других. Именно текст является «той непосредственной действительностью (действительностью мысли и переживаний)» [Бахтин, 1979б, с. 281], которая позволяет проследить, как происходят *отбор, комбинаторное сочетание, переосмысление* и *преобразование* средств используемого языка человеком, иначе говоря, как возникает специфический «модус формулирования» (определенного содержания), то есть взаимосвязанная совокупность значимых в смысловом и функциональном плане и поддающихся выделению и интерпретации свойств системно-структурного построения текста, или **стиль**. Поэтому один из главных постулатов современной стилистики заключается в изучении стиля и всего, что с ним связано: стилистической функции, стилистической информации, стилистического значения / стилистической окраски / стилистических коннотаций (отдельных языковых и речевых единиц), – с «текстоцентрических» позиций (см. об этом: [Hoffmann, 2017; Sandig, 2006]).

Как многомерная поливалентная формально-смысловая категория стиль рождается в тексте при наложении друг на друга двух функциональных «энергий». Первая исходит от вербальных элементов, транспонируемых из системы языка в систему текста и подверженных в зависимости от этого определенным модификациям и трансформациям, необходимым для их вхождения в состав текстового целого. Вторая связана с акциональностью языковой личности ментально-речевого субъекта, который создает текст в русле собственной коммуникативной стратегии, нужной ему для решения какой-то конкретной проблемы (научного исследования, политической акции, установления делового или личного контакта, поиска работы и др.), будучи прагматически ориентированным на потенциального партнера по коммуникации.

Под действием указанных «энергий» процесс формулирования текста, то есть кристал-

лизация его стиля, становится не прямым переводом готового содержания в соответствующую языковую форму, а творческим ментально-речевым действием в избирательно-анализирующей, комбинирующей, трансформирующей и синтезирующей работе автора с языком. Внутри этого процесса происходит актуализация определенных «созначений» (см. об этом: [Винокур, 2010, с. 118]) структурно-семантических элементов языка (например, синонимических рядов, лексики с обозначением психических состояний и речевых действий, качественных прилагательных, антропонимов, синтаксических конструкций). В макроконтексте целостного речевого высказывания, к которому, помимо них, принадлежат и стилистически нейтральный языковой контекст, и экстралингвистический контекст (коммуникативно-речевая ситуация, социальная среда бытования текста, тема сообщения или обсуждения и др.), подобные «созначения» приобретают характер *стили- стической функции* [Арнольд, 1999, с. 158–167]. Совокупность стилистических функций, в свою очередь, составляет *стили- стическую информацию* текста, которая, хотя и является информацией второго рода, так как возникает из взаимодействия предметно-логической информации с информацией коммуникативно-ситуативной, субъектно-объектной, эмоционально-оценочной, экспрессивной и т. д. (ср.: [Арнольд, 1999, с. 159]), играет, тем не менее, значительную роль для понимания и интерпретации речевого высказывания. Ее распознавание помогает реципиенту текста вступить в оптимально близкие когнитивные и коммуникативные кооперативные отношения с его автором.

Продемонстрируем с помощью примеров возможности извлечения стилистической информации из пяти высказываний на тему «Извинение по поводу опоздания», но имеющих разный модус формулирования, то есть стиль. По тому, какую форму речевого высказывания и, соответственно, какую синтаксическую модель предпочитает говорящий, мы можем составить более или менее точное представление о понимании им той коммуникативной ситуации, в которой это говорится, о социально-ролевых отношениях между ее участниками, о ментально-психологическом складе ха-

рактера речевого субъекта, об его личных эмоциях в данный момент:

- (1) Прошу меня извинить, у меня были веские причины не явиться к назначенному времени!
- (2) Простите, что я задержался.
- (3) Извините, ради бога, за мое вынужденное опоздание!
- (4) Ой, прости-прости, пожалуйста, опоздал!
- (5) Да не дуйся ты, как мышь на крупу, ну подумаешь, опоздал!

Очевидно, что в высказывании (1) опоздавший дает официально-формальное пояснение какому-то лицу, в деловом контакте с которым он заинтересован. Высказывания (2) и (3) представляют собой этикетные речевые формы, причем субъект третьего извинения явно рассчитывает на вежливую эмпатию собеседника. Высказывания (4) и (5) демонстрируют более фамильярные отношения между партнерами по ситуации, автор пятого восклицания к тому же по существу не просит прощения за опоздание, а достаточно эмоционально и идиоматично выражает претензию своему собеседнику за недовольство. Легко представить себе интонацию и жестикуляцию, которые с большой долей вероятности сопровождают реплики говорящих в (4) и (5).

Приведенные примеры показывают, что каждый человек, выступающий в функции речемыслительного субъекта, который создает законченное в смысловом и коммуникативно-прагматическом отношении высказывание, «опредмечивает» в модусе формулирования, или стиле, собственный речевой поступок, так как он *отбирает* из «получужих» слов языка (по М.М. Бахтину) нужные ему лексико-семантические единицы и *связывает* между собой отобранные слова и словосочетания в качестве «своих» в определенные *комбинации* с опорой на известные ему грамматико-синтаксические модели, создавая тем самым целостную (текстовую) структуру.

Исходя из вышесказанного модус формулирования текста, или его стиль, можно рассматривать и как речевое воплощение в текстовой структуре двух имманентно присутствующих в ней образов (при понимании под образом словесного выражения идеи относительно какого-то явления действительности). Первый из них – «образ языка», используе-

мого в качестве инструментального средства создания текста, второй – «образ автора», речемыслительного субъекта, который создал знаковую реальность текста, запрограммированную на ее рецепцию потенциальным читателем. Каждый из названных образов представляет собой сложное системно-структурное образование, соотносимое, с одной стороны, с системой соответствующего языка, а с другой – с системой человека, то есть с совокупностью свойственных каждому индивидууму врожденных ментальных и психологических свойств, которые дополняются социально-функциональными и поведенческими характеристиками, приобретаемыми человеком в роли речевого актора в определенной общественной и культурно-исторической среде благодаря многообразным видам деятельности.

Лингвостилистические элементы способны выступать и в роли индикаторов определенного вида дискурса, то есть функционировать в роли контекстуально-речевых сигналов таких механизмов макроорганизации текстов, которые реализуют этот дискурс как некую живую жизненную ситуацию со своими особенностями речевого общения. Языковая форма и функции этих элементов определяются проблемно-тематическим содержанием и дискурсивным взаимодействием отдельных (текстовых) высказываний, составляющих базу для диалога мнений по определенным вопросам, значимым для общества в целом или какой-то его группы. Кроме того, они зависят от социально-коммуникативной ситуации обсуждения и прагматических установок участников диалога, а также от характера их рационально-логического и/или эмоционально-риторического отношения к предмету и форме коммуникации, к точкам зрения других и т. д.

Например, в дискурсе пандемии, до сих пор не теряющем своей актуальности в нашей стране и за рубежом, во-первых, обнаруживаются определенные стилистические (языковые, невербальные и полимодальные) закономерности в структурно-семантической и экспрессивно-риторической организации текстов в публичном диалоге специалистов-медиков, политиков и граждан-обывателей по обусловленным этим драматическим собы-

тием темам. Коммуникативно-речевые границы между названными выше социальными сферами становятся более прозрачными: термины-неологизмы, клишированные словосочетания и фразы легко переходят из специальной медицинской области в масс-медиа, политическую, обиходно-повседневную среду и приобретают статус «маркеров современности», так как служат приметой определенного периода в истории общества (ср.: [Майер, 2020]).

Во-вторых, тексты по проблематике пандемии и их отдельные типы (профессиональный комментарий, научный обзор, очерк, интервью, дискуссия, журналистский репортаж) по-разному формулируются в официально-деловой коммуникации, в политике и в средствах масс-медиа: прессе, телевидении и интернете, – будучи проявлением разных стилей мышления, то есть несопадающих способов когнитивно-речевой обработки актуальной социальной проблематики. Все они служат при этом источником зарождения лексико-семантических новообразований, которые затем массово используются в языковом сообществе, часто претерпевая стилистические модификации и образно-риторическое переосмысление (*санитайзер, самоизоляция, локдаун, антипрививочник / антиваксер, карантинкулы, ковид- / коронаудиот, коронапофигист* и др.).

В-третьих, лингвокультурные традиции, развивающиеся и закрепляющиеся в социально-речевой коммуникации разных национальных сообществ, в частности, различия в конвенциональных формах коммуникативно-речевого этикета и вежливости в общении между специалистами, политиками, журналистами и отдельными гражданами также находят свое отражение в определенных повторяющихся лингвостилистических сигналах либо «позитивной», либо конфликтной коммуникации, связанной с пандемией (см.: [Леонтович и др., 2019]).

Вынесение стиля на уровень дискурса в современных его исследованиях интересно как симптом нарастающей тенденции перемещения стиля на уровень культурно-семиотически значимых феноменов. Известные немецкие исследователи стиля У. Фикс, М. Хофман, Б. Зандиг отмечают, например, что стиль

присутствует не только в собственно лингвистически актуализированном тексте, но и в так называемых «контекстах» (KonText) (нелингвистической части внутри поликодового текста) и в «сверхтекстах» (Supertext) (поликодовый текст в единстве всех составляющих его частей) [Fix, 2021; Hoffmann, 2017; Sandig, 2006], иначе говоря, в определенном дискурсивном, а также полимодальном пространстве.

Заключение

Рассмотрение широкого круга вопросов, связанных с научной интерпретацией релевантных признаков стиля в историческом аспекте, а также с учетом современного состояния лингвистики, позволяет определить этот языковой феномен как модус формулирования (текстового) высказывания, возникающего в процессе и результате «опредмечивания» речевого поступка языковой личности автора, который заключается в выборе целесообразного способа выражения необходимого содержания и зависит от ситуативно-функциональных условий речевой деятельности, тематических и прагматических установок говорящего, а также его дискурсивных отношений с партнером/-ами по коммуникации.

Будучи неотъемлемым параметром текста и дискурса, стиль представляет собой реляционную и поливалентную категорию, так как на его основе выражаются многоаккурные отношения между языком и его пользователем, который создает стиль, выбирая одну из альтернативных возможностей формулирования речевого высказывания, заложенных в его языковом опыте и фонде соответствующего языка.

Объем стилистической информации, текстовой информации второго рода, которая, однако, составляет существенную часть общей текстовой информации, зависит от тексто-стилевых компетенций обеих сторон речевой коммуникации. Ее освоение обеспечивает успешность не только совершаемого с помощью данного текстового высказывания акта речевого общения, но и дальнейшей (дискурсивной) деятельности обоих субъектов в определенной предметно-социальной области, когда они либо создают собственный вербаль-

ный или поликодовый продукт, либо воспринимают и интерпретируют текст другого, возвращая его в последующем в мир в своих мыслях, (речевых) поступках и настроениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В., 1999. О стилистической функции // Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / науч. ред. П. Е. Бухаркин. СПб : Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 158–167.
- Балли Ш., 2009. Французская стилистика / пер. с фр. К. А. Долинина ; под ред. Е. Г. Эткинда. Изд. 3-е. М. : Либроком. 384 с.
- Бахтин М. М., 1979а. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М. : Искусство. С. 237–280.
- Бахтин М. М., 1979б. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М. : Искусство. С. 281–307.
- Виноградов В. В., 1980. Проблема сказа в стилистике // Избранные труды. О языке художественной прозы / отв. ред. Ю. С. Степанов, А. П. Чудаков. М. : Наука. С. 42–54.
- Винокур Г. О., 2006. Культура языка / предисл. Л. П. Крысина. Изд. 3-е, доп. М. : КомКнига. 352 с.
- Винокур Т. Г., 2010. Стилистика в социально-психологическом аспекте // Стилистика как она есть. Избранные работы / сост. С. В. Киселев. М. : ЛКИ. 168 с.
- Гончарова Е. А., 2020. Компетентностный подход к изучению текста и стиля // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (18–19 нояб. 2020 г., Абакан) / отв. ред. И. П. Амзаракова. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. С. 61–64.
- Гончарова Е. А., 2010. Теория и практика стилистического анализа = Theorie und Praxis der Stilanalyse. М. : Академия. 352 с.
- Григорьев В. П., 1979. Поэтика слова (на материале русской советской поэзии). М. : Наука. 343 с.
- Дементьев В. В., 2006. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис. 376 с.
- Долинин К. А., 1987. Стилистика французского языка. Изд. 2-е, дораб. М. : Просвещение. 303 с.
- Жирмунский В. М., 2004. Введение в литературоведение. Курс лекций / под ред. З. И. Плавскиной, В. В. Жирмунской. Изд. 2-е. М. : Едиториал УРСС. 464 с.
- Киклевич А. К., 2014. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков : Гуманитарный центр. 444 с.
- Котюрова М. П., 2003. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. П. Кожинной. М. : Флинта : Наука. С. 95–99.
- Москвин В. П., 2012. Риторика и теория коммуникации. Виды, стили и тактики речевого общения. М. : Либроком. 216 с.
- Майер В. С., 2020. Пандемия коронавируса как языковой маркер современности (на материале немецкого языка) // Гуманитарные и социальные науки. № 4. С. 124–137. DOI: <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-81-4-124-137>
- Леонтович О. А., Гуляева М. А., Лунева О. В., Соколова М. С., 2019. Позитивная коммуникация : коллектив. моногр. / под общ. ред. О. А. Леонтович. М. : Гнозис. 296 с.
- Потебня А. А., 2003. Теоретическая поэтика / сост., вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратова. Изд. 2-е, испр. СПб. : Филолог. фак. СПбГУ ; М. : Академия. 384 с.
- Сильман Т. И., 1969. Stilanalysen. Пособие по стилистическому анализу немецкой художественной литературы. Л. : Просвещение. 325 с.
- Степанов Ю. С., 1990. Стиль // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 494–495.
- Fix U., 2021. Stil – Denkstil – Text – Diskurs: die Phänomene und ihre Zusammenhänge. Berlin : Frank/Timme. 570 S.
- Hoffmann M., 2017. Stil und Text. Eine Einführung. Tübingen : Narr Francke Attempto Verlag. 267 S.
- Kayser W., 1992. Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. 20. Auflage. Tübingen : Basel : Francke Verlag. 460 S.
- Riesel E., Schendels E., 1975. Deutsche Stilistik. München : Hochschule. 316 S.
- Sandig B., 2006. Textstilistik des Deutschen. 2. Auflage. Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter. 584 S.

REFERENCES

- Arnold I.V., 1999. O stilicheskoy funktsii [About stylistic function]. Bukharkin P.E., ed. *I. V. Arnold. Semantika. Stilistika. Intertekstualnost: sb. st.* [I. V. Arnold. Semantics. Stylistics. Intertextuality. Collection of Articles]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, pp. 158-167.
- Bally Ch., 2009. *Francuzskaja stilistika* [French Stylistics]. Moscow, Librokom Publ. 384 p.
- Bakhtin M.M., 1979a. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. Bakhtin M. M.

- Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 237-280.
- Bakhtin M.M., 1979b. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh [The Problem of the Text in Linguistics, Philology and Other Humanities]. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 281-307.
- Vinogradov V.V., 1980. Problema skaza v stilistike [The Problem of Narration in Style]. *Izbrannye trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy* [Selected Works. About the Language of Fiction Prose]. Moscow, Nauka Publ., pp. 42-54.
- Vinokur G.O., 2006. *Kultura yazyka* [Culture of Language]. Moscow, KomKniga Publ. 352 p.
- Vinokur T.G., 2010. Stilistika v socialno-psikhologicheskom aspekte [Stylistics in the Sociopsychological Aspect]. *Stilistika kak ona est. Izbrannye raboty* [Stylistics as it is. Selected Works]. Moscow, LKI Publ. 168 p.
- Goncharova E.A., 2021. Kompetentnostnyy podkhod k izucheniyu teksta i stilya [Competence-Based Approach to the Study of Text and Style]. *Aktualnye problemy izucheniya yazyka, literatury i zhurnalistiki: dostizhenia, perspektivy, innovatsii: materialy XIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (18–19 noyabrya 2020 g., Abakan)* [Actual Problems of Learning Language, Literature and Journalism: Achievements, Prospects, Innovations. Proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference (November 18–19, 2020, Abakan)]. Abakan, Izd-vo Hakas. gos. un-ta im. N.F. Katanova, pp. 61-64.
- Goncharova E.A., 2010. *Teoriya i praktika stilisticheskogo analiza = Theorie und Praxis der Stilanalyse* [Theory and Practice of Stylistic Analysis]. Moscow, Akademiya Publ. 352 p.
- Grigoryev V.P., 1979. *Poetika slova (na materiale russkoy sovetskoy poezii)* [Poetics of the Word (Based on the Material of the Russian Soviet Poetry)]. Moscow, Nauka Publ. 343 p.
- Demytyev V.V., 2006. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect Communication]. Moscow, Gnozis Publ. 376 p.
- Dolinin K.A., 1987. *Stilistika frantsuzskogo yazyka* [Stylistics of the French Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 303 p.
- Zhirmunskiy V.M., 2004. *Vvedenie v literaturovedenie. Kurs lektsiy* [Introduction to Literary Studies. Lecture Course]. Moscow, Editorial URSS Publ. 464 p.
- Kikleovich A.K., 2014. *Dinamicheskaya lingvistika: mezhdu kodom i diskursom* [Dynamic Linguistics: Between Code and Discourse]. Kharkov, Gumanitarnyy tsentr. 444 p.
- Kotyurova M.P., 2003. Idiostil [Individual Style]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., pp. 95-99.
- Moskvin V.P., 2012. *Ritorika i teoriya kommunikatsii. Vidy, stili i taktiki rechevogo obshcheniya* [Rhetoric and Communication Theory. Types, Styles and Tactics of Speech Communication]. Moscow, Librokom Publ. 216 p.
- Mayer V.S., 2020. Pandemiya koronavirusa kak yazykovoy marker sovremennosti (na materiale nemetskogo yazyka) [The Coronavirus Pandemic as a Linguistic Marker of Modernity (On the Material of the German Language)]. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [The Humanities and Social Sciences], no. 4, pp. 124-137. DOI: <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-81-4-124-137>
- Leontovich O.A., Gulyaeva M.A., Luneva O.V., Sokolova M.S., 2019. *Pozitivnaya kommunikatsiya: kolektiv. monogr.* [Positive Communication. Collective Monography]. Moscow, Gnozis Publ. 296 p.
- Potebnya A.A., 2003. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical Poetics]. Saint Petersburg, Filolog. fak. SPbGU; Moscow, Akademiya Publ. 384 p.
- Silman T.I., 1969. *Stilanalysen. Posobie po stilisticheskomu analizu nemetskoy khudozhestvennoy literatury* [Stilanalysen. Manual on Stylistic Analysis of German Fiction]. Leningrad, Prosveshchenie Publ. 325 p.
- Stepanov Yu.S., 1990. Stil [Style]. *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., pp. 494-495.
- Fix U., 2021. *Stil – Denkstil – Text – Diskurs: die Phänomene und ihre Zusammenhänge*. Berlin, Frank/Timme. 570 S.
- Hoffmann M., 2017. *Stil und Text. Eine Einführung*. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag. 267 S.
- Kayser W., 1992. *Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. 20. Auflage*. Tübingen, Basel, Francke Verlag. 460 S.
- Riesel E., Schendels E., 1975. *Deutsche Stilistik*. München, Hochschule. 316 S.
- Sandig B., 2006. *Textstilistik des Deutschen. 2. Auflage*. Berlin, New York, Walter de Gruyter. 584 S.

Information About the Author

Evgenia A. Goncharova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of German Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, eagon@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1063-0423>

Информация об авторе

Евгения Александровна Гончарова, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, eagon@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1063-0423>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.15>

UDC 81'272
LBC 81.006.2

Submitted: 04.09.2022
Accepted: 06.03.2023

METHODS FOR ESTIMATING THE LANGUAGE CONFLICT POTENTIAL¹

Aysa N. Bitkeeva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Svetlana V. Kirilenko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the issues of language conflict and the capacity to estimate the conflict potential of the language situation in multilingual communities. The prerequisites and causes for the emergence of language conflicts in language communities, as well as the incentives and triggers that provoke their occurrence are investigated. The research highlights applicability of current approaches to a conflict study developed in the frameworks of social sciences for language conflict potential identification. The methodology for measuring the conflict potential of the language community is described as conducting surveys with respondents, further assessment of existing threats to the linguistic situation stability, and evaluation of speakers' satisfaction. The efficiency of adopted procedures application is proved, their predictive potential is revealed. The method for assessing tensions in a language community is considered in the context of a threat to the identity of a language group, and the results of the practical application of this technique are based on a field study conducted in the Republic of Dagestan. The effectiveness of conflict potential studying method as a combination of realistic and symbolic threats and inter-group anxiety is confirmed on the material of respondents' questionnaire surveys and interviews with experts conducted in the Republic of Tatarstan. The assessment of tension in the language community, based on scaling technique that provides possibility for identifying four stages in the development of a language conflict, was carried out on the data obtained with the survey of residents of the Republic of Kalmykia.

Key words: language conflict, conflict potential, language community, speaker, social tension, language policy.

Citation. Bitkeeva A.N., Kirilenko S.V. Methods for Estimating the Language Conflict Potential. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 192-207. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.15>

УДК 81'272
ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 04.09.2022
Дата принятия статьи: 06.03.2023

ИЗМЕРЕНИЕ КОНФЛИКТОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ: ПОИСК ИНСТРУМЕНТАРИЯ¹

Айса Николаевна Биткеева

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Светлана Владимировна Кириленко

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблематика языкового конфликта и возможности исследования конфликтности языковой ситуации в мультилингвальных сообществах с прогностическими целями. Охарактеризованы предпосылки языковых конфликтов и триггеры, провоцирующие их возникновение. Показаны возможности адаптации современных подходов к изучению конфликта, которые разработаны в социологии, для выявления потенциала языковой конфликтности. Рассмотрены современные методики из-

мерения конфликтогенного потенциала посредством проведения опросов респондентов, дальнейшего оценивания существующих угроз стабильности сложившейся языковой ситуации и определения степени удовлетворенности среди членов языкового сообщества. Представлены результаты, подтверждающие эффективность использования адаптированных методик и раскрывающие их прогностический характер. Возможности применения методики оценки напряженности в языковом сообществе показаны на материале полевого исследования угрозы идентичности языковой группы, проведенного в Республике Дагестан. Эффективность методики исследования конфликтогенного потенциала как совокупности реалистичных угроз, символических угроз и межгрупповой тревоги продемонстрирована на материале анкетных опросов респондентов и интервью с экспертами в Республике Татарстан. Оценка напряженности языкового сообщества с применением методики шкалирования, позволившей установить четыре стадии развития языкового конфликта, осуществлена на материале данных, которые получены в результате опроса жителей Республики Калмыкия.

Ключевые слова: языковой конфликт, конфликтогенный потенциал, языковая общность, говорящий, социальная напряженность, языковая политика.

Цитирование. Биткеева А. Н., Кириленко С. В. Измерение конфликтогенного потенциала языковой ситуации: поиск инструментария // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 192–207. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.15>

Введение

Языковой конфликт понимается сегодня как столкновение между сообществами людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком (ССТ, с. 276). Как правило, он возникает по поводу следующих актуальных вопросов: какой язык должен быть официальным языком в институциональном домене общения, обучение каким языкам реализуется в сфере образования, какой язык должен использоваться в административной и судебной системах и т. д.

Типологии языковых конфликтов разрабатывались в трудах отечественных и зарубежных ученых. В зависимости от принципов, положенных в основу классификации, выделяются: 1) языковые конфликты в связи с наличием или отсутствием официального статуса языка; 2) языковые конфликты между титульными и нетитульными языковыми сообществами (возникают в местах совместного проживания языковых сообществ или вследствие иммиграции и образования диаспор); 3) языковые конфликты между говорящими на доминирующем языке и носителями миноритарных языков; 4) языковые конфликты на основе использования языка как орудия борьбы и как символа борьбы; 5) языковые конфликты между различными социально-коммуникативными системами и внутри их отдельных элементов; 6) языковые конфликты в связи с угрозой идентичности языковой группы; 7) языковые конфликты, возникшие под воздействием внутренних или внешних причин; 8) есте-

ственно и искусственно возникшие языковые конфронтации и др. (подробно см.: [Аюпова, 2000; Баскаков, 1994; Крючкова, 1994; Кондрашкина, 2016; Михальченко, 2014; Никольский, 1991; Cargile, Giles, Clément, 1995; Nelde, 1993; 1998; O’Driscoll, 2019]).

Языковой конфликт представляется в виде многофакторной сложной модели, включающей его предпосылки и триггеры. Рассмотрим роль каждого из компонентов в проявлении и динамике языковых конфликтов.

Предпосылки, или исходные причины языкового конфликта возникают либо внутри сообщества, либо навязываются извне влиятельным политическим окружением. Внутри сообщества вследствие происходящих в нем политических, экономических, социальных и многих других изменений в его языковой жизни может возникнуть напряженность, приводящая к языковой конфронтации – противостоянию «групп людей, причиной которого являются языковые проблемы, обычно стремление демографически и/или социально доминирующего этноса ущемить языковые права других этнических групп или нежелание разных этнических групп изучать язык доминирующего этноса» (ССТ, с. 267). Наиболее яркие примеры языковой конфронтации можно наблюдать в общностях с пестрым этническим составом, а также в языковых сообществах с несбалансированным функциональным распределением языков.

Спровоцировать возникновение конфликтных настроений в социуме могут изменения в языковой идеологии. В широком понимании

языковая идеология – это набор представлений о языке, его роли в обществе, характеристиках и внутреннем устройстве (DS, p. 171). Одной из форм языковой идеологии является лингвистический национализм, который «относится к кругу идей и представлений о социальной реальности, в которых допускается или даже утверждается особая связь между нацией (этнической группой) и ее языком» [Штырков, 2011, с. 327]. Такие настроения в социуме потенциально конфликтны, в особенности в условиях политической нестабильности и/или экономических неурядиц.

Языковой конфликт возникает вследствие процессов, воздействующих на языковое сообщество извне. Причинами конфликта может стать сужение функциональной нагрузки языка, противоречия в реализации его инструментальной функции, ограниченность существующих языковых ресурсов, обеспечивающих многообразие форм речи, которое вызвано экстралингвистическими факторами. Это может быть политическое влияние другого языкового сообщества, его экономическое давление, приводящее к доминированию «внешнего языка» в языковой жизни речевого сообщества. В данном случае главным фактором развития и интенсификации языкового конфликта становятся, согласно П. Нельде, препятствия в социальной мобильности для уязвимой языковой группы («a critical factor in the expansion and intensification of such conflict remains the impediment to social mobility» [Nelde, 1998, p. 197]).

Почвой для зарождения языкового конфликта становятся миграционные процессы. Это возможно в том случае, если активизируется языковая дискриминация, что вынуждает диаспоры объединиться для защиты своих языковых прав. Как показано О.В. Балясниковой, нарушение языковых прав часто остро воспринимается говорящими в связи с основанными опасениями перерастания языковой дискриминации в притеснения по этническому признаку [Балясникова, 2015, с. 202]. В процессе миграции происходит также воздействие языков друг на друга и зачастую зарождается лингвистическая диффузия, то есть начинается проникновение новых языковых элементов в используемый идиом. В такой ситуации могут образоваться и существовать в

течение определенного периода времени альтернативное произношение, грамматические формы и слова, сформировавшиеся на основе «пришлых» языков, что может вызывать недовольство у так называемых «консервативных говорящих» (подробно см.: [Кириленко, 2021]).

Среди триггеров (внешних стимулов) возникновения конфликтных ситуаций Р. Ставенхаген, изучая этнополитические конфликты, выделил побудительные стимулы к политической борьбе, готовность членов языковой группы к коллективным действиям, компактность проживания языковой группы, наличие значимых харизматичных лидеров, появление поддержки в политических кругах (см. об этом: [Stavnhagen, 1996, p. 64]).

Триггеры языкового конфликта можно подразделить на внутренние и внешние:

1) внутренние – противоречия в языковом сообществе: стремительные изменения устройства сообщества, затрагивающие языковые интересы. Событиями, непосредственно влияющими на появление конфликта, может стать стремительный отказ части говорящих от использования родного языка даже в семейно-бытовой сфере, сопровождающийся переходом на другой язык, что вызывает негативное отношение со стороны консервативной части языкового сообщества; обычно этому сопутствуют растущий негативизм говорящих по отношению к родному языку и резкое снижение языковой лояльности;

2) внешние угрозы благополучию языка: резкие изменения в языковой политике вследствие давления «извне», эскалация языковой дискриминации со стороны говорящих на доминирующем языке, введение ограничений на использование языка или изучение / обучение языку сторонним языковым сообществом.

Как правило, языковой конфликт реализуется в неявной форме, поэтому важно своевременно идентифицировать существующую напряженность, определить возможные разногласия среди проживающих на одной территории носителей разных языков и определить уровень беспоконья внутри языковых сообществ. Публикации, посвященные разработке методов изучения языковых конфликтов единичны [Михальченко, 2014; Кондрашкина, 2016; Биткеева, Кириленко, 2022], что и обусловило предмет нашего исследования.

Поскольку языковой конфликт – это разновидность социального конфликта, основой для выработки инструментария изучения и прогнозирования языкового конфликта может быть адаптация методик, которые применяются в социологии для исследования любого социального конфликта. Измерение социальной напряженности проводится, как правило, посредством тестов, позволяющих оценить удовлетворенность респондентов степенью реализации их потребностей. Опросные методики обеспечивают получение информации о состоянии общественного мнения, но не дают возможности точно определить степень напряжения, своевременно регулировать уровень напряжения в социуме, предупреждать социальные конфликты, дестабилизирующие общество (см., например: [Баранова, Фролов, 2012, с. 53–56]). Очевидна необходимость расширения исследовательского инструментария методами, позволяющими выявлять факторы, вызывающие напряженность, детерминировать социальные группы с высоким уровнем неудовлетворенности, прогнозировать конфликты, находить способы их предотвращения и решения. Далее рассмотрим некоторые методики, использованные в исследовании языкового конфликтогенного потенциала.

Результаты и обсуждение

Оценка напряженности в языковом сообществе в контексте угрозы идентичности языковой группы

Проблематика идентичности в контексте языкового конфликта достаточно полно исследована в трудах социолингвистов. Языковой конфликт в них понимается как форма конфликта, при которой по крайней мере одна из сторон – участников конфликта (языковое сообщество) считает, что страдают их языковые права, и в значительной степени это связано с угрозой языковой идентичности. Подобного рода конфликт потенциально ощущается как угроза целостности языковой группы и может приводить к зарождению языкового шовинизма (подробно см.: [Биткеева, Кириленко, 2022, с. 201–203]). Языковая идентичность формируется на основе сочетания материальных и нематериальных характеристик языко-

вого сообщества. Под материальными характеристиками идентичности языковой общности понимается прежде всего язык, а также вся совокупность особенностей языковых признаков и речевого поведения, присущая данной общности. Нематериальные характеристики идентичности языковой общности – это языковая картина мира и особенности культуры, отраженные в языке. Языковой конфликт может возникнуть в условиях сочетания двух основных параметров. Первый параметр связан с осознанием языковым сообществом единой языковой идентичности (при этом говорящие одновременно могут высутпать членами нескольких языковых общностей). Формирование языковой идентичности в общности как потенциально конфликтного параметра обусловлено последующим противопоставлением собственной языковой общности другим языковым сообществам. Второй параметр связан с появлением или усилением дискриминации какой-либо общности по языковому признаку.

Исследование конфликтогенного потенциала языкового сообщества на основе выделенных параметров предполагает поиск факторов среди членов языкового коллектива. В фокусе исследования находится проблема вероятности возникновения противоречий. Выявление конфликтогенного потенциала целесообразно начать с изучения современного состояния языковых сообществ. Методика его определения была апробирована на материале анонимного добровольного анкетного опроса 200 респондентов, проведенного в Республике Дагестан в июне 2021 года. Были опрошены преимущественно жители г. Махачкалы, около 90 % из них – это молодые люди в возрасте до 30 лет. Такая выборка была сделана для того, чтобы оценить существующую в настоящее время языковую ситуацию и построить ее прогностические модели. По мнению многих ведущих социолингвистов, прежде всего У. Лабова, именно молодежь, владеющая языком и использующая его в повседневной жизни, играет ключевую роль в сохранении языка. При проведении анкетирования учитывались уровень владения родным языком у опрошенных и сферы его использования. Респондентам были заданы вопросы, ответы на которые отражали бы оценку стату-

са и престижа языков Дагестана в предыдущие годы и перспектив языкового развития.

Первый параметр (осознание языковым сообществом единой языковой идентичности) определялся посредством анализа ответов на следующие вопросы: «Является ли Ваш родной язык более ценным, чем другие языки?», «Считаете ли Вы свой язык выше (авторитетнее), чем другие языки?», «Как Вы относитесь к языковым обычаям, языковым традициям других народов Вашего региона?». Количественное распределение ответов на эти вопросы представлены в таблице 1.

Очевидно, что языковые традиции многонационального региона воспринимаются опрошенными позитивно. Однако ценность собственного языка примерно у трети опрошенных в их собственных глазах выше по сравнению с другими языками. Соответственно, отмечается высокий уровень этноязыковой идентичности среди респондентов.

Второй параметр (возникновение или усиление дискриминации группы говорящих по языковому признаку) выявлялся на материале ответов на следующие вопросы: «Бывало ли, что Вы подвергались дискриминации, притеснениям из-за использования своего родного языка?», «Верно ли утверждение: “Языковые конфликты иногда возникают в нашем регионе”?», «Верно ли утверждение: “Нацио-

нальные языки Республики Дагестан находятся в опасности из-за того, что многие люди говорят на русском языке”?»). Количественное распределение ответов на эти вопросы представлены в таблице 2.

Как видим, в целом респондентами не отмечается дискриминации в отношении использования ими родных языков, хотя единичные случаи возникновения языковых конфликтов фиксируются. Помимо этого, у опрошенных наблюдается высокий уровень обеспокоенности в отношении будущего родных языков в условиях конкуренции с русским языком. Среди актуальных языковых проблем Дагестана в нарративах жителей республики выделяются следующие: состояние и угасание родных языков, нигилизм среди молодежи по отношению к родным языкам (особенно среди горожан), отсутствие закона о языках Республики Дагестан. Информанты отмечают, что многонациональность Дагестана – это и радость, и беда. Уникальная полиэтничная и многоязычная языковая ситуация в Дагестане создает определенные трудности для надления языков Дагестана статусом государственных, институционализации языков, соответственно, расширения их функциональной базы. Этот фактор препятствует принятию закона о языках Республики Дагестан, который мог бы спровоцировать

Таблица 1. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающая осознание сообществом языковой идентичности

Table 1. Quantitative characteristics of respondents' feedback, which reflect the community's awareness of linguistic identity

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Является ли Ваш родной язык более ценным, чем другие языки?	Да, мой родной язык более ценный, чем другие языки	20
	Частично согласен	4
	Частично не согласен	2
	Нет, все языки одинаково ценны	70
	Затрудняюсь ответить	4
Считаете ли Вы свой язык выше (авторитетнее), чем другие языки?	Да, мой родной язык выше (авторитетнее), чем другие языки	10
	Частично согласен	8
	Частично не согласен	6
	Нет, все языки одинаково равны	72
	Затрудняюсь ответить	4
Как Вы относитесь к языковым обычаям, языковым традициям других народов Вашего региона?	Положительно	92
	Положительно, но только к некоторым языкам	4
	Нейтрально	2
	Скорее отрицательно, нежели положительно	0,5
	Отрицательно	0,5
	Затрудняюсь ответить	0

Таблица 2. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающая осознание сообществом появление или усиление языковой дискриминации

Table 2. Quantitative characteristics of respondents' responses which reflect community awareness of the emergence or intensification of language discrimination

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Бывало ли, что Вы подвергались дискриминации, притеснениям из-за использования своего родного языка?	Да, было неоднократно	4,5
	Да, один-два раза	9,5
	Нет	86
Верно ли утверждение: «Языковые конфликты иногда возникают в нашем регионе»?	Полностью согласен	34
	Частично согласен	0
	Частично не согласен	0
	Совершенно не согласен	47
	Затрудняюсь ответить	19
Верно ли утверждение: «Национальные языки Республики Дагестан находятся в опасности из-за того, что многие люди говорят на русском языке»?	Полностью согласен	50
	Частично согласен	26
	Частично не согласен	0
	Совершенно не согласен	19
	Затрудняюсь ответить	5

языковые и межэтнические конфликты. Несмотря на ощутимый языковой сдвиг, символический потенциал языков довольно высок: родные языки выполняют функцию этнического символа. Активны движения по возрождению языков и культур Дагестана, однако такая деятельность в республике связана в основном с поддержкой крупных языков (аварский, даргинский, кумыкский, лакский) (см. об этом: [Биткеева, 2021]).

В целом по совокупным результатам оценки обоих параметров можно сделать вывод о том, что среди членов языкового сообщества какой-либо существенной напряженности в аспекте языковой дискриминации не наблюдается.

**Исследование
конфликтного потенциала
языковой ситуации
посредством адаптации
«интегрированной теории угроз»**

Одним из инструментов измерения языкового конфликтного потенциала может стать адаптированная для этого «интегрированная теория угроз» (или «теория межгрупповых угроз») [Stephan W. G., Stephan C. W., 1985; 2000]. Она активно применяется в исследованиях по психологии и социологии при изучении противоречий в социальных группах (мигранты и коренные жители, расовые и ре-

лигиозные группы и пр.). Теория применима к любой социальной группе, что дает возможность использовать ее в изучении языковых общностей. Конфликтный потенциал определяется посредством измерения уровня напряженности среди членов языковой общности и выявления компонентов, способных угрожать благополучию языка. Осознанная или неосознанная угроза языку влечет за собой появление негативных стереотипов, порождающих языковые конфликты. Согласно данной теории изучаются предполагаемые угрозы, что позволяет разрабатывать сценарии развития языковой ситуации и прогнозировать его.

В качестве иллюстрации адаптации этой теории для изучения языкового конфликта приведем результаты анонимного добровольного анкетного опроса 267 респондентов, проведенного в Республике Татарстан в октябре 2021 г. и 20 устных интервью с экспертами, занимающимися вопросами сохранения татарского языка (результаты не персонифицированы). В анкетном опросе принимали участие жители г. Казани: молодые билингвы в возрасте от 18 до 30 лет. Интервью проводились с экспертами следующих групп: представители законодательной и исполнительной власти; представители интеллигенции (преподаватели вузов, ученые, работники СМИ); языковые активисты. По времени каждое интервью длилось до полутора часов.

Выявление конфликтогенных параметров осуществлялось в рамках трех компонентов оценивания уровня возможной напряженности языкового сообщества: реалистичные угрозы, символические угрозы и межгрупповая тревога.

Реалистичные угрозы – это угрозы, исходящие извне, угрожающие целостности, интересам, ресурсам и благополучному существованию группы [Croucher, 2017, p. 4]. Они формируются на основе противопоставления членов сообщества внешнему окружению. К этому типу угроз относятся также угрозы в отношении политической и экономической власти и материальному благополучию членов сообщества. Как указывают В.Г. Стефан и О. Ибарра, типичная реакция на осознаваемые или неосознаваемые реалистичные угрозы – это избегание, агрессия или даже тенденции к сепаратизму («In the context of immigration policy, realistic threats may lead to a preference for separatism» [Stephan, Ybarra, Morrison, 2016]).

Для языковой общности можно выделить угрозы благополучному существованию языковой группы, ее целостности, сокращения функционирования языка в разных сферах общения. Прежде всего, это опасность, исходящая от иных языковых сообществ, угрожающая целостности группы своим существованием, например, доминирующие языковые общности по отношению к языкам малочисленных народов. Ущемление языковых прав, запреты использования языка, сокращение преподавания языков в школах – все это может создать осязаемую реалистичную угрозу языковому сообществу (подробно см.: [Кириленко, 2022, с. 17–18]). Содержание вопросов анкетирования ориентировано на политические, экономические, социальные угрозы благополучию языкового сообщества; угрозы существованию языковой группы.

Для выявления реалистичных угроз респондентам были заданы следующие вопросы: «Как лично Вы относитесь к людям, разговаривающим на языке, который Вы не понимаете?», «Верно ли следующее утверждение: “Люди, говорящие только на татарском языке, не могут устроиться на хорошую работу в Вашем регионе”?», «По Вашему мнению, каким должен быть выбор языка обучения в

школьном образовании?», «Нужно ли заставлять человека изучать титульный язык республики (национальный язык), если этот язык для него родным не является?», «Верно ли следующее утверждение: “Языковые конфликты иногда возникают в нашем регионе”?»). Количественное распределение ответов на эти вопросы представлены в таблице 3.

Количественные данные показывают, что в рамках реалистичных угроз у опрошенных есть основания для беспокойства о существовании языковой группы говорящих на татарском языке и сокращении функционирования языка в разных сферах общения. Эти данные подтверждаются материалом, полученным из экспертных интервью, проведенных в Республике Татарстан одновременно с анкетным опросом. Обеспокоенность у экспертов вызывает добровольность выбора в школе родных и государственных языков, осуществляемого родителями учеников. Эксперты высказывали мнения, что статус предмета «татарский язык» и статус учителей родных языков снижаются, выбор татарскими детьми русского языка в качестве родного мотивирован возможностью лучше подготовиться к ЕГЭ. Вызывает обеспокоенность у экспертов и то, что учителям приходится персонально уговаривать родителей записать детей на уроки родного для них татарского языка.

Символические угрозы – это угрозы религии, ценностям, системе убеждений, идеологии, философии, морали или мировоззрению группы («Symbolic group threats are threats to a group’s religion, values, belief system, ideology, philosophy, morality, or worldview» [Croucher, 2017, p. 5]), то есть угрозы символической среде, отражающей общую культурную и этническую однородность социума [Schmuck, Matthes, 2017, p. 609]. Этот тип угроз тесно связан с идентичностью членов сообщества и их образом жизни.

По отношению к языковой общности в качестве символических можно рассматривать угрозы языковой жизни группы, угрозы языковым ценностям, нормам, идеологии, отпавлению религиозных обрядов. Они связаны с языковой идеологией, то есть с восприятием языка его носителями, а также с процессами корпусного планирования языка, вы-

Таблица 3. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающих реалистичные угрозы

Table 3. Quantitative characteristics of respondents' responses, which reflect realistic threats

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Как лично Вы относитесь к людям, разговаривающим на языке, который Вы не понимаете?	Положительно	64
	Положительно, но только к некоторым языкам	3
	Нейтрально	27
	Больше отрицательно, нежели положительно	3
	Отрицательно	3
Верно ли следующее утверждение: «Люди, говорящие только на татарском языке, не могут устроиться на хорошую работу в Вашем регионе»?	Полностью согласен	12
	Частично согласен	18
	Частично не согласен	12
	Совершенно не согласен	34,5
	Затрудняюсь ответить	23,5
По Вашему мнению, каким должен быть выбор языка обучения в школьном образовании?	Обязательным	30
	Добровольным	64,8
	Затрудняюсь ответить	5,2
Нужно ли заставлять человека изучать титульный язык республики (национальный язык), если этот язык для него родным не является?	Нет	62
	Да	33,3
	Затрудняюсь ответить	3,1
Верно ли следующее утверждение: «Языковые конфликты иногда возникают в нашем регионе»?	Полностью согласен	45
	Частично согласен	0
	Частично не согласен	20
	Совершенно не согласен	0
	Трудно сказать, согласен или не согласен	35

работки стандартного варианта. Символические угрозы возникают и тогда, когда появляются опасения относительно снижения уровня престижности языкового варианта, уменьшается языковая лояльность молодежи. Вопросы анкеты ориентированы на языковую лояльность, витальность языка, восприятие языка (подробно см.: [Кириленко, 2022, с. 18–19]).

Для выявления символических угроз респондентам были заданы следующие вопросы: «Как Вы считаете, на каком языке сейчас престижно говорить в Республике Татарстан: [На татарском языке]?»», «Как Вы считаете, может ли человек относить себя к определенной национальности, если он не владеет языком этой нации?»», «Насколько важен для Вас язык, на котором Вы говорили в детстве?». Количественное распределение ответов на эти вопросы представлены в таблице 4.

Основываясь на анализе количественных данных, в отношении символических угроз можно сделать вывод о том, что в настоящий момент нет основания для опасений относительно

снижения уровня престижности языкового варианта, языковая лояльность среди опрошенных высока. Сохраняется высокая символическая значимость татарского языка среди молодых людей, владеющих им, развитое национальное самосознание и деятельность языковых активистов способствуют его сохранению и развитию. Однако при этом отмечается спокойное отношение опрошенных к незнанию собственного языка, что впоследствии может привести к снижению уровня владения языком, и тревожные оценки у интервьюированных экспертов.

Межгрупповая тревога состоит из трех компонентов: эмоционального, когнитивного и физиологического. Эмоциональный компонент включает ощущение дискомфорта, тревоги, отвращения и других подобных чувств по отношению к членам иной общности (см. об этом: [Stephan W. G., Stephan C. W., 1985, p. 2–3]). Социолингвистические исследования подтверждают наличие большего дискомфорта для человека при общении с представителями другой общности, чем с предста-

Таблица 4. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающих символические угрозы

Table 4. Quantitative characteristics of respondents' responses, which reflect symbolic threats

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Как Вы считаете, на каком языке сейчас престижно говорить в Республике Татарстан: [На татарском языке]?	Престижно	55
	Скорее престижно непрестижности татарского языка	15
	Затрудняюсь ответить	15
Как Вы считаете, может ли человек относиться себя к определенной национальности, если он не владеет языком этой нации?	Да	45
	Нет	28
	Затрудняюсь ответить	27
Насколько важен для Вас язык, на котором Вы говорили в детстве?	Важен	90
	Очень важен	0
	Отношусь нейтрально	10
	Не очень важен	0
	Затрудняюсь ответить	0

вителем своей общности [Littleford, Wright, Sayoc-Parial, 2005; Liu, Chua, Stahl, 2010]. Негативный эффект, который возникает при коммуникации с представителями иной языковой общности, может впоследствии приводить к появлению мыслей о том, что и межгрупповое взаимодействие обречено на неудачу.

Эмоциональный компонент межгрупповой тревоги измерялся посредством определения уровня напряженности в процессе взаимодействия с иноязычной общностью. Респондентам был задан вопрос: «Как лично Вы относитесь к людям, разговаривающим на языке, который Вы не понимаете?». Количественное распределение ответов на эти вопросы представлены в таблице 5.

Когнитивный компонент связан с межгрупповой тревогой, поскольку при общении с представителями другой языковой общности у говорящих возникают предубеждения о негативных последствиях этой коммуникации, ощущения непонимания и связанного с этим раздражения и чувства некомпетентности. Если

существуют негативные ожидания от коммуникации с представителем иной языковой общности, то, соответственно, уровень межгрупповой тревоги будет высоким. Для анализа этого компонента респондентам был предложен вопрос: «Возникало ли у Вас опасение, что Вас могут обмануть при общении с людьми на языке, который Вы плохо понимаете?». Количественные данные представлены в таблице 6.

Физиологический компонент объединяет всевозможные физиологические реакции, возникающие в ответ на ощущение тревоги при коммуникации. Вопрос анкеты, соответственно, связан с выявлением негативных физиологических реакций во время общения: «Имели ли место физиологические реакции, при общении на языке, который не является для Вас родным (например, учащенное сердцебиение, тремор конечностей, повышенное потоотделение и пр.)?». Этот вопрос не был обязательным, на него дали ответ только 90 опрошенных из 267: из них треть – «Да», а две трети – «Нет» (см. табл. 7).

Таблица 5. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающая наличие эмоционального компонента межгрупповой тревоги

Table 5. Quantitative characteristics of respondents' responses, which reflect the presence of an emotional component of intergroup anxiety

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Как лично Вы относитесь к людям, разговаривающим на языке, который Вы не понимаете?	Положительно	64
	Нейтрально	27
	Отрицательно	3
	Затрудняюсь ответить	6

Таблица 6. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающая наличие когнитивного компонента межгрупповой тревоги

Table 6. Quantitative characteristics of respondents' responses, which reflect the presence of a cognitive component of intergroup anxiety

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Возникало ли у Вас опасение, что Вас могут обмануть при общении с людьми на языке, который Вы плохо понимаете?	Да	30
	Нет	50
	Затрудняюсь ответить	20

Таблица 7. Количественная характеристика ответов респондентов, отражающая наличие физиологического компонента межгрупповой тревоги

Table 7. Quantitative characteristics of respondents' responses, which reflect the presence of a physiological component of intergroup anxiety

Вопрос	Ответы респондентов	Количество ответов, %
Имели ли место физиологические реакции при общении на языке, который не является для Вас родным (например, учащенное сердцебиение, тремор конечностей, повышенное потоотделение и пр.)?	Да	33,5
	Нет	66,5
	Затрудняюсь ответить	0

Межгрупповая тревога вызвана разногласиями, несовпадением мыслей или идей среди представителей различных взаимодействующих групп. Межгрупповой конфликт отличается тем, что он развивается из неявных или реальных несоответствий между членами разных групп. Конфликт межгруппового взаимопонимания обозначается как несоответствие ожиданий членов различных языковых групп, что влечет за собой напряжение, неприязнь и разочарование. Резюмируя проанализированные данные, полученные в результате анкетирования, можно сделать следующие выводы относительно межгрупповой тревоги: ответы на вопросы, связанные с выявлением эмоционального, когнитивного или физиологического напряжения внутри языкового сообщества таких признаков не выявили. В ответах респондентов не было обнаружено признаков тревожности или разочарования при нахождении среди говорящих на другом языке, который они не понимали.

Исследование языкового конфликтного потенциала: методика шкалирования

Для изучения языкового конфликта продуктивна методика шкалирования, активно используемая в социологических исследова-

ниях. Применение данной методики исследования конфликтного потенциала, как показано Г.В. Барановой и В.А. Фроловым, эффективно для установления соответствия между стадиями развития напряженности (качественная характеристика), ее уровнями (количественная характеристика) и формами проявления, влияющими на стабильность общества [Баранова, Фролов, 2012]. Поскольку нас интересует языковой конфликтный потенциал в существующей языковой ситуации, целью анализа стало прогнозирование языкового конфликта для определения возможных путей и средств снижения напряженности до уровня фонового. Результатом прогнозирования должны стать ответы на вопросы: 1) какого уровня социальной напряженности вероятнее всего можно ожидать в будущем; 2) какие условия и каким образом нужно изменить, чтобы достичь фонового уровня социальной напряженности.

Уровни развития напряженности зависят от неудовлетворенности населения, несоответствия между предпочтениями, потребностями жителей города, региона, страны и реальным положением дел. Существуют фоновый, повышенный, высокий, критический уровни. С ростом уровня конфликтного потенциала происходит переход из одной стадии развития в другую, меняются

формы выражения. Как правило, выделяются 4 стадии языкового конфликта – латентная, начальная, стадия явной социальной напряженности конфликта и непосредственно языковой конфликт. Ранее нами уже применялась данная методика в прикладных исследованиях, отметим, высокую результативность метода (см.: [Биткеева, Вингендер, Михальченко, 2019, с. 20]).

Латентная стадия (фоновый уровень) характеризуется относительной сбалансированностью условий и требований. Такое состояние выражается в нейтральной оценке ситуации респондентами. Однако нейтральная оценка не означает отсутствия проблемы, она свидетельствует о проявлении конструктивной социальной активности населения, которая выражается в устных или письменных обращениях в местные органы управления с пожеланиями и требованиями уладить ситуацию.

Начальная стадия (повышенный уровень) характеризуется явным несоответствием между ожиданиями, предпочтениями и потребностями. Эта стадия проявляется в росте обеспокоенности ситуацией, распространение тревоги относительно потенциальных угроз, недоверия властям. Проявляются признаки готовности противостоять нежелательным изменениям. Возможно проведение мирных акций, митингов, при этом адресатом требований являются местные власти.

Стадия явной социальной напряженности (высокий уровень) характеризуется ростом неудовлетворенности, осознанием ситуации, реально угрожающей интересам субъектов. Эта стадия проявляется в обострении проблемных ситуаций во всех сферах общественного развития, формировании образа врага, проведении многочисленных митингов. Адресат требований – региональные власти.

Стадия социального (языкового) конфликта (критический уровень) характеризуется завершением осознания социальным субъектом (группой, языковой общностью) глубокого несоответствия социально-политической ситуации ее ценностям и интересам, появляется готовность устранить это несоответствие путем социального столкновения. Эта стадия проявляется в обострении недовольства, которое приобретает массовый характер, протестующие, как правило, обращают претен-

зии в более высокие властные структуры [Баранова, Фролов, 2012, с. 52].

Для измерения конфликтогенности применяются опросные методики, позволяющие зафиксировать текущие мнения языковой общности по разным параметрам: поддержка введения добровольного изучения языков в школе, удовлетворенность действиями власти в этом вопросе, поддержка или уменьшение количества часов на родной язык в школе и т. д.

Анализ эмпирического материала осуществляется с использованием шкалы значимости факторов для респондента и шкалы неудовлетворенности респондентов положением дел по предложенным параметрам.

По шкале значимости в анкете используется порядковая шкала с вербальным закреплением границ от 1 до 6:

1. Совсем не важно.
2. Практически не важно.
3. Скорее не важно, чем важно.
4. Скорее важно, чем не важно.
5. Важно.
6. Очень важно.

Шкала неудовлетворенности фиксирует социальную напряженность:

1. Полностью удовлетворен.
2. Практически удовлетворен.
3. Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен.
4. Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен.
5. Практически не удовлетворен.
6. Полностью не удовлетворен.

Предлагается широкий круг вопросов анкеты, содержащих варианты ответов, отражающих удовлетворенность респондентов языковой ситуацией в регионе.

Показательной ситуацией является введение в 2018 г. добровольного изучения национальных языков в школе. Для оценки конфликтогенного потенциала социальной напряженности по этому вопросу было проведено анкетирование в Республике Калмыкия в мае 2018 г. и в апреле 2020 г. (см. табл. 8, 9). Выборка составляла 90 человек – представителей интеллигенции, студентов, пенсионеров.

В 2018 г. анализ опросов показал, что у населения возрастает обеспокоенность по поводу сложившейся ситуации, распространяет-

Таблица 8. Удовлетворенность жителей Калмыкии решением о введении добровольного изучения языков в школе

Table 8. Satisfaction of residents of Kalmykia with the decision to introduce voluntary language learning at school

Вопрос	Варианты ответа	Количество ответов, %	
		Май 2018	Апрель 2020
Удовлетворены ли Вы введением добровольного изучения языков в школе?	Полностью удовлетворен	23	33
	Практически удовлетворен	10	18
	Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	9	14
	Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	43	29
	Полностью не удовлетворен	15	6

Таблица 9. Мнение респондентов в Калмыкии о возможности участия в акциях протеста относительно введения добровольности изучения языков

Table 9. Opinion of respondents in Kalmykia on the possibility of participating in protest actions regarding the introduction of voluntary language learning

Вопрос	Варианты ответа	Количество ответов, %	
		Май 2018	Апрель 2020
Возможно ли Ваше участие в акциях протеста относительно введения добровольности изучения языков?	Допускаю	54	31
	Исключаю	37	47
	Затрудняюсь ответить	9	22

ся тревога, проявлялись признаки противостояния нежелательным изменениям (в это время в республике прошли митинги и пикеты с выдвижением требований к региональной власти обратить внимание на проблемы с состоянием калмыцкого языка).

Результаты исследования, представленные в таблицах 8 и 9, показывают, что в 2018 г. наблюдалось некоторое повышение протестной активности, обострение социальной напряженности по вопросу добровольного изучения языка (особенно в социальных группах интеллигенции и студентов). Более половины опрошенных (54 %) считали возможным участие в протестных акциях. В 2020 г. ситуация изменилась, она стала стабильнее, так как количество респондентов, допускающих возможность своего участия в протестах уменьшилось (31 %), а количество респондентов, исключивших для себя возможность участия в протестах увеличилось (47 %).

Таким образом, в 2018 г. фиксировалась явная социальная напряженность, угрожающая интересам языковой общности. В последующие годы в рамках языковой политики и на федеральном, и на региональном уровнях ситуация корректировалась. В 2020 г. наблюдался фоновый уровень напряжения. Однако меры в рамках языковой политики, принятые после

2018 г., снизили конфликтность, но не устранили ее, о чем свидетельствует социальная активность языковой общности, активизация движения за сохранение языка и культуры, деятельность языковых активистов и т. д. Как представляется, наиболее гармоничным, способствующим сбалансированности языковой ситуации и функциональному развитию национальных языков является сценарий полилингвального школьного образования. Он предполагает, что представители меньшинств и мажоритарных народов страны обучаются на родных языках, овладевая параллельно общегосударственным языком, региональными языками и иностранными языками.

Заключение

Спрогнозировать возможность языкового конфликта, а соответственно, социального напряжения, – это значит найти способ измерения влияния разных факторов и причин развития проблемы. Это своего рода опережающее отражение уровня социальной напряженности в будущем. Оперативное использование прогнозной информации способно сократить время на выработку решения, повысить его результативность, не допустить возникновения вероятной проблемы или ослабить ее.

Результаты исследования показывают, что эффективным инструментом изучения и прогнозирования языкового конфликта являются адаптированные для этого методики, разработанные в социологии. Выбор инструмента (методики) измерения конфликтного потенциала зависит от сложившейся ситуации в языковом сообществе. При этом необходима разработка многокомпонентной методики анализа, которая позволит дать более детальное представление о языковой ситуации в том или ином регионе, на основе чего возможно построение модели прогнозирования языкового конфликта.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аюпова Л. Л., 1998. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа. 335 с.
- Балаяникова О. В., 2015. Язык как инструмент конфликта и конфликтные языковые процессы в современном мире: Славянский ареал. (Обзор) // Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 194–213.
- Баранова Г. В., Фролов В. А., 2012. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. № 3 (335). С. 50–65.
- Баскаков А. Н., 1994. Типы языковых конфликтов в регионе Средней Азии и Казахстана // Язык в контексте общественного развития. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 171–180.
- Биткеева А. Н., 2021. Республика Дагестан: современный языковой активизм. Интервью с языковым активистом Д.М. Магомедовым // Социолингвистика. № 3 (7). С. 131–139. DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-131-139
- Биткеева А. Н., Кириленко С. В., 2022. Языковые конфликты // Социолингвистика. № 4 (12). С. 199–208. DOI:10.37892/2713-2951-4-12-199-208
- Биткеева А. Н., Вингендер М., Михальченко В. Ю., 2019. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 3. С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>
- Кириленко С. В., 2021. Типы говорящих // Социолингвистика. № 1 (5). С. 182–191.
- Кириленко С. В., 2022. Причины возникновения языковых конфликтов в полиэтническом пространстве // Вестник Бурятского госуниверситета. Серия «Филология». Вып 3. С. 16–21. DOI: 10.18101/2686-7095-2022-3-16-21
- Кондрашкина Е. А., 2016. Языковые конфликты // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник. С. 849–853.
- Крючкова Т. Б., 1994. Типология языковых конфликтов // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М. : [б. и.]. С. 125–130.
- Михальченко В. Ю., 2014. Языковой конфликт в полиэтническом государстве // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире : Междунар. конф. : докл. и сообщ. М. : Тезаурус. С. 209–214.
- Никольский Л. Б., 1991. Языковые конфликты в многонациональных странах // Функционирование языков в многонациональном обществе. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 131–143.
- Штырков С. А., 2011. Лингвистический национализм и академическая традиция: соперничество и преемство // Радловский сборник. СПб. : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. С. 327–333.
- Cargile A.C., Giles H., Clément R., 1995. Language, Conflict, and Ethnolinguistic Identity. URL : https://www.researchgate.net/publication/216308575_Language_conflict_and_ethnolinguistic_identity_theory
- Croucher S. M., 2017. Integrated Threat Theory. P. 1–15. DOI:10.1093/acrefore/9780190228613.013.490
- Littleford L. N., Wright M. O. D., Sayoc-Parial M., 2005. White Students' Intergroup Anxiety During Same-Race and Interracial Interactions: A Multimethod Approach // Basic and Applied Social Psychology. № 27. P. 85–94.
- Liu L. A., Chua C. H., Stahl G. K., 2010. Quality of Communication Experience: Definition, Measurement, and Implications for Intercultural Negotiations // Journal of Applied Psychology. № 95. P. 469–487.
- Nelde P. H., 1993. Contact or Conflict? Observations on the Dynamics and Vitality of European

- Languages // Language Conflict and Language Planning / ed. by E. H. Jahr. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. P. 165–178.
- Nelde P. H., 1998. Language Conflict // The Handbook of Sociolinguistics / ed. by C. Florian. [S. l.] : Wiley-Blackwell. 387 p.
- O’Driscoll J., 2019. Introduction. Conflict with the Fabric of Language // The Routledge Handbook of Language in Conflict / ed. by M. Evans, L. Jeffries, J. O’Driscoll. [S. l.] : Routledge. P. 331–338.
- Schmuck D., Matthes J., 2017. Effects of Economic and Symbolic Threat Appeals in Right-Wing Populist Advertising on Anti-Immigrant Attitudes: The Impact of Textual and Visual Appeals // Political Communication. Vol. 34, № 4. P. 607–626. DOI: 10.1080/10584609.2017.1316807
- Stavenhagen R., 1996. Ethnic Conflicts and Nation-State. N. Y. : St. Martin’s Press. XII, 324 p.
- Stephan W. G., Stephan C. W., 1985. Intergroup Anxiety // Journal of Social Issues. № 41. P. 157–175.
- Stephan W. G., Stephan C. W., 2000. An Integrated Threat Theory of Prejudice // Reducing Prejudice and Discrimination / ed. by S. Oskamp. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates. P. 23–45.
- Stephan W. G., Ybarra O., Morrison K. R., 2016. Intergroup Threat Theory. URL: <https://oscarbarra.psych.lsa.umich.edu/wp/wp-content/uploads/2016/03/1Stephan-Ybarra-RiosMorrisonInPressHandbookCh.pdf>
- Baranova G.V., Frolov V.A., 2012. Metodologiya i metodika izmereniya sotsialnoy napryazhennosti [Methodology and Methods of Estimating Social Tension]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 3 (335), pp. 50-65.
- Baskakov A.N., 1994. Tipy yazykovykh konfliktov v reione Sredney Azii i Kazakhstana [Types of Language Conflicts in the Region of Central Asia and Kazakhstan]. *Yazyk v kontekste obshchestvennogo razvitiya* [Language in the Context of Social Development]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN, pp. 171-180.
- Bitkееva A.N., 2021. Respublika Dagestan: sovremennyy yazykovoy aktivizm. Intervyu s yazykovym aktivistom D.M. Magomedovym [The Republic of Dagestan: Present-Day Language Activism. Interview with the Language Activist D.M. Magomedov]. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 3 (7), pp. 131-139. DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-131-139
- Bitkееva A.N., Kirilenko S.V., 2022. Yazykovyye konflikty [Language Conflicts]. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 4 (12), pp. 199-208. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-199-208
- Bitkееva A.N. Wingender M., Mikhachenko V.Yu., 2019. Prognozirovaniye i yazykovoye mnogoobrazie v Rossiyskoy Federatsii: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Language Prognosis and Language Diversity in the Russian Federation: Sociolinguistic Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 3, pp. 6-23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>
- Kirilenko S.V., 2021. Tipy govoryashchikh [Types of Speakers]. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 1 (5), pp. 182-191.
- Kirilenko S.V., 2022. Prichiny vozniknoveniya yazykovykh konfliktov v polietnicheskom prostranstve [Causes of Language Conflicts in a Multi-Ethnic Space]. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. Seriya «Filologiya»* [Bulletin of the Buryat State University. Ser. Philology], iss. 3, pp. 16-21. DOI: 10.18101/2686-7095-2022-3-16-21
- Kondrashkina E.A., 2016. Yazykovyye konflikty [Language Conflicts]. *Yazyk i obshchestvo: entsiklopediya* [Language and Society. Encyclopedia]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 849-853.
- Kryuchkova T.B., 1994. Tipologiya yazykovykh konfliktov [Typology of Language Conflicts]. *Yazykovyye problemy Rossiyskoy Federatsii i zakony o yazykakh* [Language Problems of the Russian Federation and Laws on Languages]. Moscow, s.n., pp. 125-130.

СЛОВАРИ

- CCT – Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М. : Ин-т языкознания РАН. 2006. 312 с.
- DS – A Dictionary of Sociolinguistics / J. Swann, [et al.] Edinburgh : University Press, 2012. 384 p.

REFERENCES

- Ayupova L.L., 1998. *Yazykovaya situatsiya v respublike Bashkortostan: sotsiolingvisticheskiy aspekt: dis. ... d-ra filol. nauk* [Language Situation in the Republic of Bashkortostan: A Sociolinguistic Aspect. Dr. philol. sci. diss.]. Ufa. 335 p.
- Balyasnikova O.V., 2015. Yazyk kak instrument konflikta i konfliktogennyye yazykovyye protsessy v sovremennom mire: Slavyanskiy areal. (Obzor) [Language as an Instrument of Conflict and Conflictogenic Language Processes in the Modern World: The Slavic Area. (Review)]. *Aktualnyye problemy Yevropy* [Actual Problems of Europe], no. 1, pp. 194-213.

- Mikhalchenko V.Yu., 2014. Yazykovoy konflikt v polietnicheskom gosudarstve [Language Conflict in a Multi-Ethnic State]. *Yazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunar. konf.: dokl. i soobshch.* [Language Policy and Language Conflicts in the Modern World. International Conference. Reports and Messages]. Moscow, Tezaurus Publ., pp. 209-214.
- Nikolsky L.B., 1991. Yazykovyye konflikty v mnogonatsionalnykh stranakh [Language Conflicts in Multinational Countries]. *Funktsionirovaniye yazykov v mnogonatsionalnom obshchestve* [Functioning of Languages in a Multinational Society]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN, pp. 131-143.
- Shtyrkov S.A., 2011. Lingvisticheskiy natsionalizm i akademicheskaya traditsiya: sopernichestvo i preyemstvo [Linguistic Nationalism and Academic Tradition: Rivalry and Succession]. *Radlovskiy sbornik*. Saint Petersburg, Musey antropologii i ethnographii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, pp. 327-333.
- Cargile A.C., Giles H., Clément R., 1995. *Language, Conflict, and Ethnolinguistic Identity*. URL: https://www.researchgate.net/publication/216308575_Language_conflict_and_ethnolinguistic_identity_theory
- Croucher S.M., 2017. *Integrated Threat Theory*, pp. 1-15. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.490
- Littleford L.N., Wright M.O.D., Sayoc-Parial M., 2005. White Students' Intergroup Anxiety During Same-Race and Interracial Interactions: A Multimethod Approach. *Basic and Applied Social Psychology*, no. 27, pp. 85-94.
- Liu L.A., Chua C.H., Stahl G.K., 2010. Quality of Communication Experience: Definition, Measurement, and Implications for Intercultural Negotiations. *Journal of Applied Psychology*, no. 95, pp. 469-487.
- Nelde P.H., 1993. Contact or Conflict? Observations on the Dynamics and Vitality of European Languages. Jahr E.H., ed. *Language Conflict and Language Planning*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, pp. 165-178.
- Nelde P.H., 1998. Language Conflict. Florian C., ed. *The Handbook of Sociolinguistics*. S.I., Wiley-Blackwell. 387 p.
- O'Driscoll J., 2019. Introduction. Conflict with the Fabric of Language. Evans M., Jeffries L., O'Driscoll J., eds. *The Routledge Handbook of Language in Conflict*. S.I., Routledge, pp. 331-338.
- Schmuck D., Matthes J., 2017. Effects of Economic and Symbolic Threat Appeals in Right-Wing Populist Advertising on Anti-Immigrant Attitudes: The Impact of Textual and Visual Appeals. *Political Communication*, vol. 34, no. 4, pp. 607-626. DOI: 10.1080/10584609.2017.1316807
- Stavenhagen R., 1996. *Ethnic Conflicts and Nation-State*. New York, St. Martin's Press. XII, 324 p.
- Stephan W.G., Stephan C.W., 1985. Intergroup Anxiety. *Journal of Social Issues*, no. 41, pp. 157-175.
- Stephan W.G., Stephan C.W., 2000. An Integrated Threat Theory of Prejudice. Oskamp S., ed. *Reducing Prejudice and Discrimination*. Mahwah, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, pp. 23-45.
- Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R., 2016. *Intergroup Threat Theory*. URL: <https://oscarybarra.psych.lsa.umich.edu/wp/wp-content/uploads/2016/03/1Stephan-Ybarra-RiosMorrisonInPressHandbookCh.pdf>

DICTIONARIES

- Mikhalchenko V.Yu., ed. *Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN, 2006. 312 p.
- Swann J., et al. *A Dictionary of Sociolinguistics*. Edinburgh, University Press, 2012. 384 p.

Information About the Authors

Aysa N. Bitkeeva, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Research Center for National-Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, B. Kislovsky Lane, 1/1, 125009 Moscow, Russia, aisa_bitkeeva@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-3765-2144>

Svetlana V. Kirilenko, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Research Center for National-Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, B. Kislovsky Lane, 1/1 125009 Moscow, Russia, svetlanavk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7902-6032>

Информация об авторах

Айса Николаевна Биткеева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, пер. Б. Кисловский, 1/1, 125009 г. Москва, Россия, aisa_bitkeeva@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-3765-2144>

Светлана Владимировна Кириленко, кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, пер. Б. Кисловский, 1/1, 125009 г. Москва, Россия, svetlanavk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7902-6032>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

- комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

- поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

- расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

- повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

- поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the Journal is aimed at achieving the objectives set:

- comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

- supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

- expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

- enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

- supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The Editorial Board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

